

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман

Эта книга посвящается моим детям
Иве Джейн Редикер и Изекилю Кальману Редикер
в надежде, что прошлое окажется для них полезным
при строительстве лучшего будущего
ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ.

Я выражаю благодарность многим людям и организациям за их помощь. Национальный Совет по евразийским и восточноевропейским исследованиям, Американский Совет научных обществ, научно-исследовательский Совет общественных наук, Национальный фонд гуманитарных наук, Общество по присуждению грантов предоставили мне возможность провести исследовательскую работу и написать эту книгу. Исторический факультет Университета Карнеги Меллон предложил дополнительную помощь и любезно оплатил командировочные расходы, связанные с исследовательской работой в России. В результате обмена между Университетом Карнеги Меллон и Российским Государственным Гуманитарным Университетом (РГГУ) мне была оказана неоценимая помощь в моей работе в библиотеках и архивах в Москве. Я признательна Ирине Карапетянц, Юрию Афанасьеву, Джону Лехоцки и Джо Троттер за их длительную финансовую и административную поддержку. Я также благодарна моим русским коллегам из РГГУ, особенно Алексею Киличенкову и Игорю Курукину, которые помогли мне во множестве больших и малых дел. Компетентную и действенную поддержку в исследованиях мне оказала также Елена Никулина.

Помощь персонала Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ) была безотказной и полезной. Их профессионализм и верность своему делу, несмотря на многочисленные препятствия и трудности, вызывают большое уважение к ним. В особенности я благодарна Нине Абдулаевой – заведующей читальным залом и архивисту Борису Садовникову, который ознакомил меня с библиотечными фондами Всесоюзного Центрального Совета Профсоюзов (ВЦСПС) и различных профсоюзов. Без его участия было бы невозможно найти многие материалы, которые были использованы мной в этой книге. Также я выражаю благодарность Лидии Наумовой, заведующей читальным залом Центрального архива общественных движений Москвы (ЦАОДМ), именуемого теперь Центральным архивом общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ), за помощь в последовательности предоставления документальных источников и в преодолении препятствий. Бэрри Склес, руководитель межбиблиотечного абонемента библиотеки Ханта в университете Карнеги Меллон, проявил находчивость в систематизации наиболее сложных материалов. Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД) разрешил перепечатать отобранные из его фонда исторические фотографии.

Впервые отдельные части этой книги были использованы в статье «Сталинский террор и демократия: профсоюзное движение в 1937 году», опубликованной в декабре 2005 г. в издании «Американский обзор истории» (American Historical Review).

Вильям Чейз, Донна Харш, Кармин Сторелла и Линн Виола дали добрые советы и комментарии к рукописи. Наум Кац, мой замечательный коллега, в течение долгих лет помогал мне в исследованиях. Благодаря моим московским коллегам Андрею Соколову и Сергею Журавлеву, я узнала много нового во время длительных дискуссий. Участники семинара «История рабочего класса» в Питтсбурге, мои коллеги из университета в Торонто, из Американской ассоциации по развитию славянских исследований, а также участники конференции «История рабочего класса России», проводившейся при содействии Международного института социальной истории, дали одобрительные комментарии к разным частям моей рукописи. В течение нескольких летних периодов я работала в ЦАОДМ вместе с Симоном Пирани, моим другом, товарищем и коллегой, которому я благодарна за наши оживленные дискуссии по вопросам прошлой и современной русской политики. Дж. Арч Гетти проявил неисчерпаемое великодушие в предоставлении документов и информации, любезно отвечая на любой запрос. Я с нежностью вспоминаю один из солнечных летних дней в его гостиничном номере в Москве, когда мы тщательно, по месяцам воссоставляли и исследовали ключевые аресты и политические события конца 1930-х гг. Дональд Филтцер внимательно прочитал всю рукопись. Он щедро поделился со мной своими обширными познаниями о русских рабочих и предприятиях. Его комментарии оказались бесценными во время проверки рукописи. Его собственные тщательные исследования и страстная увлеченность вопросами

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
большой политики эпохи советского социализма служат образцом того, какими могут и должны быть знания человека.

Кроме того, я хотела бы поблагодарить моего мужа, Маркуса Редикера, который сопровождал меня и прошел вместе со мной долгий путь познания в области, весьма отдаленной от его собственной сферы деятельности. Наши многолетние дискуссии о политике углубили мое понимание сущности советского эксперимента. Мой супруг до сих пор задает мне очень трудные, умные и весьма полезные для меня вопросы.

ПРЕДИСЛОВИЕ. О СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ТЕРРОРА

Несомненно, «большой террор» является одним из наиболее важных явлений не только в истории СССР, но и истории двадцатого века. Русская революция 1917 года, основанная на простом принципе, что рабочие должны контролировать создаваемые ими материальные ценности, послужила толчком для движения во всем мире. Однако творимые в эпоху «красного» террора беззакония, насилия, убийства, полностью дискредитировали эту идею и оказали разрушительное действие на первый в мире эксперимент по строительству социализма. Появились критические, трудные вопросы: «Когда начался террор? Каковы причины террора? Кто несет ответственность за террор? Кому террор принес пользу, а кто пострадал от него?» В 1930-е годы молодая коммунистка, узница лагеря, с болью отразила крайнюю необходимость получить ответы на эти вопросы в своем стихотворении:

Нам надо дать ответ: кому была нужна чудовищная гибель поколения, которое страна, сурова и нежна, Растила двадцать лет в работе и сраженьях. [1]

В целом историки согласны с тем, что террор начался с убийства первого секретаря Ленинградского областного комитета ВКП(б) С. М. Кирова в декабре 1934 года и закончился освобождением от обязанностей Народного комиссара внутренних дел (НКВД) Н. И. Ежова в ноябре 1938 года. Наиболее активный этап репрессий, известный в России под термином «ежовщина» приходится на период с ноября 1936 года по ноябрь 1938 года, когда Н. И. Ежов являлся наркомом НКВД. За эти два года миллионы людей были арестованы, подвергнуты допросам, расстреляны, высланы в трудовые лагеря. В 1937-1938 годы НКВД арестовал более 1 млн. 575 тыс. человек. Большинство из них (87%) было арестовано по политическим мотивам. Из общего количества арестованных 1 млн. 345 тыс. человек были осуждены, 681 тыс. 692 – приговорены к смертной казни за контрреволюционную деятельность. 1 млн. 473 тыс. 424 человека умерли от болезней, холода, голода, несчастных случаев и по другим причинам в лагерях, ссылках и тюрьмах. {1} С 1934 по 1940 гг. 3 млн. 750 тыс. человек, осужденных за уголовные и политические преступления, прошли сквозь грандиозную систему трудовых лагерей. В 1937-1938 годах было произведено такое количество арестов, что лагеря начали испытывать кризис: не хватало продовольствия, одежды и мест для размещения всех вновь поступивших заключенных. {2} Хотя политические аресты и партийные чистки проводились и до, и после «ежовщины», своего апогея террор достиг в 1937 и 1938 годах, оставив в памяти людей неизгладимый след о советском эксперименте. [2]

Если историки в большинстве своем согласны с определением временных рамок «большого террора», все остальные вопросы вызывают у них существенные разногласия. Каковы были намерения государства, цели репрессий, влияние внешнего и внутреннего давления, степень централизации контроля, численность жертв и реакция советских граждан на происходящее? В течение долгого времени было широко распространено мнение, что советский режим с самого начала был террористическим. Руководители государства, побуждаемые желанием обрести полную политическую власть, отправляли на смерть в лагеря и тюрьмы нескончаемый поток людей. Со временем он увеличивался либо уменьшался, но никогда не прекращался. Согласно этой оценке, причины террора – в приверженности большевиков глубоко антидемократичной идеологии. С момента прихода к власти они стремились разрушить гражданское общество. Террор позволил консолидировать власть и подвергнуть преследованиям все слои покорного населения. Сторонники этой трактовки в первую очередь обращались к политической истории. Большинство из них, но не все, считали Советский Союз «тоталитарным» государством, в котором небольшая группа партийных руководителей контролировала все сферы социальной, экономической и политической жизни. И поэтому при планировании политического курса государства они уделяли большое внимание действиям некоторых руководителей и меньше всего – деятельности рабочих, крестьян, женщин или представителей

В 1980-е годы новый интерес к социальной истории привел к «ревизионистскому» оспариванию этого взгляда. Историки начали более пристально рассматривать разногласия и напряженность, существовавшие внутри советского государства. Они отмечали резкие колебания в политике, во взаимоотношениях между центральными и местными органами управления, конфликты между правосудием, которое вершилось в угоду политической кампании, и нормой права, а также роль внешней и внутренней угрозы. Они проанализировали диалектическое противоречие между государственной политикой и реакцией общества, при котором социальное напряжение влияло на действия властей, приводя в свою очередь к непредсказуемым последствиям, которые провоцировали на принятие еще более драконовских решений. Исследователи установили зависимость между специфическими целями и отдельными эпизодами репрессий.{4} Некоторые историки изучали организации и группы людей, раскрывая соответствие инициатив государства общественным или групповым интересам. При исследовании «народных инструментов» террора, они обнаружили, что рабочие и крестьяне использовали свои процедуры и риторику против руководителей и должностных лиц для обвинений их в злоупотреблениях. Фокусирование внимания на реакции различных социальных групп позволило поставить новые и интригующие вопросы о взаимосвязи интересов «низов» и приказов «верхов» в ходе осуществления репрессий – в начальный период и их последующего распространения на все более широкие слои населения страны. Однако историки, за некоторым исключением, не стали развивать это направление исследований.{5} Они сосредоточились на изучении субъективных, личностных факторов, выявляя внутренние психологические мотивы, а также внешнюю реакцию общества на репрессии, чтобы понять, как люди реагировали на террор.{6}

В 1990-е годы стали доступными новые архивные материалы, в которых содержалась важная информация о роли Сталина и о целях репрессий. Документы неопровержимо доказывали непосредственное личное участие Сталина в репрессиях. Они были испещрены подписями Сталина и замечаниями, сделанными им на полях; это вскрыло тот факт, что его рука касалась буквально всего. Из архивов была также получена новая информация о числе жертв. Прежний подсчет количества арестов и смертных казней в 1937–1938 годах оказался сильно преувеличенным. Первоначально историки полагали, что число арестованных насчитывало от 7 до 20 млн. человек. Новые данные, основанные на архивных материалах, показывают, что было арестовано около 2,5 млн. человек за политические и неполитические преступления. Так же историки считали, что приблизительно 7 млн. человек было казнено, но действительное число казненных оказалось 681 тыс. 692 человека, что составляет одну десятую от общего количества.[3] Хотя жертв оказалось меньше, чем считалось ранее, число репрессированных из различных слоев населения оказалось намного больше. На основании новых данных было установлено, что жертвами репрессий были не только руководители экономики, партии и военачальники, бывшие оппозиционеры и иностранные коммунисты, ранее описанные историками, но и другие категории населения. Приказом № 00447 о массовых операциях в июле 1937 года определялось, какое количество преступников, представителей деревенского духовенства, церковных активистов, бывших кулаков, лишенцев (лиц дворянского происхождения, промышленников и лиц, лишенных права голоса), а также прочих «враждебных элементов» подлежит тюремному заключению или должно быть приговорено к смертной казни. Затем был издан приказ № 00486 о порядке ареста жен осужденных за контрреволюционные преступления, а далее последовала серия «национальных операций» нацеленных на немцев, поляков, румын, финнов, латышей и представителей других этнических групп.{7} В результате массовых операций было арестовано 766 000 человек, из которых 385 000 были приговорены к смертной казни. На основании новых данных было написано множество работ, которые один из историков назвал «исследованиями жертв».{8}

Новые архивные данные оказали двойное воздействие на характер дискуссий по проблеме террора. Усилились старые разногласия среди сторонников «тоталитарной» концепции о личной роли Сталина в репрессиях. Выявление его истинной роли в предоставлении полномочий на проведение массовых операций позволило некоторым историкам концептуализировать политику террора более узко: как «серию карательных акций, проводимых под централизованным руководством». По словам О. В. Хлевнюка «Массовые репрессии начинались и заканчивались по команде сверху всякий раз, когда Сталин считал акцию подходящей». Даже «эксцессы» на местах «определялись центральными директивами».{9} Однако открытие документов о массовых операциях вызвало

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
интерес и к изучению социальной напряженности, которая подтолкнула вождей партии санкционировать широкомасштабные аресты. Некоторые историки утверждали, что Сталин инициировал массовые операции с целью ликвидации недовольных представителей социальных групп, которые могли бы служить «пятой колонной» в случае начала войны. Бэрри Маклохлин отметил, что толчком для Приказа № 00447 были, до известной степени, указания «сверху», и что этот приказ «определенно выходил за рамки политического альянса “Сталин-Ежов”», Региональные партийные вожди, обеспокоенные тем, как недовольные социальные группы будут голосовать в предстоящих демократических выборах в Верховный Совет, поддерживали массовые операции и увеличивали и расширяли их размах. {10} Историки, исследовавшие инициативы НКВД на местном уровне, ставили под сомнение идею об общем централизованном контроле. {11}

В новых исследованиях уже не было таких острых разногласий между сторонниками тезиса о тоталитаризме и «ревизионистами». Ведущие «ревизионисты» были фактически первыми, кто выявили громадную личную роль Сталина в репрессиях, что является ключевым пунктом «тоталитарной» концепции. [4] В то же время новые документы доказывали, что главной движущей силой террора являлось маниакальное стремление Сталина к полноте власти. Извилистый путь к террору был отмечен шатаниями, взлетами и падениями, отречением от своих взглядов. Сталин и партийные лидеры даже колебались в том, как интерпретировать убийство С. М. Кирова – событие, ретроспективно послужившее основным катализатором террора. {12} «Ревизионисты» воспринимали социальную историю именно таким образом и внесли важный вклад в новую политическую историю. А некоторые политические историки, недовольные недостаточным вниманием ученых к личности Сталина и некоторых лидеров Центрального Комитета партии, подняли важные вопросы о связи террора и «призывах к беспорядкам в связи с индустриализацией и коллективизацией» {13}. В конечном счете новые сведения о политике этого периода скорее обогатили, чем свели на нет прежние попытки исследования элементов террора «снизу», внося ясность в вопрос зависимости между приказами из центра и реакцией общества. {14} Однако в большей части ставших доступными архивных документов все же указываются руководители Центрального Комитета партии. Хотя уже опубликовано несколько новаторских статей и книг, историкам только предстоит исследовать проблему влияния социального давления на политику, проводимую ЦК партии, или реакцию различных социальных групп на репрессии – два критических элемента социальной истории террора.

Эта книга переносит внимание с интриг среди высшего партийного руководства в механизмы, при помощи которых в репрессии было вовлечено советское общество. В ней анализируется, как террор распространялся с верхних до нижних слоев профсоюзных организаций – сообществ людей, объединявших 22 млн. членов, вышел за пределы ВЦСПС и достиг заводских и цеховых комитетов. В книге аргументированно показано, что репрессии были массовым явлением не только по количеству жертв, но также и порожденных ими преступников. Смертоносное лишение людей гражданских прав, называемое нами в данной работе «террором», партийные руководители представляли как патристические «антитеррористические» меры. Они подчеркивали, что бдительность и доносы должны быть обязанностью всех благонадежных граждан. Кроме того, называя эти «антитеррористические меры» «дебюрократизацией», «социалистическим обновлением» и «массовым контролем снизу», они призывали к масштабным ответным действиям. Признавая важность подаваемых государством сигналов и ответных действий, автор доказывает, что репрессии распространялись институционально. Люди участвовали в них и в качестве преступников, и в качестве жертв, а иногда в качестве тех и других одновременно – на заводах, в профсоюзах, школах, военных организациях и других учреждениях. Внутренние сложности и соперничество, присущие этим организациям, «подливали масла в огонь».

Решающим фактором распространения террора на заводах и в профсоюзах стала социальная напряженность, возникшая в ходе индустриализации. Простые рабочие, начальники цехов, местные партийные руководители и профсоюзные лидеры перенимали лозунги репрессий и часто использовали их друг против друга, компенсируя этим свое недовольство, снимая с себя вину за трудноразрешимые проблемы на производстве, выдвигая на передний план решение своих личных задач. Партийное и профсоюзное руководство активно поддерживало рабочих и членов профсоюзов в их нападках – с целью устранить продажных, разложившихся чиновников. Призывы к репрессиям тесно переплетались с призывами к демократии. Внешне эти два явления резко

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org противоречили друг другу что могло быть общего между доносами, шпиономанией, страхами, массовыми арестами, показательными судебными процессами, казнями и тайным голосованием, новыми выборами, ответственностью официальных лиц и восстановлением демократии снизу? Книга «Террор и демократия в эпоху Сталина» исследует этот парадокс и возникающие в связи с этим волнующие вопросы об участии масс и поддержке ими репрессий.

Террор был не просто прицельным ударом «сверху», направленным на уничтожение оппозиционеров и явных врагов. Он сеял массовую панику, которая основательно изменила характер взаимоотношений во всех учреждениях и на всех рабочих местах; он обусловил возникновение новых концепций и новых формулировок: «разоблачение врагов», «подавление критики снизу», «мародерство», «семейственность», «подхалимство» и «лизоблюдство», что дало рабочим и служащим новые средства для реализации собственных интересов. ВЦСПС, профсоюзные организации и заводские парткомы участвовали в процессе взаимного «самоуничтожения», с энтузиазмом обвиняя и осуждая друг друга во время разоблачений и увольнений, превратившихся в своеобразный ритуал. Инициаторы чисток часто становились жертвами тех процессов, которые они сами спровоцировали. Члены профсоюзов и местных партийных организаций часто содействовали собственной гибели.

Эта внутренняя движущая сила со своими сложными организационными и психологическими механизмами саморазрушения резко отличалась от мобильных групп ликвидаторов и от нацистских лагерей смерти и геноцида.

Если риторика нацизма была нацелена на внешнего «врага», то риторика советского террора была направлена на разоблачение внутреннего врага. В этом смысле аналогии между Гитлером и Сталиным не достаточно, чтобы пролить свет на движущие силы террора. {15}

Нацистская политика геноцида, пожалуй, была наиболее близка к массовым операциям, которые также были нацелены на аресты, депортацию или казнь некоторых социальных и национальных групп. Однако советский террор был явлением гораздо более широким, чем массовые операции. Ставшее традиционным обличение верных товарищей по работе, внутренние проверки, обвинения и порицания видоизменили каждое рабочее место и каждое учреждение. Рабочий, член партии, инженер или служащий легко мог стать как жертвой, так и преступником. Никто не мог понять, почему некоторые люди становились жертвами репрессий. Ошеломленные непониманием происходящего, члены партии на партийных собраниях изо всех сил старались объяснить причины арестов их родственников и жен. В отличие от геноцида евреев в Германии, границы, отделяющие жертву от преступника в Советском Союзе, были размытыми. Вчерашний обвинитель на следующий день часто становился жертвой. {16}

В книге «Террор и демократия в эпоху Сталина» прослеживается эволюция террора на заводах и в профсоюзах. Начиная с широкого обзора периода советской индустриализации, показаны изначальная апатия рабочих и членов партии к охоте на «врагов», согласованные усилия лидеров коммунистической партии по нагнетанию истерии по поводу «вредительств» в промышленности и быстрое нисхождение к сумасшествию на заводах и профсоюзах. Анализируя реакцию рабочих, членов местных партийных ячеек, представителей профсоюзов, директоров и начальников цехов на происходящее, автор книги стремится дать понимание того, как в целом порядочные и нормальные люди проходили этапы от ясного и понятного восприятия жизни до саморазрушения.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Инженеры надели лисьи шубы, получают мясо, сахар и т. д. Рабочие голодают. Вот мы три месяца голодаем. Профсоюзы и хозорганы – бюрократы. Мы должны потребовать, чтобы были все равные. И если голодать, то всем, а не одним рабочим.

Из выступления рабочего на собрании Коломенского машиностроительного завода (Московская область) {17}

В 1937 году, в разгар террора, союз горняков с опозданием провел общенациональную конференцию. Профсоюзные руководители восхваляли «новый демократический порядок»; они разоблачали врагов в своих рядах и разгоняли старых руководителей, связанных взаимной поддержкой. Страна находилась в состоянии «политического поворота». Движимый новой риторикой, горняк Шадабудинов смущенно поднялся на трибуну: «Товарищи, – взволнованно начал он, – я, может быть, не так хорошо расскажу, как рассказывали товарищи, но

я просил бы мне не мешать». Шадабудинов объяснил, что он хотел сказать несколько слов о своем руднике, который «сегодня дает стране много меди». Он «попал на этот пленум случайно», до этого никогда не встречался с руководством своего профсоюза. Профсоюзные работники редко посещали поселки рабочих, и даже если приезжали туда, никогда не спускались в шахты. Местные профсоюзы пытались помочь рабочим, но не всегда все обстояло благополучно, особенно когда «в это дело замешаются вредители». «В 1936 году у нас было много случаев вредительства». Шестнадцать шахтеров умерло, и еще четыре за прошедшие четыре месяца. Много больше было ранено, ослеплено и травмировано при несчастных случаях. «Откровенно говоря, это ужасно», – тихо сказал Шадабудинов. Хуже того, должностные лица, казалось, были к этому равнодушны. Под видом политического образования, парторг только и делал, что громко читал газеты. «Он рассказывает нам сказки, – сказал с отвращением Шадабудинов, – и за это он получает 400 рублей ежемесячно». Начальник шахты ни на что не реагировал, а секретарь парткома делает все, что хочет директор. Директор недавно выдал ему 4000 рублей и отличную шубу, в которой он щеголял около промерзших шахт. Неоднократно Шадабудинов писал в различные инстанции о сложившейся ситуации, но ни от кого не получил ответа. В конце концов, он собрал копии всех своих писем, вложил их в конверт, склеенный из старой газеты, и отправил почтой Н.И. Ежову – наркому внутренних дел. «Ответа я не получил, но все-таки я чувствую, что кое-что предпринимается», – отметил с удовлетворением Шадабудинов. «Пять дней назад в партконтроль потребовали нашего директора и секретаря парткома». {18} После выступления Шадабудинова началось расследование деятельности директора и секретаря партийного комитета. Обвиненные во «вредительстве», они, по всей вероятности, пострадали так же, как и другие многочисленные жертвы террора. Все же, по мнению Шадабудинова, кто, если не эти «вредители» в меховых шубах, должен ответить за смерть и увечье шахтеров?

Конфликт между горняками и должностными лицами, описанный Шадабудиновым, был одним из многих. Промышленность 1930-х годов была словно опутана сетью высоковольтных проводов и гудела от высокого напряжения. Беспреданное давление Москвы, требования добиться нереальных производственных показателей, преданность делу и соперничество в работе, текучесть рабочей силы, высокий уровень несчастных случаев на производстве, низкая заработная плата и тяжелые условия жизни – все это накаляло атмосферу Рядовой состав партии все больше отдалялся от процесса выработки ее политики, профсоюзы были не способны представлять интересы рабочих. Сами рабочие не видели официально признанного выхода для выражения своего коллективного недовольства. Социальная напряженность в стране сама по себе не могла стать причиной террора 1930-х годов [5]. К тому же партийные лидеры, объединенные в порыве вовлечь рабочих и профсоюзных чиновников в процесс уничтожения «вредителей», сами провоцировали охоту на врагов. Различным группам населения политика террора предоставила новый способ выражения их противоречивых интересов, обид; охота на врагов трансформировала культуру на рабочих местах. Когда репрессии набрали силу, основной удар обрушился на бывших оппозиционеров. Миллионы людей были втянуты в процесс в качестве жертв и преступников, а иногда одновременно в качестве тех и других. На заводах, фабриках, рудниках, на многочисленных новых строительных площадках, в общежитиях, в многолюдных коммунальных квартирах политика террора приобрела четкие очертания и проводилась при помощи насилия – как и советская политика индустриализации. В этой главе сформулированы предпосылки разрушительного пожара в 1937 году. Огонь, зажженный партийными лидерами и старательно ими раздуваемый, оказался эффективным средством для подогрева дальнейших настроений недовольства, напряжения и негодования на промышленных предприятиях.

Политика накопления

В 1928 году партийные лидеры объявили о начале первой пятилетки, задачей которой было достижение высоких целей в промышленном производстве и строительстве. Тысячи рабочих приехали в Сибирь, на Урал, в Донбасс для строительства огромных комбинатов по выпуску железа, стали и химических продуктов. Они рыли новые шахты, сооружали плотины ГЭС и расширяли площади старых заводов. Новые методы производства свели на нет традиционные навыки работы, подрывая власть старых «мастеров» в мастерских и литейных цехах. Миллионы новых рабочих, включая беспрецедентное количество женщин, впервые вступили в ряды наемной рабочей силы. С 1929 по 1933 годы количество наемных работников увеличилось с 11 млн. 873 тыс. до 22 млн. 649 тыс., 200 человек. {19} Новые мигранты заполняли города и рабочие поселки. Они жили в землянках, в наспех построенных бараках, в снимаемых углах, спали в

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org
прихожих и даже в горячих цехах и заводских столовых. На заводах, в шахтах и новостройках к старым рабочим, имевшим огромный опыт политической борьбы, присоединились крестьяне, бежавшие из коллективизированных деревень, женщины, подавшиеся на работу в надежде заработать, и молодежь, страстно жаждущая работы. Все эти группы людей, по-разному затронутые будоражащей историей страны, были брошены в хаос индустриализации.

Параллельно с проведением индустриализации, партия начала жестокую борьбу с крестьянами с целью коллективизации сельского хозяйства. Безудержно росли цены на продукты при стремительном сокращении запасов овощей, мяса, масла, молока, яиц и зерна. В феврале 1929 года правительство объявило о нормировании выдачи хлеба в попытке обеспечить продовольствием рабочих и их семьи, остановить спекуляцию и компенсировать падение реальной заработной платы. Хотя нормированное распределение продуктов обеспечило рабочим базовый минимум, оно не решило проблему дефицита. Рабочие были вынуждены покупать большую часть продуктов на рынках, где высокие цены вдвое сокращали покупательную способность зарплаты. {20} Пытаясь сдержать рост цен, правительство стало контролировать распределение продовольствия, создавая закрытые рабочие кооперативы, привязанные к месту работы. Но все же новая система распределения была неэффективной, города и рабочие поселки часто оставались без продуктов. Даже хлеб – основной продукт питания рабочих, зачастую был недоступен. Рабочие болезненно переживали нехватку всех видов потребительских товаров, включая одежду, иглы, швейные нитки, одеяла, тарелки, ножевые изделия, обувь. Дефицит угля, топлива, лесоматериалов, гвоздей, стекла, запчастей и инструментов был бедствием на каждом рабочем месте.

Приступив к реализации пятилетнего плана, партия попала в порочный круг. Для увеличения реальной заработной платы и достижения большего процветания, нужно было снизить цены на жилье. Однако снижение цен зависело от повышения производительности труда. Повышение заработной платы могло привести только к тому, что все большее количество людей стало бы гоняться за недостающим количеством товаров – классический неписанный закон роста цен: если товара нет в государственных магазинах, его можно купить у спекулянтов. Партийные лидеры утверждали, что за короткий период производительность труда рабочих должна возрасти быстрее, чем оплата их труда. Со временем себестоимость производимых товаров уменьшится, а снижение цен на них обеспечит повышение реальной заработной платы и рост всеобщего благосостояния. Прежде всего этот план требовал от рабочих жертвенности и высокой отдачи. [6] Руководители партии оказывали чудовищное давление на хозяйственников, чтобы они осуществили цели, поставленные перед ними Москвой, в каждой отрасли промышленности и на каждом рабочем месте. Экономисты и планировщики бесконечно ломали головы над вопросами государственного ценообразования, размера заработной платы, нормы производства и капиталовложений. Они пытались привести в соответствие потребности голодных рабочих с задачами индустриализации.

Баланс между накоплением и потреблением в сочетании с высоким уровнем капиталовложений, низкими ценами и приличной зарплатой – все это было труднодостижимым. Упорная, решительная борьба разворачивалась по трем направлениям: она велась между рабочими, партией и профсоюзными руководителями вокруг фонда заработной платы. Рабочие пытались воспользоваться любой ситуацией, чтобы добиться увеличения заработков. Партийные и профсоюзные работники старались не допускать повышения цен, одновременно увеличивая производственные нормы. При этом в трудном положении оказались хозяйственники. На смену безработице 1920-х пришла нехватка рабочей силы в 1930 году. Предприятия были готовы на все, чтобы заполучить рабочих. {21}, [7] Руководители предприятий, озабоченные проблемой выполнения производственных планов, старались удержать работников: сохраняли более высокие зарплаты, снижали – за счет государства – нормы выработки. Производственники выкачивали значительные средства из государственного фонда заработной платы, оставляя соблюдение директив Москвы профсоюзным и партийным работникам. Представители всех трех групп проявили удивительную изобретательность в отстаивании своих интересов. Как только рабочие добивались повышения номинальной заработной платы, так профсоюзные и партийные работники поднимали производственные нормы. [8] В 1931 году темп роста заработной платы обогнал производительность труда. Партия и профсоюзы разработали новую шкалу заработной платы, что явилось «большим шагом» к внедрению технического нормирования для тысяч видов труда и сдельщины, к отказу оплаты за простои (простои станков) и повышению розничных цен. В декабре 1931 года, Политбюро ЦК КПСС приняло секретное

решение о повышении цен. К весне 1932-го розничные цены в государственных магазинах выросли на 30%. В. В. Куйбышев – председатель Государственной плановой комиссии при Совете Народных Комиссаров СССР признался, что государство было вынуждено пойти на эту «чрезвычайно нежелательную меру» для обеспечения финансирования капитального строительства.{22} Рабочие по-разному относились к этой политике. Некоторые с готовностью приняли основную линию партии: «Выполняйте план и цены снизятся». Один из них сказал: «Нет необходимости замедлять темп строительства. То, что капиталисты строили в течение десятилетий, мы построили за четыре года. Лучше пережить трудности, чем зависеть от капиталистического импорта». Однако другие сомневались в правильности курса партии. Если социалистическое государство устанавливало цены от имени рабочих, почему партия проводит политику, враждебную интересам рабочего класса? Например, рабочие одного из московских заводов с готовностью согласились с ростом цен, но при этом добавили: «Политику повышения цен одобряем, но попутно требуем повышения заработной платы». Один рабочий четко сформулировал общее замешательство, когда спросил: «В капиталистическом обществе цены регулирует рынок, а как же у нас плановое хозяйство, и цены набавляет, почему это?» Другие, меньше доверявшие государственной политике, цинично объясняли, что цены растут потому, что государство разорило сельское хозяйство, и в результате нет продуктов.{23} Многие рабочие чувствовали себя обманутыми обещаниями партии и выражали свое недовольство языком партийной риторики. Механик завода минеральных вод заявил: «Они не выполняют инструкции товарища Сталина по улучшению условий рабочих. Уровень заработной платы пересмотрен в сторону ухудшения, а цены выросли». Член партии рабочий ситценабивной фабрики сердито отметил: «Это противоречит тому, что приказал делать товарищ Сталин». Однако пожилая работница завода им. М. В. Фрунзе не делала различий между Сталиным и партией. Она говорила своим товарищам по цеху: «Мы должны повесить этих негодяев». Когда ее спросили, кого она имеет в виду, она ответила: «Коммунистов».{24}

Рабочие нашли свой собственный способ противостоять росту нормы выработки и снижению заработной платы. Они увольнялись с работы в поисках лучших условий. В 1930 году текучесть рабочей силы, измеренная в процентном отношении от общего количества ежегодно увольняющихся, достигла 15%. Хотя впоследствии текучесть рабочей силы постепенно падала, в 1936 году более 87% промышленных рабочих сменили место работы.{25} Директора заводов, на которых сверху оказывали сильное давление, требуя выполнения производственного плана, в конце каждого месяца открыто использовали сверхурочное время для «штурмовщины». В результате партии не удалось сдержать рост заработной платы: в 1932 году объем фонда заработной платы в стране превысил бюджет на 1 млн. 211 тыс. рублей.{26} В декабре 1932 года ЦК и Центральная контрольная комиссия ВКП(б) отреагировали на это секретным поручением составить новый план на 1933 год. В попытке остановить рост заработной платы и раскручивание ценовой спирали ЦКК приказала руководителям предприятий увеличить нормы выработки, снизить расценки на сдельную работу и резко сократить количество сверхурочных часов. Им было категорически запрещено повышать заработную плату выше уровня, установленного коллективными договорами, если на это не получено одобрение правительства.{27}, [9] Однако новый пятилетний план также не был полностью успешным. В 1933 году в стране начался новый раунд роста цен, связанный с финансированием жилищного строительства и инфраструктуры, необходимой для поддержания растущих городов. Руководители партии и профсоюзов обязались обеспечить правильное разъяснение рабочим политики роста цен.{28} Рабочие механического цеха завода «Динамо» на это сердито отвечали: «Вы говорите, что у вас всего много и всего достаточно, что “мы” растем, а на самом деле у вас ничего нет. Вас приперли к стенке, и вы не знаете, что делать, и давай увольнять с завода и снимать со снабжения иждивенцев рабочих. У рабочих отбирают карточки».{29} Многие рабочие чувствовали, что государство слишком сильно на них давит.

В апреле 1932 года состоялся 9-й Всесоюзный съезд ВЦСПС под лозунгом «От зарплаты к производству». Партия дала указание профсоюзным руководителям провести «активную кампанию» по увеличению норм производства в 1933 году в надежде изыскать дополнительно 82 млн. рублей для финансирования индустриализации. Профсоюзные работники получили инструкции организовать бригады молодых ударников для совершения прорыва в нормах выработки. Играя на энтузиазме молодых строителей социализма, они поощряли наградами молодых рабочих к установлению новых рекордов, к участию в трудовом соревновании.{30} Основной задачей кампании 1933 года было повышение производительности труда. С этой целью между цехами, заводами и отдельными

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org

рабочими организовывалось социалистическое соревнование, вводилась оплата сдельной работы или оплата труда по результатам. Плановики разработали систему расчета за прогрессивную сдельную работу, в соответствии с которой размер вознаграждения возрастал с каждой успешно произведенной единицей продукции. К середине 1930-х годов схемы выплаты заработной платы стали настолько сложными, что часть рабочих, профсоюзные работники и даже руководители предприятий не могли объяснить, как собственно рассчитывалась заработная плата.{31} ВЦСПС откровенно признавал, что большинство соцсоревнований, особенно в угольной промышленности, были плохо организованы и не дали результата.{32}

Кампании по пересмотру норм выработки раскололи рабочий класс. В то время как молодые рабочие с энтузиазмом откликнулись на нее, представители старшего поколения возмущались по поводу высоких темпов роста выработки. Рабочие Егорьевской красильной фабрики написали коллективное письмо, в котором объяснили, что они отказываются участвовать в соревновании, потому что находятся на грани голодной смерти. «Мы едва стоим на ногах, поскольку в столовой нас все время кормят кислыми щами. Старые рабочие не будут соревноваться. О соревновании не может быть и речи, пока нас не будут нормально кормить».{33} От рабочих различных отраслей промышленности в ВЦСПС поступали жалобы на повышение норм. Шахтеры огорчались, что лошади, измученные голодом, не могли выполнять норму откатки вагонов в шахте.{34} Рабочие, работавшие на старых, неисправных станках, обвиняли начальников в том, что те не создали им условия для соревнования. Ударничество и последователем за ним стахановское движение способствовали новому росту напряженности и недовольства в рабочей среде, противостоянию между старыми и молодыми рабочими, между рабочими и их руководителями в недостаточно финансируемых отраслях промышленности, между директорами, инженерами предприятий, с одной стороны, партией и профсоюзами – с другой. Руководители слабо финансируемых отраслей промышленности, например, таких как текстильная, а также производств, использующих передовые технологии, например, сталелитейное, сомневались, что ударничество и стахановское движение может привести к росту производительности. Эйфория по поводу успехов стахановского движения была в партии недолгой. К июлю 1936 года, через год после того как Алексей Стаханов установил рекорд в угольной промышленности, партийные лидеры признали, что этот рекорд создал гораздо больше проблем, чем решил.{35}

Представители профсоюзных организаций и руководители предприятий боролись изо всех сил за зарплаты и нормы, но их позиция была противоположной той, которой придерживались при капитализме. ВЦСПС отмечал, что руководители предприятий, а не профсоюзы «были виновны в стимулировании заработной платой». Советские руководители в отличие от их капиталистических коллег, занимающих аналогичные должности, изначально мало беспокоились о зарплатах, которые выплачивались из государственного бюджета. Не протестуя открыто против поставленных Москвой производственных задач и социалистического соревнования за повышение норм выработки, они распределяли щедрые премии для поощрения производства, сговаривались о снижении производственных норм и пытались поддерживать уровень заработной платы, особенно для рабочих низкой квалификации.{36} В 1933 году в нескольких отраслях промышленности возник конфликт между профсоюзными работниками и руководителями предприятий. Последние пытались поднять уровень оплаты труда, а профсоюзы старались не допускать ее роста. Руководство предприятий в Ленинграде игнорировало плановые задания и настаивало на повышении размера оплаты труда. Профсоюзные работники затеяли судебную волокиту против директора Ленинградского почтового треста, чтобы предотвратить его шаги по повышению заработной платы.{37} Рабочие и их руководство также негласно сговаривались о «фиктивной сдельной работе». В 1933 году Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ) и ВЦСПС отказались от прогрессивной формы оплаты труда из-за перерасхода фонда заработной платы. Они сделали строгое предупреждение руководителям предприятий, что прогрессивное вознаграждение не может производиться без соответствующего увеличения объема производства.{38} Затраты превышали прибыли. Несмотря на приказы из Москвы, многие руководители просто отказывались определять расценки норм выработки, так как это было огромной задачей, требующей оценки стоимости многочисленных видов работ. Если все же нормы повышались, начальники и бригадиры стремились к «смягчению норм выработки».{39} Когда нормы выработки были повышены в Сталино, Ворошиловграде и на Шахтинских угольных шахтах, их директора пытались не допустить уменьшения зарплаты рабочих.{40} Ответственность за давление на рабочих лежала не только на партийных руководителях. Наркоматы требовали от них добиться роста капиталовложений.

В 1934 году вопреки надеждам на более умеренные темпы строительства, они осознали, что второй пятилетний план (1933–1937) не может быть выполнен без вложения более крупных средств. После многочисленных дебатов был принят еще более амбициозный план на 1936 год: планировалось построить оборонную промышленность, железные дороги, легкую промышленность, школы и создать потребительский сектор экономики. 40% прироста в промышленности ожидали получить за счет роста производительности труда. Рабочие и партийные руководители, оседлав своих коньков – «зарплату» и «производительность» – продолжали гонку за присвоение государственных средств. В 1933 году партия утвердила более высокие нормы, в 1934 году рост заработной платы рабочих снова превышал доходы от увеличения производительности труда. В апреле 1935 года партия отреагировала на это пересмотром установленных норм выработки, но зарплаты рабочих продолжали расти. В 1936 году нормы снова были повышены. Целью данного повышения было стимулирование роста производительности труда по сравнению с заработной платой рабочих. Однако рабочие не покинули поле боя: несмотря на еще большее увеличение производительности в 1936 году, фонд заработной платы был перерасходован на 2 трлн. 19 млн. рублей.^{41} Партийные руководители постоянно говорили о построении нового процветающего общества для рабочих. Те, в свою очередь, публично одобряли эту цель. Однако на практике рабочие и государство были втянуты в беспрестанную борьбу за присвоение капитала. Индустриализация требовала высокой степени жертвенности. Социализм обещал лучшую жизнь. Дисбаланс между производительностью труда и уровнем заработной платы рабочих показывал, что ни одна из сторон не желает полностью принять позицию другой стороны.

Кризис снабжения

В годы первой пятилетки (1929–1932) реальная заработная плата промышленных рабочих сократилась на 50%; ее падение продолжалось до 1934 года. Постепенный подъем зарплат происходил с 1935 по 1938 годы, при этом в 1937 году уровень зарплаты достигал лишь 66% от уровня 1928 года. По мнению одного историка, после 1931 года уровень жизни не мог опуститься ниже, не «разрушив при этом экономическую жизнь». К концу 1932 года цены свободного рынка были в 16 раз выше, чем в 1928 году. Цены в государственных магазинах выросли вдвое.^{42} Нехватка продовольствия и высокие цены были составной частью проблем в системе поставок продуктов питания. Наибольшие лишения испытывали недостаточно финансируемые отрасли промышленности как, например, текстильная, новые отдаленные рабочие поселки, а также большие семьи с единственным кормильцем, очень трудно приходилось людям с низким заработком. Постоянная нехватка мяса, молочных продуктов, овощей, рыбы и даже хлеба была повсеместной. Работница текстильной фабрики «Красная Талка» в Иваново, рыдая, объясняла помощнику мастера: «Я три дня стояла за хлебом и не могла получить. Живу я в общежитии, и когда мои дети выбегают в коридор, то у кого попало вырывают из рук хлеб. Мне стыдно, но ничего не поделаю, так как они голодные».^{43} К 1932 году положение с продовольствием было ужасающим. Хотя сбор зерна в 1931 году превышал рекордный уровень 1930 года, урожай был небогатым. Государство оставило крестьянам очень мало зерновых семян для посева, что способствовало голоду в 1932–1933 годах. Производство мяса, молока и рыбы также уменьшилось. Голодали даже рабочие в Москве и Ленинграде, гораздо лучше обеспеченные продовольствием по сравнению с другими городами. В магазинах не хватало продуктов, чтобы отоварить карточки. Фабрики, не имевшие средств, не могли платить рабочим зарплату. Резко подскочили цены на колхозных рынках. Производительность падала, текучесть рабочей силы увеличивалась. Наступил кризис в экономике.^{44}

В Иваново, текстильном регионе, ситуация была особенно тяжелой. Поздней весной рабочие бригады, уполномоченные проверить цены и продовольствие, обнаружили, что кооперативные магазины получили только 13% потребительских товаров, предназначенных городу по плану распределения. Кооперативы заключили договора с колхозами на получение 94 тыс. 215 литров молока в мае, но получили всего 1 тыс. 359 литров. Не хватало также мяса, другой сельскохозяйственной продукции. Многие рабочие были полностью зависимы от кооперативных магазинов. В Свердловке рабочие не могли купить в фабричной столовой даже чашки чаю. В Тейково рабочие сбегали с текстильных фабрик, так как им нечего было есть. В столовых из-за еды затевались драки; для восстановления порядка вызывали милицию. Голодные, неспособные разобраться в ситуации люди пытались избить профсоюзных работников и руководство Тейковского горкома партии.^{45} Система распределения в Иваново пришла в полный хаос. Продуктовые магазины и фабричные столовые не вели никакого

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
учета, что приводило к массовому воровству и разбазариванию фондов. Когда у заведующей столовой № 1 закончились продукты, она послала короткую записку своей подруге, работавшей в магазине: «Нюра, отпусти 4 кг хлеба». Начальники расходовали средства, предназначенные на продукты, на другие нужды. Розничные торговцы незаконно повышали цены, а разницу клали в карман. Они скупали хлеб в кооперативных магазинах и перепродавали его на рынке втридорога. Широко распространенное воровство способствовало уменьшению без того малого количества продуктов, предназначенных для продажи. Значительно выросли цены на рынках. {46}

В годовщину Октябрьской революции в 1932 году недостаток продовольствия показал, как много из обещаний революции не было еще реализовано. Доставка хлеба в магазины осуществлялась с опозданием. В Иваново рабочие голодали. Рабочие текстильной фабрики «Красная Талка» отметили годовщину революции, стоя в очередях за хлебом. На металлзаводе № 4 у продовольственного ларька с 6 часов утра образовалась очередь в 200 человек, которые терпеливо ждали весь день. На фабрике Зиновьева 150 человек стояли в очереди за хлебом и мукой на протяжении 6 часов. Такие же проблемы существовали на всех фабриках Ивановской области. {47}

Распределение продовольствия на новых объектах строительства также происходило с нарушениями. Часто продукты не поставляли по 3-4 дня кряду. В «Златоустстрое», крупном строящемся промышленном объекте на Урале, рабочие днями не получали хлеба. Поставок муки, рыбы или мяса не было целых 3 месяца. Крупа, сахар, сливочное, подсолнечное масло были недоступны. В 1932 году кооперативные магазины «Кузнецкстроя» получили только 50% муки, 20% крупы, 20% мяса и всего лишь 4% рыбы. В Донбасском регионе многие кооперативные магазины не получили никаких круп, жиров или сахара. В апреле в магазинах вообще не было продуктов, и рабочим пришлось питаться тем, что осталось от прежней поставки в марте. На строительстве Тульского металлкомбината в течение двух недель мая из-за отсутствия хлебных карточек рабочие не получали хлеба. В июне продовольственных карточек не было вообще. {48}

В ответ на продовольственный кризис государство сократило рацион продуктов в 1932 и в 1933 годах и еще раз в 1934 году. Различные группы людей были отнесены к более низкой категории обеспечения продовольствием или их вовсе лишили пайка. Государство переложило ответственность за размер пайка и порядок его распределения на регионы, которые говорили о кризисе централизованной системы распределения. Рабочие бежали с предприятий в поисках работы, которая могла бы дать им возможность получить право на более высокий рацион продовольствия. Например, рабочие Бронницкого стекольного завода, которым урезали продуктовые нормы, толпами покидали рабочие места. Начальники по всей стране сообщали «о массовых уходах» и «массовых отказах работать». {49} Представитель ВЦСПС писал: «Люди бегут с заводов по причине плохого обеспечения продовольствием и очень низких зарплат». {50} Например, рабочих завода по производству сельскохозяйственных машин в Бердянске перевели в категорию с меньшим рационом, т. е. с 700 г на 600 г хлеба.

Служащие были полностью исключены из списка лиц, получавших продовольствие. Ограничения породили огромные потоки жалоб от рабочих из Грозного, Ленинграда, Омска, Бурят-Монголии, Конотопа, Константиновки на Дону, Урала, из Ташкента и Зиновьевска. {51} Председатель Союза рабочих кожевенной промышленности писал в ВЦСПС о «чрезвычайно тяжелом положении рабочих» на Украине, Урале, и Средней Волге. Иждивенцы были исключены из списка на получение хлебного пайка. В государственных магазинах хлеб не продавали. Цены на рынках были непомерными. Голодающие рабочие кожевенно-обувных предприятий ели мездру с сырых кож и клей. Руководство ЦК Союза рабочих шерстяной, шелковой и трикотажной промышленности отправило аналогичный отчет. {52} Многие рабочие писали сердитые письма в главный печатный орган профсоюзов – газету «Труд», жалуясь на сокращение хлебных норм, недостаток хлеба и жиров, о прекращении выдачи карточек иждивенцам, инвалидам и пенсионерам. Один рабочий написал: «Хлеб не выдают ни рабочим, ни иждивенцам». {53}

В крестьянских семьях, где было большое количество иждивенцев: детей, стариков или инвалидов, исчисление количества работников и едоков было главным при определении количества потребляемой пищи. Рабочий-швейник Иван Воронин был представителем беднейших слоев рабочего класса. Работая в далеко не приоритетном секторе промышленности, он получал очень маленькую

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org зарплату, при этом был единственным работником для семьи – жены и шестерых маленьких детей. Профсоюзные активисты нашли их в холодном сыром подвале, где жила семья, опухшими от недоедания. Четыре дня семья ничего не ела, кроме собаки. Они только что доели остатки ее шкуры. Профсоюз немедленно нашел работу для жены Воронина и устроил детей в ясли, где их могли накормить. {54} Ситуация этой семьи была чрезвычайной, но отнюдь не редкой.

Рабочие легкой промышленности, которая не считалась приоритетной для капиталовложений, наиболее жестоко пострадали от продовольственного кризиса. Так же страдали рабочие всех других отраслей экономики. Пик кризиса потребления пришелся на 1929–1933 годы. Сопrotивление крестьян коллективизации, голод 1932–1933 годов, ликвидация частной торговли, плохая организация сети распределения продовольствия – все это создавало серьезные проблемы. Миллионы людей умирали от голода. Пытавшиеся выжить крестьяне бежали из деревень, пораженных голодом в города и рабочие поселки. Ситуация с продовольствием стала улучшаться в 1934 году. Однако ВЦСПС продолжал получать отчеты местных профсоюзов и партийных организаций о плохо питающихся рабочих. Например, в 1937 году ВЦСПС дал приказание отправить дополнительное продовольствие рабочим в Ростов, Челябинск, Пермь, Сталинград, Саратов и другие города в ответ на сведения о том, что рабочие страдают от голода и цинги из-за недостатка фруктов, овощей и картофеля. {55}

Условия труда и жизни

Сокращение потребления сопровождалось серьезным дефицитом жилья в городах и новых рабочих поселках. Мигрировавшие крестьяне легко находили работу, но не могли получить жилье. Рабочие постоянно переезжали в поисках жилья, лучшего обеспечения продуктами питания и более высокой заработной платы, что становилось причиной перебоев на производстве. Директора заводов, городские власти и партийные лидеры не могли обеспечить жильем вновь прибывших рабочих. Люди ютились в ветхих бараках и землянках без кухонь, туалетов, тепла, водопровода, мебели и кроватей. Например, рабочие химических заводов «Вохимтрест», «Лакокраска» и «Анилтрест» жили в бараках и землянках, которые находились в десяти километрах от их работы. Решение проблемы с местным транспортом все еще находилось на этапе планирования. Отсутствовали водопровод и канализация. {56} Квартиры в старых городах превращали в коммуналки, чтобы обеспечить комнатами вновь прибывающих. Коммунальные услуги, такие как водопроводно-канализационная сеть, электричество и уборка мусора, работали на пределе или вовсе отсутствовали. Рабочим негде было питаться, кроме как в переполненных столовых. В тесных и грязных столовых не хватало приборов, посуды, стульев, не было приличной пищи. Например, в 1934 году в Одесской области в столовой завода сельскохозяйственного машиностроения «Красный Октябрь» в меню обедов была одна капуста. Еда в столовых Ярославля приводила в уныние. {57} Со временем ситуация в столовых улучшилась, но в 1930-е годы многие страдали от неудовлетворительной пищи плохого качества, недостатка посуды и долгого стояния в очереди. Позже, в 1940 году, в столовой, прикрепленной к Артемовской шахте, было всего восемь ложек, двадцать пять вилок и семнадцать тарелок на 75 рабочих, которые надеялись пообедать в приличных условиях. {58} Грязные жилища, не отвечающие санитарным требованиям туалеты в общежитиях завода, нехватка пищи, скученность и высокая текучесть рабочей силы характеризовали тысячи стройплощадок и заводов, где работало большое количество новых рабочих. {59} На машиностроительном заводе «Красный Октябрь» в Сталинграде к маю 1932 года обработка цветного металла была выполнена на одну треть плана, и только 13% произведенного металла оказалось качественным. В доменных печах, где температура регулярно поднималась выше 100 градусов, у рабочих не было воды. {60} В 1933 году на пике голода на Украине секретарь ВЦСПС А. К. Аболин посетил металлургический завод им. Г. П. Петровского в Днепропетровске. Реакцией Центрального Комитета партии на его полный ужасающих фактов отчет стал отзыв руководителей обкомов партии и заводских комитетов в Москву. На заводе было занято 28 тыс. 500 человек, из которых 40% работало там менее одного года. Завод перерасходовал фонд заработной платы, не выполнял производственные задачи и испытывал постоянные сбои производства, демонстрируя, по словам Аболины, «всю болезнь металлургической промышленности». В одном из соседних поселений, где жили 30 тыс. человек, уличные туалеты не работали и были забиты досками. Отправление естественных потребностей рабочими производилось вокруг уборных, около общежитий и посреди двора, вследствие чего образовались огромные «египетские пирамиды» из отходов. В общежитиях не было кухни, в дневное время не было воды, и

только изредка ее включали по ночам. Столовые были чрезвычайно перегружены. Одна из столовых, оборудованная для обслуживания 150 человек, ежедневно принимала 4 тыс. рабочих. Обед задерживался на 3–6 часов. Огромные очереди из 200–300 человек тянулись от входа. Часто, не успев поесть, рабочие возвращались на рабочие места. В большинстве столовых не было приборов. Одна столовая, в которой имелись ложки, в качестве гарантии возврата комплекта столовых принадлежностей заставляла рабочих сдавать свои головные уборы и даже партийные и профсоюзные билеты. Хлеб – главный продукт питания рабочих, редко подавался к водянистым щам. Продукты поставлялись с перебоями. Аболин в отчаянии писал: «Но спрашивается, как могли люди дойти до такой жизни? Где были профсоюзные и парторганизации?» Профсоюзные организаторы, потрясенные грязью и хаосом, решительно держались подальше от общезначимой и грязной «пирамиды». Цеховые комитеты мало занимались общественной работой или политическим образованием. Их методы были грубыми. Например, на заводе им. К. Либкнехта в костыльном цеху профсоюзные организаторы клеймили как «врага СССР» любого, кто не посещал собрания, и лишали их пищи, такое отношение вряд ли могло внушить любовь к ним со стороны голодных рабочих. {61}

Аболину стало известно, что тридцать один человек умерли в больнице от голода и инфекций, еще 123 человека страдали от недоедания, включая главу партийной ячейки, членов партии, рабочих с большим трудовым стажем, а также переселенцев. Некоторые потеряли свои продовольственные карточки; другие высылали деньги домой в деревню. Одна женщина сэкономила на еде, чтобы купить себе теплое пальто. В неотопляемых общежитиях не было одежды; рабочие спали не снимая одежды. Аболин действовал быстро; стараясь исправить ситуацию, он организовал бригады для обследования плохо питающихся рабочих. Однако стихийные рекорды и текучесть рабочей силы сильно ему в этом препятствовали. Аболин, не стесняясь в выражениях, обращался к Чернову, председателю кассы взаимопомощи – организации, занимающейся социальным обеспечением рабочих. Чернов, сокрушавшийся по поводу кажущихся непреодолимыми проблем на заводе, беспомощно объяснил: «На 15 человек не нашли адресов. На заводе же говорят, что они уже в тех цехах, в каких значились раньше, не работают. Где они работают теперь – неизвестно». Аболин предположил: «Может быть, они лежат в больнице». Чернов пожал плечами: «Может быть». Наконец, он спросил: «Как быть с теми опухшими, которые работают на заводе всего 5–6 месяцев?» Аболин резко ответил: «Хотя бы пять дней. Если человек опух от голода, ему нужно помочь». {62}

Аболин также встречался с заводским врачом, который описал последствия голода на Украине. На заводе им. Петровского работало много голодающих крестьян, готовых на все ради еды. Доктор, не понимавший масштабов голода, заявил, что, хотя его заболевшие от недоедания пациенты называли себя колхозниками, на самом деле они были «раскулаченными крестьянами», другая часть – беспризорниками, не имевшими никаких документов, и неизвестно откуда приехавшими. Днем они терпеливо стояли у заводских ворот в ожидании работы. Им предлагали поденную работу чернорабочих и грузчиков, но они надеялись, что когда-нибудь их примут в цех. Ночью «толпы людей» врвались в горячие цеха и столовые – переночевать на полу или на столах. Бездомные, плохо одетые, вынужденные постоянно скрываться от милицейских облав, они постепенно «истощались и попадали в больницу». Доктор похоронил уже многих из них. {63}

Стремление совместить индустриализацию страны и строительство социальной сферы – жилых домов, коммунального хозяйства, школ, больниц и транспорта – заставило официальных лиц бороться за имеющиеся в их распоряжении скудные ресурсы. Хозяйственники часто использовали фонд заработной платы – источник наличных денег – для оплаты сырья. В одном из районов города Иваново служащим не выдавалась зарплата в течение шести месяцев. В результате весь медицинский персонал разбежался, больницы оказались закрытыми. Работникам школ не платили зарплату более двух месяцев. Детские учреждения не получали ничего, кроме гнилого пшена. Толпы рассерженных родителей ежедневно собирались для протеста перед зданием райкома партии и головными конторами кооперативов, требуя улучшения снабжения рабочих и предприятий общественного питания. {64} На фарфоровом заводе в Рыбинске задержка зарплаты, сопровождавшаяся ростом цен и уменьшением хлебного пайка, привела к кратковременной забастовке и мятежу. Рабочие выкрикивали: «Бросай работать! Вы нас хотите уморить с голоду. Это, вы, черти коммунисты довели нас до этого. Давай войну!» Директор завода израсходовал фонд заработной платы на срочные производственные нужды. {65}

Производственный травматизм

Давление на рабочих, чтобы обеспечить выполнения высоких производственных планов, использование новых, ранее неизвестных технологий и низкий уровень квалификации рабочей силы – все это в совокупности обуславливало высокий уровень производственного травматизма в 1930-е годы. Наиболее опасной считалась работа в каменноугольной, железорудной и нефтедобывающей промышленности, в железнодорожном строительстве, а также в металлургии. В 1934 году уровень травматизма (количество производственных травм на 100 рабочих) в этих отраслях достигал 20–30%. Это означало, что треть рабочей силы пострадала от полученных травм в течение одного года. Даже в самых безопасных отраслях промышленности, таких как фарфоровая, полиграфическая, текстильная и швейная, уровень травматизма достигал 5%. В 1934 году в большинстве отраслей промышленности 10–20% рабочих получили производственные травмы. Кроме того, в период с 1934 по 1936 годы было выявлено увеличение уровня травматизма почти в 75% отраслях промышленности. Только в 1937 году, когда вновь обратили внимание на безопасность труда и на случаи «вредительства», уровень травматизма снизился: более 90% профсоюзных организаций заявили о значительном уменьшении травматизма по сравнению с 1936 годом. [10] Было отмечено большое количество несчастных случаев со смертельным исходом, особенно в отраслях по добыче угля и цветного металла, в вагоностроительной промышленности, а также в черной металлургии. В 1936 году от несчастного случая на производстве из 660 тыс. 800 шахтеров умерли 1 тыс. 76 человек. В период с 1935 по 1936 годы уровень смертности возрос на 27% в угольной промышленности и на 8,7% во всех других отраслях. {66} На 12 тыс. рабочих Московского строительного треста пришлось 1 тыс. несчастных случаев, в том числе 65 тяжелых, из них 6 – со смертельным исходом. {67} До 1937 года профсоюзные работники и хозяйственники почти совершенно игнорировали вопросы охраны труда. Руководители предприятий часто не расходовали фонды, предназначенные государством для нужд безопасности, а использовали их для других целей. На фоне постоянной нехватки средств, эти фонды были практически бесполезными. Например, угольные штольни и забои были плохо укреплены, так как ни за какие деньги невозможно было купить крепёжный лесоматериал для шахт. Руководство профсоюзов и руководители предприятий пренебрегали правилами безопасности и налагаемыми за нарушение штрафами. {68} Не удивительно, что высокий уровень травматизма и смертности вызывал у рабочих чувство негодования по отношению к начальникам, бригадирам и руководителям местных партийных и профсоюзных организаций. В 1936 году партийные лидеры использовали недовольство рабочих для организации государственной кампании против «вредительства», которая началась после взрыва в Кемеровских шахтах. Профсоюзные организаторы и руководители сознательно вводили рабочих в заблуждение, подстрекая их к тому, чтобы считать все несчастные случаи преднамеренными актами вредительства. Руководители Президиума ЦК Союза рабочих зерносовхозов и ЦК Союза рабочих железнодорожного строительства и Метрополитена, как и многие другие в 1937 году были обвинены в игнорировании несчастных случаев, приведших к смертельному исходу, в недостатке сочувствия семьям погибших и получивших увечья, за несоблюдение правил охраны труда. {69}

Настроения рабочих

Хотя советские достижения порождали энтузиазм и гордость, недостаток продовольствия, несчастные случаи и напряженная работа стали причиной ослабления поддержки политики партии. Многие рабочие задавались вопросом, почему революция так мало сделала для улучшения их бедственного положения. Осуждая политику за то, что она сделала в настоящее время, а не за то, что она обещала сделать в будущем, они обвиняли государство в стремительном падении уровня их жизни. Большевики расценивали эти высказывания как проявление «политики живота», узким, политически наивным требованием мгновенного удовольствия. {70} На Ленинградском машиностроительном заводе «Красный Путиловец», известном своими революционными традициями, партийные активисты установили большую доску, на которой рабочие могли вывешивать свои вопросы. Доска была испещрена многочисленными жалобами. В одной из них говорилось:

«Почему не снабжают детей молочными продуктами? Ведь Ленин сказал: “Нужно молодое, здоровое поколение”, а с одного черного хлеба ребенок не будет здоров. Ведь не все в состоянии покупать молоко с водой по 2 руб. или стоять в очереди по 3 часа в “Молокосоюзе” за литром молока по 1 руб. у нас

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org в турбинном цеху висит плакат на стене, что в 1932 году положение с молочными продуктами улучшится. Но на факте ничего нет. Мы сейчас переживаем все трудности, для наших детей строим социализм, но как видно, им не дождаться социализма». {71}

Рабочие спрашивали, какие средства они должны пожертвовать на финансирование индустриализации. Когда на текстильной фабрике им. Щербакова в Москве стоимость стакана чая увеличилась втрое, рабочие почувствовали, что они доведены до предела: им не хватало сил, чтобы работать, питание было слишком скудным. Один из них воскликнул: «Они строят социализм наизнанку, нас грабят. Мы не можем работать не жравши». {72} Некоторые жаловались, что их положение стало хуже, чем до революции. Один рабочий сердито заявил: «Послушайте, все знают, что раньше нас эксплуатировали капиталисты, но жизнь была лучше. Теперь мы говорим об экономике, но эта экономика душит нас». Механик сказал директору: «Нам нужно снизить цены, чтобы мы могли прокормиться, потому что я не могу даже выполнить свою норму». {73} Когда одного старого рабочего Московского каучукового завода перевели на другую работу в 1934 году, его зарплата снизилась до 120 рублей в месяц. Он отправился в заводской комитет, и, сняв шляпу, сказал представителю завкома: «Спасибо вам и в вашем лице советской власти, что за 35 лет работы мне обеспечена голодовка». {74} Многие рабочие сомневались, сможет ли партия, складывая средства в тяжелую промышленность, когда-нибудь наладить потребление. Ученики школы ФЗУ Ижорского машиностроительного завода в г. Колпино Ленинградской области в 1933 году написали в ВЦСПС письмо с жалобой на условия жизни. Заводская администрация в течение четырех дней не выдавала 150 учащимся пропуска в столовую. «Уборных до сих пор нет. Ребята ходят, куда попало, т. е. вокруг своего общежития». Не было дров или угля для отопления, у большинства молодых людей не было обуви. Ремесленники горько шутили; «К концу второй пятилетки будем есть тракторы». {75}

Рабочие не доверяли политике партии не только в том, что касалось капиталовложений и заработной платы, но и в отношении сельского хозяйства. Многие новые переселенцы, рабочие, имевшие родственников в деревне, составляли значительную часть рабочей силы; они не верили партийным сводкам о коллективизации и процветании сельского хозяйства. На московской швейной фабрике передали записку профсоюзному работнику, выступившему с трибуны с бодрими речами. В ней говорилось: «Как долго вы будете продолжать обманывать нас? Вы говорите, что государство и колхозы засевают больше земельных площадей и увеличивают поголовье скота, но нас все хуже и хуже обеспечивают продовольствием. Мы больше вам не верим. В первой пятилетке нас кормили костями, во второй – будут кормить собачьим мясом». {76} Многие рабочие также не верили объяснениям партии, что в нехватке продовольствия виноваты кулаки. Рабочий металлургического завода им. Дзержинского в Днепропетровске категорично заявил: «В деревне кулаков никаких нет. Отбирают последнее у нищих в лаптях». Рабочий механического цеха выразил более мрачную точку зрения: «В Советском Союзе полная голодовка. Это – крепостное право. Колхозы находятся в рабском положении. Люди на станциях едят (картофельные) очистки. Газеты пишут, что за границей голод, а голод-то, наоборот, у нас». {77} Свежие новости из деревень приносили на заводы потоки переселенцев из сельской местности. В бараках завода № 45 около сорока рабочих приняли участие в жаркой дискуссии по вопросу коллективизации. Один из них заявил: «Что ты, докладчик, нас убеждаешь в достижениях. Ведь коммунисты довели страну до того, что начали торговать человеческим мясом. Покупая колбасу, я обнаружил человеческий палец с ногтями». Другой рабочий горько заметил: «Читал на днях в газете “Известия” статью самого т. Сталина, где он пишет, что нужно 35% населения уничтожить». Когда остальные рабочие запротестовали, лежавший на кровати мужчина, с сарказмом спросил у молодого человека, новичка на заводе: «Скажи, Ваня, что вынудило тебя бросить деревню, голод или богатая жизнь?». «Конечно, голодовка», – ответил Ваня. «Скажи, пожалуйста, – продолжил рабочий, – а где хлеб мужика?». «Отобран государством», – сказал Ваня. «А где скот? коровы и лошади?». «Коров отобрали, – просто ответил Ваня, – а лошади погибли с голоду, нечем кормить». В разговор вмешалась уборщица барака, заявив, что только советская власть освободила от нищенской суммы ее и ее мать. Рабочий презрительно усмехнулся: «Только вам и дана жизнь». {78}

Недоверие к государственной политике иногда оборачивалось открытой враждебностью по отношению к партии. На машиностроительном заводе «Пролетарский труд» один пожилой рабочий заявил: «Большевики довели до того, что скоро все подохнут с голода. Всюду опять очереди. Пай прибавляют,

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org а ничего не дают».{79} Одна работница спросила: «На что нам колдоговор. На кой черт так творить революцию, когда с голода дохнут? Разве фабком этого не знает, что некоторые рабочие пухнут от голода. Ленин был бы, было бы лучше».{80} Многие начинали понимать фальшь оптимизма профсоюзных и партийных работников. Устав выслушивать длинные речи, один из рабочих Ленинградского машиностроительного завода «Электросила» спросил с сарказмом: «Сколько еще коммунисты будут мучить народ своей “правильной” политикой?» А маляр Мытищинского вагоностроительного завода воскликнул: «Хорошая власть была бы без коммунистов. Коммунисты только могут много обещать улучшить положение рабочих. А когда же мы, наконец, мы увидим это улучшение? Пятилетку уже кончили, а где же ваше обещание?»{81} Другой рабочий пришел к простому заключению: «Коммунисты – все воры и бандиты».{82}

В 1931 году Сталин произнес речь на конференции руководителей, призывая положить конец «уравниловке» и ввести резкую разницу в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих.{83} Для обеспечения мотивации труда партия детально разработала иерархию потребления и привилегий, которые были разными для рабочих, занятых в тяжелой либо легкой промышленности, различались по регионам, а также зависели от уровня квалификации. К иждивенцам в семьях рабочих, так же, как к самим рабочим применялся метод дифференцированного распределения продовольствия. Например, члены семьи, зависимые от кормильца, работавшего в тяжелой промышленности, получали больший рацион, чем те, кто работал в легкой промышленности. Целью этой политики было создание у рабочих стимула к повышению квалификации, но в то же время подобная дифференциация вызывала чувство обиды на тех, у кого было больше привилегий. Занятые на предприятиях легкой промышленности считали несправедливым дифференцированное распределение рациона для их семей, и не видели в этом никакой логики. Рабочий из Саратова – член партии, спросил в сердитом изумлении: «Хлеба у нас не хватает. Почему же неправильно распределяют хлеб? Например, жена рабочего завода “Комбин” получает 400 граммов хлеба, а жена рабочего-швейника одежды получает 100 грамм». Пожилой рабочий-швейник назвал этот стограммовый паек, получаемый его женой, «медленным умиранием». «Когда устраивали Октябрьскую революцию, – заявил он, – то говорили, что будет равенство и братство, а на деле его нет. Наши рабочие опухают от голода. Почему в Москве швейники хорошо питаются, разве мы не равны?»{84} Рабочие московских предместий возмущались тем, что столица лучше обеспечивалась, чем другие регионы. Рабочий Люберецкого завода по производству сельскохозяйственных машин написал: «Рабочий класс, благодаря политике партии, ведет полуголодное существование, в то время как Москва – этот паразит трудящихся всего Союза, – получает промтовары и продукты с избытком, которых хватает не только для личного потребления, но и для продажи приезжим из пригородов. У нас ничего нет. Неужели нам в Люберцы нельзя подать хотя бы керосин. Рабочий, утром идя на работу, не может себе чаю согреть».{85} Другие рабочие были убеждены, что евреи и представители других национальностей используют русских в своих интересах. Рабочий завода им. Фрунзе удивленно покачал головой, послушав речи руководства об экономических достижениях: «Они так хорошо говорят, наверное, они евреи или армяне. Мы, русские, так не говорим».{86} Рабочие внимательно присматривались к разнице между своими заработками и зарплатами партийных и профсоюзных руководителей. В зависимости от уровня квалификации и от отрасли промышленности, основная зарплата рабочего составляла 150–500 рублей в месяц (без учета сверхурочных или сдельной работы). В 1936 году секретари ВЦСПС получали 1100 рублей в месяц, руководители профсоюзов – от 700 до 900 рублей, а председатели республиканских, областных и районных комитетов профсоюзов получали от 600 до 800 рублей. Профсоюзные работники, также как и рабочие, получали дифференцированную зарплату – в зависимости от того, работали они в Москве или за пределами Москвы или Ленинграда, в профсоюзе тяжелой или же легкой промышленности. Размер их зарплат был трудно сопоставим с зарплатами партийных или государственных чиновников того же уровня.{87} Официальные лица были наделены многочисленными привилегиями, включая регулярные продуктовые заказы и доступ в магазины с лучшим ассортиментом товаров. Разделяющие рабочих и чиновников разница в зарплате и привилегии, были невелики, но даже самая незначительная разница провоцировала негодование тех, кому досталось меньше. Один строитель спросил: «Почему мы, рабочие, не имеем права покупать в магазинах, предназначенных для инженерно-технического персонала? Нам тоже нужны продукты».{88} Многие рабочие выступали за уравнивание заработной платы. Другие были настроены более критично, утверждая, что за счет их труда создается новая элита. Шпильница фабрики «Красная Талка» на политбеседе в

1932 году удивленно спрашивала: «Долго ли будем терпеть такую жизнь? Ведь никуда не годится: кто-то сыт, а рабочему – одна корка хлеба, и работай за нее! Они доведут нас до могилы».{89} По словам рабочего станкостроительного завода, государство богатеет по мере того, как худеют рабочие. Протестуя против уменьшения нормы хлеба весной 1932 года, он отметил: «Рабочих кормят костлявой рыбой, а свинину отправляют в Кремль».{90}

Обещание изобилия

Экономическая программа партии предусматривала кратковременные жертвы во имя будущего долгосрочного процветания.{91} Рабочие, не сумевшие понять эту идею, считались политически «отсталыми», неспособными воспринять какую-либо политику, кроме увеличения их доходов. Ничто не делало это обещание отсроченного изобилия таким очевидным, как государственные для финансирования индустриализации. Займы, вкладываемые в значительной степени в государственный бюджет, обеспечивали только 10% планируемых государством поступлений в бюджет в 1931 году.{92} Партийные и профсоюзные чиновники призывали рабочих подписываться на займы, делая отчисления из зарплат. Хотя займы считались добровольными, на практике у рабочих не было другого выбора, кроме как подписаться на них. Деятели партии и профсоюзов, на которых давили сверху, демонстрировали единодушную поддержку займов, упрасивали рабочих, приставали к ним и угрожали до тех пор, пока те не соглашались.

Реакция рабочих на кампанию займов показала, что не все они безоговорочно поддерживают политику государства. В некоторых случаях возмущение рабочих было настолько велико, что они отказывались подписываться на займы целыми коллективами. Например, рабочие лесопильных заводов в Минске, Борисове, Гомеле и других белорусских городах просто отказывались подписываться. В Минске рабочие кузнечного и литейного цехов машиностроительного завода «Коммунар» отказались подписаться на новые займы в 1932 году. Один рабочий заявил от имени всех: «Мы больше ни на что не собираемся подписываться». Бригадир подтвердил: «Вы не получите ни копейки на новый заем». А другой рабочий выкрикнул в поддержку: «Ни копейки! Пусть подписываются ударники». Даже коммунисты и члены заводского комитета сердито говорили: «О займах они не забывают, а о спецодежде уже забыли». Когда организаторы кампании пытались заставить рабочих подписаться, один из них заявил: «Товарищи, мы еще не подписались, а [они] только душат. Жалованья не прибавляют, а цены ежегодно набавляют. Как же тут работать? Совершенно обдирают, [с повышением цен] мое дело плохо. Если я куплю себе и жене ботинки, а цены новые, почти что рыночные, то дети босяком пойдут, и в питании придется урезать, а у нас заем. Определенно заявляю, я на заем подписываться не буду. Пусть делают со мной, что хотят. У меня больше нет сил. Нужно прекратить работать». После угроз и грубого нажима со стороны агитаторов большинство рабочих, наконец, проголосовало за займы. Один рабочий воздержался, при этом с горечью заметив, что слишком ослабел от голода, чтобы поднять руку: «Дожили, хоть вешайся». На машиностроительном заводе им. К. Е. Ворошилова в Минске рабочие котельного цеха на призыв к займам сердито отвечали: «Что еще подписываться на заем, и так наша прибавка идет государству. Никто не имеет права заставить нас подписаться». «Пусть вернут нам деньги за прошлый заем, а потом мы проголосуем за новый». Из 200 рабочих только 14 человек проголосовали за заем. Один рабочий объяснил, почему рабочие не могут подписаться: «Очень уж стало дорого. Зарплата не увеличивается, а цены растут. Молоко стоило двадцать семь копеек, а теперь оно стоит сорок пять копеек». Когда другой рабочий спросил у него, каким образом рабочие могли бы помочь государству, тот цинично ответил: «Кому помочь? Тем, кто по двадцать раз ездит на курорты?» В кузнечном и ремонтном цехах рабочие срывали со стен плакаты, призывающие к займам, и ставили закорючки вместо подписей на подписных листах.{93}, [11] Обманутые в своих надеждах, беспредельно уставшие, рабочие повсеместно срывали собрания гневными криками: «Снова заем! Снова обкрадывают народ! Пусть сначала накормят нас, а потом спрашивают! Выдайте по 4 кг муки!» Собрание закончилось скандалом.{94}

Основанием для большинства рабочих протестов была низкая зарплата и дороговизна продуктов. Рабочий кондитерской фабрики объяснил: «Я получаю 75 рублей в месяц. Я не могу подписаться на заем, так как невозможно жить на эти деньги». Многие доказывали, что они не могут подписаться, так как им зарплату «на жизнь не хватает». В Минске работницы фабрики им. Н. К. Крупской объясняли: «Мы на заем подписываться каждый год не будем. Плохо кормят». Особенно возмущались требованиями партии рабочие, получавшие самую

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
низкую зарплату. Посудомойка с бумажной фабрики отметила с возмущением:
«Включите нас в первую очередь в список на продовольствие, и тогда мы
подпишемся на заем. У нас маленькая зарплата, нет спецодежды, мы получаем
250 г хлеба. Мы голодны, а нас одаривают займами!»^{95} Эти рабочие
сопротивлялись подписке на займы не из принципа, а из-за бедности.

Однако многие рабочие критически относились не только к займам, но и к политике партии. Они жаловались, что им нет никакой выгоды от принудительной подписки. Рабочий трамвайного депо сказал: «Государство дает нам мало хлеба, еще больше урезает пайки и к тому же просит денег, принуждают нас подписываться на ежемесячные отчисления. Только дурак подпишется на это. Они выжали все соки из рабочих». У других вызвала отвращение практика государства представлять, будто бы каждая кампания инициировалась самими рабочими. Бывший троцкист машиностроительного завода им. К. Е. Ворошилова в Дружково на Украине сказал группе рабочих: «Сейчас нас ведут за собой, прикрываясь красивыми фразами. Говорят, что рабочие требуют новых займов... За них единогласно голосуют на заводах, проводят кампании от нашего имени». Возмущенный отсутствием демократии на заводах, он считал заем ни чем иным как принудительным сбором средств. Бывшие троцкисты – рабочие московской обувной фабрики целой группой также отказались подписаться, но капитулировали после того, как им пригрозили увольнением.^{96}

Массовое сопротивление привело в замешательство партийных и профсоюзных активистов, и они приступили к угрозам. На деревообрабатывающей фабрике в Иваново, рабочие рассказывали, что должностные лица «замучили их до смерти» призывами к займам. На бесконечных собраниях они «исчерпали терпение» рабочих, которые подписывались по причине крайней усталости. Мастер цеха текстильной фабрики решительно заявил: «Кто не подпишется на заем, сниму со станков и поставлю в запас».^{97} Руководители партии и ВЦСПС критиковали подобные методы, однако местные активисты часто чувствовали, что у них нет выбора. Ответственные за сбор подписей признавались, что они не представляли, как убедить своих товарищей. Бригадир текстильной фабрики в г. Клин спросил партработников: «Что я должен делать с рабочими, которые не хотят подписываться? Я сказал им, что они должны подписаться в поддержку других рабочих, но они отказались, и мы до сих пор не закончили это дело». Некоторые более честные активисты просто советовали рабочим не падать духом в трудной ситуации: «Неважно, что нет выхода. Вы должны подписаться, и лучше сделать это сейчас. По крайней мере к вам не будут приставать каждые две недели, так как вы уже заплатили».^{98} На другой фабрике рабочий безнадежно развел руками: «Они доверили мне сбор подписей, и смотрите, – сказал он, – я пошел к рабочим. Но я стыжусь этого, так как знаю, какое положение рабочих в настоящее время. Один рабочий сказал мне: “И не стыдно тебе говорить мне о займе, у меня дети голодные?”»^{99}

Роль профсоюзов

В 1920-е годы профсоюзы играли активную, хотя и ограниченную роль в защите интересов рабочих. Они обсуждали условия трудовых и производственных договоров, успешно защищали интересы рабочих во время многочисленных споров по поводу оплаты труда, компенсационных выплат, найма и увольнения рабочих, а также техники безопасности на производстве. Забастовочная активность в 1920-е годы была различной. Количество забастовок уменьшилось после 1922 года, и снова возросло во второй половине двадцатых годов. В большинстве своем они были кратковременными и ограниченными, в них участвовали рабочие одного завода или цеха. Профсоюзы призывали рабочих – вместо забастовок, – добиваться рассмотрения своих жалоб через официальные каналы, в арбитраже. Профсоюзы обладали значительным влиянием, являясь частью управляющего «треугольника» на предприятиях, в который также входили представители руководства и партии. Они сохраняли свою ограниченную, но явную независимость от государства. Например, в 1926–1927 годах они отстаивали интересы рабочих в горячих дебатах по вопросам зарплаты и производительности перед Высшим Советом народного хозяйства.^{100}

При всем этом в 1920-е годы профсоюзы не являлись полностью независимыми представителями рабочих. Их роль в «треугольнике» давала им большее влияние, но также компрометировала их взаимоотношения с руководством. Председатель ВЦСПС М. П. Томский признавал, что объединение интересов руководителей и представителей профсоюзов причиняет вред рабочим. С принятием первого пятилетнего плана, плановики из центрального аппарата установили производственные задания и зарплаты, узурпировав роль профсоюзов

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org

в обсуждении условий коллективных договоров. Профсоюзы, лишённые своих функций, были переориентированы на улучшение трудовой дисциплины и повышение производительности труда. На 8-м Съезде профсоюзов в декабре 1928 года И. В. Сталин и его сторонники выступили с нападками на профсоюзных лидеров, защищавших «так называемую “сугубо рабочую точку зрения”» в ущерб индустриализации. Л. М. Каганович – верный союзник Сталина сидел в президиуме ВЦСПС и был противовесом М. П. Томскому, который отказался от должности председателя ВЦСПС. Борьба обострилась весной, когда Центральный Комитет партии подверг критике деятельность М. П. Томского, Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова за «настраивание профсоюзов против партии» и умалчивание о «тред-юнионистских» тенденциях. В июне 1929 года Томский был отстранен от работы в ВЦСПС. Смещение его с должности и принятие первого пятилетнего плана, ознаменовали конец ограниченной независимости профсоюзов, которую они имели в 1920-е годы. Впоследствии Сталин и Каганович контролировали чистки в рядах ВЦСПС и профсоюзов. По словам Томского «все руководство» было уволено, включая более чем две трети членов Центрального комитета профсоюзов, а также членов заводских комитетов. Чистка в рядах профсоюзов продолжалась в течение всего 1931 года. Старые профсоюзные чиновники и активисты были заменены молодыми ударниками. {101} Сталин и его сторонники клеймили бывших лидеров профсоюзов словами «недемократичные, безнравственные личности, бюрократы», а рядовые члены профсоюзов никак не возражали против этих нападков. {102}

Бурное развитие экономики в 1930-е годы еще больше ослабило профсоюзы, которые часто делились по территориальному и профессиональному принципу. В 1931 году ВЦСПС разделил профсоюз горняков на четыре отдельных профсоюза, а когда-то могущественный профсоюз металлургов – на шесть профсоюзов, включая отдельные профсоюзы в металлургической промышленности и машиностроении. В 1934 году профсоюз металлургов снова разделился на три региональных профсоюза, а профсоюз рабочих машиностроительной промышленности был раздроблен на шесть новых союзов – в зависимости от вида машиностроения. В период с 1934 по 1935 годы общее количество профсоюзов увеличилось с 47 до 159 и насчитывало 19 млн. 41 тыс. членов, что составляло 81% занятых в промышленности, строительстве, на транспорте, в общественном питании, в области образования, в совхозах и прочих сферах экономики. Было создано семьдесят семь отдельных промышленных профсоюзов, в которые входила самая многочисленная группа рабочих (42%). {103} Каждый союз имел центральные, региональные и местные комитеты (фаб-, зав- или месткомы – аббревиатуры для комитетов профсоюза предприятия, цеха или местного комитета). Увеличение количества профсоюзов порождало рост бюрократии. В каждом из центральных комитетов работало около двадцати оплачиваемых штатных работников, на местном уровне работали инструкторы по культуре, физической культуре и политике. В 1936 году в аппарате профсоюзов было занято 71 тыс. 500 оплачиваемых работников. 79% членских взносов расходовалось на административные нужды, что составляло 402 млн. рублей. В 1937 году штат профсоюзных работников был сокращен вдвое и насчитывал 35 тыс. человек. Административные расходы были сокращены на 42% и составили 221 млн. рублей. Однако штаты снова быстро раздувались, в 1939 году в профсоюзных структурах работало 213 тыс. 568 человек. В 1940 году численность работников профсоюзов была сокращена до 79 тыс. 341 человека (вдвое больше, чем в 1937 году). На нужды профсоюзов было выделено 1 трлн. 363 млн. рублей. Оказалось, что почти невозможно сдержать рост числа профсоюзных работников и расходы на содержание аппарата. {104}

ВЦСПС был главным органом профсоюзных организаций, который определял стратегию, реагировал на жалобы, выделял средства и контролировал условия труда. В июне 1933 года народный комиссариат Труда был упразднен. Весь персонал и осуществляемые им функции предоставления социальных услуг, включая управление компенсационными фондами для рабочих, были переданы ВЦСПС. В 1936 году штат ВЦСПС насчитывал более 340 человек. Возглавлял ВЦСПС Н. М. Шверник. Управление осуществлялось секретариатом – выборным профсоюзным органом, куда входили Н. М. Шверник, А. К. Аболин, Г. Д. Вейнберг, В. И. Полонский, Н. Н. Евреинов. Президиум ВЦСПС состоял из пяти секретарей и еще десяти членов. В структуру аппарата ВЦСПС входили: инспекция труда и культурно-клубная инспекция; отделы трудовой статистики, иностранных рабочих, планирования и регулирования заработной платы, финансов. Имелся свой журнал «Вопросы профдвижения»; научная библиотека; бюро соцстраха и физической культуры, а также научно-исследовательский институт профдвижения; особый отдел, занимавшийся внутренней политикой и секретной информацией о забастовках, нарушениях порядка, несчастных случаях и условиях труда рабочих. {105}

После устранения Томского и чистки среди «правых» партия определила место профсоюзов в ходе индустриализации – им была отведена вспомогательная роль. В январе 1933 года совместный пленум Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии ВКП(б) определил задачи профорганизаций: укреплять трудовую дисциплину, предотвращать перерасход фонда заработной платы, поддерживать высокие производственные нормы и поощрять рабочих к улучшению своих профессиональных навыков и овладению новыми технологиями. Не было ощутимых различий между выполняемыми ими функциями и функциями капиталистического управления. Заводские комитеты, завладевшие заводами в 1917 году, получили указание контролировать зарплаты рабочих, чтобы они не увеличивались из-за нелегальных переработок или сдельной работы.^{106} По существу профсоюзы представляли собой группу поддержки производства и являлись «сторожевыми псами» фонда заработной платы.

ВЦСПС и ЦК Союзов официально придерживались предписанных им ролей, но активистам заводских комитетов трудно было пропагандировать политику, противоречащую текущим интересам их членов. Например, когда в 1932 году государство повысило цены на продукты, многие профсоюзные активисты задавали вопросы: «Сохраняется ли реальная зарплата рабочих? Проводимое повышение зарплаты отразится ли на повышении цен? Почему мы нарушаем Постановление XVI съезда партии (1930), когда XVI съезд постановил бороться за повышение реальной зарплаты?»^{107} Вместо того чтобы добиваться увеличения заработной платы, партийные активисты обучали продавцов розничной торговли, как следует отвечать рабочим на их гневные вопросы о ценах. Они были призваны проводить разъяснительную работу в отношении линии партии, а именно: повышение цен позволит продолжать развитие экономики.^{108} Активисты плохо справлялись с разъяснительной работой среди работников прилавка. Когда сердитые покупатели спрашивали, почему поднялись цены, продавцы отвечали: «Причина одна: циркуляр ТПО. Вероятно, темпы продовольствия». Профсоюзный активист из Ленинграда спросил директора магазина: «Вы провели обучение персонала, как отвечать на вопрос о повышении цен?» Директор пожал плечами: «Пусть Сталин их информирует». Когда рабочий в столовой типографии «Правда» спросил подавальщицу, почему цена на чай поднялась с двух до пяти копеек, та раздраженно ответила: «Скажи спасибо, что вода есть, а то и этого не будет».^{109}

Кроме разъяснительной работы о причине роста цен профсоюзные активисты мобилизовали на проведение национальной кампании по превращению нового коллективного договора «в инструмент повышения производительности труда». Не удивительно, что рабочие гневно реагировали на кампанию. Профсоюзные активисты были смущены и подавлены своими новыми полномочиями и мало что делали. Секретарь ВЦСПС Вейнберг сообщил в ЦК, что многие заводские комитеты игнорировали кампанию, не проводили дискуссий в трудовых коллективах, а просто подписывали договор от имени профорганизации. И рядовые члены профсоюза, и активисты уже не относились всерьез к коллективным договорам, которые когда-то открыто обсуждались в заводских комитетах, представлявших интересы рабочих. Один рабочий презрительно бросил: «Колдоговор – это филькина грамота».^{110} Профсоюзные активисты также сопротивлялись уменьшению «перерасхода» фонда заработной платы. Они закрывали глаза, когда начальство присваивало рабочим звание «фиктивных ударников» с целью сохранить заработную плату и без всякого энтузиазма относились к ударничеству и другим формам «социалистического соревнования». Вейнберг обвинял их в неспособности агитировать за высокую производительность труда и трудовую дисциплину.^{111} Профсоюзные активисты чувствовали себя неловко, пропагандируя политику, которая уменьшала и без того скудный заработок рядовых членов. Они не знали, как отвечать на вопросы рабочих. На цеховом собрании завода им. Марти один из рабочих передал в президиум анонимную записку: «Почему профорганизация крепко борется за технически обоснованные нормы и крепко греет за перерасход фондов зарплаты, и почему не борется, когда повышают цены на продукты и промтовары?»^{112} Рабочие не понимали целей профсоюзов, которые поддерживали усилия государства в извлечении максимальных дивидендов от индустриализации, и противодействовали стараниям руководства сохранить шкалу заработной платы на прежнем уровне. Они возмущались, когда их в принудительном порядке созывали на собрания, чтобы подписать договор, подрывающий их интересы. Один бригадир объяснил, что незачем идти на собрание, так как колдоговор ничего не дает.^{113}

В 1935 году роль профсоюзов в переговорах, касающихся коллективных

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
договоров, норм выработки, шкалы заработной платы, вообще сошла на нет. Все эти вопросы оказались в компетенции ВСНХ.^{114} Лишенные возможности вести переговоры об условиях найма и неспособные защитить своих членов, профсоюзы старались облегчить вопиющее положение рабочих, способствуя ускорению поставок продовольствия и рабочей одежды, улучшая распределение продуктов и жилищ, а также разбирая их жалобы.^{115} Они вели учет новых членов, курировали культурную, политическую, спортивную и образовательную сферу предприятия, распределяли денежную компенсацию за несчастные случаи и болезни, занимались вопросами отпуска и санаториями. Являясь горячими сторонниками экономического развития, профсоюзы занимались облегчением условий, созданных политикой, которую они не могли подвергать сомнению или выступить против нее.

Рабочие протесты

Трансформация профсоюзов привела к тому, что рабочим стало трудно добиваться удовлетворения коллективных жалоб. Поэтому они стремились выражать недовольство зарплатами, дефицитом, своим положением в обход профсоюзов; их новые индивидуальные и коллективные стратегии заключались в жалобах, увольнениях, в пассивном сопротивлении и кратковременных коллективных протестах. В некоторых случаях стратегия отдельного человека превращалась в коллективную: увольнение по собственному желанию было настолько распространенным явлением, что создавало «текучесть рабочей силы», которая подрывала производство. Коллективные протесты выражались в срыве собраний, замедлении темпов работы, забастовках и бунтах. Протесты были стихийными, непродолжительными, ограниченными и быстро нейтрализовались, редко выходя за пределы одного цеха или завода. ВЦСПС успешно подавлял недовольство обещаниями удовлетворить жалобы, принять компромиссное решение и поставить продовольствие. Возможно, именно эти меры способствовали тому, что рабочие так упорно поддерживали социализм, и даже глубокое социальное напряжение, вызванное индустриализацией, не вызывало у них продолжительного протеста. Однако отсутствие широкомасштабных протестов вряд ли можно было считать признаком удовлетворенности. Трудности, сомнения, недоверие и отвращение медленно ослабляли связь, которая существовала когда-то между партийными лидерами и рабочим классом. Партия теряла контакт с классом, который привел ее к власти, и от чьего имени она правила.

Рабочие, занятые в легкой промышленности, проявляли серьезное недовольство. Наиболее массовые, координированные и продолжительные протесты происходили на предприятиях текстильной промышленности. Чтобы снизить текучесть рабочей силы и мотивировать рабочих к улучшению профессиональных навыков, государство повысило зарплаты в тяжелой промышленности до максимально возможного уровня. Разница в оплате труда ставила рабочих в неравноправное положение, особенно женщин, большинство из которых работало в легкой промышленности и на менее квалифицированных работах. Легкая промышленность вообще плохо финансировалась. Устаревшее оборудование часто ломалось, что сказывалось на заработках рабочих. Наиболее резкие протесты высказывали работницы текстильных фабрик. В апреле 1932 года в забастовках приняли участие более 16 тыс. текстильщиков Ивановской области.^{116}, [12] После того как в конце 1932 года государство уменьшило норму пайка для детей, на текстильных фабриках снова поднялась волна протестов. Когда на Лежневской фабрике партийные и профсоюзные работники пытались обсудить новую политику, работницы стали настаивать на проведении общефабричного собрания или собраний в цехах, протестуя против намерения руководства проводить собрания небольших групп работниц, где их легко можно было заставить замолчать. Получив отказ от профсоюзных работников, работницы заявили: «Тогда мы уходим». В ткацком цеху рассерженные женщины закидали вопросами парторга: «Можно ли отменить распоряжение по уменьшению норм продовольствия?» «Почему вы уменьшили нормы для детей?» В заключение они крикнули: «Ни в коем случае мы не можем уменьшить паек для детей». «Вы мучаете нас, – возмущались они. – Как долго вы собираетесь это делать?» На некоторых собраниях рабочие-коммунисты принимали сторону работниц и высказывались против официальной политики. Один член партии заявил под громкие аплодисменты: «Партия сейчас раскололась, не прислушивается к голосу масс. Только ответственные работники кормятся. Довольно терпеть, надо требовать, чтобы нас снабжали. Рабочий за партией не пойдет. Жить становится невозможно». С аналогичными протестами выступали рабочие и других фабрик.^{117}

Несмотря на то что, работа в тяжелой промышленности, а также более квалифицированный труд оплачивались выше, протестовали не только работницы

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org легкой промышленности. Увеличение норм производства, пересмотр шкалы заработной платы, нехватка еды, задержка зарплаты, – все это порождало протестные настроения и среди занятых в тяжелой промышленности. Кратковременные забастовки состоялись на металлургическом заводе в Никополе, на машиностроительном заводе «Красный факел» в Москве, на машиностроительном заводе «Красный Путиловец» в Ленинграде, на шахтах Донбасса, среди докеров в Ленинграде, Архангельске и Одессе, а также на судостроительном заводе в Сормово.{118} На машиностроительном заводе им. Маленкова молодой рабочий, премированный за ударную работу, призвал рабочих к забастовке после того, как были увеличены нормы выработки. Он кратко изложил ситуацию: «После пересмотра норм снизились расценки, а кооперативы ухудшили снабжение, поэтому нужно уходить с завода». Наиболее агрессивно были настроены молодые рабочие. Ударники и партийные часто играли ведущую роль. Когда в 1932 году вступило в действие новое правило неоплаты за производственный брак, у многих рабочих резко сократилась зарплата. Двое рабочих завода «Красный Путиловец» не вышли на работу после того, как были увеличены нормы, и вывесили объявление для второй и третьей смен с призывом не выходить на работу. Рабочие третьей смены также грозились не выходить.{119}

Повышение цен в январе 1932 года стало причиной забастовки в Москве, наиболее обеспеченном продовольствием городе. На заводе строительных материалов рабочие во время обеденного перерыва призывали начать общезаводскую забастовку. Они говорили: «Нам мало платят. Нормы высокие. Шкала заработной платы низкая. Цены растут. За что мы работаем? Что бы мы ни делали, мы полуголодные». Группа рабочих в знак протеста была готова разойтись по домам, но партийные и профсоюзные чиновники убедили ее остаться. Последовали многочисленные «разъяснительные беседы», но они не убеждали рабочих. «Это неправильно. Вы очки нам втираете», – раздавались выкрики. В Донбассе рабочие в ответ на рост цен выступили с антисоветскими лозунгами.{120}

Рабочие отказывались работать и в тех случаях, когда руководство не платило зарплату или не обеспечивало их продовольственными карточками. В 1932 году рабочие «Вишхимзавода», химического завода на Урале, не вышли на работу после того как им не выдали заработную плату{121} на заводе не хватало топлива и сырья, и вероятнее всего директор использовал фонд заработной платы на поддержание производства. Рабочие Мытищинского вагоностроительного завода в Московской области не получили зарплату в ноябре 1932 года. Маляр в отчаянии пошел в партком завода: «Вам нужно отрубить голову. Вы все время пропагандируете, что сейчас у нас так называемые трудности на финансовом фронте, которые нам нужно преодолеть. Я хочу сказать вам, что больше терпеть невозможно. Через 3 месяца поднимется бунт. Я не могу жертвовать собой и жизнью своих детей, я больше не могу терпеть».{122} В 1933 году в Ленинградской области семьдесят рабочих Ижорского машиностроительного завода прекратили работу на три часа, протестуя против того, что они не получали продовольственные карточки или зарплату за три месяца.{123} Рабочие Провского завода в Восточной Сибири объявили «итальянку» (снижение темпа работы) после того, как администрация не выдала продовольственные карточки на муку Рабочие двух цехов прекратили работу на три часа. Когда рабочим стекольной фабрики в Иваново не выплатили зарплату за два месяца, они предъявили ультиматум: «Заплатите нам в течение ближайших 2-х часов или мы разгромим фабрику».{124} После того как в 1932 году на локомотивном заводе «Людиново» в западном регионе была урезана продовольственная норма, рабочие призывали к забастовке. Половину трудового коллектива составляли новые переселенцы, все еще кипевшие злобой по поводу коллективизации. Меншевики и социалисты-революционеры[13] также вели активную деятельность на заводе, предлагая осудить политику большевиков. Рабочие ремонтного цеха собрались в вагоне поезда и послали небольшую делегацию в другие цеха с целью организовать поддержку забастовки. Первого мая кто-то нацарапал призыв на стене в цеху: «Рабочие! Верните власть Советам!». Это был лозунг, основанный на революционном призыве: «Вся власть Советам!», который был популярен в 1917 году, но впоследствии подрывавший диктатуру партии. Присоединиться к стачке забастовщики призывали рабочих соседней стекольной фабрики. Упреждая забастовку, районный партийный комитет быстро реквизировал и раздал два вагона хлеба. Все же это были временные меры. Местный представитель ВЦСПС отметил, что рабочие не получали хлеба и сахара в июне, и ситуация с продовольствием продолжала оставаться весьма угрожающей.{125}

Вся история трудовых отношений до сих пор скрыта в архивах НКВД и партии.

Разрозненные данные, собранные в этой книге, позволяют предположить, что протестовали не только занятые в скудно финансируемой текстильной промышленности, с низкой оплатой труда, рабочие протесты происходили повсеместно: и в тяжелой, и в легкой промышленности, в Москве и Ленинграде, на дальних стройках и шахтах. Новые рабочие, приезжавшие в города из деревень, рабочие старшего возраста, высококвалифицированные и малоквалифицированные, женщины – все участвовали в протестах. Последние характеризовались кратковременностью, спонтанностью, но были действенны, поскольку руководство и чиновники немедленно на них реагировали. Чудесным образом выплачивалась зарплата, задерживаемая недели и месяцы; немедленно доставлялись продукты в магазины. Эти срочные меры были эффективными при подавлении протестов, но не меняли принципиально ситуации. Хотя в середине 1930-х годов положение рабочих улучшилось, к концу 1930-х годов оно снова стало ухудшаться, поскольку страна начала готовиться к войне.

Сомнения в партии

Напряжение, созданное индустриализацией, не только подорвало доверие рабочих к партии, но и стало причиной разногласий в ее рядах. Занимавшие руководящие посты бывшие оппозиционеры, потрясенные голодом и страданиями людей в городах и деревнях, обсуждали альтернативы сталинскому руководству и политике. Рядовым членам партии становилось все сложнее поддерживать курс партии. Рабочие-коммунисты испытывали те же трудности, что и беспартийные. Например, секретарь партийной ячейки и другие члены партии вместе с рабочими металлургического завода им. Петровского, страдали от недоедания.^{126} Рабочие – члены партии чаще относились с сочувствием к жалобам своих товарищей, чем к партийной политике. Многие рабочие, имевшие родственников в деревнях, осуждали коллективизацию за дефицит продовольствия и отвергали лозунги партийной пропаганды о процветании на селе. Старейший рабочий машиностроительного завода «Компрессор» в Москве, член партии с тридцатилетним стажем сердито спросил на собрании: «Почему в 1924 году у нас была вкусная еда и одежда, а сейчас ничего нет?» Другой, старший по возрасту рабочий ответил, открыто осуждая коллективизацию: «Здесь плохо с продовольствием, и я думаю, причиной этого является коллективизация крестьянства. Колхозы не выполняют требований по производству продуктов. Если бы каждый крестьянин мог вырастить больше скота, то могло бы быть больше мяса и других сельскохозяйственных продуктов на рынках».^{127} Кандидат в члены партии и рабочий фабрики им. 1905 года также заявил, что отсутствие продуктов в городах связано с трудностями коллективизации. «Предположим, сейчас нет военного коммунизма, – сказал он, ссылаясь на политику большевиков, которые принудительно конфисковали зерно во время Гражданской войны, – но крестьян и колхозников грабят хуже, чем при военном коммунизме».^{128} Хотя руководители партии и ожидали подобных чувств со стороны «отсталых» переселенцев из деревни, эти настроения были широко распространены среди партийных и беспартийных рабочих, которые постоянно общались со своими родственниками на селе и приносили новости на заводы.

Многих работников заводов коммунисты отказывались призывать к участию в государственной кампании по займам. В одном из отчетов отмечалось, что их настроения «были почти такими же, как настроения рабочих». Некоторые игнорировали партийную дисциплину и высказывались против займов. В Брянске один коммунист, работавший на токарном станке в механическом цехе завода, заявил на митинге: «Для чего нужен этот заем? Зачем нам нужна вторая пятилетка, если мы ничего не получили от первой? Сейчас невозможно жить. Пусть улучшится положение рабочих, и тогда мы подпишемся на новый заем и выполним вторую пятилетку». На профсоюзном собрании завода им. Марти старый рабочий – член партии – встал и объявил: «Снабжение рабочих все хуже и хуже. Рабочего кругом прижимают. Снижают зарплату». Достав свой партийный билет, он бросил его со словами: «Вы мне рот не заткнете».^{129} Работница текстильной фабрики в Иваново – коммунистка отказалась идти на партийное собрание, посвященное подписке на госзаем. «Я не пойду, и не подписывайте меня», – заявила она. «Везде одни жулики. Нигде нет справедливости. Если вы подпишете меня, я выйду из партии».^{130} Многие рабочие-коммунисты, глубоко оскорбленные растущей дистанцией между рабочими и начальством, считали, что бремя займов должно нести более привилегированные слои населения. Один рабочий-коммунист кожевенного завода в Клину заявил: «Пусть подписываются начальники, у которых больше зарплата, и которые имеют собственные магазины». Другой кандидат в члены партии на том же заводе сердито отреагировал на попытки активистов включить его в список на заем. «Вы нас накормили? Вы нам дали хлеба?» – спросил он. Вы умеете агитировать на

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosofoff.org займы. Вы толстые, сытые и довольные, а мы голодные. Да, сейчас каждый голодает. Пока вы не стоите вместе с нами в очередях, пока вы получаете другой паек, и пока вы не исправите ситуацию, ни один рабочий не подпишется ни на копейку».{131}

Многим членам партии совесть не позволяла убеждать рабочих продолжать жертвовать собой во имя индустриализации. Когда в 1933 году начался очередной рост цен, политику партии рабочим разъясняли на партсобраниях. Один член партии в замешательстве заметил другому: «Как мы можем это объяснить рабочим, когда некоторые из них получают так мало?»{132} Когда в 1932 году повысили нормы выработки на Каменской бумажной фабрике в Московской области, на одном из таких собраний рост цен осудил нормировщик.

«Ни в одной капиталистической стране не эксплуатируют рабочих так, как на Каменской фабрике, – громогласно заявил он под одобрительные аплодисменты. – «Тут крадут у рабочих зарплату недовыписывают работу». Никто из членов партии, профсоюза или комсомола не сказал в ответ ни слова. Вскоре после собрания и нормировщик, и председатель завкома профсоюзов были уволены».{133}

Некоторые рабочие-коммунисты осуждали политику партии и профсоюзов в целом. Егоров, член партии, рабочий фабрики «Парижская Коммуна» в Иваново резко осудил профсоюзы, заявив, что они «хуже, чем в капиталистических странах». А член партии на заводе им. Козицкого в Ленинграде сказал своим товарищам по работе: «Все их разговоры на собраниях – это пускание пыли в глаза. А потом они пишут в газетах о нашем активном участии». На машиностроительном заводе «Красное Сормово» в Нижегородской области член партии гневно выговаривал профсоюзному активисту ищущему поддержку среди рабочих: «Это ваш закон, ваша власть – вы делаете все, что хотите».{134} Голод, хаос, падение уровня зарплаты, страдания рабочих и крестьян – все это оказывало чудовищное давление на рядовых коммунистов. Для многих из них становилось невозможным оправдать политику которая была причиной таких трудностей. Колебания и разочарование рядовых членов партии не могли не влиять на настроения партийных руководителей. В 1932 году зарождавшееся недовольство переросло в острую критику политики Сталина в области промышленности и сельского хозяйства.

Обломки оппозиции

В 1920-е годы внутри партии сложились многочисленные группировки, отражающие существование в партийном руководстве различных подходов к определению внешне- и внутривнутриполитического курса, экономики, профсоюзов, культуры, права и семейных отношений. Обсуждение любого вопроса сразу вызывало горячую полемику. Члены партии объединялись в группы, перегруппировывались внутри временных блоков, гибко приспосабливаясь к изменениям партийной политики».{135} В то же время более глубокие противоречия, вызывающие разногласия по вопросам основного курса и власти, раздирали партию на части. В 1923 году многие члены партии примкнули к Троцкому, который критиковал бюрократизацию государственного аппарата и эрозию партийной демократии».{136} В 1925 году аналогичные взгляды высказывали лидеры партии Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев – в ответ на усиление личной власти Сталина. В 1926 году Троцкий присоединился к «объединенной оппозиции» Зиновьева и Каменева, которая нашла широкую поддержку на предприятиях, среди студентов, и особенно в Ленинграде, где позиции Зиновьева были особенно сильными. Но в 1927 году Сталин и его сторонники взяли верх в руководстве ВКП(б). Троцкий был исключен из партии и в итоге выслан за границу Зиновьев и Каменев лишились своих постов. Их сторонники хранили молчание. Одни смирились, другие были высланы из страны или отправлены в ссылку.

В 1929 году с принятием первого пятилетнего плана многие из тех, кто ранее поддерживал Троцкого, отреклись от него, заявив о поддержке курса правящего партийного большинства. Ими двигало страстное желание работать в промышленности, где они получили видные должности. В то же время партийных лидеров – Бухарина, Рыкова и Томского, не согласных с новой политикой партии, в частности, с конфискацией зерна и коллективизацией, считали «правыми уклонистами», и принудили их публично отказаться от своего мнения. Председателя ВЦСПС Томского уволили и провели тщательную чистку среди его сторонников. Многие из этих «правых» нашли работу в Народном комиссариате труда, возвратились в ряды профсоюзов, а затем, когда в 1933 году НКТ был ликвидирован, и в ВЦСПС.

В 1932 году оживились мелкие оппозиционные группы «левых» и «правых». Некоторые бывшие «левые», занявшие ведущие посты в промышленности, встречались с Троцким и его сыном в Берлине. Представитель «правых» М. Н. Рютин, исключенный из партии в 1930 году, организовал тайную оппозиционную группу в знак протеста против политики Сталина и методов его руководства. Многочисленные копии его 194-х страничного манифеста, известного как «платформа Рютина», распространялись среди членов партии в различных городах страны. Группа Рютина была изгнана из партии, ее члены арестованы. «Платформа Рютина» привела в ужас сталинское руководство и сыграла значительную роль в последующих обвинениях против партийных лидеров. Другие члены партии правого и левого толка, включая Томского, Рыкова, В. В. Шмидта и И. Н. Смирнова, были понижены в должности, подвергнуты порицанию, изгнаны из рядов партии или арестованы. Однако на видных постах в профсоюзах, промышленности, органах управления экономикой и прочих государственных учреждениях бывшие оппозиционеры все еще удерживали свои позиции. В январе 1933 года на пленуме Центрального Комитета ВКП(б) один из делегатов отметил, что в партийных и государственных организациях полно критики и недовольства. «Если вы хотите услышать отвратительные анекдоты о работе партии, – сказал он, – посидите в столовой Совета Народных Комиссаров». {137}

Из всех этих групп только троцкисты сформировали среди рабочих базу поддержки. При всем этом они отдалялись от молодых активных рабочих. Хотя они и разделяли недовольство последних, но были шокированы антисоветскими, даже антисоциалистическими, взглядами новых выходцев из крестьянского сословия. Испугавшись иметь дело с такими людьми, троцкисты все больше изолировались от своей потенциальной базы. {138} К 1934 году не осталось ни правой, ни левой активной и организованной оппозиции политике Сталина. Бывшие оппозиционеры продолжали обмениваться информацией, поддерживать контакты, делиться сомнениями. Некоторые из них заняли высокие посты, другие остались работать на заводах. Это было небольшое количество искушенных политикой товарищей, имевших сложное прошлое, хорошую память и глубокую сдержанность по отношению к Сталину и его политике.

Заключение

В 1934 году партия преодолела социальный и экономический кризис и обеспечила надежную базу для дальнейшего развития. Этот успех был свидетельством глубокой приверженности рабочего класса великим идеалам социализма. Информаторы сообщали о повсеместном проявлении недовольства и горечи, но нигде в архивах не было найдено их отчетов, в которых бы говорилось, что рабочие надеются вернуть к власти знать и капиталистов. Но победа партии досталась стране высокой ценой. Поставленные первым пятилетним планом цели – снижение цен и повышение уровня оплаты труда – основывались на далеких от реальности производственных планах, реализация этих спровоцировала дестабилизацию в обществе и вызвала яростное сопротивление коллективизации. Хотя в 1934 году экономика начала стабилизироваться, рабочие все более критично воспринимали лозунги индустриализации, которая доставалась им слишком дорогой ценой. Рабочие – члены партии и профсоюзные активисты – не одобряли линию партии. Вынужденные выбирать между рабочим классом и политикой партии, многие из них испытывали кризис доверия. Как могли они одобрять коллективные договоры, которые не давали никаких преимуществ рабочим, а займы уменьшали их скудные зарплаты? Даже убежденных поборников социализма ужасала настойчивая и лживая демонстрация партией массовой поддержки рабочих. Профсоюзные завкомы, которые когда-то действительно и энергично отстаивали интересы рабочих, теперь занимались только тем, что принимали в профсоюз новых членов, организовывали собрания с заранее утвержденными повестками дня и ожидаемым результатом.

Партийные лидеры были осведомлены о глубоком недовольстве в рабочей среде. Официальные представители и информаторы (добровольные и состоявшие на службе), а также профсоюзные и партийные активисты регулярно проводили обследование настроений рабочих по различным вопросам. [14] Одни отчеты не содержали персональных сведений и служили в основном для информирования партийного руководства об отношении рабочих к новой политике. Однако в других случаях информаторы заботливо указывали имена рабочих, выражавших свое мнение, род занятий, цех, в котором они работали, и завод. Так называемые антисоветские высказывания служили поводом для изучения прошлого рабочего, что иногда вело к потере работы, исключению из профсоюзов,

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org
лишению жилья и даже аресту.[15] В начале 1930-х годов рабочие говорили довольно открыто, но, несомненно, они становились более осторожными, поскольку знали, какие последствия могут их ждать. Не имевшие паспортов или те, у кого было сомнительное прошлое, находились в особой опасности. Безусловно, они молчали из чувства страха.

На местах рабочие-партийцы и профсоюзные активисты переживали мучительные для них сомнения в правильности политики партии, они отдалялись от более привилегированного, лучше оплачиваемого и обеспеченного руководства. Бывшие оппозиционеры, занимавшие руководящие посты, недовольно роптали, однако они не имели поддержки в рабочей среде. Все еще работавшие на предприятиях бывшие оппозиционеры критиковали политику партии, однако их пугали антисоветские настроения выходцев из деревни и других рабочих, они не предлагали рабочим организованной альтернативы сталинской политике. Руководители партии, озабоченные реализацией планов индустриализации и недовольством рабочих, осознавали, что поддержка партийного курса со стороны рабочего класса ослабляется, а в рядах партии растут сомнения, распространяются, пока еще скрываемые и глухие, критические настроения. Хотя рабочие широко поддерживали социализм, партийное руководство не было уверено в этой поддержке. Партия с трудом пережила бурную социальную и экономическую трансформацию. В ВКП(б) – как в руководстве, так и среди рядовых членов – было много скептиков. Ее социальная основа была разрушена. И что важнее всего – напряженность и трудности в промышленности все еще не были преодолены.

От рабочих поступало большое количество жалоб, но они не удовлетворялись.

Михаил Александрович Панин горняк шахты Донецкого рудоуправления с двадцатидевятилетним стажем работы, доброволец Красной армии в 1933 году в разгар голода описал свое положение в письме в Народный комиссариат труда. Он рассказал, что рабочие не получали зарплату более двух месяцев, и что это было обычным явлением для руководства, которое искусственно создавало голод. Продовольственный паек был сокращен, и за последний месяц многие семьи не получили ничего, кроме хлеба. Несмотря на многочисленные предложения горняков руководству просеивать муку, хлеб был с мякиной. Шахтеры начали пухнуть от голода. Двенадцать его товарищей, шахтеров, лежали в больнице. Лошади, слишком оголодавшие, чтобы тащить нагруженные вагоны, пали на ходу. Откатка угля в самых глубоких отсеках шахты прекратилась, в результате сократилось производство. Доведенные до отчаянного положения шахтеры, изрубили и съели мертвых лошадей. Панин спрашивал: «Неужели мы, рабочие, добивались того, чтобы влачить такое существование и растаскивать падаль, выброшенную из рудничных конюшен, которая была тоже ни чем иным как умышленной незаготовкой фуража»? Он писал: «Стало невтерпез смотреть на всю проводимую узурпаторщину местными работниками. Я решил написать это заявление. Надеюсь, товарищи члены бюро, вы рассмотрите это заявление и пришлете людей проверить факты и вместе с ними ликвидируете ненормальности». {139}

фото 1. Завод «Серп и молот», 1935 г. (по разрешению РГАКФД)

фото 2. Завод «Серп и молот», 1935 г. (по разрешению РГАКФД)

фото 3. Завод «Красный пролетарий», 1935 г. (по разрешению РГАКФД)

ГЛАВА 2. ОТ УБИЙСТВА К МАССОВОМУ ЗАГОВОРУ

Ужасна и чудовищна вина этих преступников и убийц, которые подняли руки против лидеров нашей партии, против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева.

Из обвинительной речи А. Я. Вышинского, Генерального прокурора СССР на первом Московском судебном процессе {140}

Это событие (убийство С. М. Кирова) было роковым для страны и для партии. Г. С. Люшков, руководящий сотрудник НКВД {141}

Вечером первого декабря 1934 года бывший сотрудник Института истории партии Леонид Николаев проник в здание Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) и выстрелом в затылок убил С. М. Кирова, главу Ленинградского комитета партии. Киров, известный организатор и верный сторонник Сталина, в 1926 году был направлен в Ленинград, где возглавил Ленинградскую организацию

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org
ВКП(б), бывшую оплотом Г. Е. Зиновьева и левой оппозиции. Киров сменил сторонника левой оппозиции Г. Е. Евдокимова на посту первого секретаря Ленинградского комитета партии в феврале 1926 года. Позднее вместе с другими пятнадцатью подсудимыми Евдокимов был обвинен в причастности к убийству Кирова, признан виновным и расстрелян. Убийство этого политического деятеля до сих пор покрыто тайной и является предметом многочисленных теорий заговора. Некоторые доказывают, что Киров, популярный политик, придерживавшийся умеренных взглядов, ставил под сомнение лидерство Сталина, и что Сталин тайно организовал это убийство. Другие утверждают, что нет доказательств «умеренности» Кирова или причастности Сталина к его убийству.^{142} Во время нахождения у власти Хрущева и впоследствии Горбачева создавались комиссии по расследованию этого преступления. Основываясь на сотнях документов и допросов, обе комиссии пришли к заключению, что Николаев действовал в одиночку.^{143} Однако все согласны с тем, что в ответ на убийство Кирова, начались широкомасштабные аресты в партии, на предприятиях, в профсоюзах, научном сообществе, правительстве и других учреждениях. В день убийства был принят указ, ужесточающий законодательство, вносящий изменения в судебные законы, существенно ограничивший гражданские права и свободы. Расследование акта «терроризма» должно было быть закончено в течение десяти дней. Обвиняемых необходимо было информировать о предъявляемом им обвинении за двадцать четыре часа до начала судебного процесса, они не имели права на защиту. Их приговор нельзя было апеллировать. Смертный приговор приводился в исполнение немедленно. В сентябре 1937 года эти положения были распространены и на другие преступления, включая вредительство и подрывную деятельность.^{144} К 1937 году вся страна была заражена вирусом доносительства и охоты на ведьм.^{145}

Хотя реакция партийных руководителей была незамедлительной, вначале они не были уверены в том, какое значение нужно придавать убийству Кирова. Было это трагичным, отдельно взятым преступлением или же частью более масштабного заговора? Сразу же после убийства Николаев и его окружение были арестованы. Однако в последующие два года следствие расширилось до таких масштабов, что под него попали бывшие левые оппозиционеры, иностранные коммунисты, представители «правого уклона» и прочие. Официальная версия убийства и его политического значения также стала более пространной: теперь уже речь шла о более тщательно разработанном заговоре с целью террора и убийств. Однако на предприятиях – низовой уровень организационной пирамиды партии – парткомы продолжали функционировать так же, как и раньше. Не зная, каким образом следует выполнять инструкции из центра, в которых настоятельно требовалось проявить бдительность и принять меры, они по-прежнему уделяли главное внимание вопросам производства, организации кампаний и решению цеховых проблем. Рабочие проявили огромный интерес к убийству Кирова, но они также не считали это личным делом. Не считая редких ссылок на деятельность троцкистов и акты вредительства, рядовой состав партии и рабочие были абсолютно невосприимчивы к политическим воплям в верхах. Терроризмом, по их мнению, должен был заниматься НКВД. В этой главе отслеживается и сравнивается реакция на убийство Кирова «сверху» (со стороны лидеров партии) и «снизу» (на предприятиях). Партийные лидеры все в большей степени были одержимы идеей о тайных террористах и скрытых врагах, в то время как реакция рабочих и парткомов была довольно вялой. Их апатия, отказ «разоблачать» врагов и терпимость приводили в ярость руководителей партии, которые в свою очередь всячески пытались привлечь рабочий класс к охоте на врагов. Установление связи и взаимопонимания по этому вопросу между партийными лидерами и базой, на которую они опирались, имела решающее значение для распространения террора, участия в нем широких масс и изменения политической культуры на предприятиях.

Развитие версии о заговоре

Политбюро поручило Н. И. Ежову, заместителю председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и Я. С. Агранову, заместителю Наркома Внутренних Дел (НКВД), расследовать убийство Кирова. Хотя предпринятое Ежовым широкое расследование и теории заговоров, которые он создавал, в конечном счете и способствовали его выдвижению на пост главы НКВД, вначале следствие ограничило розыскные действия небольшой группой подозреваемых.

В течение месяца Николаев и еще тринадцать человек были арестованы, осуждены и казнены в соответствии с новым законом от 1-го декабря. На втором судебном процессе 15-16 января 1935 года Г. Е. Зиновьев, Г. Е. Евдокимов, Л. Б. Каменев, И. П. Бакаев и еще пятнадцать человек были признаны виновными в организации так называемого «Московского центра»,

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org который якобы руководил деятельностью различных контрреволюционных группировок, включая группу, осужденную за убийство Кирова. Однако Зиновьев и Каменев отрицали какую-либо свою роль в убийстве С. М. Кирова. Обвиненные в подстрекательстве к убийству путем поддержки оппозиции, они были приговорены к тюремному заключению.{146}

На следующий день после судебного процесса Сталин охарактеризовал политическую ситуацию в своем письме в Политбюро. 18 января Центральный Комитет разослал это «закрытое» письмо всем партийным организациям для обсуждения. В письме, подготовленном под личным контролем Сталина, объяснялось, что группа зиновьевцев была арестована за убийство Кирова, признана виновной и приговорена к тюремному заключению.{147} Иными словами, убийц нашли и наказали, дело было закрыто. Нелепый синтаксис письма и несвязное изложение были необычными для такого важного официального документа «сверху». Отличавшееся не к месту вставленными фразами и повторами, письмо читалось так, будто было подготовлено трясущейся и нерешительной рукой. В письме подробно описывался ход судебного расследования на процессе по делу «Московского центра»: Киров был убит руководимым из Москвы «Ленинградским центром», который поддерживал терроризм, но не был осведомлен о планах политического убийства. Оба центра разделяли взгляды «троцкистско-зиновьевской платформы» и планировали поставить на руководящие посты своих членов, многие из которых были партийцами. Не найдя поддержки своей программы в рядах партии и среди рабочего класса, они использовали тактику террора и установили связи с латвийским консулом в Ленинграде, сторонником германского фашизма. В письме многократно подчеркивалось, что оба центра не предлагали социалистической альтернативы руководству Сталина, и не могут рассматриваться как альтернативная фракция в партии. Они были террористами, фашистскими коллаборационистами, представителями «бывших буржуазных классов». Письмо представляло подсудимых подлинными контрреволюционерами, дискредитировало их личности, клеветало на их родственников. В письме подчеркивалось, что бывшие оппозиционеры 1920-х годов не были настолько «покорны и безобидны», как считали многие члены партии. Они были «лицемерами», притворялись лояльными политике партии и ее руководителям, тайно готовили террористические акты. Имея партийные билеты и занимая важные посты, они маскировали свои истинные намерения. Фактически отсутствие бдительности в Ленинградской партийной организации, и в особенности в НКВД Ленинграда дало им возможность совершить убийство Кирова. Кроме того, письмо предупреждало, что другие «замаскировавшиеся» оппозиционеры все еще оставались в рядах партии и занимали руководящие посты. В письме требовалось исключить их из партии, арестовать и выслать все «остатки антипартийных групп в рядах партии», а также содержать призыв к членам партии изучать историю ВКП(б) с тем, чтобы научиться распознавать «остатки» антипартийных групп и уничтожать их.{148}

Некоторые историки полагают, что это письмо представляло собой прямое указание не только к исключению оппозиционеров из партии, но также к их арестам.{149} Все же в тексте письма не предлагалось конкретного образа действий, кроме усиления бдительности и изучения истории партии. В 1927 году была подавлена последняя открытая оппозиция в партии, и в 1935 году большинство членов партии не верили, что в местных парторганизациях могли находиться «остатки антипартийных групп». Они с готовностью признавали, что некоторые члены партии могли голосовать за резолюции троцкистов или проявлять активность в оппозиционных кругах, но также они верили, что эти люди давно уже отказались от своих прошлых взглядов. Члены партии с почтительным вниманием отнеслись к письму, но не считали его применимым в собственных организациях.

Вскоре после рассылки этого письма Политбюро по инициативе Сталина предприняло контрмеры против бывших левых оппозиционеров. Из Ленинграда было выслано 663 зиновьевцев, 325 членов партии, бывших «левых», перевели на работу за пределы города. В январе и в феврале НКВД Ленинграда арестовал еще 843 бывших сторонников Зиновьева. Во время их допросов версия об убийстве Кирова, представленная на суде и в письме, Продолжала развиваться и уже включала большее количество злоумышленников, их действий и объектов преступления. Новую версию Ежов изложил в рукописи «От фракционизма к открытой контрреволюции и фашизму», которую выслал Сталину в мае 1935 года с сопроводительным письмом, где просил дальнейших указаний. Согласно версии Ежова, бывшие троцкисты тоже предпочитали террор и подстрекали к этому зиновьевцев. Тем же летом Ежов дал указание НКВД найти и ликвидировать скрывавшихся представителей троцкистского центра. Бывшие члены левой

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
оппозиции, находившиеся в ссылках, в тюрьмах, а также те, кто еще оставался
на руководящих постах, были доставлены в Москву для новых допросов. {150}
Круг предполагаемых злоумышленников быстро расширялся.

Бдительность: тенденция усиливается

По мере роста масштабов расследования в поле внимания следствия оказывались как бывшие троцкисты, так и зиновьевцы; таким образом, расширялся круг потенциальных подозреваемых. Люди, давно отказавшиеся от оппозиционной деятельности, были смещены со своих должностей, уволены, в некоторых случаях арестованы и многократно допрошены. Однако на местном уровне заводские парткомы не так активно реагировали на письмо и продолжавшееся расследование, этим они защищали своих членов от арестов. Естественно, все знали об убийстве Кирова, посещали собрания и чтители его память, читали многочисленные статьи, посвященные достижениям Кирова и его «зверскому убийству». Они произносили нужные слова по поводу «бдительности», но в общем и целом, продолжали считать более раннюю оппозиционную деятельность безобидным пережитком, отзвуком прежних партийных дебатов. Представители Пролетарского райкома партии организовали дискуссии по поводу убийства Кирова на крупных заводах «Динамо», «АМО» и «Серп и молот». Секретарь Московского комитета партии М. М. Куликов с несчастным видом докладывал, что многие члены партии сохраняли терпимое отношение к бывшим оппозиционерам. Несмотря на постоянный барабанный бой критики против Троцкого, Зиновьева, Каменева и других в газетах и в руководстве ВКП(б), рядовые члены партии по-прежнему относились к ним с уважением. Один из членов партии, работавший в прокатном цеху завода «Серп и молот» заявил: «Мы не должны забывать заслуги Троцкого, Зиновьева и Каменева в Гражданской войне». Куликов возмущенно ответил: «Разве это вопрос? Вопрос заключается в том, кто будет действовать против партии». Все же многие члены партии и рядовые рабочие отказывались очернять бывших оппозиционеров. Верные памяти революции, они имели свое мнение об убийстве Кирова, и их взгляды не всегда соответствовали «урокам», которые Центральный Комитет партии тщательно изложил в своем январском письме в 1935 году на хлебозаводе № 3 рабочий встал во время выступления официального докладчика и заявил ему: «Ты еще молокосос говорить о Зиновьеве и Каменеве». Докладывая, Куликов кипел от злости: «А там сидят два коммуниста: один – как в рот воды набрал – молчит, а другой выступил и сказал, что они еще отсидят и нам пригодятся». {151}

На рабочих крупной текстильной фабрики «Трехгорная мануфактура» в Москве письмо не оказало сильного воздействия. В течение 1935 года партком регулярно собирался для обсуждения административно-хозяйственных задач: ведение учета «сочувствующих», вопросы партийной школы, выплаты пенсий, утери партийных билетов и производственные вопросы. На собраниях присутствовало от шестнадцати до шестидесяти человек, среди них были начальники цехов, профсоюзные деятели и руководство. Следуя указаниям, данным в письме, партком приглашал некоторых членов партии для обсуждения их политических взглядов. В течение всего 1935 года общий подход был толерантным и сдержанным, но некоторые члены партии старались играть на публику и демонстрировали собственную бдительность за счет своих товарищей. Эти случаи иллюстрировали размах оппозиционной деятельности, а также реакцию парткома. В каждом случае соблюдалась единая процедура. Член партии, подвергавшийся допросу, рассказывал свою историю оппозиции, члены парткома задавали вопросы, обсуждали дело и официально объявляли о решении относительно будущего пребывания этого человека в партии.

Каплун – бывшая активистка женотдела (отдела по работе среди женщин) вступившая в партию в 1920 году призналась, что до 1925 года вела активную оппозиционную деятельность. Несмотря на призыв Сталина «построить социализм в отдельно взятой стране», она сомневалась в том, что социализм можно построить без сильных союзников. Политически незрелое признание Каплун показывало, что она никогда полностью не понимала смысла политических дискуссий 1920-х годов. «Я тогда не верила в силу пролетариата», – объяснила она. «Оппозиция испугалась кулака, не зная, что ему противопоставить. Каменев поставил вопрос выдать по лошади каждому бедняку. Этот вопрос был делового характера, без перспектив». Она также призналась, что соглашалась с критикой оппозиции, которая обвиняла партию, установившую государственный контроль над капиталом, в ослаблении позиций социализма. Каплун рассказала, что в начале 1920-х годов после встречи с агитатором, распространявшим оппозиционную литературу, она присоединилась к левой оппозиции на своей фабрике. Она была членом фракции, которая голосовала блоком на партийных собраниях, и даже платила взносы. В конце концов, она

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org поверила, что оппозиция оказалась беспринципной, и вышла из нее. Но она утверждала, что никогда не была двурушницей. Парторганизация «Трехгорки» исключила ее из партии, но снова восстановила – со строгим выговором. А не рассказывала она о своем партийном прошлом, потому что уже давно отказалась от своих прежних идей. Ее муж – руководитель экономического треста также отошел от оппозиции. Каплун завершила свой рассказ: «Я напутала, что была зиновьевкой... Партия проверяла меня. Я думала, что я работала четко, и единственно, чем я могу искупить свою ошибку, еще больше работать в партии». {152}

Обсуждая Каплун, партком меньше всего был сосредоточен на ее прежней деятельности, гораздо больше его интересовало, было ли искренним изменение ее позиции. Один партиец спорил: «Каплун – грамотный человек, и сказать, что она несознательно работала в оппозиции – этого нельзя». Других беспокоил тот факт, что она распространяла оппозиционную литературу. Но никто не утверждал, что ее прежняя деятельность является основанием для увольнения с работы. Кроме того, Каплун раньше была уже исключена и снова восстановлена в партии высшей партийной организацией. Не имело смысла объявлять недействительным ее восстановление, если партия уже простила ее. Заседание постановило перевести Каплун на менее ответственную работу и внимательно наблюдать за ней, а тот факт, что она являлась активным членом оппозиции в прошлом, не являлся основанием для увольнения, говорилось в постановлении. {153}

Так же благополучно разрешилось дело Фокина. По его признанию, он, хотя «всегда выступал за линию, проводимую партией», подвергал сомнению аграрную политику. Работая в цеху рядом с сезонными рабочими, которые были крестьянами, он считал, что «крестьянство очень сильно прижимают». Товарищи Фокина по работе «не были довольны политикой советской власти». Один из участников пленарного заседания выразил обеспокоенность по поводу того, что член партии Фокин имеет неправильное представление о положении сезонных рабочих: «Не совсем откровенно говорил т. Фокин. У него были колебания, нужно было бы ему откровенно все рассказать». По словам выступавшего, Фокин «путал много», «не сделал упор на бдительность». Участники пленума пришли к заключению, что Фокин запутался. Они предупредили его, чтобы в будущем он более осторожно формулировал свои мысли и торжественно обещали проверить, борется ли он за генеральную линию партии. {154}

Хвостов – заведующий Совпартшколой понимал, что результат дискуссий пленума мог оказаться хуже. Он рассказал, что голосовал за Троцкого в 1923 году, когда был студентом Свердловского университета, и признался, что вначале находился под влиянием речей Троцкого, но это продолжалось только три месяца: «Когда линия партии стала более ясной, я понял неправильность своих взглядов». И снова члены партии спорили: действительно ли Хвостов принял политику партии. Однако не ошибки прошлого, а допущенные оплошности в настоящем явились результатом краха Хвостова. Несколько человек сообщили, что он спрашивал: «Какая же будет разница между соцсоревнованием и капиталистической конкуренцией?» Наиболее опасным было то, что он несерьезно отнесся к убийству Кирова и пошутил, что «Николаев хотел “прибрать” Кирова». Принадлежность к оппозиции в прошлом и критика в настоящем погубили Хвостова: участники пленарного заседания проголосовали за его исключение из партии. {155}

Ход дискуссии на заседании парткома показал, что участники собрания, осознавая масштаб деятельности и широкую распространенность идей оппозиции в 1920-е годы, с большой неохотой исключали из партии или даже порицали людей за их прошлые ошибки. Партком фабрики «Трехгорная мануфактура» проголосовал за исключение только одного члена партии из трех: Хвостова – за высказывание негативных комментариев в адрес Кирова и о соцсоревновании. Однако честное признание в сомнениях и оппозиционные взгляды в прошлом были позволительны в определенных пределах. Каплун, как и многие сотни других людей, подверглась порицанию и была прощена партией. Сомнения Фокина по вопросам коллективизации и сельской жизни были распространенным явлением. Многие коммунисты в заводских цехах были обеспокоены тем, что должны поддерживать линию партии, несмотря на откровенные жалобы своих товарищей по работе. В обоих этих случаях ни активная деятельность в прошлом, ни непостоянство во взглядах не являлись достаточным основанием, чтобы оправдать исключение из партии. Партком фабрики все еще довольно терпимо относился к подобным обстоятельствам.

В течение весны 1935 года органы НКВД продолжали аресты и допросы бывших

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org оппозиционеров, но партком «Трехгорки» слишком пассивно включался в охоту на врагов. Они исключили из партии одного человека то, что тот скрыл, что его отец был кулаком, другого, по фамилии Альтшуллер, исключили за карьеризм. Эти события взволновали других членов партии. Секретарь парткома написал письмо в Комиссию партийного контроля с требованием расследовать, кто рекомендовал и принял на работу Альтшуллера. Были наведены дополнительные справки о Каплун. Обнаружилось, что она организовала две оппозиционные группировки на табачных фабриках, была активисткой более долгое время, чем заявила, и что она была исключена из партии не единожды, а дважды – за «отклонения от генеральной линии партии». Нечестность навредила ей больше, чем ее прошлое. Парторганизация согласилась с тем, что она до сих пор придерживается оппозиционных убеждений, и что ей удалось замаскироваться, притворяясь честной работницей. В этот раз она была исключена из партии. {156}

За исключением этих двух случаев, собрания проходили в основном в плановом порядке. Озабоченный большим количеством на фабрике женщин-работниц, партком уделял большое внимание вопросам питания детей, школьным и жилищным проблемам, поощрял за хорошее воспитание детей, а также решал свои внутренние вопросы. На пленуме парткома официально объявили строгий выговор ткачихе, допустившей брак; продавцу, который реализовал идеи коммунизма на практике и снизил цены в продуктовом магазине, продавая рабочим рыбу по цене, ниже установленной государством. Также были объявлены выговоры другим членам партии: за пьянство в общественных местах, за антисемитизм и финансовые нарушения. {157}, [16] Проявляя озабоченность по поводу работы и поведения отдельных лиц, члены парткома несколько суровее относились к оппозиционерам. Однако, несмотря на отдельные случаи исключения из партии и демонстрацию большей бдительности, убийство Кирова и январское письмо Центрального Комитета партии, – все это не слишком нарушало ход деятельности парторганизаций на местах. Членов партии наказывали за пьянство, игру в Робина Гуда, неполадки на работе и изредка встречающийся фанатизм. Другими словами, весной 1935 года политическая атмосфера на местном уровне лишь слегка затуманилась. В основном партийная жизнь на предприятиях не изменилась. [17]

Усиление бдительности

В начале лета напряженность в Центральном Комитете партии существенно усилилась, когда члены административной службы Кремля были обвинены в участии в террористических группах, целью которых было убийство И. В. Сталина и других лидеров партии. На пленуме ЦК в июне 1935 года Ежов представил свою последнюю версию по делу Кирова, обвиняя Зиновьева, Каменева и Троцкого в непосредственном участии в убийстве Кирова, а также в недавно раскрытом «Кремлевском заговоре». Зиновьев и Каменев признались в пособничестве терроризму путем поддержки оппозиции. Однако новые обвинения были значительно более серьезными. Ежов предъявил обвинения в пособничестве террористам и секретарю ЦИК Союза ССР Авелю Енукидзе, ответственному за служебный аппарат и безопасность Кремля. По словам Ежова, «чуждые и враждебные» элементы «свили свое контрреволюционное гнездо» в администрации ЦИК. По свидетельству очевидцев, Енукидзе был виноват в основном в том, что игнорировал слухи, сплетни и шутки о Сталине и других лидерах партии, которые распространялись среди персонала ЦИК. Когда комендант Кремля хотел заявить в НКВД об уборщице, допуская антисоветские высказывания, Енукидзе отмахнулся от него. «Сначала лучше разберитесь с этим», – сказал он коменданту. Ежов также обвинил Енукидзе в материальной поддержке номенклатуры из числа старых революционеров за счет государственных средств. Что касалось этой части обвинений, Енукидзе не мог понять, почему нельзя было оказывать помощь бедным меньшевикам, бывшим оппозиционерам и их сторонникам. Он ответил на обвинения Ежова искренним удивлением. {158}

Несмотря на суровые обвинения в адрес Ежова, пленум Центрального Комитета партии не имел четкой позиции в том, как поступить с Енукидзе. Сталин и Ворошилов мягко выбрали его: «Ты что – ребенок? Если ты испытываешь сочувствие к кому-либо, ты бы мог спросить у кого-нибудь из нас». Сталин добавил: «Почему спросить? Пусть Енукидзе раздает деньги из своего собственного кармана, а не из государственных средств». Енукидзе извинился, но, в то же время отказался признать, что был полностью неправ. «Я был не в состоянии отказать этим просьбам», – просто сказал он. «Называйте это, как хотите». Один историк отметил: «С политической точки зрения он все еще читал другую страницу». Голоса разделились, и после продолжительных колебаний Центральный Комитет вывел Енукидзе из состава ЦК ВКП(б) и

Новые обвинения против Зиновьева и Каменева, раскрытие заговоров внутри Кремля и исключение из партии Енукидзе ознаменовали критические изменения в политическом климате. Антигосударственные шутки, критика и слухи предстали теперь в другом свете. Пленум жестоко критиковал Енукидзе за допущение «атмосферы», поощрявшей врагов. Но руководство все еще сомневалось, каким образом можно принудительно принять новую формулировку понятия «лояльность». ЦК не стал проверять обвинения Ежова против Зиновьева и Каменева, не опубликовал рукопись Ежова о фракционизме и контрреволюции и спустя год восстановил Енукидзе в партии. Через шесть месяцев после убийства Кирова руководство не было уверено в том, как интерпретировать это событие.{160}, [18]

Пока члены ЦК приобретали первый опыт «бдительности», парткомы занимались организационной проверкой, последовавшей после обмена партийных документов. В июне 1935 года тщательная проверка началась как «административно-хозяйственная работа». Согласно полученным инструкциям ее целью было исключение из списков выбывших, регистрация членов партии и верификация партбилетов; об убийстве Кирова не было сказано ни слова. Областные и районные партийные руководители, ответственные за проведение проверки и обмена, были озадачены этой процедурой и ее целями. Разве прошлая оппозиционная активность может считаться провинностью? Требовалось ли направлять в НКВД информацию об исключенных из партии? Нужно ли для НКВД разрешение прокурора, чтобы начать расследование? Чтобы уяснить роль партии, прокуратуры и НКВД, в сентябре 1935 года Ежов обратился к областным секретарям партии. Принижая роль прокуратуры и суда, он призывал секретарей ВКП(б) устанавливать более тесные связи с НКВД. К декабрю НКВД уже активно участвовал в партийных чистках, предоставляя областным руководителям партии компрометирующие материалы на коммунистов.{161} Однако местное партийное руководство продолжало относиться к проверке и обмену партбилетов как к рутинной процедуре, которой предшествовала тщательная проверка документов членов партии, их биографических данных, личного поведения и деятельности.

Местные партийные организации вели заведомо скупые записи. Члены партии часто теряли или неправильно заполняли партбилеты, не учитывали в билетах уплаченные взносы. Например, в период с июня по октябрь 1935 года партком металлургического завода «Серп и молот» исключил из партии двадцать человек за различные проступки, в том числе непосещение собраний, несоответствие документов, предоставление неверных биографических сведений, критику государства и партии. Старый литейщик Ильин, имевший двадцатилетний трудовой стаж и десятилетний партийный, был исключен из партии за выражение недовольства государственными займами. Члены партии соглашались с тем, что кампания по займам на заводе «Серп и молот» создавала «очень напряженную обстановку» среди рабочих, которым едва хватало средств на основные расходы. Кто-то подслушал, как жаловался Ильин: «Они снова нас обкрадывают, они у нас все отбирают».{162} Хотя партком тщательно проверял своих членов, было немного разговоров о «замаскировавшихся врагах», о предателях или оппозиционерах. Эта чистка, по крайней мере, на начальном этапе мало чем отличалась от тех, которые партия проводила в прошлом.

Партком крупного резинового завода «Красный Богатырь» ответил на растущую политическую напряженность в Кремле стандартным заявлением поднять политическую грамотность. При этом партком предусмотрительно устранился от ответственности. Действуя в соответствии с рекомендациями январского письма изучать историю партии, один из членов парткома заявил, что среди начальников, бригадиров и других ведущих членов партии на заводе «бдительность отсутствует», потому что они являются «политически неграмотными». Пообещав исправить свои недостатки, они сосредоточились на производстве. Мало кто был сведущим в тонкостях прошлых политических дебатов, и еще меньшее число людей заботилось о том, чтобы пересмотреть предметы разногласий. Невежество являлось идеальным оправданием невмешательства в то, что было явно грязным и неприятным делом. «Мы сообщали в вышестоящие инстанции о чуждых нам людях, и никаких мер не предпринималось», – заявил один из членов партии, пожимая плечами. Все признавали, что на заводе были факты вредительства: «Можно отметить завал тряпок, покупку болванок и т. д. Даже дирекция знает об этом, и никаких мер не принимает». Но казалось, никто этим особенно обеспокоен не был. «Все коммунисты должны повысить свой уровень...», – поддакивали они. Во время проводимого парткомом собрания в память о годовщине со дня убийства Кирова, произносились шаблонные речи: «Нет с нами С. М. Кирова, но мужество его

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org осталось». «Убийство т. Кирова говорит о том, что классовая борьба еще продолжается». Еще раз все согласились тем, что на заводе имеются вредители. Когда партком вывесил портреты руководителей страны в механическом цеху, кто-то выколол на портретах глаза и изрисовал лица. Но никто не мог опознать вредителей, и, что более важно, никто этим не был особенно встревожен.^{163} В то время казалось достаточным риторически подтвердить факт вредительства, чтобы не допускать распространения слухов.

Данные статистики позволяют частично объяснить царившую на заводах самоуспокоенность. В 1935 году члены местные партийные организации в некоторой степени все еще удерживались от нападков на бывших оппозиционеров. С июля 1935 года, когда началась кампания по проверке партийных документов, по декабрь 1935 года партия исключила из своих рядов 9,1% (177 тыс.) из 1 млн. 945 тыс. 55 членов партии. Большинство было исключено по типичным причинам: моральное разложение, хищение, сокрытие классовой принадлежности и несоответствие данных в документах. Только небольшая часть людей, 2,8% (4 тыс. 956), была исключена из партии за принадлежность к троцкистско-зиновьевской оппозиции. Из общего количества исключенных около 8,6%, т.е. 15 тыс. 218 человек были арестованы, что составляло менее 1% от общего количества членов партии. Невозможно знать о судьбах всех исключенных, но даже если каждый исключенный за участие в оппозиции человек был впоследствии арестован, эти люди составляли всего лишь одну треть от общего числа арестованных. Можно предположить, что оставшиеся две трети членов партии были арестованы и обвинены не в политических преступлениях, а в хищениях.^{164}, [19] Парткомы не проявляли озабоченности по поводу «троцкистско-зиновьевских террористических группировок», поэтому исключения из партии были не частыми, что в свою очередь, обеспечивало некоторую гарантию от последующих арестов по политическим мотивам. В свою очередь из-за незначительности числа арестов «срывание масок» с заслуживающих доверия товарищей по работе не мешало парткомам выполнять их ежедневные обязанности. В итоге в течение 1935 года индифферентность парткомов служила отличным буфером против усиливающихся махинаций в «верхах».

Расширение круга подозреваемых

В январе 1936 года произошел значительный сдвиг в деле Кирова. Версия Ежова о заговоре с целью убийства, впервые представленная Сталину в 1935 году, получила подтверждение после признания, вырванного у В. П. Ольберга, бывшего члена коммунистической партии Германии, который, спасаясь от фашизма, поселился в Горьком и принял советское гражданство.^{165} Неизвестно, заставили ли следователи признаться Ольберга в сфабрикованных ими фальсификациях, или же он нечаянно сообщил информацию, которая укрепила выдвинутую Ежовым версию заговора. Однако в течение месяца после ареста Ольберг признался, что Троцкий приказал ему убить Сталина и создать контрреволюционную террористическую организацию. Более 100 предполагаемых троцкистов были арестованы в других городах и обвинены в терроризме.^{166} Следствие выявило новые террористические заговоры, прямо связанные с именем Троцкого. Согласно этой версии сторонники Троцкого и Зиновьева в 1932 году сформировали «общий центр», целью которого были политические убийства и террор. В июне Ежов обвинил Зиновьева и Каменева в прямом участии в убийстве Кирова, но последняя версия шла еще дальше, добавляя новые имена в списки подозреваемых и расширяя цели заговора.

После весны 1936 года следователи НКВД использовали разнообразные незаконные методы, включая пытки, лишение сна, оскорбления и изоляцию, чтобы вырвать у бывших оппозиционеров признания и оформить их соответствующим образом. В феврале заместитель комиссара НКВД Г.Е. Прокофьев направил в местные органы НКВД распоряжение полностью уничтожить троцкистско-зиновьевское подполье, в результате чего последовали массовые аресты. В марте нарком НКВД Г. Ягода предложил передать дело членов подполья на рассмотрение суда Военной коллегии, судить по закону от 1-го декабря 1934 года и расстрелять. А. Я. Вышинский, генеральный прокурор СССР, дал свое согласие и добавил, что троцкисты «активно работавшие» в ссылке или исключенные из партии по результатам проверки должны быть высланы в удаленные трудовые лагеря. Сталин принял эти предложения и поручил Ягоде и Вышинскому составить список лиц, которые должны предстать перед судом. Вскоре после этого НКВД дал указание местным органам организовать «полное уничтожение всех троцкистских сил». Темп арестов ускорился. В апреле еще 508 троцкистов были арестованы и допрошены, в результате чего было названо еще большее число лиц, что расширило масштабы расследования. Во время ареста И. И. Трусова, беспартийного ассистента

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
Коммунистической академии, следователи НКВД обнаружили «личный архив» документов Троцкого с 1927 года. находка подсказала Сталину идею, чтобы Ежов взял на себя ответственность за допросы. Это предложение Политбюро восприняло единогласно. {167}

До этого момента аресты ограничивались в основном бывшими оппозиционерами и иностранными коммунистами. {168} Круг арестованных расширялся по мере того, как этих людей допрашивали и принуждали называть имена. При этом на протяжении весны 1936 года заводские парткомы были относительно спокойны. На заводе «Красный богатырь» регулярно устраивались собрания, в которых участвовало от 300 до 450 членов партии. В мае за низкий уровень политического сознания и отсутствие инициативы на производстве была исключена из партии одна из работниц, но в то же время было принято решение послать ее в дом отдыха и на обучение. Парторганизация предприятия занималась решением цеховых проблем, в частности, вопроса о том, что руководство не наградило стахановцев за 24-х часовой ударный труд, результатом которого стало производство рекордного количества галош. В июне на собрании обсуждались решения пленума Центрального Комитета ВКП(б). Участники собрания еще единогласно заявили, что поддерживают борьбу против зиновьевской оппозиции. Позже в том же месяце они пообещали увеличить список лиц, подписавшихся на следующий государственный заем. В июле они жаловались на то, что рабочие недовольны подпиской. Им приходилось выслушивать непрерывный поток объяснений от членов партии, которые не платили взносы, не посещали собрания, не подтвердили правильность документов или потеряли партбилеты. Они объявляли выговоры и выслушивали жалобы. Только один случай был связан с распространявшимся террором: женщине был объявлен выговор за то, что она не сообщила в партком о том, что ее муж сослан за контрреволюционную деятельность. {169}

Пока партком завода «Красный богатырь» упорно работал, укрепляя дисциплину в трудовом коллективе, подгоняя рабочих и стараясь улучшить повседневную жизнь, дело об убийстве Кирова приобретало все больший масштаб, «подпитываясь» новыми арестами и признаниями. Ни Политбюро, ни Центральный Комитет и даже прокуратура не сопротивлялись ускоряющемуся движению колесницы репрессий, запущенной Ежовым; рождались поразительные сюжеты заговоров, связанных с покушениями, беспорядки и убийства. Сопротивление оказывалось из единственного удивительного источника. Ягода, нарком НКВД, и Г. А. Молчанов, руководитель секретного политического отдела, пытались замедлить темп набирающего обороты расследования. Проверяя протоколы допросов, использовавшихся для фабрикации дел, Ягода небрежным почерком пометил на заявлении обвиняемого, где было написано, что Троцкий приказал ему убить советских руководителей: «неверно», «чепуха», «ложь». [20] Однако, когда в дело вмешались Сталин и Ежов, некоторые ключевые оппозиционеры были допрошены снова, это усилило новую версию. Свидетельские показания послужили основанием для начала первого Московского показательного судебного процесса. В июне Вышинский и Ягода, согласно ранее высказанному требованию Сталина, предоставили предварительный список из 82-х обвиняемых. Через Ежова Сталин дал указание НКВД подготовиться к процессу против троцкистско-зиновьевцев. Начиная с июня 1936 года усилия государства были направлены на формирование дела «объединенного центра». {170}

В конце июля Ежов отправил Сталину проект письма, излагая основные положения по делу Зиновьева, Каменева и их сторонников.

Сталин внес многочисленные поправки. 29 июля 1936 года Центральный Комитет разослал это «закрытое» письмо в партийные организации. Масштаб дела, как это было обрисовано в письме, за 18 месяцев после убийства Кирова значительно расширился. Ранее обвиняемые в «пробуждении террористических настроений», Зиновьев и Каменев теперь непосредственно обвинялись в организации убийства Кирова, а также в покушении на убийство Сталина и других партийных руководителей. В письме говорилось о тесных организационных связях между зиновьевцами и троцкистами, а также утверждалось, что обе группы объединились в 1932 году и впоследствии сформировали террористические группировки в крупных городах. Находясь за границей, Троцкий направил «троцкистско-зиновьевскому центру» указания убить Кирова, Сталина и других руководителей партии. Новыми их целями были Сталин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, А. А. Жданов, С. В. Косиор, П. П. Постышев и Г. К. Орджоникидзе. Каждая группировка имела террористическую ячейку, целью которой было убийство определенного лидера. В нее также входило большое количество новых заговорщиков, в числе которых оказались бывшие зиновьевцы: И. П. Бакаев, Г. Е. Евдокимов, М. Н. Яковлев, М. Н.

Моторин, И. И. Рейнгольд и Р. В. Пикель, а также троцкисты: И. С. Эстерман, И. Н. Смирнов, С. В. Мрачковский, Е. А. Дрейцер и В. А. Тер-Ваганян. Согласно письму, после убийства Кирова Троцкий дал указание своим сторонникам как можно скорее выступить против Сталина, организовать террористические ячейки в армии и в случае войны захватить власть. И. К. Федотов – директор Педагогического института им. А. М. Горького был обвинен в руководстве троцкистской террористической ячейкой, которая планировала убийство Сталина на Красной площади во время Первомайской демонстрации. Дэвид Фриц, представитель Коминтерна, и К. Б. Берман-Юрин были обвинены в заговоре с целью убийства Сталина на конгрессе Коминтерна, этим было положено начало арестам в Коминтерне. {171} Д. А. Шмидт, командир армии был обвинен в заговоре с целью убийства Ворошилова, члена Политбюро и генерала Красной армии. Рабочих кожевенного завода им. Л. М. Кагановича обвинили в заговоре с целью убийства Кагановича. Некоторые немецкие коммунисты, бежавшие от режима Гитлера и поселившиеся в Советском Союзе, в том числе: К. Б. Берман-Юрин, М. И. Лурье, Е. Констант, П. Лившиц, В. П. Ольберг, Ф. Давид, Х. Гуревич и М. Быховский, были обвинены в терроризме и шпионаже в пользу русских фашистских эмигрантских организаций и гестапо. В письме было заявлено, что «террористы» проникли в партийную организацию города Горький, в штат газеты «Ленинградская правда», в Академию наук и на оружейный завод в Туле. В финансировании их деятельности обвинили Г. М. Аркуса, заместителя Председателя Госбанка. По крайней мере одна из «террористических ячеек» обвинялась в планировании грабежей или в «экспроприации». Одной строчкой, кратко, но ошеломляюще в письме сообщалось, что «правые» также участвовали в заговорах против Сталина. Согласно письму Каменев якобы признался, что заговорщики «согласились бы с участием правых: Бухарина, Томского и Рыкова в формировании нового правительства». {172}, [21]

Наиболее важным для рядовых членов партии было то, что проверка партдокументов и убийство Кирова представлялись в письме как звенья одной цепи. Эти два события теперь были тесно связаны. Письмо критиковало парткомы за то, что они не обнаруживали «террористов» в своих организациях; указывалось, что органы НКВД впоследствии арестовали членов партии, которые успешно прошли проверку Эта страшная брешь в безопасности, говорилось в письме, стала результатом утраты «партийной бдительности». В письме подчеркивалось: «Несмыслимой отметиной каждого большевика в нынешних условиях должна быть способность распознавать врагов партии, независимо от того, как хорошо они замаскировались». {173}

В начале августа Вышинский представил первый вариант официального обвинения против заговорщиков, основанного на тексте июльского письма. Сталин внес поправки в проект, усилив акцент на факте связи между троцкистами и зиновьевцами (по его мнению, это был ключевой пункт) и добавил в список заговорщиков двух человек.

В середине августа текст официального обвинения был снова направлен Сталину, он опять внес поправки и вписал имена еще двух других заговорщиков. К 14 августа Вышинский подготовил окончательный текст обвинения, которое было зачитано 19 августа, когда начался судебный процесс. {174}, [22]

К делу, открытому в декабре 1934 года как бытовое убийство, совершенное одним человеком, теперь были привлечены шестнадцать заговорщиков, в тексте обвинения говорилось о многочисленных заговорах с целью террора и убийства, иностранных шпионах, контактах с фашистами. Первоначальная задача найти и покарать убийцу Кирова превратилась в общенациональную борьбу против бывших левых оппозиционеров. В своих признаниях Каменев намекал на причастность «правых», что давало возможность продолжить следствие. Письмо, в котором говорилось о глубоком беспокойстве в связи с деятельностью замаскировавшихся оппозиционеров, подталкивало местных партийных руководителей к тому, чтобы превратить проверку партийных документов в новую, масштабную процедуру «изобличения врагов». Сталину и его сторонникам было хорошо известно, что оппозиция это не только несколько известных революционеров. В середине 1920-х десятки тысяч членов партии на промышленных предприятиях, в университетах и других учреждениях участвовали в жестких дискуссиях, происходивших на партсобраниях, срывая голос до хрипоты. В то время фактически все члены партии критиковали идеи и деятельность оппозиции, голосуя на митингах и закрытых партийных собраниях, в задымленных табачным дымом коридорах, страстно оспаривая лозунги «левых». По мере нарастания угрозы войны на Западе Сталин все более опасался ослабления партии скрытыми противниками.

Производство и политика

Целью письма Центрального Комитета ВКП(б) от 29 июля было встряхнуть парткомы, избавить от апатии и развеять уверенность в том, что в их организациях нет врагов. Однако письмо не произвело желаемого эффекта. Члены партии теоретически были согласны с тем, что в нем говорилось, однако большинство из них отказывалось рассматривать своих товарищей как потенциальных «замаскировавшихся врагов» или считать производственные проблемы следствием «вредительства». В середине августа, спустя две недели после получения письма ЦК, восемьдесят членов партии завода «Серп и молот» провели закрытое собрание, на котором обсуждались причины срыва производственных заданий. На собрании присутствовали члены партии всех уровней: рабочие, группорги, бригадиры, руководители парткома, начальники цехов и директор завода. Хотя члены партии были скоры защищать себя и перекладывать ответственность за существующие проблемы на других, сценарий поиска виновных предполагал выдвижение голословных обвинений в саботаже или вредительстве. Некоторые члены партии утверждали, что за проблемы на заводе должны ответить «скрытые враги», но директор завода П. Ф. Степанов резко отверг все оправдания невыполнения планов ссылаясь на «политику». Аналогичные собрания прошли на всех заводах в Москве, где существовала та же проблема. Ранее в этот же день работники Московского горкома партии встретились с представителями заводов для обсуждения «плачевных» производственных показателей города. Все признавали, что основной проблемой является текучесть рабочей силы. Крестьяне, прибывающие из деревень, легко находили работу, но жилья для них не было.

Секретарь парткома завода «Серп и молот» А. И. Сомов прибыл на собрание поздно, так как задержался на общегородском собрании.^{175} В отсутствие секретаря его заместитель открыл собрание, рассказав в короткой речи о препятствиях, мешающих выполнению плана: «Вот почему сегодняшнее совещание обязывает нас указать не только причины, известные каждому из нас, но и рассказать относительно того, какие причины тормозят выполнение производственной программы, незаметные нам в явной форме, например, вредительство. А сейчас, когда контрреволюционная троцкистско-зиновьевская группа показала свое лицо, находятся люди, сочувствующие ей, но не показывающие себя явно скрывающими работу». Однако директор завода Степанов эту идею не поддержал. В своей программной речи он сконцентрировался на конкретных технических проблемах. Например, это открытый горн, из которого лилась расплавленная сталь – здесь без конца совершалось «головотяпство». Тонны стали были испорчены, так как кран и ковш не были готовы к разливке. Когда бригадир в свое оправдание заявил, что в цеху не хватает рабочих, Степанов резко возразил, что крановщик (коммунист!) ушел из цеха в критический момент: «Ковш не был подан, не потому, что он не был готов, а потому что не было крановщика. – Я спросил рабочего, где он был, – на что рабочий ответил: “Я искал классовых врагов”. – И я сказал ему: “Вводить в заблуждение директора, говорить, что рабочих не хватает – это же сбивает с толку”». Как разъяснил Степанов, классовыми врагами являются те люди, которые плохо выполняют свою работу.^{176}

В проблемах мартеновского цеха попытался обвинить вредителей и парторг фасонно-литейного цеха Изотов. Он объяснил, что когда сломались краны, бригадир и механик ушли в отпуск. Рабочий по фамилии Минц пытался устранить поломку. Ремонт, который должен был быть произведен в течение менее одного часа, продолжался двадцать часов. В результате сорок тонн расплавленного металла были разлиты одним 25-тонным ковшом. Изотов утверждал, что Минц вывел краны из строя намеренно, чтобы убить рабочих. Он заявил негодующе: «Получилась бы крупная авария. Всех рабочих сожгли бы». Все собравшиеся знали, что ремонтные работы часто занимали больше времени, чем необходимо, так как очень трудно было достать необходимые запчасти. И все же Минц, единственный человек, взявший на себя ответственность и старавшийся починить сломанное оборудование, был арестован как троцкист.^{177} Его сделали самым настоящим «козлом отпущения».

Однако Степанов отказался возложить вину на Минца. Он резко заметил, что механик никогда не удосуживался докладывать о поломке кранов, и что, когда бригадир ушел в отпуск, механик быстро последовал за ним. В производственных проблемах Степанов обвинял бригадиров цехов, которые, по его словам, пребывали в «отпускном настроении», думая о курортах. Координация между количеством рабочих и наличием сырья было слабым. Иногда рабочие сидели от нечего делать; в другой раз не хватало рабочих

рук. Степанов рассказал: «Как-то ночью пошел я в цех. Рабочие обступили: “Товарищ Степанов, работы не имеем, заработка не будет”». В то же время начальник смены, коммунист, заявляет, что у него нет рабочих. Степанов заявил, что хороший бригадир мог поддержать своих рабочих и выполнить план. «Вот сталепроволочный цех взять, – сказал он, – там три смены. В одной из них полностью весь состав есть. Вот это начальник смены! У такого рабочие не бегут. Здесь нет текучести. Начальник не ноет. У него план на 100% выполняется. Три начальника смены и три разных работы. У одного – бегут рабочие, а у другого – нет». По мнению Степанова, производство является основным испытанием политики. Человек, плохо выполняющий свою работу на заводе, не может считаться хорошим коммунистом. С другой стороны, плохая работа не является преступлением. Директор отметил: «А в канатке – 130-140% выполнения программы, а мартен не работает. А так тоже коммунисты. Что это – глупость или преступление?» Он утверждал, что ошибки в работе у мартеновской печи были результатом «глупости» и именно безответственные члены партии, а не преступные террористы, были источником проблем на заводе. {178}

Большинство членов парткома поддержало Степанова. Они только на словах признавали возможность «вредительства», но их внимание легко было отвлечь местными заботами. Когда заместитель директора завода Богданович, высказал мнение, что плохая работа была результатом недостаточной «большевистской убежденности в решительной борьбе против контрреволюционеров», он быстро отвлекся от этой темы и занялся более трудноразрешимым вопросом: домашние животные в общежитиях. Секретарь парткома листопрокатного цеха Орлов, пожаловался, что рабочие расстраиваются из-за того, что им запрещено держать в бараке даже котенка. Богданович, полностью забыв о контрреволюционерах, с негодованием ответил Орлову: «Мы вселили товарища из вашего цеха в общежитие, и он, прежде всего завел, в своей комнате курицу». И с сарказмом добавил: «Можно заводить в комнате кур, коров и свиней, но когда будет сарай, не в комнате. В комнате куры засоряют коридоры. Не дело, чтобы в коридорах общежития ходили куры». «Дело не в кошках, а в том, что мы теперь плохо работаем», – заключил он. {179}

В общем, члены партии не восприняли серьезно обвинения во вредительстве. Когда двое рабочих из цеха холодного проката подрались, один назвал другого «сволочью». На что тот ответил: «Я тебе товар не сдам». По словам Сомова, товар оставался в цеху в течение десяти дней. «А начальник цеха смотрит, как они дерутся, – заявил Сомов. – Я это расцениваю, как вредительство». Однако Д. Сагайдак, начальник цеха холодного проката полностью игнорировал обвинения Сомова во вредительстве. Он рассмеялся в защиту своего цеха: «Неверно. Продукция в цехе не лежала десять дней». {180}

Атмосферу собрания отличала добродушно-веселая терпимость даже по отношению к тем, кого партийные руководители официально обвинили во всех прегрешениях. Члены партии с легкостью шутили о «кулаческом» прошлом вновь поступивших на завод рабочих. Начальник сталепроволочного цеха Боголюбский объяснил, что в его цеху не хватает рабочей силы: «Мы послали человека в Рязанскую губернию для вербовки рабочих из колхозников...» Степанов прервал его: «У него восемь человек исключили из партии как кулаков, – они ему привезут!». Участники собрания разразились смехом. {181} Члены партии пока еще могли шутить над пылкими политическими разглагольствованиями, исходящими из Москвы. Они не чувствовали необходимости демонстрировать свою лояльность советскому социализму, которая была основана на их преданности заводу, а не на возможности разоблачать своих товарищей.

На заводе «Серп и молот» было немало проблем, и члены партии не задумываясь винили в этом друг друга. Все же обвинения не имели политического характера. Если Степанов обвинял бригадиров за проблемы на заводе, то они, в свою очередь ставили ему в вину трудности с поставками сырья, оборудования, дефицит рабочих кадров. Парторг листопрокатного цеха утверждал, что цех не смог выполнить производственное задание, потому что работал на низкокачественном угле. «Наш цех мог бы выполнить план, если бы мы получили помощь сверху, – сказал он Степанову. – Дайте нам хороший уголь». Он также отметил, что производительность труда могла быть выше, если бы в цеху работали вентиляторы, на что постоянно жаловались рабочие горячих цехов. Орлов – секретарь парткома листопрокатного цеха – ссылаясь на непрерывные поломки валков прокатного стана. {182} Валки были всего лишь одним из множества примеров поломок и перебоев в работе, которые мешали рабочим и руководству предприятий по всей стране. Для ускорения индустриализации было закуплено новое оборудование, стоившее миллионы

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
золотых рублей, но только несколько человек могли его установить, привести в действие или отремонтировать.

Некоторые члены партии упрекали рабочих, особенно вновь прибывших на завод, в «плохих настроениях». Хотя газеты почти полностью умалчивали о проблемах колхозов, рабочие, регулярно навещавшие своих друзей и родных в деревне, рассказывали по возвращении о неурожае, голоде и трудных условиях жизни. «Настроения отсталых колхозников оказывают влияние на рабочих, которые проводят там отпуска, – отметил заместитель секретаря парткома. – Эти настроения приносятся сюда». Например, крестьяне Рязанской области были недовольны до такой степени, что партийные организаторы придумали эпитет «рязанское настроение» для описания огорченного настроения рабочих, вернувшихся из провинции. Некоторые бригадиры жаловались, что рабочим не хватает трудовой дисциплины. Начальник сталепроволочного цеха Боголюбский сообщил: «У нас в цеху прогулял мастер, кое-кто опаздывал на работу. Есть рабочие, которые ставят ультиматум: “Выдайшь – не сделаю”». {183} Сокол, парторг калибровочного цеха жаловался, что заводской врач освобождал рабочих от тяжелого труда при малейшей жалобе с их стороны, переводил на более легкую работу и считал необходимым предоставить им отпуска. Особенно его возмущало трудовое законодательство, согласно которому руководители были обязаны переводить на более легкую работу беременных женщин. «Это развращает рабочих, – заявил он. – Ко мне приходит женщина, правда, беременная и говорит, что не может в ночной смене работать, и врач ей говорит, что может работать только утром. Работает она за мотором, сидеть семь часов на моторе может только утром». {184} Сомов, секретарь парткома, сердито ответил Соколу, заметив, что бригадиры часто игнорируют приказы врачей: «Врач рекомендует предоставить легкую работу, а начальник цеха переводит его на “легкую работу” на мусор, а это – еще тяжелее. Там он должен мусор собирать да коробки поднимать. Работа физически тяжелее». Он упрекал бригадиров за непростительно грубое поведение: «Варварское отношение к рабочим видим сплошь да рядом». Он отметил также, что текучесть рабочей силы является серьезной проблемой для всех промышленных предприятий Москвы: «Ни в одном цеху ни начальник цеха, ни начальник смены не спросил, почему люди уходят, почему текучесть в цехе. Мы только говорим, что рабочие заявляют, что жить негде, посылаем их в партком, в завком, к директору, как будто у директора или в парткоме есть комнаты. А нам до этого дела нет». {185}

Проблемы завода «Серп и молот» были типичными для других заводов, шахт и стройплощадок по всей стране. Цеха не выполняли производственные планы. Рабочие и их начальники боролись с новым оборудованием, нерегулярностью поставок и высокими нормами. Обеспечение жильем отставало от темпа притока новых рабочих рук. Многочисленные препятствия и трудности были неизбежными последствиями быстрой индустриализации. Находясь под прессом требований Москвы, все искали виноватых: ответственные чиновники из Наркомата тяжелой промышленности обвиняли Степанова, который обвинял своих бригадиров, а те в свою очередь обвиняли плохое качество угля, неработающее оборудование, ленивых рабочих и даже беременных женщин. Партийцы были раздражены и стремились защитить свои собственные цеха за счет других. Несмотря на растущую истерию среди партийного руководства в адрес затаившихся троцкистско-зиновьевских террористов, члены партии не боялись друг друга и персонально друг друга не обвиняли. Их споры по поводу «вредительства» или «врагов» были отвлеченными, обвинения не были направлены против какого-то конкретного лица. Большинство членов партии разделяли веру Степанова в то, что усердная работа, организованность и мотивация помогут в конце концов преодолеть самые большие препятствия.

Процесс против «объединенного центра»

Дело шестнадцати обвиняемых в участии в «объединенном троцкистско-зиновьевском центре» было окончательно представлено на рассмотрение открытого суда в Москве 19–24 августа 1936 года. [23] Все подсудимые отказались от адвокатов. Их признания и взаимные доносы являлись главными уликами. Во время процесса Вышинский основывался на признаниях, которые были получены от обвиняемых во время допросов. Стенограмма судебного процесса непосредственно соответствовала указаниям письма от 29 июля, поскольку обвиняемые подробно рассказывали о различных заговорах убить Сталина и других лидеров партии. В 1991 году КПСС официально признала, что признания вины, полученные под пытками и принуждением, были ложными. {186} Следовательно, стенограмма судебного процесса как запись о фактической деятельности обвиняемых или об их убеждениях была бесполезной.

Кроме того, рассматриваемая как оригинальный сценарий, задуманный и написанный сталинским руководством, она удивительно точно отражала глубочайшие опасения и страхи партийного руководства. Признания, раскрывающие их несуществующую деятельность, содержали горькую правду, с которой соглашались как обвинители, так и обвиняемые: партия с трудом пережила экономический кризис начала 1930-х годов, рабочие и крестьяне были озлоблены коллективизацией и падением уровня жизни, и многие бывшие оппозиционеры испытывали серьезные опасения относительно Сталина. Спротивляясь его политике, они оставались в рядах партии, внешне высказывая преданность, скрывая свои сомнения. Эти два страха: отчуждение рабочих и крестьян и наличие затаившихся скептиков в рядах партии были подтекстом государственных обвинений.

И Вышинский, и обвиняемые неоднократно вспоминали о социальной напряженности в годы первой пятилетки. Например, Каменев заявил, что в 1932 году он был уверен, что «непреодолимые трудности в стране, состояние кризиса в экономике, крах экономической политики, проводимой партийным руководством», продемонстрируют ошибки сталинской политики. Напрасные надежды Каменева были под стать страхам Сталина. Он также понимал, что страна охвачена недовольством. Как напомнил суду Вышинский, Сталин предсказывал, что «остатки умирающих классов» будут пытаться мобилизовать «отсталые слои населения» против советской власти. В 1936 году «отсталые слои» были повсюду: среди голодных колхозников, недовольных рабочих, бывших кулаков. Навязчивая идея партии о «замаскировавшихся» врагах являлась прямым отражением этих страхов. Каменев признался, что Троцкий говорил ему, что в случае войны «наша задача объединиться и возглавить недовольные массы». {187} Было ли это вымыслом? Если да, то такое развитие событий могло стать реальностью, это было бы следствием социальных и экономических преобразований в стране, отражало историю борьбы между фракциями в партии и усиление фашизма. {188}

Обвиняемые были вынуждены не только признаться в деяниях, которые они никогда не планировали или не совершали, но и восхвалять Сталина. Лесть в адрес руководителя государства на этом судебном процессе достигла небывалых высот. Задал тон Вышинский: он прославлял великую победу «ленинско-сталинской генеральной линии», «великого Сталина», «товарища Сталина, великого исполнителя и хранителя последней воли Ленина». Зиновьев назвал Сталина «могучим дубом», окруженным «молодыми деревцами», такими как Киров. Зиновьев якобы сказал Рейнгольду: «недостаточно повалить дуб. Все молодые дубы, растущие вокруг, нужно также срубить». Рейнгольд в свою очередь заявил, что зрелое руководство сделано из слишком прочного гранита, и вряд ли можно ожидать, что среди него произойдет раскол. Известно, придумали эти банальные комплименты сами обвиняемые, или плохо образованные следователи НКВД заставили их запомнить эти эпитеты, но все обвиняемые утверждали, что Сталин является центральной фигурой в руководстве и «его нужно физически уничтожить» прежде всего. {189} Обвиняемые не только отдавали дань уважения политике Сталина, но также отрицали, что предлагали ей альтернативу. Ни присутствовавшая на этом процессе публика, ни те, кто следил за ходом суда в стране и за ее пределами не нашли бы здесь «нового курса» [24]. Вышинский упирал на то, что, что обвиняемые не были социалистами, а являлись преступниками и убийцами, движимыми исключительно ненавистью к Сталину и его победам. Евдокимов признал в своем последнем заявлении, что он и другие обвиняемые мало чем отличались от фашистов. {190}

Туманные намеки на причастность правых, которые содержались в письме ЦК от 29 июля, в ходе процесса превратились в открытое обвинение, когда обвиняемые назвали имена известных «правых» в связи с участием в заговорах. Рейнгольд заявил, что в 1932 году троцкистско-зиновьевский центр начал встречаться с Рыковым, Бухариным и Томским. Свидетельские показания Каменева не связывали напрямую Бухарина, Рыкова и Томского с каким-либо конкретным преступлением, но сильно подорвали веру в их лояльность партии, о чем те постоянно заявляли. Показания Зиновьева бросали и тень вины на бывших правых, а также на любую оппозицию, существовавшую в истории партии, находившейся у власти, включая рабочую оппозицию, группировки левых и небольшие группы, объединившиеся вокруг И. Т. Смилги и Г. Я. Сокольникова, членов Центрального комитета партии в 1917 году. Зиновьев обеспечил НКВД достаточным количеством сведений, чтобы занять следователей работой на годы вперед. Двадцать первого августа, в середине судебного процесса государственная прокуратура открыла следствие по делу Бухарина, Рыкова, Радека, Томского и других, привлеченных к делу обвиняемыми. Томский покончил жизнь самоубийством. Обвиняемые были признаны виновными в

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
организации террористического центра, в убийстве Кирова и в попытках убийства Сталина и других советских руководителей. Все шестнадцать человек были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны на следующий день после окончания процесса.{191} Однако убийство Кирова до сих пор не раскрыто.

Отношение рабочих к судебному процессу

Во время судебного процесса партия прилагала огромные усилия, чтобы заручиться поддержкой рабочих и партийных организаций на местах. Проводились собрания на фабриках и заводах, были организованы уличные демонстрации. Сотни тысяч рабочих после каждой рабочей смены собирались небольшими группами и на массовых митингах. Они требовали крови обвиняемых, смертной казни для них, со слезами на глазах говорили о достижениях советской власти. Несмотря на то, что многие задавали вопросы о процессе, эмоциональная атмосфера этих собраний свидетельствовала об общественном согласии. Когда рабочие обсуждали происходящее между собой или в небольших группах, их взгляды оказывались более разнообразными.[25] Но даже фанатично настроенные рабочие и члены партии воспринимали судебный процесс как спектакль, разворачивающийся на государственной сцене, вдали от их собственного завода и не имеющий к ним никакого отношения.

Первый раунд собраний на промышленных предприятиях прошел 15 августа, за четыре дня до начала процесса. Организаторы зачитывали вслух передовицу из газеты «Правда»: «Враги народа пойманы с поличным», которая представляла собой тщательно переработанную версию письма ЦК от 29 июля.{192} Рабочие высказали крайнюю заинтересованность. Один из них позже отметил: «Собрания прошли в атмосфере исключительной наэлектризованности... В зале собраний – мертвая тишина при чтении обвинительного заключения, и – лес рук, требующих слова по окончании доклада или чтения. Никто не уходил с собраний, наоборот, несмотря на то, что собрания затянулись до позднего времени, – долго не расходились».{193} Тысяча триста рабочих фабрики № 46 собрались во время обеденного перерыва, чтобы послушать зачитываемые вслух новости.{194} Парторги умело использовали угрозу терроризма для того, чтобы добиться высказываний в поддержку государства и его руководителей. Беспартийная работница ватной фабрики шестидесяти лет сказала: «В годы, когда мы переживали трудности, т. Сталин вывел нас из этих трудностей, и мы начали жить лучше. Эти негодяи хотели помешать нашему делу, убить лучших вождей и т. Сталина. Надо глубже расследовать дело и не оставить ни одного врага».{195} Старый рабочий, новоиспеченный кандидат в члены ВКП(б), произнес со слезами на глазах: «Мне семьдесят четыре года. Вся моя жизнь до революции была жизнью нищеты, голода, зверских издевательств надо мной помещиков. Только при советской власти я увидел жизнь. Нет такого отца, который так заботился бы о своем сыне, так его учил бы, как т. Сталин... За советскую власть, за т. Сталина пойду на любой фронт и погибну».{196} Изображая обвиняемых контрреволюционерами, фашистами, которые стремились вернуть гнет царизма, партийные функционеры провоцировали людей на эмоциональные высказывания для доказательства достижений советской власти.

Как члены партии, так и беспартийные возмущенно требовали смертной казни обвиняемых. В одной из типографий член ВКП(б) заявил: «Гласный процесс даст возможность всему миру показать все подлые дела Троцкого, Зиновьева, Каменева, направленные против советской власти и ее руководителей. Я думаю, что если фашисты против рабочего класса применяют террор, то и по отношению этих гадов, являющихся прямыми пособниками фашистов, также надо применять террор».{197} «Я не допускала мысли, чтобы в нашей стране были такие люди, которые готовят покушения на наших вождей, – сказала старая беспартийная работница. – За одну такую мысль о таком преступлении надо расстрелять. Зиновьева, Каменева как прямых соучастников в убийстве, надо немедленно расстрелять».{198}

Рабочие требовали не только казни; многие из них заявляли, что процесс является напрасной тратой времени и усилий. Один беспартийный рабочий фабрики «Большевик» пояснил: «Нужно покончить с троцкистами и зиновьевцами. Нечего их судить, тратить время, надо расстрелять их». Другой рабочий заявил: «Суд?.. Зачем суд? Расстрелять их всех без суда и не тратить на это время. А если нужно раскрыть дело еще дальше, то можно некоторых оставить».{199} Рабочие выказывали мало уважения к «юридической скрупулезности». Они выкрикивали: «Почему их оставили жить, когда т. Кирова убили? Давайте писать в газету, чтобы их расстреляли».{200} Некоторые заявляли, что Зиновьев и Каменев должны были быть расстреляны еще два года

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org назад, сразу же после убийства Кирова. «С этими негодьями нужно было расправиться еще раньше, – сказал пожилой беспартийный рабочий на заводе им. Дзержинского. – Они все время вредили партии. Взять хотя бы раскрытие Каменевым и Зиновьевым плана вооруженного восстания в октябре 1917 года. Их за это надо было бы расстрелять». Токарь завода «Калибр» – член партии потребовал: «Почему после убийства С. М. Кирова не расстреляли всю контрреволюционную троцкистско-зиновьевскую группу? Слишком много мы с ними нянчимся. Пора прекратить это дело».{201} На фабрике № 95 в Кунцевском районе Москвы рабочие заявили: «Довольно церемониться! Больше терпеть нельзя! Эту группу нужно расстрелять, чтобы она не существовала на нашей земле как предатели нашей родины».{202}

Эмоциональный характер собраний не позволил задавать вопросы о самом процессе или о свидетельских показаниях. Однако многие рабочие все же решились высказать свое мнение. Некоторые были искренне озадачены развитием дела. Они спрашивали: «Почему сейчас не судят всех арестованных троцкистов? Почему после убийства т. Кирова окончательно не разделились с руководителями троцкистско-зиновьевской?»{203} Другие вопросы были более провокационными, отмечалось, что, по крайней мере, одной группе уже был вынесен приговор за убийство Кирова. «Почему убийц С. М. Кирова судят второй раз?» – спросила работница фабрики. Другие задавали вопросы о смертной казни: «Может ли пролетарский суд приговорить эту троцкистско-зиновьевскую контрреволюционную группу людей к расстрелу?» Некоторых беспокоило воздействие судебного процесса на общественное мнение за рубежом, они интересовались, имеет ли Советский Союз право судить людей, не являющихся советскими гражданами. Они спрашивали: «Как на сообщение прокуратуры СССР смотрит капиталистический мир? Не будет ли буржуазия протестовать против суда над троцкистами-террористами, которые были посланы из-за границы?»{204}

В частности, рабочие выражали мнения и идеи, в которых отражался опыт самых разных групп населения. Многие рабочие старшего возраста лично хорошо помнили события революции. Они участвовали в свержении царизма и сражались в рядах Красной армии во время Гражданской войны. Некоторые из них вспоминали Троцкого с большим уважением, отвергая попытки Сталина заново переписать историю революции. Кладовщик дачного треста в беседе с парторгом доказывал: «Троцкий – это видная и умная голова. В прошлом имеет большие заслуги, которые сейчас наша партия скрывает, и о них не говорят». Он добавил, что в старых изданиях по истории говорится о заслугах Троцкого, но не упоминается о Сталине.{205} Раздатчик цеха калибров на заводе «Калибр» сказал: «Троцкий – представитель интеллигенции. Он руководил сверху, но надо отдать ему честь и справедливость, он – хороший оратор и владел всегда массой».{206} Некоторые рабочие вспомнили судебный процесс по делу Рамзина, инженера, обвиненного в 1928 году во вредительстве. Один из них сказал: «Наша партия таких умных людей не расстреливать должна, а перевоспитать так, как Рамзина. Тех, кто из-за границы, их отправить обратно. Там тоже есть коммунистическая партия. Пусть они их там разоблачают и перевоспитывают».{207} Многие рабочие между собой выражали сомнения если не в виновности обвиняемых, то по поводу смертной казни. Говоря о Зиновьеве и Каменеве, один из них сказал: «Мы должны учитывать их предыдущую деятельность». Другой рабочий выразил свое мнение: «Учитывая их прошлую революционную деятельность, навряд ли я расстрелял бы их». Беспартийный слесарь химического завода считал: «Лучше бы их отправить за границу, чем расстреливать».{208} Некоторые рабочие считали, что процесс был сфабрикован. На заводе им. Маленкова рабочий механического цеха коммунист Фролов, беседуя со своим соседом по станку Гусаровым, сказал: «Хорошая статья сегодня в “Правде”». На что Гусаров ответил: «Да, статья – то хорошая, а все же Троцкий имел большую силу и большой успех в Красной армии». Когда Фролов попытался возразить, Гусаров закончил разговор, уныло произнеся: «Все это ерунда».{209} Даже молодые рабочие, лично не помнившие Троцкого понимали, что он внес большой вклад в революцию. Комсомолец швейного цеха фабрики № 12 заявил члену партии, проводившему в общежитии беседу с рабочими: «Троцкий сделал революцию в 1917 году в России и почему-то стал нехорош. Взяли и выгнали, а он был большим человеком, командовал Красной армией. Если бы в то время не Троцкий – в революции ничего не получилось».{210}

Некоторые рабочие, не знавшие, о том, что их высказывания передаются высшему руководству открыто поддерживали обвиняемых. Кто-то из них говорил о предательстве идеалов революции. Табельщик Дедовского завода в Московской области рассказал своим товарищам по работе анекдот: «Ленин в Мавзоле

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
обратился с просьбой к т. Сталину: «Переверни меня вниз лицом, чтобы я не видел всего того, что вы творите»». {211} Беспартийный автогенщик одного завода сказал: «Понятно, что Троцкий и Зиновьев хотят власти. Но у них есть свои убеждения. Может быть, в самом деле стоило бы сделать вторую революцию. Ленин говорил, что всем будет свободно, а на самом деле, свободы нет. Вот, например, я не хотел бы пойти на собрание, а меня заставляют идти; я не хотел бы работать, а меня заставляют.» {212} В трепальном цехе прядильной фабрики помощник мастера, впоследствии исключенный из партии, после собрания открыто призывал к новой революции: «Террор был, есть и будет! Да и вас заодно всех перевешать нужно! Обираете рабочий класс... Разорили всех совсем!» {213}, [26] В присутствии сорока рабочих в общежитии фабрики № 46 один уволенный и исключенный из партии рабочий, заявил во время чтения вслух газеты «Правда»: «Троцкий был другом тов. Ленина, и только после смерти тов. Ленина Троцкого стали прижимать». Сотрудники НКВД, узнав о том, что он живет в общежитии без паспорта, арестовали его в тот же вечер. {214}

Некоторые рабочие, обеспокоенные судьбой «правых» и других партийных руководителей, деятельность которых связывали с различными заговорами, настаивали на дальнейшем расследовании. Рабочий-комсомолец потребовал: «Я уверен, что еще многое выяснится и откроется для народа... Надо стереть с лица земли этих подлых агентов фашизма и злейших врагов народа.» {215} Другие рабочие требовали расследовать деятельность Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, Сокольникова, Пятакова и других. Беспартийный бригадир одного из цехов заявил: «Все они, левые и правые, все время кланутся в своей верности, а на самом деле все время самым наглым образом обманывают партию. Вот они – Рыков, Бухарин, Томский – признали свои ошибки. Работают на больших, ответственных постах. Как же им сейчас доверять?.. Как же им можно верить в дальнейшем? – Нет, их нужно <...> проверить и привлечь к судебной ответственности.» {216} Ткачиха Ногинской фабрики заявила: «Надо, чтобы Верховный Суд также до конца расследовал участие в контрреволюционной деятельности лидеров правого уклона... и других бывших троцкистов. Негодяй Томский испугался нашего приговора, очевидно, не чист, раз жизнь покончил самоубийством.» {217} Однако не все рабочие соглашались с этим. Огромная толпа людей, возбужденных слухами, стихийно собралась на улице перед квартирой Томского после его самоубийства. Несколько человек подслушали, как кто-то сказал, что Томский оставил посмертную записку Сталину, в которой говорилось, что он был всегда верен партии и совершил самоубийство, потому что не мог вынести клеветы. {218}

Партия использовала судебный процесс для осуществления своих политических планов. Партийные организаторы говорили о необходимости «укрепить дисциплину и повысить производительность труда». Рабочих призывали поддержать стахановское движение и повысить производительность труда и таким образом дать отпор «врагам». Например, на одном из заводов рабочие поклялись: «Мы, рабочие, в ответ на вылазки классового врага еще больше проявим большевистскую бдительность на всех участках социалистической стройки и еще шире развернем методы работы Стаханова, теснее сплотимся вокруг ЦК ВКП(б) и нашего любимого вождя народа товарища Сталина.» {219} Эти шаблонные лозунги были для некоторых рабочих доказательством, что судебный процесс является всего лишь еще одним ухищрением с целью добиться повышения производительности труда.

Огромное число рабочих недавно переселилось в город из деревни. Многие бывшие крестьяне были глубоко разочарованы в коллективизации, но они ничего не знали об оживленных дискуссиях, проходивших в партии в 1920-е годы. Менее искушенные в политике, они считали советских руководителей негодяями, стремящимися вытянуть последнюю каплю крови из рабочих и крестьян. «Левые» или «правые» – для них не имело никакого значения. Они не верили, что партийные руководители, защищавшие свои привилегии, казнят своих товарищей. Беспартийный рабочий часового завода объяснил члену партии: «Они состряпали всю эту чепуху для того, чтобы провести какую-то кампанию. Зиновьев находится в Кремле, у него пять хороших квартир в Москве.» {220} Ученик ткачихи также сомневался в достоверности процесса, считая его инсценировкой: «Чего вы говорите о Зиновьеве и Каменеве, – сказал он партийному организатору. – Все равно им ничего не будет, потому что они друзья Сталина.» {221}

Таким образом, мнение рабочих о судебном процессе включало в себя весь спектр взглядов – от резкого осуждения обвиняемых до упорной настойчивости узнать «правду» о революции, до всеобщего признания большевиков новыми

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
эксплуататорами. К тому же, независимо от того, какое мнение высказывали рабочие, они оказались глубоко втянутыми в процесс. Многие из них спрашивали, можно ли отпроситься с работы, чтобы присутствовать на процессе. «Можно ли всем присутствовать на процессе, так как было бы интересно посмотреть на этих гадов?» – спросил один из них. Некоторые просили разрешения посетить суд, послать на него с заводов своих представителей или послушать заседания суда по радио.^{222} Шокирующие признания обвиняемых оживили рабочих на долгие недели, давали им долгожданное отвлечение от тяжелой работы. Тем не менее судебный процесс существенно не изменил отношения в рабочей среде и повседневный ход дел в парткоммах. Даже рабочие, решительно выступавшие за смертную казнь обвиняемых, были мало заинтересованы в расширении поиска врагов на своих заводах. Судебный процесс был глубоко захватывающим спектаклем, но это было всего лишь отвлечением от повседневной жизни, а не частью ее.

Поиск врагов повсюду

К сентябрю 1936 года неспособность областных комитетов партии очистить свои ряды стала раздражать руководство Центрального Комитета партии. Областные парторганизации заставляли городские и районные комитеты находить и исключать из партии «лиц, сомневающихся или колеблющихся в своей преданности», связанных «в настоящем или прошлом с троцкистами или зиновьевцами».^{223} Городские и районные комитеты в свою очередь давили на заводские парткомы, которые равнодушно реагировали на письмо Центрального Комитета ВКП(б) от 29 июля и на последовавшее за ним более жесткое письмо МГК партии.^[27] Местные руководители не спорили с утверждением руководства партии, что высокие руководящие посты занимали враги, но и не были склонны искать троцкистов «у себя под кроватями».

В середине сентября Московский городской комитет партии послал одного из своих секретарей – С. З. Корытного для сбора сведений по результатам проверки. Корытный был крайне раздосадован тем, что он выявил во время посещения семи районов. В ходе настойчивых расспросов он обнаружил, что при проверке и обмене партийных билетов районное руководство действовало бессистемно: они не знали полномочий местных партийных руководителей, не понимали цели чисток и не вели соответствующие записи. На многих небольших заводах, в мастерских и в учреждениях не было ни одного члена партии. Некоторые предприятия ни разу не посещались представителями парторганизации. Например, в Таганском районе только в 152 из 500 предприятий имелись партийные организации. Большинство партийных организаторов были рассредоточены по всему городу небольшими группами. Они хорошо знали и доверяли друг другу, поэтому не строго подходили к процессу проверки. Более крупные организации, заваленные работой по проверке каждого члена партии, также небрежно относились к своим обязанностям.^{224} На всех уровнях партия была поразительно неорганизована. Во Фрунзенском районе члены партии стояли в длинных очередях для проверки своих документов. У многих документы были одобрены, хотя они не имели необходимых подтверждений или фотографий. Столкнувшись с необходимостью сбора информации на местных секретарей партии, партком Фрунзенского района пытался найти своих знакомых на предприятиях: «Вот Иванов с такого-то предприятия с таким-то количеством членов партии». Руководители партийного комитета Таганского района были немного лучше организованы, но обладали информацией только о 2/3 из своих 152 партийных секретарей. В Куйбышевском районе члены партии, проводившие проверку и обмен партбилетов, были малограмотны. Район был большим; там насчитывалось 318 первичных парторганизаций. К тому же из-за недостатка квалифицированных работников, которые могли бы уделить время проверкам, партийные билеты оформлялись настолько небрежно, что часто неправильно указывался даже пол владельца партбилета. Беспорядочно производились учетные записи: в районе «исчезли» зарегистрированные члены партии, у активных членов партии не было партбилетов. После завершения проверки Московский городской комитет обнаружил в записях более 600 ошибок. У местных руководителей, с трудом справлявшихся с проверкой документов, было мало времени на поиски «врагов».^{225}

Многие коммунисты, выполнявшие важную работу, считали проверку скучным бюрократическим занятием, которое отрывало их от более насущных задач. Партийное руководство Свердловского района, в котором располагались такие государственные учреждения как Госплан, Комиссия советского контроля и Народный комиссариат лесной промышленности, сначала отказались помочь в организации проверки в ущерб своей работе. Районное руководство, боясь оскорбить руководящих членов партии неуместными вопросами об их биографиях,

сосредоточили свое внимание на рабочих крупнейшего в районе завода. Корытный, неудовлетворенный таким двояким подходом, принудил их пересмотреть учетные данные по всем членам партии, тщательно проверяя биографические сведения, содержание последних выступлений и протоколы собраний. {226} Районное руководство не только с осторожностью относилось к необходимости проверки членов партии, занимавших руководящие посты, невысок был авторитет районных руководителей и среди беспокойных рядовых коммунистов. Типичным примером пассивного, причинявшего мало беспокойства, но досаждавшего членам райкома партийца, был Отдельнов, председатель артели бельевщиков. Он отказался восстановить на работе работницу, которую исключили из партии и уволили за подделку финансовых документов, не взирая на то, что после расследования она была восстановлена в партии. Районный партком оказал давление на Отдельнова, который предложил, чтобы этот вопрос решали рабочие цеха. Рабочие проголосовали в поддержку Отдельнова; на собрании звучали гневные выкрики в адрес райкома: «Райком защищает жуликов. Отдельнов – наш спаситель. Он дает нам кусок хлеба». Неправильное ведение дел было типичным методом управления «политикой» на местном уровне. В конечном счете борьба за власть плохо закончилась для Отдельнова. Районное партийное руководство, внимательно изучив свои записи, обнаружило некоторые компрометирующие его материалы и исключило из партии. Один из членов партии недовольно сказал: «Одного дурака хотят снять, а другого посадить». {227} Несомненно, что руководство Центрального комитета представляло себе чистку партии от «врагов» совсем иначе.

Кого считать троцкистами-зиновьевцами?

Даже осенью 1936 года руководство районного комитета партии все еще не решило, кого считать политическим врагом. В письмах Центрального Комитета ВКП(б) и Московского городского комитета партии строго указывалось на необходимости досконально проверить личные дела бывших оппозиционеров. После тщательного изучения содержания писем, районное руководство все еще не было уверено в том, как определять троцкистов и зиновьевцев. Те ли это люди, которые голосовали за резолюцию Троцкого в 1923 году или это те, кто занимается оппозиционной деятельностью в настоящее время? Казалось несправедливым наказывать трудолюбивых, верных товарищей за «ошибки», совершенные ими более десяти лет назад. С другой стороны, кажется, нет ни одного члена партии, который в настоящее время был бы вовлечен в деятельность троцкистов. Если эти люди «замаскировались», как их обнаружить? Когда в Таганском районе Москвы арестовали как троцкиста директора завода, его товарищи по партии были изумлены. «Он был политически безграмотным», – сказал один из них. Другой удивился: «Как человек с таким узким кругозором мог вдруг стать троцкистом?». Независимо от того, что говорил Сталин, и о чем писали газеты, эти члены партии считали троцкистов образованными марксистами с четким пониманием политических вопросов. Как мог «политически неграмотный» директор стать троцкистом? {228}

При всеобщем замешательстве отношение к членам партии, участвовавшим в оппозиции в 1920-е годы, сильно отличалось в разных районах города. Письмо Московского горкома партии предупреждало о недопустимости «механического подхода к срыванию масок с врагов», но в райкомах не понимали, что это означает. Корытный пришел к заключению, что при проведении чистки необходима политическая острота, которая соответствовала бы данным государственной и городской статистики. Проверка партбилетов в 1935 году и их обмен в 1936 году не привели к большому количеству исключений их партии по политическим причинам. По всей стране около 8,8% членов партии, что составляло 3 тыс. 324 человека, были исключены за принадлежность к троцкистам и зиновьевцам. {229} Данные по семи районам Москвы, которые проверял Корытный, содержали те же результаты. Самая большая группа людей была исключена из рядов партии за незначительные проступки, такие как плохая посещаемость собраний, неуплата партийных взносов или нежелание учиться. В Первомайской районе около 30% членов партии были исключены за «пассивность». Корытный сердито отчитывал районное руководство: «Это не те люди, которых вы должны были исключить». Партийные секретари попали в еще более скверное положение, чем рядовые коммунисты. В Киевском районе около четверти секретарей партии, т. е. 40 человек из 170, были отстранены от должности, а в Таганском районе их число составляло одну пятую часть, т. е., 30 человек из 152. Большинство из них были уволены за плохую организацию работы или за невыполнение производственного плана, но не за участие в политической оппозиции. Начиная с сентября 1936 года, 4 тыс. 50 коммунистов и 4 тыс. кандидатов в члены партии прошли проверку партбилетов в Таганском районе. Из них 105 человек были исключены из партии, в том числе – 24

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org

человека за принадлежность к троцкистам-зиновьевцам, что составляло около 6% коммунистов этого района. Кроме того, их большая часть, 17 человек из 24, были исключены после писем Центрального Комитета и Московского горкома партии. Коротный был в ярости из-за нерасторопности руководства Таганского района. Он отметил, что они не затруднили себя проверкой ни одного из сорока доносов, полученных ими. «Чего же вы еще ждете?», – требовал Коротный от них: «Если он – враг, решайте о нем как о враге, если он честный человек, то сколько вы будете его мытарить». Однако райком партии проявлял мало интереса к расследованию доносов. Коротный ругал их и требовал прекратить искать такие предлоги как, например, «человек уехал в Башкирию». {230}, [28]

Несколько районов подошли к проверке более серьезно. В Свердловском районе руководство с самого начала исключило из партии всех, кто входил в левую оппозицию. Руководство Куйбышевского района проводило еще более жесткую линию, исключая всех, кто участвовал и в левой, и в правой оппозициях. Один из районных руководителей сказал: «За что после тех глубоких ошибок, которые человек имел, мы оставляем его в партии?» Он объяснил, что 105 бывших членов левой оппозиции и несколько бывших «правых» были исключены из партии. Он также признался: «Нас немного испугала цифра». При всем этом некоторые партийные секретари заводов Куйбышевского района весьма неохотно исключали людей из партии за предыдущие отклонения и старались защитить их. Несмотря на жесткую линию руководства района, парткомы никогда не занимались проверкой тех, кто содействовал вступлению бывших оппозиционеров в партию. Отказываясь углубить свои расследования и включить в число проверяемых имена поручителей, товарищей по работе, родственников и друзей, они создали систему защиты от распространения репрессий. Коротный наставлял районных руководителей партии, призывал более строго подходить к проверке. Он сердито выговаривал им: «Вы это дело промазали. Несомненно, некоторых людей в порядке организационной работы райкома надо еще раз посмотреть». Он пытался заставить их пересмотреть дела некоторых членов партии «чрезвычайно тщательно». {231}

В райкомах партии также не понимали, как относиться к тем, кого когда-то исключили из партии и затем восстановили. В Первомайском районе партийное руководство было возмущено тем, что Коротный упрекал их в том, что они не исключили из партии женщину, которая дважды была исключена и восстановлена в 1920-е годы за участие в левой оппозиции. Один из секретарей райкома резко возразил: «Московский комитет реабилитировал ее дважды!» Они не могли понять, каким образом низовая партийная организация может наказать члена партии за нарушение, если его уже простили на высшем уровне. И что делать с теми коммунистами, которые скрыли свои отношения с троцкистами? В Молотовском районе, женщину исключили из рядов партии за то, что она не сообщила в партком о том, что ее муж придерживался «троцкистских взглядов», а другая была исключена за то, что не рассказала о том, что ее муж сослан за контрреволюционную деятельность. Руководители партии задавались вопросом, правильно ли было исключать этих людей? {232}

Московский горком партии был особенно обеспокоен тем, что районные руководители позволили пройти проверку тем членам партии, которых позже арестовали: почему в районе не могли выявить тех врагов, которых впоследствии разоблачил НКВД? В одном случае Таганский районный комитет затребовал новые партийные документы на члена партии, которого исключила и восстановила в партии Комиссия партийного контроля. К моменту, когда Московский горком получил запрос, этого члена партии уже арестовали. Партийное руководство района было вынуждено давать объяснения, почему они затребовали документы на врага народа. «А что мы должны были делать?», – безнадежно спросил один из секретарей райкома. Районное партийное руководство оказалось между двух огней: НКВД и Комиссией партийного контроля, властных бюрократических структур, преследовавших противоположные цели. Коротный критиковал партийное руководство Таганского района и за упущения на заводах, которые некогда были центрами активности левой оппозиции. Ядро бывших оппозиционеров переместилось из Московской швейной фабрики № 4 на фабрику № 2. Эти старые партийные организаторы все еще встречались с рабочими в учебных кружках. Коротный настаивал, чтобы руководство Таганского райкома давало больше информации, но, казалось, в райкоме об этом ничего не знали. Коротный также ругал Сталинский районный комитет за то, что он не исключил из партии ни одного члена на фабрике № 24, хотя многие из них имели контакты с В. В. Ломинадзе, известным левым оппозиционером, который некогда там работал. Некоторые из этих членов партии прошли проверку только для того, чтобы быть арестованными НКВД.

Только после этого политического конфуза Сталинский райком партии начал давить на парткомы, требуя «разоблачения ряда врагов». Один из районных руководителей дал такое объяснение: «Вначале медлили, затем, когда их упрекнули, поняли, что поступали неправильно, очень крепко стали изучать людей, разоблачать, и вместе с тем не давали парторганизациям шарахаться». {233} Всеми способами – запугивая и упрашивая – Корытный пытался преодолеть апатию райкомов и парткомов, побудить к действию. В конце сентября 1936 года, спустя месяц после завершения судебного процесса он пришел к выводу, что районные и партийные комитеты все еще сопротивляются охоте на «врагов» в своих рядах.

Закключение

К концу 1936 года Сталин и его сторонники превратили дело Кирова из обычного убийства, совершенного озлобленным бывшим членом партии в международный террористический заговор против советского правительства. В течение месяца в Ленинграде и в Москве были вынесены приговоры бывшим оппозиционерам – наряду с Николаевым. В течение весны 1935 года расследование продолжалось. Была раскрыта террористическая группа в Кремле, был исключен из партии А. С. Енукидзе. Напряженность несколько ослабла в период между июнем и декабрем 1935 года, хотя Ежов состряпал новую, более подробную версию заговора об убийствах. Продолжились аресты бывших оппозиционеров. В январе 1936 года признания Ольберга стали поводом для расширения направлений следствия, что в свою очередь привело к росту числа арестованных. Решающую роль в формировании дела весной 1936 года сыграл Сталин, включая в него бывших троцкистов и придавая заговору международный размах. Фокус августовского процесса против «объединенного троцкистско-зиновьевского центра», в котором смешались страхи и фантазии, сосредоточился на оппозиционерах и проблеме социальной напряженности, вызванной индустриализацией. Процесс сделал явным глубочайшие опасения руководства страны.

Районные и заводские партийные комитеты сильно отставали от руководства ЦК партии и не успевали следить за развитием сценария убийства Кирова. Местное руководство не связывало разоблачение «террористов» в верхах с проводимой проверкой и обменом партбилетов. Вначале они игнорировали письмо Центрального Комитета партии от 19 июля, в котором призывалось к бдительности и «срыванию масок с врагов». Не будучи уверенными, кто именно является «замаскировавшимися врагами», и не имея мотивации их искать, они единогласно проголосовали за смертную казнь и вернулись к своим повседневным обязанностям. Разоблачениями, по их мнению, должен был заниматься НКВД. Позже Московский комитет партии резко осудил их за то, что они проводили проверку так, как если бы она не имела никакого отношения к судебному процессу. {234} Рабочие также держались в стороне от процесса. Публично они поддержали приговор, но между собой безоговорочного согласия с ним не выражали.

Если бы партийное руководство ограничилось уничтожением бывших оппозиционеров, если бы охота на врагов не распространялась на парткомы и другие учреждения, Сталинский террор был бы строго ограничен, но руководство ВКП(б) опасалось, что «сверху», невозможно убрать всех оппозиционеров. Было необходимо, чтобы районные и первичные партийные организации участвовали в ликвидации оппозиции. Осенью 1936 года на районные и заводские комитеты партии оказалось под мощным прессом: сверху от них требовали «затачивать политическое лезвие» проверок. Центральный Комитет партии принуждал областные и городские комитеты, которые, в свою очередь, опирались на районные и партийные комитеты, принять меры. Репрессии, до сих пор касавшиеся только бывших оппозиционеров, вскоре затронули местные партийные организации, профсоюзы и предприятия. Рядовые члены партии под давлением сверху нашли собственные причины присоединиться к охоте на врагов. Попытки парткомов уклониться от участия в поисках врага, их безразличие, дезорганизация и стремление соблюдать правила приличия – все эти средства оказались недейственными.

фото 4. Похороны С. М. Кирова

фото 5. Нарком внутренних дел Н.И. Ежов (www.hrono.ru)

Я думаю, что наши большевистские руководители похожи на Антея и должны быть, как Антей. У них есть сила, потому что они не хотят нарушить или ослабить узы с матерью, которая носила и вскормила их, с массами, с людьми, с рабочим классом, с крестьянством, с малыми народами.

Из выступления И. В. Сталина на февральско-мартовском пленуме 1937 г. {235} Неужели вы действительно верите, что народ идет за вами? Он терпит Вас, глухих и подчинивших их, так же как он терпит других вождей в других странах, но в глубине души у него нет отклика... Очень давно мы пробудили глубины, но это закончилось. Иными словами, тогда мы делали историю, а теперь вы делаете политику

Ответ Рубашева (вымышленное имя оппозиционера) на допросе {236} В сентябре 1936 года руководителей партии все сильнее раздражало благодушное отношение райкомов и парткомов к бывшим оппозиционерам. До конца августа партийное руководство страны было занято расследованием убийства Кирова и разоблачением заговоров против Сталина и его сторонников. Судебный процесс по делу «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 года привлек внимание к большой политике: как обвиняемые, так и их предполагаемые жертвы являлись видными партийными деятелями. Однако осенью руководители партии переключают внимание общественности с политических убийств на акты вредительства в промышленности. Рабочие были выбраны в качестве новых жертв «замаскировавшихся» врагов. Новая волна репрессий началась с взрыва на угольной шахте в Кемерово, где пострадало двадцать четыре шахтера: десять человек погибли, четырнадцать рабочих получили увечья. Вначале газеты умалчивали о последствиях взрыва. В течение месяца в ходе расследования случившегося к суду была привлечена группа бывших оппозиционеров и руководителей шахты. Благодаря широкому освещению судебного процесса в прессе этот несчастный случай неизгладимо запечатлелся в сознании советского народа. Эхо взрыва разносилось по стране еще долгое время после того, как шахты были завалены, а виновные понесли наказание. Партийное руководство убеждало рабочих, профсоюзных активистов и членов партии в том, что трудности, существующие в промышленности, особенно те, что относились к безопасности на производстве, являются результатом вредительской деятельности. Ответственность за охоту на врагов лежала не только на НКВД, это было долгом каждого члена партии и гражданина. Привлечение внимания к вредительству помогло заручиться поддержкой рядовых членов партии и профсоюзов и развеять апатию, которая так эффективно защищала их от расширения размаха репрессий.

Несчастный случай в Кемерово стал лейтмотивом второго крупного Московского показательного процесса по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» в январе 1937 года. Во время обоих московских процессов идея террора трансформировалась: террор представляли все более широким явлением. Особое значение придавалось фактам вредительства в промышленности, его главными жертвами считались рабочие, таким образом, охота на врагов шла на каждом заводе и в каждой профсоюзной организации. В 1937 году на февральско-мартовском пленуме Центрального Комитета ВКП(б) идея террора получила свое дальнейшее развитие. Руководители партии, настаивая на соблюдении дисциплины и тайны голосования при выборе предложенных кандидатур, пытались покончить с проявлением «семейственности» среди руководящих работников в профсоюзах и партийных организациях. Они настаивали на том, чтобы рядовые члены партии реализовали свои конституционные права, разоблачали скрытых оппозиционеров и способствовали устранению укоренившихся во власти лидеров. Эти три события общегосударственного значения способствовали переключению внимания населения с политических убийств на промышленное вредительство; мишенью для «вражески настроенных» оппозиционеров, руководителей и инженеров были выбраны рабочие, что способствовало обеспечению поддержки рядовыми членами партии развернутой сверху кампании критики в адрес профсоюзных и партийных руководителей и их устранения. Соединение демократической риторики, промышленного вредительства и недовольства масс, оказалась чрезвычайно мощным катализатором усиления репрессий.

Кемеровский процесс

Летом 1936 года НКВД занялся расследованиями на промышленных предприятиях. Удар был нацелен на левых оппозиционеров, вернувшихся в ряды партии в 1929 году и занявших руководящие посты. В этот период Г. И. Маленков, заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) начал проверку партийных документов нескольких сотен должностных лиц, занимающих руководящие посты в экономике. В результате проверок 2 тыс. 150 руководителей были обнаружены

«компрометирующие материалы» на 526 человек, 50 человек лишились своих постов.^{237} В декабре 1936 года в ходе проверки 743 членов партии в Народном комиссариате тяжелой промышленности (НКТП) оказалось, что 160 человек (22%) были недавно исключены из партии, 12 человек (2%) являлись бывшими троцкистами, а 80 человек (11%) до вступления в ВКП(б) входили в другие группировки.^{238} К 1937 году около 1000 руководителей советской промышленности оказались в тюрьме.^{239} Подвергнутые жестоким допросам, они признавались в том, что разрабатывали планы диверсий на производстве; это в свою очередь вело к дальнейшим арестам. Масштабы террора расширялись, репрессии распространялись на восстановленных в партии, а также на их близких друзей, коллег и начальников. А. Я. Вышинский – яростный обвинитель на августовском процессе, начал расследование дела Г. Л. Пятакова – заместителя наркома тяжелой промышленности – после того, как несколько обвиняемых упомянули его имя в своих показаниях. Пятаков, бывший член левой оппозиции и близкий соратник Троцкого, 11 сентября был исключен из партии за поддержание тесных связей с Зиновьевым и Каменевым, а на следующий день был арестован. Гетти отмечает: «Его арест за саботаж и “терроризм” вызвал волну возмущения на промышленных предприятиях».^{240} После продолжительных допросов Пятаков признался в подрыве экономики и саботаже. В январе он был доставлен из тюрьмы на заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Как впоследствии заметил Бухарин, он выглядел как «скелет с вышибленными зубами».^{241}

Спустя одиннадцать дней после ареста Пятакова, 23 сентября 1936 года страшный взрыв потряс угольные шахты в Кузбассе (Кемерово) и Западной Сибири. Воспламенение газа под землей привело к смерти десяти шахтеров и тяжелым ранениям четырнадцати человек. Проблемы, существовавшие на Кемеровских шахтах, были типичными для всей отрасли: многочисленные несчастные случаи, плохо спроектированные забои, ненадежные подмости в шахтах. Разработка месторождений в Кузбассе началась в девятнадцатом веке, но только в 1930-е годы правительство начало развивать богатый потенциал этого района, построив громадный горнодобывающий, металлургический и химический комплексы. По железной дороге кокс из Кузбасса перевозили в новый центр производства металла и стали – Магнитогорск, откуда вагоны доставляли железную руду для нового металлургического комбината в Сталинске (Новокузнецке). С 1926 года население маленького шахтерского городка Кемерово увеличилось шестикратно до 100 тысяч человек.^{242} Взрыв в сентябре вряд ли можно считать первым. Ранее, в декабре 1935 года взрыв унес жизни двух рабочих и ранил несколько человек. Центральная и заводская пресса, не имевшая привычки сообщать о несчастных случаях, никогда не упоминала о взрывах на шахтах, происшедших в декабре и сентябре. Спустя два дня после взрыва, 25 сентября Сталин, будучи на отдыхе в Сочи, отправил телеграмму в Политбюро с требованием уволить Г. Г. Ягоду с поста наркома внутренних дел и вместо него назначить Н. И. Ежова. Член Политбюро Л. М. Каганович пояснил: «Ягода оказался слишком слабым для такой роли».^{243} 29 сентября Народный комиссариат юстиции направил директиву региональным и местным прокурорам: «Пересмотреть все случаи технической безопасности, взрывов, несчастных случаев и пожаров, которые произошли в промышленности за прошедшие три года».^{244} В то время как прокуратура начала тщательно пересматривать все дела по связям с троцкистами, НКВД приступил к расследованию взрыва в Кемерово, были арестованы ведущие управленцы и инженеры. Они оказались в тюрьме вместе с бывшими троцкистами из Западносибирского региона, которых арестовали еще весной. В течение нескольких недель НКВД выявил связи между руководителями шахт и бывшими троцкистами; их обвинили во вредительстве, в разработке планов диверсий с целью вывести из строя Кемеровские шахты и уничтожить рабочих.

Взрыв в Кемерово – не единственный несчастный случай в промышленности, приведший к обвинению преступления против государства. Уголовный кодекс содержал раздел по «служебным преступлениям», который включал статьи от «злоупотребления властью» до «преступной халатности». Злоупотребление служебным положением с целью причинения вреда государству было квалифицировано как «вредительство». В 1928 году Верховный Суд облегчил задачу признания виновности во вредительстве, приняв определение, что прокуроры обязаны доказывать не «контрреволюционное намерение», а только намерение совершить действие. В 1929 году партия развернула широкую кампанию против «буржуазных специалистов» (бывших царских чиновников и технических специалистов), рассматривая уголовное преследование служебных преступлений с классовых позиций. Судебные органы начали уголовное преследование руководителей, инженеров и экономистов за несчастные случаи и аварии в промышленности, торговле и на транспорте. Эта кампания достигла апогея в 1931 году во время суда над группой бывших меньшевиков, работавших

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosofff.org экономистами и плановиками. Партия прекратила нападки весной 1931 года и приняла меры по защите специалистов. В голодном 1933 году за вредительство были осуждены руководители Комиссариатов сельского хозяйства и совхозов. Однако судебный процесс был закрытым, и партийное руководство страны не принимало никаких мер для привлечения народных масс в его поддержку. В 1933 году обвинение в шпионаже и авариях на электростанциях было предъявлено британским инженерам. Однако и этот судебный процесс не сопровождался широкой массовой кампанией против специалистов. Более того, после 1931 года специалисты получили материальные привилегии, недоступные для рабочих, а несчастные случаи в промышленности неохотно признавались вредительством. {245}

Затишье продолжалось приблизительно до 1935 года, когда Алексей Стаханов установил рекорд добычи угля, что положило начало стахановскому движению. Руководители партии, пребывая в состоянии эйфории от возможности увеличить производительность труда, намечали все более амбициозные производственные планы и призывали рабочих всех отраслей промышленности перенимать стахановские методы работы. Директора заводов скептически относились к превышению норм выработки стахановцами, но, тем не менее, принуждали бригадиров и инженеров включаться в это движение. Некоторые рабочие, желая больше заработать, настаивали, чтобы начальники обеспечили их необходимым оборудованием и материалами для установления рекордов. Другие сопротивлялись, понимая, что это движение является для партии еще одним способом заставить полуголодных рабочих работать на пределе сил. С самого начала партия ответила на сопротивление репрессиями. НКВД считал саботажем любую активность, мешающую рабочему-стахановцу, в том числе отсутствие необходимых материалов и инструментов. Рабочих и начальников арестовывали за высмеивание движения. При обрушении кровли в забое на шахте в Челябинске погибла группа шахтеров-стахановцев, в результате шести инженерам было предъявлено обвинение во вредительстве. Однако к лету 1936 года партийные лидеры начали сомневаться в производственном потенциале стахановского движения.

Центральный Комитет с все большей неохотой квалифицировал угрозы безопасности и проблемы, существующие в промышленности, как саботаж, и прекратил преследование руководителей промышленных предприятий. {246} Однако ненадолго: сразу после взрыва в сентябре НКВД арестовал руководство Кемеровской шахты. Судебный процесс начался 20 ноября в Новосибирске. В тот же день было объявлено о гибели шахтеров. Группа из девяти бывших троцкистов и руководителей была обвинена в преднамеренной организации взрывов. Кемеровский процесс был похож на прежние судебные процессы, однако комбинация обвинений в шпионаже, политической оппозиции и преднамеренных убийствах была новшеством. На скамье подсудимых оказались И. А. Пешехонов – главный инженер рудоуправления Кемеровского комплекса и Э. П. Штиклинг – германский подданный, главный инженер шахты «Северная». В числе других обвиняемых, работавших на шахте «Центральная», где и произошел взрыв, были: И. И. Носков – директор шахты, В. М. Андреев и И. Е. Коваленко – главные инженеры, Н. С. Леоненко – начальник участка шахты «Центральная», И. Т. Лященко – ответственный за систему вентиляции, Ф. И. Шубин – бригадир и М. А. Куров – рабочий, бывший троцкист. Пешехонов был сослан на три года после Шахтинского процесса в 1928 году. После отбывания большей части срока в Западной Сибири он был назначен главным инженером Кемеровского рудоуправления. Еще шестерым предъявили обвинение, но приговор суда был оглашен им позже, на ставшем вторым по счету Московском показательном процессе над «параллельным троцкистским центром». В их числе были: Я. Н. Дробнис – заместитель начальника строительства в Кемерово; Н. И. Муралов – старый революционер и бывший троцкист, сосланный в Новосибирск в 1928 году; А. А. Шестов – управляющий цинковой шахтой в Кузбассе; М. С. Строилов – главный инженер Кузбасского угольного треста; М. С. Богуславский – глава Сибирского машиностроения и В. В. Арнольд – водитель. Кроме Арнольда – плутоватого искателя приключений с кучей фальшивых паспортов и вымышленных имен, – группа лиц, представших перед судом как члены контрреволюционной группы «параллельного троцкистского центра», состояла из бывших оппозиционерами. Дело рассматривала «тройка» Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством В. В. Ульриха. Эти пресловутые военные «тройки» были созданы после убийства Кирова для слушания дел о «терроризме» и «измене».

Подсудимые Кемеровского процесса были обвинены в совершении многочисленных преступлений в 1935–1936 годах с целью подрыва горнодобывающей промышленности. Прокурор изложил тщательно сфабрикованное дело о совершении

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org

диверсионных и вредительских актов в промышленности, об убийствах, шпионаже и оппозиционной деятельности, которая началась с момента, когда бывший троцкист Я. Н. Дробнис был переведен со своего поста в Средней Азии в Кемерово в 1934 году. Дробниса могли бы осудить позже, в январе 1937 года, но он сыграл центральную роль в сюжете. Согласно данным прокурора, перед тем как уехать из Кемерово, Дробнис посетил квартиру Г. Л. Пятакова в Москве. Пятаков поручил ему связаться с Мураловым и Богуславским – двумя бывшими оппозиционерами, высланным в Новосибирск. Эти трое стали ядром троцкистского террористического центра в Западной Сибири. Весной 1935 года Г. Л. Пятаков вновь встретился с Дробнисом и рассказал ему о встрече за границей с сыном Троцкого Л. Седовым и его представителем. Седов якобы подстрекал Пятакова активизировать деятельность троцкистской сети, совершать убийства политических лидеров, устраивать акты саботажа в промышленности, особенно в металлургической, угольной и химической отраслях. Затем Пятаков приказал Дробнису начать вредительскую деятельность на шахтах. Дробнис – заместитель начальника строительства в Кемерово вскоре привлек к работе директора шахты «Центральная» Носкова. После двух встреч в августе и ноябре 1935 года Носков завербовал бывших левых оппозиционеров: рабочего Курова и бригадира Шубина. [29] Год спустя Я. Н. Дробнис, И. И. Носков, Ф. И. Шубин и М. А. Куров привлекли в свою группу инженеров и начальников шахты «Центральная», в которую входили И. Т. Лященко, Н. С. Леоненко, В. М. Андреев, И. Е. Коваленко, а также несколько иностранцев. [30] Главный инженер Кемеровского рудника И. А. Пешехонов, озлобленный приговором Шахтинского судебного процесса, активно занимался вредительством на рудниках. М. С. Строилов якобы контактировал с Пешехоновым в 1933 году и подстрекал его к разрушению вентиляции в шахтах, которые можно было наполнить газом. Он познакомил Пешехонова с Штиклингом, немецким инженером, якобы агентом гестапо, и эти двое создали «контрреволюционную фашистскую группу». В октябре 1935 года Шестов, директор соседнего цинкового рудника, настоял на том, чтобы Дробнис объединил своих троцкистов с пешехоновской фашистской группой. Вскоре после этого обе группы объединились. {247} Заместитель Прокурора Союза СССР говорил, что «организатор диверсионной работы Пешехонов и троцкист-контрреволюционер Носков нашли общий язык и основу для совместной деятельности с фашистом Штиклингом». {248} Они намеренно допустили наполнение рудников газом, надеясь, что взрыв разрушит производство и «озлобит рабочих». {249}

Судебное разбирательство представляло собой систему взаимосвязанных свидетельских показаний, в которых обвиняемые обличали сами себя и друг друга. Не было других доказательств, кроме их собственных признаний. Например, Носков свидетельствовал: «Дробнис предложил мне организовать на шахте акты физического уничтожения рабочих путем отравления и взрывов». М. А. Куров в свою очередь показал: «Носков сказал нам, что взрывы газа на шахтах, даже если при этом кое-кто из рабочих пострадает, были бы очень эффективными в смысле результатов нашей работы». {250} Будто бы Шубин с наслаждением и злорадством сообщил о плане: «Наши братишки будут дохнуть, как крысы». Насмехаясь над знаменитой фразой Сталина, что жизнь становится лучше и счастливее, он сказал: «Мы покажем рабочим счастливую жизнь». Эти комментарии, подчеркиваемые и повторяемые в многочисленных газетных статьях, стали прописными фразами судебного процесса. {251} Как говорилось в одной из статей: «Они не прекратят убийства рабочих. Напротив, чем больше жертв, тем лучше для троцкистских кровососов, так как они выполняют команды своих хозяев – фашистов». {252}

Информирование рабочих о процессе

Рабочие – всего лишь наблюдатели судебного процесса «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 года, – приняли на себя ответственную роль жертв и свидетелей в кемеровском процессе. Бригадир-стахановец шахты «Центральная» свидетельствовал, что обвиняемые руководители саботировали стахановское движение с целью возбудить недовольство среди лучших рабочих. Другой шахтер в своих показаниях подтвердил, что рабочие неоднократно сообщали о скоплении газа и требовали установить вентиляторы. Однако Лященко, руководитель, ответственный за состояние вентиляции, говорил им: «Мы установим вентиляторы, когда Советская власть станет богаче». Государственный обвинитель спросил Лященко: «Было ли Ваше заявление сделано с целью усиления недовольства рабочих? Этим ли способом выражалась Ваша контрреволюционная деятельность?». На что Лященко ответил: «Да». Когда рабочие отказались войти в загазованные забои, Лященко обвинил их в срыве производства и

посоветовал им разгонять газ, размахивая «тужурками». Инспектор по охране труда заявил, что в забоях накапливался газ, и что он приказал Лященко установить вентиляторы. Начальник участка шахты «Центральная» Леоненко признался, что умышленно оставлял в шахтах стоячую воду, чтобы шахтерам было труднее работать. Носков, директор шахты, показал, что планировал создание большого количества «газовых мешков и тупиков». {253} Прокурор понуждал обвиняемых признаться в том, что они намеренно планировали убийства рабочих. Он спросил Шубина: «Признаете ли вы, что ваши действия, по существу, – действия убийц рабочих?» Шубин ответил: «Как ни тяжело, должен признаться, что это так». Прокурор обратился к Коваленко, главному инженеру шахты: «Правильным, следовательно, будет вывод, что Вы как член этой организации сознательно направляли рабочих на гибель, были убийцей рабочих?». Он также спросил Леоненко, действительно ли тот «сознательно отравил десятки рабочих». От каждого обвиняемого по очереди требовали признать, что смерть от несчастного случая была не результатом халатности, а «сознательным и обдуманым» действием». {254}

На этом суде, как и предшествующем ему августовском процессе, смешались воедино реальность и вымысел. Действительно, шахты часто заполнялись газом, забои были плохо спроектированы, отсутствовала вентиляция. Прокурор заявил, что кемеровские руководители умышленно отказывались расходовать государственные средства на обеспечение безопасности в шахтах. Более трех четвертей средств было заморожено или не использовались. Неизрасходованные страховые фонды вряд ли являлись отличительной особенностью лишь Кемеровских шахт. Многие начальники не расходовали денежные средства, предназначенные для безопасности, обеспечения жильем или предоставления культурных услуг, поскольку нехватка строительных материалов делала их бесполезными. Однако прокурор утверждал, что неизрасходованные денежные суммы являются доказательством умышленного вредительства. Он допросил Андреева, главного инженера, какие были предприняты меры для устранения «безобразий» на шахте. Андреев ответил: «никаких». {255} Проблемы в Кемеровских шахтах, высокий процент несчастных случаев, низкий уровень планирования и управленческая халатность существовали в каждой отрасли промышленности. Это было неизбежным результатом высоких темпов индустриализации и давления на «генералов» промышленности для достижения высоких производственных показателей. Однако суд предъявил обвинения не государству, а «вредителям и диверсантам», которые «провокационно старались подорвать доверие рабочих к пролетарскому государству». {256} – Девять обвиняемых, признавших свою вину, основанную исключительно на их собственных показаниях, были расстреляны. {257}

Информация о судебном процессе быстро нашла восприимчивую аудиторию. Беспартийный бурильщик завода «Станколит» Захаров рассказывал своим товарищам: «У нас в цеху также много газа во время работы. Вентиляция не работает, несмотря на требования рабочих... Надо посмотреть: может быть, это работа таких же сволочей, как и в Кузбассе, которые травили рабочих газами». {258} Захаров незамедлительно воспользовался случаем: возможно, на заводе установят вентиляторы, если рабочие обнаружат «вредителей». Он не был единственным рабочим, который извлек выгоду из данного дела. Рабочие быстро списали на «вредительство» неудовлетворительные условия безопасности, несчастные случаи, плохие жилищные условия и другие повседневные трудности. Неужели они на самом деле верили, что враги намеревались их убить? Это невозможно узнать. Однако они осознавали, что слово «вредительство», даже шепотом произнесенное, немедленно привлекало внимание начальников.

После кемеровского судебного процесса заводские газеты пестрили голословными обвинениями. В одной газете открыто спрашивали: «Если происходят систематические срывы в строительстве, нарушения распоряжений правительства, замораживание миллионов рублей, не является ли это поисками врагов?» Нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе получил огромное количество писем от руководителей промышленных предприятий, в которых те жаловались, на то, что их превратили в «козлов отпущения» за каждую возникшую трудность. Директор Днепропетровского металлургического завода С. П. Бирман обратился к нему за «указаниями и содействием». Он объяснил, что партийные директивы, поощряющие «критику и самокритику» были неправильно истолкованы: «Мне кажется, что директиву высших партийных инстанций о всемерном развертывании “критики” и “самокритики” в Днепропетровске поняли неправильно». Иностранное слово “критика” здесь часто путают с русским словом “трепаться”... Многие поняли так, что надо во что бы то ни стало обливать грязью друг друга, но в первую очередь определенную категорию

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org

руководящих работников. Этой определенной категорией руководящих работников и являются в первую очередь хозяйственники, директора крупных заводов, которые по мановению таинственной волшебной палочки сделались центральной мишенью этой части самокритики». Бирман обвинил региональных руководителей партии в том, что они занимаются исключительно агитацией против управленцев. Центральный Комитет также получал многочисленные письма с жалобами. Сталин лично вмешался после того, как директор авиамоторного завода пожаловался, что он и его коллеги-руководители, все бывшие троцкисты, подвергаются нападкам исключительно за свои прошлые политические ошибки. Сталин отправил срочную телеграмму секретарю Пермского горкома партии с просьбой «оградить директора и его работников от травм и создать вокруг них атмосферу полного доверия». {259} Наряду с жалобами на травлю, Орджоникидзе также получил многочисленные письма с открытыми обвинениями, которые он отправил Ежову для дальнейшего расследования. [31] Широко развернутая кампания против вредительства была на руку многим из тех, кто искал «козлов отпущения» или способов разрешения проблем. Усилия Сталина остановить эту кампанию не дали результата.

Процесс по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра»

Кемеровский процесс стал генеральной репетицией второго московского показательного процесса, который начался 23 января 1937 года. Почти половина обвиняемых – Г. Л. Пятаков, Н. И. Муралов, Я. Н. Дробнис, М. С. Богуславский, А. А. Шестов, М. С. Стройлов и В. В. Арнольд были связаны с кемеровским процессом. Некоторые из них дали свидетельские показания. Двое членов суда также были ветеранами кемеровского процесса: В. В. Ульрих возглавлял Военную коллегия Верховного Суда, а Н. М. Рычков был членом «тройки», которая судила дело. Кроме того, вредительство в Кемерово считалось одной из трех составляющих плана заговора, основного пункта обвинения на январском процессе. Семнадцати обвиняемым был вынесен приговор за измену, шпионаж и вредительство, включая заместителя наркома тяжелой промышленности Г. Л. Пятакова, главного редактора газеты «Известия» и члена Конституционной Комиссии К. Б. Радека, заместителя наркома иностранных дел Г. Я. Сокольников. Большинство обвиняемых являлись бывшими троцкистами, а некоторые из них, включая Пятакова, Радека, Муралова и Серебрякова были лично близки к Троцкому. Одни были арестованы задолго до взрыва в Кемерово, другие – вскоре после него. {260}, [32]

На январском процессе в ходе судебного разбирательства речь шла о большом количестве заговоров, хронологизация оппозиционной деятельности, относящейся к концу 1920 годов, была весьма запутанной. Главным обвинителем выступал А. Я. Вышинский. Он предъявил подсудимым обвинение в создании «параллельного троцкистского центра» – в качестве запасного варианта на случай, если «троцкистско-зиновьевский центр» будет разоблачен. Движимые глубокой ненавистью к Сталину заговорщики намеревались причинить ущерб и распродать советскую промышленность, восстановить капитализм, расформировать колхозы и ослабить оборону страны. Обещая территориальные уступки Германии и Японии, они планировали захватить власть в случае, если СССР будет побежден в войне. {261} Как во время августовского процесса 1936 года, так и на кемеровском процессе, версия государственного обвинения полностью базировалась на сведениях, полученных от подсудимых в ходе допросов. В основе дела о вредительстве лежала информация о деятельности трех, слабо связанных между собой групп заговорщиков, действовавших на железных дорогах, в добывающей и химической промышленности. Уголь, добытый в Кузбассе, доставлялся по железной дороге и отгружался на металлургические заводы, где он коксовался для производства азотных удобрений и других побочных продуктов химического производства. Обвиняемые были разделены на группы по отраслевому и региональному признакам: Муралов, Дробнис, Богуславский, Норкин, Шестов, Стройлов и Арнольд – Западная Сибирь; Ратайчак и Пушин – химическая промышленность на Украине; Щербаков, Лившиц, князев и Турок – южные железные дороги. Как и в кемеровском процессе, обвинение установило связь между бывшими троцкистами и руководителями предприятий, представив рабочих и солдат невинными жертвами. Вышинский рассказал об еще нескольких заговорах с целью убийства советских руководителей, но они служили лишь для приукрашивания основного пункта обвинения: связь с оппозицией, вредительство и шпионаж фашистов.

Все нити заговора вели к Пятакову – центральной фигуре судебного процесса. Активный член левой оппозиции в 1926-1927 годах, он был вскоре исключен из партийных рядов, затем отрекся от своих убеждений и восстановился в партии в 1928 году, тем самым будто подстрекая других троцкистов последовать его

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org

примеру. Партия, испытывая недостаток в преданных делу организаторах, назначала многих бывших оппозиционеров на руководящие посты в промышленности. Радек показал на допросе, что, несмотря на внешние проявления преданности, они продолжали испытывать серьезные сомнения в проводимой политике. Они поддерживали между собой тесные связи, принимали друг друга на работу и обменивались информацией о проблемах, существовавших в промышленности и сельском хозяйстве. {262} Описанный им образ мыслей и действий бывших оппозиционеров казался весьма правдоподобным. Радек и другие подсудимые также признались, что продолжали контактировать с Троцким. Их свидетельские показания повторяли признания, сделанные на кемеровском процессе. Еще раз некоторые обвиняемые показали, что Пятаков и Шестов, член восточносибирского угольного треста, встречались с Седовым, сыном Троцкого во время своей командировки в Берлин в мае 1931 года. Седов якобы велел им возобновить борьбу против сталинского руководства путем терроризма и вредительства. Когда Шестов вернулся в Кузбасс, он вступил в контакт с инженерами по Шахтинскому делу, дал указание водителю Арнольду подготовить автомобильную аварию для Молотова, и начать вредительство на рудниках. А Пятаков якобы организовал фальшивую схему закупок с одной немецкой фирмой для переправки государственных средств Троцкому. {263}

Согласно выстроенному сюжету Шестов вернулся в Советский Союз в ноябре 1931 года с письмами от Троцкого Пятакову и Муралову, бывшими с ним в одной упряжке. Пятаков свидетельствовал, что в письме Троцкий инструктировал его, призывал использовать «любые средства» для устранения Сталина, объединения оппозиции и причинения вреда промышленности. Пятаков начал восстанавливать свои старые троцкистские связи, включая Лившица, управляющего железных дорог на Украине. Летом 1932 года Пятаков уехал за границу и снова встретился с Седовым в Берлине. Осенью он вернулся в Москву и встретился с Каменевым, который рассказал ему о создании им «троцкистско-зиновьевского центра». Каменев посоветовал Пятакову создать «параллельный центр». Осенью 1932 года Пятаков создал «параллельный центр», который начал активную вредительскую деятельность в добывающей и в химической промышленности. Радек присоединился к ним в ноябре. {264}

Согласно тексту обвинения, заместитель наркома тяжелой промышленности Г. Л. Пятаков, занимая высокий пост, имел возможность ставить троцкистов на ключевые позиции в промышленности. Он назначил Дробниса заместителем начальника строительства в Кемерово и помог связаться ему с другими троцкистами, в том числе Шестова. Вышинский утверждал, что эта восточносибирская группа занималась вредительством на рудниках, тормозила темпы строительства коксовых заводов, способствовала тому, что «крупные объекты строительства оставались недостроенными», разбазаривала средства и плохо планировала расходы. Кемеровский уголь был низкого качества, из-за этого в районе произошли взрывы на электростанции. Из кемеровских коксовых печей выходил низкокачественный кокс, который отправлялся на уральские металлургические заводы. В то же время на Урале вредители строили жилые дома по направлению ветра от Центральноуральского медеплавильного завода – чтобы отравить рабочих. Они устраивали аварии на железных дорогах, нарушали движение грузовых поездов, отказывались увеличить нормы пробега товарных вагонов и двигателей и не использовали их на полную мощность, отправляя пустые товарные вагоны. Вышинский принуждал обвиняемых признаться, что они хотели смерти рабочих и намеревались их убить. {265}

Обвинение во вредительстве содержало полное и точное изложение проблем, существовавших в промышленности и на транспорте. Задерживались сроки строительства, происходили аварии на железных дорогах и взрывы на шахтах, нарушались графики железнодорожных грузоперевозок. Рабочие поселки были плохо спланированы. Происходило разбазаривание побочных продуктов химического производства. Однако эти проблемы являлись результатом использования новых незнакомых технологий, нехватки и текучести рабочей силы, отсутствия достаточного опыта у планировщиков и инженеров. Все это было неизбежным следствием быстрых темпов индустриализации.

Подсудимые решительно втянули «правых» в заговор о свержении правительства. Августовский процесс 1936 года слабо намекал на эту связь. Пятаков свидетельствовал, что осенью 1932 года Каменев рассказал ему о том, что его «центр» установил контакты с Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым и М. П. Томским. Радек показал, что Бухарин признался в 1934 году, что он и Угланов встали на путь терроризма. Н. А. Угланов – «бескомпромиссный и надежный антитроцкист» был назначен первым секретарем МКГ партии в 1924 году и контролировал чистку «левых». До 1930 года он возглавлял Народный комиссариат труда, до 1933 был наркомом тяжелой промышленности. [33] Пятаков сообщил, что он встречался с Бухариным, Томским и Сокольниковым летом 1935

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
года, и в декабре этого же года сторонники «правого уклона» присоединились к «параллельному центру».^{266} В обвинениях снова смешивались реальные факты и воображаемые события. Сокольников, заместитель Комиссара иностранных дел и единственный представитель «правых уклонистов» среди обвиняемых действительно организовал встречу Зиновьева и Бухарина в 1928 году в попытке объединиться ради общего дела. На январском процессе в 1937 году его вынудили повторно сыграть роль связующего звена между правыми и левыми уклонистами, делая Бухарина и других «правых» сопричастными к этому делу^{267}

Обвиняемые были тщательно подготовлены. Но некоторые их показания отличались от заранее написанного сценария и вызвали волнующий интерес. Пятаков демонстрировал жалкие остатки поруганной революционной чести. Он спокойно давал показания о несуществующих заговорах с целью убийства и вредительства, но отказывался согласиться с утверждением Вышинского о том, что он негативно отзывался о советских рабочих. Некоторые подсудимые красноречиво говорили о своих разногласиях с политикой Сталина. Во время августовского процесса Вышинский неоднократно настаивал на отсутствии у обвиняемых альтернативной политической программы. В январе подсудимые подробно описывали платформу Рютина, разработанную им в 1932 году, и серьезные социальные издержки, связанные с индустриализацией и коллективизацией. Они также намекали на скрытые разногласия среди партийных руководителей по вопросам внешней политики. Например, Радек свидетельствовал, что некоторые государственные и военные круги поддерживали «линию Рапалло», т. е. восстановление дружественных отношений с Германией. Несмотря на то, что казалось невероятным, чтобы преданные коммунисты могли вступить в тесный контакт с фашистами в 1937 году, факт заключения пакта о ненападении между Сталиным и Гитлером в 1939 году позволяет предположить, что Радек, возможно, правдиво изложил одно из имевших место в руководстве партии мнений. В своем заключительном заявлении он напомнил суду о том, что версия обвинения была основана на признании Пятакова и на двух письмах, полученных от Троцкого, которые были «сожжены». «Показания остальных подсудимых, – предостерег он, – основываются на наших показаниях». В конечном счете, то, что обвиняемые высказывали сомнения в проводимой политике – признание в этом Вышинский вытянул из обвиняемых – вполне правдоподобно. Было бы более странным, если бы эти сильные, независимо мыслящие бывшие оппозиционеры горячо и без критики приняли позицию Сталина после своего возвращения в партию. Все же целью судебного процесса являлось не желание услышать правду, а необходимость придать обвинениям в преступлениях правдоподобную форму, обрамляя их частичной правдой. Приговор был вынесен до начала судебного процесса. За исключением Сокольникова, Радека и Арнольда, который получили по 10 лет тюремного заключения, и Строилова, который получил 8 лет, – все осужденные были расстреляны.^{268} Сокольников и Радек позже были убиты в тюрьме.

В последний день заседания суда Московский комитет партии и профсоюзы провели массовый митинг, на котором был зачитан приговор. Тысячи рабочих собрались на Красной площади, чтобы услышать речь первого секретаря Московского городского комитета партии Н. С. Хрущева и выступления представителей заводов. Хрущев прямо обратился к рабочим: «Троцкисты хотели уничтожить семичасовой рабочий день, уничтожить великие наши права на труд, отдых, образование, возродить ужасы безработицы, от которых избавлены победой социализма трудящиеся нашей страны». Под оглушительные аплодисменты он резюмировал обвинения: «Они устраивали взрывы на предприятиях, они шпионили для фашистских разведок, они убивали и отравляли рабочих и красноармейцев, взрослых и детей. Они пускали под откос поезд с нашими славными красноармейцами, разрушали транспорт, получая за это деньги от японской контрразведки... Поднимая руку на товарища Сталина, они поднимали ее против всего лучшего, что имеет человечество, потому что Сталин – лучшая надежда, это чаяние, это маяк всего передового и прогрессивного человечества. Сталин – это наше знамя, Сталин – это наша воля, Сталин – это наша победа». Под одобрительные возгласы рабочих оркестр заиграл «Интернационал». Другой выступавший попросил рабочих высказать одобрение по поводу приговора – поднялись тысячи рук. Он зачитал: «Трудящиеся Москвы вместе со всем многомиллионным народом нашей великой социалистической родины приветствуют и полностью одобряют революционный приговор Военной коллегии Верховного Суда Союза Советских республик [34] над фашистской бандой изменников родины».^{269} Как и на общезаводских собраниях в августе, целью митинга было добиться понимания рабочими смысла этого процесса и получить у них поддержку приговора.

Меньше чем через месяц после завершения процесса, в период с 22 февраля по 7 марта 1937 состоялся пленум Центрального Комитета партии. Многие историки признают пленум поворотным в политике террора, несмотря на то, что в течение многих лет о работе пленума было известно только по сплетням и слухам. {270} Редакторы журнала «Вопросы истории» отмечают, что «на февральско-мартовском пленуме был дан сигнал к новой волне массовых репрессий». {271} Д. А. Гетти. и О. Наумов считают, что пленум перенаправил репрессии с низового уровня партии на ее региональных руководителей. {272} Некоторые историки, проанализировав работу пленума, сосредоточили свой интерес в основном на судьбах Бухарина и Рыкова. Однако пленум был действием, богатым событиями, трудным для понимания. «Новая волна массовых репрессий» была вызвана не только арестом Бухарина и Рыкова. Более важным было то, что на пленуме был сделан новый, беспрецедентный акцент на понятии «демократия». Некоторые основные докладчики, включая Сталина и А. А. Жданова – секретаря ЦК, первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), подчеркивали необходимость тайного голосования кандидатур, выдвигаемых на посты в партии, в органах государственной власти и профсоюзах. Они резко критиковали политическую культуру, которая становилась все более консервативной и бюрократической, подчеркивая необходимость возродить руководящие институты снизу. Таким образом, пленум, задачей которого было обеспечить будущие исключения из партии, распахнул двери для молниеносной мобилизации масс.

Повестка дня пленума включала пункты относительно судьбы Бухарина и Рыкова, вопросы промышленного вредительства и приближающихся выборы в советы, необходимости большей демократии в партии и профсоюзах, а также вопросы, связанные с троцкизмом. Обсуждение Бухарина и Рыкова сопровождалось грубыми обвинениями в их адрес и жалкими оправданиями с их стороны. В итоге Центральный Комитет проголосовал за то, чтобы исключить их из партии и отправить с пленума прямо в тюрьму. Спустя год они оба были казнены по окончании последнего московского показательного судебного процесса. {273} Основные две темы пленума: репрессии и демократия, на первый взгляд кажущиеся диаметрально противоположными, оказались тесно переплетенными между собой. Докладчики употребляли слово «демократия», под которым подразумевали тайное голосование, прямые выборы по отдельным кандидатам вместо голосования за список, открытое обсуждение достоинств кандидатов, критику снизу, народовластие и массовый контроль. Например, Сталин настаивал не только на тайном голосовании на выборах, но также считал необходимым, чтобы партийные руководители отчитывались перед народом, который они представляли. {274} Партийные верхи, возмущенные неспособностью низовых партийных организаций очистить свои ряды от бывших оппозиционеров, внесли предложение о привлечении к чистке рядовых членов партии. Таким образом, демократия была одним из способов усилить поддержку партии массами, вдохновить рядовых членов партии и тем самым обеспечить более тщательную чистку региональной партийной элиты.

Несмотря на то, что руководители партии ссылались на идеалы демократии, сам пленум трудно было назвать демократичным. Руководство Политбюро заранее подготовили сценарий, а также тщательно проверили тексты основных выступлений и окончательных резолюций пленума. {275} , [35] Во время дискуссий, следовавших сразу после основных выступлений, делегаты пленума не вступали в спор между собой и не выражали противоречивых мнений. В адрес Сталина звучали льстивые почтительные речи. Председатель СНК СССР В. М. Молотов, которого Бухарин когда-то назвал «толстожопым», который все еще с трудом понимает, что такое марксизм» {276} , часто ссылался на подходящие случаю высказывания Сталина для того, чтобы обеспечить себе необходимую устойчивость для ведения корабля по зыбким политическим волнам. Разногласия выражались в основном в форме личных нападок. В. И. Полонский – секретарь ВЦСПС – начал резкую атаку на первого секретаря ВЦСПС Н. М. Шверника. Я. А. Яковлев – первый заместитель Председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) – подорвал доверие к Председателю Московского городского и областного комитета партии Н. С. Хрущеву. А. А. Андреев – секретарь ЦК, осудил первого секретаря Таганрогского комитета партии С. Х. Варданяна. Иными словами, пленум являл собой странный спектакль, разыгранный руководящими членами партии, защищавшими демократию путем предъявления друг другу обвинений в бюрократизме. Еще более горячо обсуждение проблем демократии походило среди слоев низовых партийных организациях. Она явилась причиной серьезного недовольства в рядах партии, поскольку у местных кадров появился интерес к своим вождям. {277} Дискуссия о демократии вышла за

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosofff.org
пределы партии, что способствовало принятию одного из непредусмотренных пленумом решений: организовать выборы путем тайного голосования в профсоюзах. Меньше чем через месяц после пленума принципы демократии, сформулированные на пленуме, перевернут вверх дном профсоюзы и послужат началом яростной борьбы за власть и выживание.

Охота на вредителей

Пленум начал свою работу вскоре после кемеровского и январского процессов. Г. К. (Серго) Орджоникидзе, нарком тяжелой промышленности, планировавший произнести программную речь о вредительстве, 18 февраля покончил жизнь самоубийством. Из-за этого события открытие пленума было отложено на несколько дней. {278} Осенью 1936 года Орджоникидзе выступил против политизации проблем, существовавших в промышленности. Он заявил, что необоснованные утверждения о вредительстве, оправдывавшие наличие организационных и технических проблем, могут только ослабить производство. К тому же, после завершения судебных процессов он оставался верным здравому смыслу в условиях охватывающей страну истерии. Пятого февраля Орджоникидзе послал технического эксперта, профессора Н. И. Гельперина в Кемерово изучить, как наладить производство после волн арестов. Формулировка его распоряжений свидетельствовала о большей заинтересованности в решении технических вопросов, нежели политических. Он сказал Гельперину: «Вы сами, наверное, тоже находитесь под впечатлением недавно прошедшего процесса. Так вот, помните, что у малодушных или недостаточно добросовестных людей может появиться желание все валить на вредительство, чтобы, так сказать, утопить во вредительском процессе свои собственные ошибки». Он предупредил профессора: «Было бы в корне неправильно допустить это. Мы не получили бы точной картины того, что было и, следовательно, не знали бы, что и как надо исправлять. Вы подойдите к этому делу как техник. Постарайтесь отличить сознательное вредительство от непроизвольной ошибки». Короче говоря, Орджоникидзе попросил Гельперина не обращать внимания на необоснованные утверждения о вредительстве и сосредоточиться на технических вопросах. Гельперин вернулся в Москву 17 февраля и вечером того же дня представил отчет. Орджоникидзе задал ему много технических вопросов об азотном заводе в Кемерово, а также о настроениях инженерного и руководящего состава. Казалось, он был особенно обеспокоен падением морального уровня рабочих, которые вместо работы были заняты голословными заявлениями. Он попросил Гельперина представить письменный отчет в течение двух дней, но у профессора не оказалось такой возможности. Орджоникидзе вернулся домой после полуночи и обнаружил, что сотрудники НКВД провели обыск в его квартире. На следующий день после бурного разговора со Сталиным он остался дома. Ближе к вечеру Орджоникидзе застрелился. Гельперин смог увидеть его только в открытом гробу, стоя в почетном карауле. {279} О самоубийстве было известно только в узком кругу партийных руководителей. Делегатам съезда и народу смерть Орджоникидзе была представлена как результат сердечного приступа. После прошедших судебных процессов и арестов руководителей, Орджоникидзе в своей речи на пленуме должен был обрисовать текущую ситуацию в промышленности. Вместо него выступил Молотов. [36] Извинившись перед делегатами за незнание предмета, он начал свою речь с цитирования признаний обвиняемых на январском процессе. Еще раз делегаты услышали внушающее ужас подробное перечисление несчастных случаев на шахтах, на железной дороге и химических заводах. «Буржуазные специалисты занимались вредительством с 1917 года, – пояснил Молотов, – но вредители прикрывались партбилетами». Под руководством Пятакова они умыленно заставляли неквалифицированных рабочих работать со сложным оборудованием, вызывая этим постоянные сбои в работе и создавая «полный хаос» на медеплавильных заводах, в цветной металлургии, в строительстве и других отраслях. Они были ответственны за невыплату зарплат, плохие жилищные условия, несчастные случаи на производстве, пожары и отравления. «Я говорил здесь о том, что факты вредительства мы теперь знаем хорошо в отношении тяжелой промышленности, – сказал Молотов. – Это не значит, что вредительских актов мы не имеем в отношении других отраслей промышленности». Давая зеленый свет новым арестам, он заявил, что факты вредительства имеются и в легкой промышленности: «Только мы еще до этого дела не добрались по-настоящему». {280} Подробно излагая суть кемеровского и январского судебных процессов, Молотов подчеркивал, что основными жертвами заговоров были рабочие: стремясь настроить рабочих против советской власти, вредители намеренно создавали суровые условия для работы и жизни. В промышленном городе недалеко от Москвы вредители спланировали слив канализации и промышленных отходов в реку неподалеку от рабочего поселка. Рабочие, использовавшие речную воду для питья, приготовления пищи и стирки,

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
неоднократно страдали от эпидемий дизентерии и брюшного тифа. Не понимая, что это вредители пытались их отравить, они обвиняли партию и правительство в загрязнении реки. Молотов четко заявил, что трудности на производстве, проблемы в обеспечении жильем, дефицит продовольствия были, вероятнее всего, результатом вредительской деятельности. Его речь, опубликованная по частям в газетах, обеспечила рабочих новой риторикой касательно их давних обид, а также оказалась быстродействующим средством исправления их бедственного положения.

В речи Молотова имелись некоторые пояснения. Враги не могли быть ответственными за каждую проблему в промышленности. Как должен был член партии или рабочий определить разницу между врагом, вредителем и тем, кто добросовестно заблуждался? У Молотова на этот вопрос не было четкого ответа. Вместо этого он предложил вниманию делегатов несколько противоречивых примеров. С одной стороны, он резко критиковал директора шахты за то, что тот защищал одного из своих инженеров. Директор назвал инженера «дураком, а не вредителем». Но после взрыва, оседания, потопа и обвала инженер признался органам НКВД в том, что он намеренно разрушил шахту. Директор, по словам Молотова, покрывал врага, что, по сути, являлось серьезным преступлением. С другой стороны, он призывал руководителей партии и управленцев не «взваливать вину друг на друга» и не делать неверных и опасных предположений. Он объяснил: «нельзя просто брать на себя ответственность формально за людей... Нельзя подбирать работников, руководствуясь анкетой о его прошлой деятельности. Нельзя пользоваться воспоминаниями об их прежней работе...» Многие бывшие троцкисты, по его мнению, отлично выполняли свою работу. Таким образом, Молотов сделал сбивающее делегатов с толку заявление: он посоветовал проявить сдержанность в подходе к врагам и в то же время предупреждал о печальных последствиях халатного отношения к поиску вредителей. Он дал единственный дельный совет, что «руководители должны по-настоящему знать своих работников, знать тех, кого назначают».{281} Этот кажущийся добрым совет послужил сигналом к «охоте на ведьм» в заводских парткомах. Руководствуясь напутствиями Молотова и испугавшись возможных арестов, члены партии начали проверять биографии своих товарищей. Они запрашивали данные в отдаленно расположенных партийных комитетах и при каждом новом расследовании обнаруживали новых подозреваемых.

Сталин и секретарь ЦК ВКП(б) Андреев поддержали Молотова, критикуя руководителей партии за то, что они не придавали значения «политике», односторонне ориентируясь на индустриализацию. Андреев заметил, что в Азово-Черноморском крае в крупных городах все партийные секретари и десятки руководителей советов, предприятий промышленности и торговли, профтехучилищ и комсомола были арестованы как «троцкисты». Они установили феодальные княжества и выставляли напоказ свою власть над рабочими. Например, Варданян был переведен с работы в Центральном Комитете партии Армении на пост первого секретаря Таганрогского городского комитета. «Фактически, – усмехнулся Андреев, – Варданян был князьком, своеобразным князьком в Таганроге». Он окружил себя верноподданными подхалимами. Рабочие были возмущены этим до такой степени, что переименовали улицу, на которой он жил, в «улицу Подхалима». В конце концов, Варданян был разоблачен как «троцкист» и арестован. Андреев утверждал, что Азово-Черноморская партийная организация не замечала врагов, затесавшихся в ее ряды, потому что она ставила политику ниже экономики. Глубоко заинтересованные в улучшении положения в сельском хозяйстве, политические руководители крайкома «скорее были похожи на агрономов, притом не особенно классных агрономов».{282} Сталин также подчеркивал необходимость вернуться к вопросам «политики». Партии не удалось разоблачить вредителей, так как ее лидеры были сосредоточены на «систематическом выполнении и перевыполнении хозяйственных планов». Экономический успех первой и второй пятилеток «порождал настроения беспечности и самодовольства, создавал атмосферу парадных торжеств». Все остальное, включая опасную международную ситуацию, казалось, стало малозначительным и неважным. Сталин пародировал партийных руководителей промышленности: «Странные люди сидят там, в Москве, в ЦК партии: выдумывают какие-то вопросы, толкуют о каком-то вредительстве, сами не спят, другим спать не дают». Сталин советовал членам партии постоянно помнить о капиталистическом окружении и об угрозе, исходящей от шпионов и контрразведки.{283} Он осудил широко распространенную «извращенную теорию» о том, что успешные руководители не могут быть вредителями, что троцкисты больше не представляют никакой угрозы, и что вредительство это выдумка Москвы. Успешная работа не является синонимом преданности, в действительности успех часто оказывался наиболее эффективным прикрытием

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org врага. В своей заключительной речи Сталин призвал партийных руководителей вернуться к политике, прекратить назначать на должности своих старых знакомых, продвигать местные кадры и поддержать тайное голосование и прямые выборы. {284} Сталин выразил мнение, что демократия является мощным оружием против троцкистов и вредителей.

Выборы в Советы

Не только поиск врагов, но и предстоящие выборы в советы способствовали привлечению внимания к вопросам демократии. Недавно принятая Конституция предоставила право голоса всем гражданам, включая представителей бывших социальных слоев: аристократии, белогвардейцев, священнослужителей, лишившихся собственности кулаков и другие группы когда-то исключенных из политической жизни – лишенцы. Городские избиратели больше не ставились выше сельских избирателей, все считались равными. В советах среднего и высшего уровня проводилось прямое голосование, путем выдвижения отдельных кандидатов вместо списка и скорее тайным голосованием, чем открытым. Конституция, широко известная под названием «сталинская», означала «поворот в политической жизни страны». {285}

Несмотря на то, что делегаты единодушно одобрили новую Конституцию, они были глубоко озабочены возможным исходом предстоящих выборов. Многие опасались, что партия не имеет достаточной поддержки для сохранения своей доминирующей политической позиции. Жданов рассудительно отметил, что введение демократических выборов – это «очень серьезный экзамен для нашей партии». {286} В комментариях делегатов сквозил черный юмор, вызванный опасениями, что партия может потерпеть поражение, если будет проведен реальный референдум о деятельности руководства. Когда И. Д. Кабаков, секретарь Свердловского областного комитета начал было: «Никогда еще массы народа неспособны были выступать такими активными творцами социалистического строительства и социалистического общества, как после принятия Конституции». А. И. Микоян саркастически усмехнулся: «Да, хлопот будет много». {287} Жданов предупредил, что партия, не имеющая опыта тайного голосования на выборах по отдельным кандидатурам, может столкнуться с «враждебной агитацией и враждебными кандидатурами». Началось оживление деятельности религиозных организаций; поступило значительное количество ходатайств об открытии церквей. {288}

Выступавшие выражали обеспокоенность тем, что партия мало контактировала с народом в отдельных сельских регионах, довела до нищеты городские районы, новые рабочие поселки и анклавы расселения ссыльных кулаков. Р. И. Эйхе – первый секретарь Сибирского и Западносибирского крайкомов ВКП(б) и Новосибирского городского комитета, говорил об «убогих заброшенных деревнях» и таких же городских районах, где жили озлобленные крестьяне, доведенные до бедности «представители старого режима», преступники, проститутки, беспризорники и прочие бедные и безнадёжные парии индустриализации. В Западной Сибири большие группы ссыльных кулаков затаили злобу против правительства и могли «распространять клевету и провокации во время выборов». Если партийные кандидаты намерены выиграть, то они должны быть «ответственными» и «установить тесную связь со своими избирателями». {289} Другие делегаты выражали беспокойство по поводу избирателей в промышленных регионах с быстрорастущим населением. Кабаков признался, что суровые условия иногда были причиной враждебности к советской власти. Дефицит рабочих рук «открыл большие щели для притока чуждых элементов». В отдельно взятой Свердловской области более 1,2 млн. людей мигрировали из сельской местности в города и на стройки. {290} А. С. Калыгина – секретарь Воронежского городского комитета партии отметила, что население города увеличилось в десять раз с начала первой пятилетки. Она также сомневалась насчет того, как новые рабочие будут голосовать. На 50 тыс. рабочих приходилось всего 2 тыс. коммунистов, из которых только 550 человек работали «у станка» или на производстве. Не более 1% рабочих на большинстве заводов Воронежа являлись членами партии. Кроме того, в городе, бывшим местом ссылки, затаились люди, враждебно относившиеся к советскому государству. {291} С. В. Косиор, первый секретарь ЦК КП(б) Украины, был обеспокоен настроениями ремесленников, рабочих мелких предприятий, домохозяек, служащих, технической интеллигенции и «бывших людей», численность которых составляла 50–60% от общего числа его избирателей. Он сказал взволнованно: «До сих пор нашу агитационную работу мы ведем с расчетом не на все слои населения». Партия в большей степени сосредоточила свои усилия на том, чтобы организовать и образовать промышленных рабочих, полагая, что «ниже нашего достоинства проводить работу среди служащих»,

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org

считавшихся «гражданами второго сорта». Даже на заводах агитационная работа на 80% была «беззуба». Несколько вновь образовавшихся религиозных общин на Украине собрались послать приветствия Сталину и Центральному Комитету партии в связи с провозглашением свободы вероисповедания в новой Конституции. Косиор добавил: «Наши товарищи в полной растерянности: не разрешить? – Народ имеет право прислать приветствия своему вождю. Разрешить? – Черт знает, что из этого выйдет». Демократия возрождала все тенденции, развитию которых пытались помешать большевики. Теперь все эти люди могли принимать участие в голосовании!{292} Охватывающая все большее число делегатов пленума тревога была признаком того, насколько демократично конституция предполагала проводить выборы в советы. Если бы партийное руководство страны не принимало права, прописанные конституцией, всерьез, они бы не испытывали страха за результаты выборов. Они бы не беспокоились о том, как могут проголосовать ссыльные кулаки, сельские переселенцы, новые рабочие, ремесленники, домохозяйки, «бывшие» и крестьяне. В июле 1937 года эти страхи могли быть вызваны массовыми собраниями «враждебных» элементов в «диких и заброшенных уголках» как в городах, так и в селах. Но уже в феврале руководители партии намеревались встретить выборы лицом к лицу.{293} Им пришлось в большой степени положиться на рядовых членов партии на заводах, в школах и колхозах, чтобы найти у них поддержку своей программы и своих кандидатов. Кроме того, почти так же, как партия была обособлена от народа, руководители партии держались в стороне от своих рядовых членов. Для успеха на выборах требовалась вдохновляющая сила партии, тесная связь между руководителями и рядовыми ее членами, а также активная мобилизация народа для голосования.

Партийная демократия

В своей программной речи об эрозии демократии в партии Жданов развивал мысль о том, что партия должна оказывать поддержку рядовым коммунистам. Он заявил, что кадровая политика свелась к широко распространенной практике кооптации или «назначений». Кооптация способствовала формированию «клик», закрытых групп, члены которых преданы лишь тому, кто их назначил. Эта практика укоренилась настолько, что в некоторых организациях на местах не было ни одного должностного лица, избранного путем голосования. Городские, районные парторганизации и первички предполагалось переизбирать каждый год; областные и союзные республиканские центральные комитеты – каждые восемнадцать месяцев. Однако в большинстве партийных организаций выборы не проводились с 1934 года.[37] А если и проводились, то их результаты были заранее известны. Жданов объяснил, как это происходило: за несколько дней до партийной конференции секретарь первичной парторганизации «уходил куда-нибудь в уголок» и составлял список кандидатов. Список уточнялся заранее на закрытом собрании с небольшим количеством участников, в итоге выборы «превращались в простую формальность» и длились не более двадцати минут. Этот «черный ход» для протаскивания нужных решений, негодовал Жданов, является «нарушением законных прав членов партии и партийной демократии». И в результате на многих предприятиях назначенные делегаты, а не коммунисты, избранные партийными комитетами, фактически «лишали две трети наших членов права голоса». Вместе с тем перестали проводиться общие партсобрания, вместо них проводились собрания небольших групп цеховых комитетов. Когда собирались рядовые члены партии, им не сообщали повестку дня, а вопросы, обсуждаемые на собрании, не имели никакого отношения к их реальным проблемам. Резолюции готовились заранее, обсуждений не велось. Собрания превратились в пустую формальность.{294}

Решение пленума обеспечить демократию касалось не только восстановления прав рядовых коммунистов. Для Сталина и его соратников было важно как можно скорее завершить чистку среди бывших оппозиционеров, что представлялось невозможным до тех пор, пока «клики» и группы продолжали контролировать областные и местные партийные комитеты. Эти группы из «своих» назначали на должности, прикрывали и помогали друг другу, часто нарушая указания Москвы. Такие кланы складывались на основе давней дружбы, зародившейся еще во времена революции, Гражданской войны и оппозиции 1920 годов. Жданов взывал к демократии не только как к средству перестройки партии, но и уничтожения врагов. Члены партии, назначенные на важные посты, приводили с собой свое окружение, представляли должности. Они создавали атмосферу семейственности, основанную на взаимной поддержке.{295} Несколько партийных руководителей привели примеры своих областных организаций. Эйхе отметил, что секретари партийных комитетов в Западной Сибири редко избирались. Выборы на основе тайного голосования подорвали бы традиции круговой поруки и семейственности.{296} Косиор обратил внимание на то, что в некоторых

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org

областях Украины в парткомах вообще не было выборного руководства, и парткомы в полном составе состояли из кооптированных членов. Кооптация поощряла партийных работников культивировать личные связи для того, чтобы «упрочить свое положение». {297} Не будучи зависимыми от избирателей, обладая авторитетом и влиянием, чтобы нанять на работу и увольнять по своему усмотрению, они превратились в «князьков». А. И. Угаров, бывший секретарь Ленинградского горкома ВКП(б), заявил, что горком «заблокирован» контрреволюционерами, сторонниками Зиновьева и «правых уклонистов». Партийная организация окостенела, стала бесчувственной и самодовольной. Вместо честных прямолинейных отношений стали получать распространение «элементы парадности, шумихи, хвастовства, возвеличения руководителей, подхалимства». Угаров рассказал, что после выступления секретаря парткома на последнем собрании, где присутствовали тысячи рабочих, в местной газете появились хвалебные отзывы: «Рабочий класс с большой любовью слушал доклад секретаря парткома». Угаров заметил с отвращением: «Это уже элемент фальши». {298} Эйхе, Косиор и Угаров – все трое выступали за привлечение к активной деятельности рядовых коммунистов и разрушение «семейственности», которая мешала выявлению и уничтожению бывших оппозиционеров или «врагов». Тем не менее, будучи секретарями областных или городских комитетов партии, они сами были частью системы, которую критиковали. Как облеченные властью руководители они так же имели свое окружение, и их утверждения о демократии звучали довольно странно. Неужели они мобилизовывали рядовых членов партии против самих себя? В течение следующих двух лет они стали жертвами своих собственных высказываний, были арестованы и расстреляны органами НКВД.

Основой принятой пленумом резолюции стала речь Жданова, целью новой политики партии была отмена кооптации, ликвидация семейственности и восстановление демократической процедуры выборов – тайное голосование по отдельным кандидатам вместо открытого голосования по списку, – а также обеспечение неограниченного «права на критику», к 20 мая выборы должны были быть проведены на каждом уровне, начиная с первичной парторганизации до республиканских центральных комитетов. Сроки выборов парторганов должны были строго соблюдаться. Необходимо было категорически осудить и воспретить практику подмены общих партийных собраний цеховыми собраниями. {299} В целом эти постановления должны были укрепить партию и воссоединить ее руководство с массами. Выступавшие не видели никакого противоречия между уничтожением врагов и оказанием поддержки рядовым членам. Фактически обе эти установки были частью одной цели: перестройка и объединение партии.

«Троцкисты» и «простой народ»

Начавшиеся в мае 1935 проверка и обмен партийных билетов, воспринимались делегатами пленума как деятельность, частично связанная с изменением приоритетов в направлении демократии. Результаты проверок были источником постоянных разногласий. В центральном руководстве партии были недовольны тем, что партийные комитеты увольняли простых рабочих за незначительные проступки и в то же время позволяли ускользнуть явным врагам народа. Ежов и Сталин выразили свое недовольство областными руководителями на пленумах ЦК в июне и в декабре 1936 года. В сентябре представители Московского горкома партии персонально упрекали районных партийных организаторов за беспорядочное ведение учета, дезорганизацию и бездеятельность. Раздраженность городских руководителей деятельностью районных парторганизаторов была прямой реакцией на недовольство Москвы ими самими.

Эйхе и первый заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Я. А. Яковлев снова подняли этот вопрос на февральско-мартовском пленуме. Эйхе утверждал, что большое число людей, исключенных из партии в Сибири, «не являлись врагами, а были верны партии и советской власти». Беспокойство вызывал тот факт, что количество исключенных из ВКП(б) в его регионе было вдвое больше, чем число вновь принятых: начиная с 1926 года 93 тыс. человек были исключены, в партии оставалось 43 тыс. членов. Я. Б. Гамарник – заместитель председателя Реввоенсовета СССР и первый заместитель наркома по военным и морским делам СССР удивленно спросил: «Сколько?». Эйхе ответил: «Девяносто три тысячи человек». «Ого!» – воскликнул Гамарник. Эйхе с полным основанием опасался, что многие люди, не одобрявшие массовое исключение из партии, будут голосовать против партийных кандидатов на предстоящих выборах в советы. {300}

Яковлев также был обеспокоен тем, как областные и городские руководители будут проводить чистку. Как председатель Комиссии партийного контроля он

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org получал тысячи жалоб и обращений от исключенных с просьбой о восстановлении в партии. Он отметил особенно вопиющее поведение Н.С. Хрущева, первого секретаря Московского городского и областного комитета партии. Количество исключенных из партии на крупнейших Московских оборонных заводах было шокирующим: на заводе «Калибр» были исключены 110 из 198 членов и кандидатов в члены партии; на заводе «Спецавтомашина» – 53 человека из 56! Комиссия партийного контроля проверила 155 дел на трех заводах: в подавляющем большинстве случаев партийные организации исключили рабочих, имевших длительный трудовой стаж и отличные производственные показатели. Например, токарь завода «Калибр», бывший премированным стахановцем, политкомиссаром Красной армии и представителем местной профсоюзной организации был исключен из партии за «политическую неграмотность». Яковлев был в ярости. «В чем же дело? Почему он исключен?» – спросил он. Ему ответили, что исключенный «пропустил несколько занятий кружка». Работница завода «Калибр», имевшая большой трудовой стаж, возглавляла женскую бригаду, работавшая в профкоме, в детском саду, по своей инициативе сама проводившая читку газет была исключена из партии «как балласт». Она подала апелляцию, но не получив ответа, попросила партком позволить ей заниматься общественной работой в партии. Ей отказали, объяснив, что было бы опасно доверять ответственные задания не члену партии. Внимательно выслушав рассказ Яковлева, Сталин выпалил: «Это безобразие». Рабочих исключали за пассивность, политическую неграмотность и неуплату членских взносов. Яковлев наставлял: «...бубновый туз на спину приклеили» под графой «пассивности». Он резко критиковал Хрущева и Московскую партийную организацию за игнорирование троцкистов, действительных врагов, и исключение рабочих. Кроме того, в заводских парткомах Москвы с 1933 года не проводились выборы. Продиктованная личными интересами формулировка: «по инициативе Никиты Сергеевича Хрущева» предшествовала каждому постановлению и резолюции партбюро. Яковлев обвинял Московский горком партии в «самовосхвалении», в то время как троцкисты, занимающие руководящие должности, подрывают производство.{301}

Сталин также высмеивал партийных руководителей за плохо проведенную чистку. Он отметил, что 10 тыс. членов партии были исключены за «пассивность». Такая линия поведения «дает зацепку троцкистам, врагам нашим, дает им резерв, дает им армию». Сталин подготовил и представил в цифрах картину той опасности, которую являли собой оставшиеся враги. Он подсчитал, что из 30 тыс. бывших оппозиционеров 18 тыс. троцкистов и зиновьевцев уже арестовано, 12 тыс. оставалось на свободе.[38] не все они были врагами; многие отказались от своих прошлых взглядов, и небольшое число людей уже вышло из рядов партии. «...Для того чтобы напакостить и нагадить, – предостерег Сталин, – для этого не требуется много сил». Сталин подсчитал, что с июня 1935 года количество потенциальных оппозиционеров, которых тогда насчитывалось 12 тыс. человек, значительно возросло. По его расчетам партия должна была бы исключить 600 бывших троцкистов и зиновьевцев. Несомненно, Сталин уделял особое внимание цифрам. Его новая оценка показала, что в период между июнем 1936 года и февралем 1937 года масштаб угрозы значительно увеличился. За это время количество уволенных из партии людей также значительно увеличилось. Как подсчитал Сталин, теперь их общее количество составляло 300 тыс., т. е. на 100 тыс. человек больше, чем сообщил Ежов на пленуме в июне 1936 года. «Мы проявили много бесчеловечности, бюрократического бездушия в отношении судеб отдельных членов партии, – сказал Сталин. – Все эти безобразия, которые вы допустили, – все это вода на мельницу наших врагов».{302} Проверка проводилась плохо: вместо того чтобы нацелиться на конкретных «троцкистов», она затронула более широкую группу «простых людей». И Сталин, и Яковлев подчеркивали, что «политически безграмотные» рабочие, нерегулярно платившие членские взносы или не посещавшие занятия в кружках, никогда не являлись целью чистки. Член партии был обязан принять программу партии, платить взносы и участвовать в деятельности партии. Не от каждого члена партии требовалось, чтобы он был марксистом или знатоком сложной политической теории. Сталин пошутил: «Я не знаю, многие ли члены ЦК усвоили марксизм».{303}

Сталин красноречиво представил новое понимание троцкизма, которое сложилось во время судебных процессов в Кемерово и Москве. Троцкизм не был альтернативным путем к социализму или «политическим течением среди рабочего класса», как «семь или восемь лет назад». Троцкисты являлись беспринципной бандой «вредителей, шпионов диверсантов, и убийц», действовавших по заданию разведывательных служб буржуазных государств» с целью восстановления капитализма. Они прикрывались «партбилетами в карманах».{304} Подтекст был простым: Советскому Союзу угрожал фашизм, и страна не могла допустить

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org

внутренней борьбы за власть.{305} Любимой, кто рассматривал возможную альтернативу сталинскому руководству, кто выслушивал в частном порядке антигосударственные высказывания и не сообщал об этом в компетентные органы, фактически помогал внешним врагам. Сталин разъяснял, что наибольшую преданность член партии должен выказывать партии, которая для коммуниста важнее, чем семья и друзья, и требовал от членов партии докладывать о своих сомнениях и не держать их в секрете.[39] Высказывания Сталина о «тотальной честности», призывы к бдительности способствовали созданию культовой, почти религиозной, атмосферы в партии. Вскоре даже сомнение, о котором не было сообщено соответствующим органам, становилось доказательством причастности к террористам.

К тому же речь Сталина на пленуме, как и речь Молотова, содержала неоднозначный посыл. С одной стороны он настаивал на бдительности, а с другой стороны, рекомендовал проявлять сдержанность. Не каждый член партии, бывший в прошлом в оппозиции, являлся врагом. «Среди бывших троцкистов у нас имеются замечательные люди, вы это знаете, – предупреждал он, – хорошие работники, которые случайно попали к троцкистам, потом порвали с ними, и [теперь] работают как настоящие большевики». В заключение Сталин предложил удивительно слабое решение обозначенных им проблем: побольше курсов политпросвещения и в помощь каждому партийному секретарю добавить двух заместителей из низовых партийных организаций.{306} Реализация указаний, содержащихся в его речи, предполагала проведение ограниченной чистки среди почти 12 тыс. членов партии, имевших оппозиционное прошлое. Он предостерегал от скоропалительных суждений: «Давай теперь направо и налево бить всякого, кто когда-либо шел по одной улице с каким-либо троцкистом, или кто-то когда-либо в одной общественной столовой где-то по соседству с троцкистом обедал».{307} Однако за год сталинская пародия стала реальностью. Партийные комитеты скрупулезно расследовали самые незначительные личные контакты. Независимо от того, что именно планировал Сталин, фокусирование внимания на абсолютной преданности, мобилизации рядовых членов партии и политизации производства способствовало быстрому расширению фронта борьбы с врагами, которая вышла за пределы относительно небольшого круга бывших оппозиционеров и была направлена против всякого, кто хотя бы раз «прогуливался по улице с троцкистом».

Чистка и обновление профсоюзов

Решение арестовать Бухарина и Рыкова ознаменовало окончание многомесячных колебаний по отношению к бывшим правым. В своей речи Ежов подвел итоги: правые сформировали подпольные террористические ячейки, санкционировали убийство Кирова, занимались шпионской деятельностью и готовили убийства руководителей партии. «Платформа Рютина» была их основополагающим документом, в котором содержалась развернутая критика политики Сталина. По заявлению Ежова, этот документ был подготовлен Бухариным, а не Рютиным в 1932 году{308} А. А. Андреев – бывший нарком путей сообщения СССР и секретарь ЦК ВКП(б) – представил «доказательства» связи между левыми и правыми оппозиционерами. Во-первых, бывший до 1929 года председателем ВЦСПС М. П. Томский – известный сторонник «правого уклона», застрелился вскоре после августовского процесса. Андреев заметил: «Люди не стреляются без причины». Во-вторых, В. В. Шмидт – бывший заместитель председателя Совета Народных Комиссаров (СНК) и заместитель наркома земледелия СССР – был недавно арестован и признался, что он встречался с Н. А. Углановым, Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым в 1932 году с целью обсуждения и одобрения «платформы Рютина». Н. А. Угланов – бывший первый секретарь МГК партии и нарком труда СССР также был арестован. В-третьих, «правые» были замешаны в различных «преступлениях», включая заговор о ликвидации совхозов и колхозов. Эти «двурушники» неоднократно пользовались готовностью партии восстановить их на руководящих постах, «злоупотребляя доверием партии». Возможно, в 1930 году «правые» отказались от своих убеждений, но они никогда не прекращали критику сталинской индустриализации.{309}

Речь Андреева стала сигналом для открытых нападок на ВЦСПС и членов профсоюзных организаций. Когда «правые» были изгнаны из профсоюзов в 1929 году, многие из них перешли на работу в наркомат труда под гостеприимное крыло Угланова. НКТ был упразднен в 1933 году, и ВЦСПС принял на работу его сотрудников, некоторые его подразделения были также переведены в ВЦСПС. «Правые» вернулись в ВЦСПС. Андреев, знавший о перемещении кадров на протяжении многих лет, теперь заявил, что в профсоюзах полно врагов. «Профсоюзы работают плохо... В целом ряде мест профсоюзные руководители покрылись мхом <...> не можем мы оставить эту отрасль партийно-политического

Сторонник Сталина Н. М. Шверник, сменивший Томского на посту председателя ВЦСПС в 1929 году, выступил с основным докладом о профсоюзах. Шверник сообщил, что «вредители-диверсанты из банды Троцкого и правые реставраторы капитализма» преуспели в завладении ключевыми постами в профсоюзах. Казалось, Сталин был удивлен заявлением Шверника. «Кто успел занять этих посты?», – выкрикнул он. У Шверника был готов список: Гильбург – председатель ЦК Союза рабочих коксохимической промышленности был арестован как троцкист, также был арестован В. А. Котов – бывший заместитель Угланова в Московском городском комитете партии. {311} Котов возглавлял Бюро социального страхования (Соцстрах), вначале, находившееся в подчинении наркомата труда, а затем – ВЦСПС. После ареста Котов признался, что он растратил миллионы рублей, раздавая средства нетрудоспособным рабочим, Шверник обвинил наркомат труда за то, что Соцстрах был «в ужасном состоянии». «При ВЦСПС не лучше стало», – прервал его Ежов. «Я должен заверить», – подобострастно ответил Шверник, – что в ВЦСПС лучше стало. Если мы прохлопали бандита Котова, то это вовсе не говорит, что у нас хуже стало. Правильно, что здесь Котова мы укоротили». {312} Обмен взаимными колкостями между Шверником и Ежовым был предвестником беспорядочных всеобщих свалок, которыми вскоре стали партийные собрания. Ежов без колебаний ставил под сомнение слова Шверника, несмотря на то, что тот был ярким приверженцем Сталина. Шверник умело защищался. Словесные баталии между этими людьми, которые, казалось, притдерживались одинаковых взглядов, являлись типичными для атмосферы безосновательных утверждений и нападок, которая вскоре стала господствующей в политической культуре партии.

Шверник утверждал, что в профсоюзах, как и в партии, нет внутренней демократии. «Я должен здесь прямо, со всей откровенностью сказать, – заявил он, – что профорганизации находятся в еще худшем состоянии». С развитием новых отраслей промышленности в период первой пятилетки, 47 профсоюзов страны разделились на 165 организаций, что создало тысячи новых рабочих мест. Должности на каждом уровне были назначенными, а не выборными. Подражая Сталину, Шверник утверждал, что отсутствие демократии позволило «контрреволюционным элементам в профсоюзных организациях <...> свить гнездо <...> очень большой, громоздкий платный аппарат, который очень часто был стеной между широкими массами <...>, отгораживал возможность самокритики профсоюзного аппарата». В попытках пресечь бюрократию ВЦСПС уволил более половины своих штатных сотрудников и планировал заменить их общественным активом. Шверник завершил свою речь заявлением, что выборы необходимы не только в партии, но и в профсоюзах. Каганович удивился: «Тайным голосованием?» Шверник нерешительно ответил: «Насчет тайного голосования я не знаю». Среди общего смеха послышался крик: «Испугался». Шверник медленно ответил: «Я считаю, что это было бы неплохо. Можно выборы провести тайным голосованием». Все снова засмеялись. «Я считаю, что это очистит наши ряды от бюрократических элементов, теснее свяжет нас с широкими массами и даст возможность профсоюзным организациям приблизиться к массам». {313}

Неизвестно, чем руководствовался Шверник, когда предлагал повторить кампанию по демократизации профсоюзов. Возможно, он собирался использовать выборы, чтобы уклониться от нападок в ВЦСПС, обрести расположение Сталина и других членов Политбюро или восстановить связь между профсоюзными верхами и членской массой. Не важно, какова была причина, но меньше, чем через месяц его резкие выпады, казавшиеся экспериментом, послужили началом массовой кампании за демократию, выборы с участием миллионов рабочих, а также спровоцировали волну арестов в профорганизациях.

Заключение

В период с сентября 1936 по март 1937 годов руководители партии изменили курс с целью привлечь рядовой состав партии, профсоюзов, рабочий класс к поиску врагов. В ходе активных расследований бывших оппозиционеров, занимавших руководящие посты в промышленности, рабочих представили их жертвами, производственные трудности объяснялись как происки вредителей; в результате изменения политики партии были приняты решение о проведении выборов тайным голосованием с выдвижением списка кандидатов – чтобы разрушить существовавшую в партии «семейственность». Молотов указал, что заявления о вредительстве не являлись новостью. Однако впервые так называемые вредители имели партбилеты. Судебные процессы дали рабочим новую возможность открыто выражать недовольство своими начальниками. В адресованной партийным активистам речи в прокуратуре Вышинский опроверг

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org

всеобщую уверенность в то, что успешный руководитель не может быть вредителем. «Работа не является доказательством преданности, – предупредил Вышинский, – не существует вредителей, который причиняют только вред». Он заставлял юристов искать вредителей всюду, где пренебрегали правилами техники безопасности и охраны труда. В решениях февральско-мартовского пленума 1937 года профсоюзам предписывалось пересмотреть правила безопасности вместе с инженерами, техническими специалистами и рабочими. Теперь суды должны были заниматься расследованиями несчастных случаев и нарушений. Вышинский объяснил, что наступило время пересмотреть все несчастные случаи в новом свете – потенциального вредительства.{314}

Профсоюзы и прокуратура получили инструкции оценивать жалобы рабочих исходя из политической точки зрения. Связывая охоту на оппозиционеров с партийной и профсоюзной демократией, Сталин и другие руководители партии обеспечили участие в кампании по поиску врагов рядовых членов и профсоюзных работников на всех уровнях. Чтобы объяснить такое внимание партии к вопросам демократии, Сталин привел в пример героя греческой мифологии Антея, который был сыном Посейдона – бога морей, и Геи – богини земли. Антей был настолько силен, что противники считали его непобедимым. Однако секрет этой силы заключался в тайном даре: когда в борьбе с противником он оказывался поверженным, то восстанавливал свою энергию, прикасаясь к земле, к своей матери, которая давала ему новые силы. Геракл одержал победу над Антеем, разлучив его с матерью-землей. Он оторвал его от земли, подняв на воздух. Сигнал Сталина было понятным: источник большевистской силы заключался в связи с народом. Без этого глубокого, неиссякаемого источника силы, партия, как Антей, была обречена.{315}

Был ли призыв Сталина к демократии просто дымовой завесой, предназначенной скрыть уничтожение тех, кто некогда предложил альтернативные взгляды? Было ли это циничной уловкой Сталина и его сторонников, чтобы усилить и усилить центральную власть, настраивая рядовых членов партии против их областных руководителей? Или это было частью искренней веры, что партию можно очистить от оппозиционеров и одновременно обновить? На первый взгляд, могло показаться, что репрессии против бывших оппозиционеров являлись антитезисом демократии. Что могли иметь общего, аресты, мучения и казни видных партийных деятелей с обновлением демократии? Само сочетание этих явлений вызывает отвращение. И все же внимательный анализ материалов пленума показывает, что не было противоречия между репрессиями и демократией как их понимали Сталин и его окружение. Руководители партии определили демократию как выборы путем тайного голосования по каждому кандидату списка, ответственность работников, большую степень участия коммунистов в жизни партии и упразднение «мини-культов», созданных вокруг местных и региональных руководителей. Это определение демократии существенно не отличалось от понимания либеральных теоретиков Запада. Но в то же время имелись важные различия. Руководители партии стремились преодолеть охватившую партийные массы апатию и в то же время мобилизовать рядовых коммунистов на борьбу против «семейственности», которую они рассматривали как прикрытие для бывших «оппозиционеров». Таким образом, демократия стала средством усиления репрессий.

Некоторые историки полагают, что Сталин и его сторонники использовали лозунги демократии для противопоставления рядовых партийцев региональным руководителям, чтобы установить более жесткий контроль Москвы и для уничтожения их независимой политической опоры. Таким образом, пленум стал отражением организационной борьбы между Сталиным и влиятельным региональным руководством, между центральной и региональной властью.{316}

Однако ход пленума показал, что предлагая новый курс, Сталин и его окружение рассчитывали действовать не только через рядовых членов партии. Напротив, они использовали именно региональных партийных руководителей, которых, как утверждается, они сделали своей мишенью. Фактически пленум подверг сильнейшей критике региональных руководителей и их «кланы» за создание мини-княжеств. Андреев, Жданов и Сталин обратились к партийной демократии, кроме этого, влиятельные региональные руководители, такие как Эйхе, Косиор, Калыгина и Кабаков поддержали их. Председатель ВЦСПС Шверник, его соперник Полонский и председатель комиссии партийного контроля Яковлев также заявили о себе как о поборниках демократизации. Фактически трудно отделать Сталина и его сторонников от тех, кого они наметили своей мишенью. Почему региональные руководители были ярыми защитниками программы, предназначенной для их уничтожения?

Пленум предложил объяснение. Для Сталина и его окружения партийная демократия являлась стратегией борьбы против кооптации и семейственности, –

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org

практик, которые, казалось, были созданы для защиты бывших оппозиционеров. Целью кампании за демократию являлась не ликвидация среднего уровня руководителей, который был решающим в партийной структуре, а уничтожение бывших оппозиционеров в их среде. Присущие «семейственности» взаимоподдержка и взаимовыручка мешали поискам врагов. Демократические выборы путем тайного голосования были быстрым и эффективным способом изгнать их из партии. Вначале региональные руководители согласились с чисткой оппозиционеров. Они высказывались против низкопоклонства и, казалось, жаждали оживления в среде рядовых членов партии. По сути, кампания не представляла угрозы для их политической опоры. Кроме того, язык демократии оказался доступным для различного применения. При пробуждении от спячки рядовых членов партии многие из этих региональных руководителей были бы уничтожены под теми же самыми лозунгами, которые они вначале так стремились пропагандировать.

С ростом угрозы фашизма руководители партии вступили в новый этап боевой готовности, который не допускал ни разногласий, ни сомнений. Как указал Сталин, приемлемой была только полная преданность. «Война неизбежна, – сказал Вышинский партийным юристам, – фашистский мир готовится к войне, и будет использовать все возможные средства».^{317} После убийства Кирова Сталин и его сподвижники были убеждены, что оппозиционеры – молчаливые, но несломленные – все еще затаились в партии и профсоюзных организациях. Они никогда полностью не принимали программу Сталина и тайно поддерживали молодежь, в большей степени, чем старые кадры, склонную к проявлению оппозиционных настроений. Они ждали, когда придет их время ослабления партии. К 1937 году Сталин был решительно настроен на искоренение этой скрытой оппозиции, уничтожая любого, кто не был последовательным сторонником его лидерства или программы. Надеялся ли Сталин на чистку в обновленной демократической партии? Он действительно установил численный предел устранения оставшихся оппозиционеров и предупреждал о проявлении сдержанности при определении врага. Или он намеревался с самого начала умыть кровь? Невозможно знать о его намерениях. Однако тщательное прочтение материалов пленума позволяет предположить, что Сталин был настроен на беспощадную борьбу против бывших оппозиционеров, а также предпринять новую попытку обучить, объединить и оказать поддержку рядовым партийным кадрам. Независимо от того, как он намеревался поступить, репрессии и демократия были тесно переплетены. Охота на оппозиционеров, сопровождаемая проведением выборов, нападками на руководящих работников, шла в каждой партийной организации и профсоюзах. Разнообразные кампании за демократию быстро расширили масштаб репрессий, которые вышли за пределы, установленные на пленуме в 1937 году. Демократия не являлась второстепенным делом, не была дымовой завесой или набором ничего не значащих лозунгов, предназначенных скрыть реальное значение событий. Она была тем средством, при помощи которого репрессии дошли до каждой профсоюзной организации, завкома или первички. Если охота на оппозиционеров разожгла пожар в партии и профсоюзах, то кампания за «демократию» послужила для него бензином.

фото 6. Собрание рабочих у доменной печи на заводе «Серп и молот» (по разрешению РГАКФД)

фото 7. Собрание работниц на фабрике «Трехгорная мануфактура» (по разрешению РГАКФД)

ГЛАВА 4. КАМПАНИЯ ЗА ПРОФСОЮЗНУЮ ДЕМОКРАТИЮ

Когда ты не знаешь, что волнует членов Союза, ты не можешь взяться за тот участок работы, который отстаёт. Отсюда незнание обстановки нашей работы, неудовлетворение запросов членской массы.

Из доклада Денисова – председателя Союза рабочих добычи цветных металлов Сейчас активность будет большая. Я это знаю по опыту своего рудника. Когда мы проводили собрание по решению парткома о вредительстве на руднике, а у нас было очень много несчастных случаев с взрывами и т.п. Собрание длилось 9 дней. И на этом собрании мне рабочие в упор сказали: «Хватит говорить о Пятакове и Пурище, бывшем начальнике строительства. Скажи о себе. Мы считаем, что ты тоже вредитель». Рабочие по-своему правы, потому что клуба нет, баня построена 3 года назад, но воды нет. Столовой нет, ресторана нет, детских яслей нет.

Из выступления Кренова – председателя рудкома Углавинского рудника, 1937

Меньше, чем через три недели после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года борьба за восстановление профсоюзной демократии, предложенная, казалось, было спонтанно, Николаем Шверником, стала официальной политикой. Наряду с широким распространением избирательных прав, обещанных новой Конституцией, государство также способствовало увеличению членства рабочих в профсоюзах, которое раньше было ограничено из-за социального происхождения. {319} ВЦСПС начал кампанию за «профдемократию», которая быстро затронула более чем 150 профессиональных союзов и их 22 млн. членов. [40] На VI пленуме ВЦСПС в марте 1937 года представители профсоюзов получили указание сформировать списки кандидатов для закрытого (тайного) голосования. К концу 1937 года почти в каждом профсоюзе были проведены выборы, и многие прежние руководители лишились своих постов. На шумных массовых собраниях рабочие критиковали своих профсоюзных руководителей за пренебрежение вопросами охраны труда, производственного травматизма и ужасающие жилищные условия. Под лозунгами демократии, улучшения условий труда, безопасности и дебиюкратизации рабочие голосовали за реформы.

В этой кампании – так же, как на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) – парадоксальным образом сочетались лозунги террора и демократии. Выборы сопровождалась нападками на бывших оппозиционеров и арестами как старых, так и вновь избранных руководителей. Кампания служила примером введения демократической процедуры выборов, которые сопровождалась чрезвычайно политизированной атакой на профсоюзы. Действительно ли существовало равновесие между этими двумя кажущимися противоположными силами? Действительно ли рабочие вытеснили «бюрократов» и получили настоящую власть? Вселил ли Сталин и его окружение страх и смирение в профсоюзных руководителей? Могли ли защитить себя профсоюзные работники? Внимательный анализ этой кампании показывает, что политика террора в сочетании с демократией стали причиной всеобщего хаоса в профсоюзах, здесь пересеклось много самых разных интересов: партийные руководители, рабочие и профсоюзные работники – все использовали лозунги кампании во имя достижения своих целей. Кампания за профсоюзную демократию была отмечена ожесточенными схватками в профсоюзах и сопровождалась с обвинениями во вредительстве, охотой на бывших оппозиционеров, шпиономанией и нагнетанием страха перед диверсантами. К поиску врагов подключились все профсоюзные организации.

Кампания начинается

Резолюции февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) стали сигналом к началу новой кампании за профсоюзную демократию. Редакция журнала «Вопросы продвижения» не стала тратить время на ее пропаганду. В передовице мартовского выпуска журнала руководители ВЦСПС и профсоюзных организаций были подвергнуты уничтожающей критике: «Некомпетентность, характеризующая партию, характерна для профсоюзов в еще большей степени». В статье повторялись те же фразы из доклада Жданова на пленуме ЦК: отход от демократии, кооптация, «бюрократические искажения», «ослабление связей с массами», «высокомерие», «подхалимство» и «подавление критики снизу». Они утверждали, что в профсоюзах полно «скрытых оппозиционеров», бывших подчиненных и сторонников Томского – предыдущего главы ВЦСПС, Шмидта и Угланова – бывших руководителей Народного комиссариата труда (НКТ). Бюро социального страхования, обеспечивавшее поддержку заболевшим и нетрудоспособным рабочим, «было пронизано казнокрадами и врагами народа», которые украли миллионы рублей, и систематически нарушали выплаты пенсий». Охрана труда, техника безопасности на производстве и финансы профсоюзов, – области, которые непосредственно затрагивали интересы рабочих, были главной целью «вредительской деятельности врагов народа». Авторы статьи умело сочетали антиоппозиционную риторику с призывами заботиться о материальных нуждах рабочих. «Враги народа» организовывали несчастные случаи, диверсии, грубо нарушали правила техники безопасности. Они намеренно ухудшали условия труда, заполняли шахты и медеплавильные заводы отравляющим газом, сокращали затраты на жилищное строительство и социальные услуги. А руководители профсоюзов хранили молчание. Производственные совещания на заводах «превращались в повод для пустых разглагольствований», на которых обсуждалось все, «кроме предложений рабочих, мастеров и техников». Редакция журнала настоятельно требовала, чтобы рабочие выступили против «вредителей» и коррупционеров. Ведущие руководители предприятий химической промышленности, сельскохозяйственного машиностроения и цветной металлургии были арестованы за «вредительство». Рабочие оказывали активную помощь НКВД в распознавании вредителей. «Враги» могли совершать «свои темные предательские дела, потому что профсоюзы не поощряли критику, и не

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org принимали во внимание жалобы и заявления рабочих». В итоге профсоюзы оказались в «особом кризисе». Их кадры изобиловали бюрократическими и враждебными элементами. Кооптация и показуха вытеснили демократические выборы и обычные собрания. Цитируя речь Жданова, авторы статьи вопрошали: «Неужели эта критика нарушений принципов выборов и демократии в партийных органах применима к профсоюзам?»{320}

Решения, предложенные ВЦСПС, были идентичны резолюциям ЦК ВКП(б) по реформе в партии: восстановление демократии, подотчетность и самокритика на каждом организационном уровне. Говорилось о «самой острой самокритике, направленной против <...> тех профсоюзных “шляп”, которые проглядели вредителей», к выборам которые волеют «свежую кровь» в профсоюзы. Осуществляя возврат к «подлинному большевистскому ленинскому духу», ВЦСПС призвал рабочих вымести бюрократов, взять власть в свои собственные руки и обеспечить безопасность, жилищное строительство и здоровье.{321} Призыв был быстро претворен в жизнь. Меньше, чем через месяц ВЦСПС созвал пленум с участием делегатов от всех профсоюзных организаций с целью ознакомления с новым курсом.

VI пленум ВЦСПС

Шестой пленум ВЦСПС состоялся в апреле 1937 года – впервые после 1931 года. На нем присутствовало более 300 делегатов, включая руководителей ВЦСПС, профсоюзов, местных комитетов шахт, производств, заводов железнодорожных линий.{322} С ключевым докладом выступил Шверник. Он обвинил профсоюзы в том, что они развалились после чисток профсоюзных рядов от «правых» в 1929 году и отставки Томского. Шверник, который первоначально выражал сомнения по поводу профсоюзной демократии, теперь был решительным сторонником новой кампании. Он резко критиковал руководящий состав профсоюзов «за нарушение демократических принципов выборности», за то, что они «назначались и кооптировались, о чем не доводилось до сведения общих собраний членов союза, не говоря уж об отчетности перед массами». Многие профсоюзные организации фактически не имели законно избранных центральных, областных или заводских комитетов.[41] Профорганы и профруководители отстранились от людей, невнимательно относились к их насущным нуждам, проявляли «нечуткое отношение к жалобам», пренебрегали правилами техники безопасности, трудовым законодательством, жилищными проблемами и вопросами охраны труда.{323} Неоднократные ссылки на права рабочих в речи Шверника перемежались с упоминаниями о вредительстве, о «врагах народа», о «притуплении классово-бдительности». Попустительство профсоюзных руководителей привело к процветанию врагов, троцкистов, вредителей и диверсантов на каждом уровне.{324} Котов – заведующий бюро Соцстраха ВЦСПС, Жариков – заведующий инбюро (Бюро информации) ВЦСПС, Колотилов – председатель ЦК Союза работников начальной и средней школы РСФСР, Каюров – секретарь Союза рабочих нефтеперерабатывающей промышленности, Числов – член президиума ЦК Союза рабочих нефтепромыслов Кавказа, Гильбург – председатель ЦК Союза рабочих коксохимической промышленности – все они были арестованы как «враги народа». Шверник расширил нападки и добавил к этому списку имена профсоюзных руководителей, проявивших «политическую пассивность, безразличное отношение к бюрократическим извращениям в работе», которые не смогли «вскрыть вредителей» и тем самым оказать помощь органам НКВД в их охоте на врагов.{325} Он призвал профсоюзных руководителей активно участвовать в распознавании и обличении врагов в своей среде.

Делегаты пленума – видные руководители профсоюзов и ВЦСПС со вниманием слушали речь Шверника. Они не были удивлены, поскольку регулярно читали партийную и профсоюзную прессу, Один находчивый руководитель выразил свою мысль словами: «Профсоюзы сделают “большой поворот” в области профдвижения лишь тогда, когда на деле будем хорошо и добросовестно проводить его в жизнь <...> Большое количество профработников, которые считают, что все может идти самотеком, на повороте “выпадут из тележки”». {326} Впервые они высказывали свое мнение о смене курса публично как представители единой группы. Их реакция, поначалу защитная, включала весь диапазон эмоций – от страха до энтузиазма, они приняли новые лозунги в надежде, что новый курс поможет реализации их надежд и интересов. По содержанию выступлений делегатов можно было судить о том, как они предполагают действовать, что и показал дальнейший ход кампании. Одни воспользовались новым курсом, чтобы защищать интересы рабочих своих предприятий или предать гласности условия, существовавшие на заводах, другие вышли на трибуну для того, чтобы обвинить своих начальников, некоторые нарочито демонстрировали свою неприязнь по отношению к недавно арестованным коллегам по профсоюзной работе. Делегаты

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
критиковали все и вся, в том числе и самого председателя ВЦСПС Шверника. {327}

Некоторые выступавшие развивали тезис, впервые озвученный Сталиным и Ждановым, об утере профруководителями связей с народом. Н. В. Воронина, пожилая работница «Электrozавода», крупного московского предприятия, работавшая там с 1900 года, воспользовалась случаем, чтобы привлечь внимание к жалобам трудящихся женщин. Ее забота о нуждах рабочих привлекла внимание профсоюзных руководителей, которые в 1933 году назначили ее членом Президиума ВЦСПС. Она всесторонне критиковала то руководство, к которому принадлежала сама, возмущенно обвиняя руководителей ВЦСПС за невнимание к нуждам 23 тыс. рабочих на ее заводе. «Я расскажу, как мы там работаем, – сказала она. – Безобразий там куча». Рабочие боролись с постоянными простоями, мизерным жалованьем, с беспорядками на производстве, страдали от ужасающих жилищных условий. На «Электrozаводе» за три года сменилось пять председателей профкома. Их никто не выбирал, они ни перед кем не отчитывались. «По сталинской конституции каждый имеет право на труд, на образование, на отдых, – заявила она, – а что мы имеем на ламповом заводе?» – В подавляющем большинстве на заводе работали женщины. – «Есть работницы, которые имеют по двое или трое детей, а мужей не имеют, и благодаря простоям получается, что работница получает 150 рублей в месяц. Она клянет партию и правительство. А партия и правительство не виноваты. Виноваты профорг и хозяйственники, которые не умеют бороться с этими простоями. В результате чего работница получает мизерное жалованье». Воронина была в ярости из-за отсутствия заботы о детях. Она заявила: «В результате декрета партии и правительства о запрещении абортов у нас 500 женщин пошли по декрету в отпуск, 300 женщин готовятся к декретному отпуску, а 200 женщин носят своих детей в завком. Строим мы ясли? – Нет». Она рассказала, что директор завода обещал выделить 180 коек для детей, но ни одной детской кровати так и не нашлось. «Работницы говорят, что было постановление партии и правительства, чтобы мы рожали, чтобы построили учреждения, куда девать детей». Миллионы крестьян работали в городах и новых поселках, но жилищное строительство сильно отставало. «Работницы зачастую ночуют на заводе. Дома стоят на столбиках. Столбики подгнили. Хлопнешь дверь – дом качается». Рабочие были лишены законных компенсаций по страхованию, что было попыткой «сэкономить» фонды социального страхования, которые, в конце концов, никогда не тратились для этих целей. Воронина воскликнула: «Между тем у нас есть рабочие туберкулезные, нервно-расстроенные, люди, которые по пять лет ходят по разным комиссиям, не могут никуда поехать, чтобы поправить свое здоровье, а миллионы денег лежат мертвым капиталом. Это безобразное состояние». Критический накал выступления Ворониной стремительно нарастал. Старые рабочие, проработавшие на производстве более сорока лет, боялись уйти на пенсию с пособием в 75 рублей в месяц. Они потеряли трудоспособность, и хозяйственники считали их «накладными расходами». Однако они заслуживали лучшей участи. В цехах не было вентиляции, часто стояла жара более пятидесяти градусов. Воронина сокрушенно воскликнула: «О прохладительной вентиляции говорим уже пять лет, но никакого улучшения нет», – внезапно все участники пленума зааплодировали. {328}

Реакция на речь Ворониной показала, что профсоюзных руководителей все же тронул искренний призыв обратить внимание на интересы рабочих. Однако после аплодисментов посыпались вопросы: кто, как не профсоюзные работники и руководители ВЦСПС несут ответственность за отсутствие вентиляции? Например, Воронина сама была членом Президиума ВЦСПС – высшего профсоюзного органа. Она пожаловалась, что никто не подсказал ей, что делать. Она пыталась добиться приема у Шверника, Евреинова и других руководителей ВЦСПС, но «ни с одним секретарем не имела чести разговаривать». Только однажды, в 1931 году, она встретила на своем заводе со Шверником. «Ежемесячно присылают протоколы, прочитаю и положу, – сказала она. – У меня их целая кипа. Что с ними делать?» {329} Стремление снять с себя ответственность и предстать наряду с рабочими жертвами других руководителей – эта тема постоянно звучала в выступлениях делегатов пленума. Многие повторяли слова Ворониной: «Никто не сказал нам, что делать». Делегаты пленума, многие из которых занимали руководящие должности в ЦК Союзов и в ВЦСПС, обрушились с яростной критикой на секретарей ВЦСПС. Порой казалось, что каждый делегат специально искал кого-то выше по чину, чтобы предъявить ему обвинения. Председатель ЦК Союза рабочих хлопчатобумажной промышленности Москвы и Ленинграда А. В. Артюхина обвинила Шверника, председателя ВЦСПС, его секретаря Евреинова и всех тринадцать членов Президиума (в составе которого была и Воронина) в неспособности обеспечить

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org
руководство центральных комитетов профсоюзов.[42] «У нас очень много вопросов больших, требующих немедленного решения», – воскликнула Артюхина. Бывший секретарь ВЦСПС В. И. Полонский был недавно смещен со своего поста. «Я не имею в виду его, – сказала она. – А как насчет оставшихся товарищей? С каким бы я вопросом не пришла к т. Евреинову, всегда получала один ответ: “Решай сама”». Она возмущенно спросила участников пленума: «Где тт. Аболин, Евреинов и другие секретари?» Артюхина отметила, что она представляет профсоюз рабочих, насчитывающих 350 тыс. членов и 42 штатных профработников. Повторяя жалобы Ворониной, она заявила: «Нам нужна помощь, а не бумаги». Она также была в ярости от декрета против аборт и нехватки детских учреждений: «Кто должен проверять в действии этот декрет? – Конечно, ВЦСПС».{330}

Председатель ЦК Союза рабочих обувной промышленности С. Л. Брегман также переложил вину с Президиума и Центральных комитетов на секретарей ВЦСПС. Он долго и нудно перечислял проблемы, существующие на местном уровне: «У нас нет помощи, нет проверки, нет контроля». Он так много жаловался на руководителей высшего звена, что кто-то раздраженно выкрикнул из зала: «Но вы же являетесь членом Президиума!» Брегман отказался признать свою ответственность и резко возразил: «Секретариат и Президиум напоминают плохо сыгранный оркестр без дирижера». Он избрал распространенную тактику: покорно признавать все неудач, чтобы обвинить в них своих собственных руководителей. Критикуя руководство ВЦСПС, он справедливо заметил: «Гораздо лучше сидеть в кабинете, давать указания, ограждаясь бумажными баррикадами». Особенно остро Брегман нападал на Евреинова – секретаря ВЦСПС. «Для секретарей большое событие, когда они бывают на предприятиях, – усмехнулся Брегман. – За два года т. Евреинов один раз выехал на Урал. Какое же здесь руководство?»{331} Пока Брегман старался показать себя отважным и открытым борцом против «бюрократов», его собственное положение в Президиуме ВЦСПС и председателя ЦК Союза рабочих обувной промышленности свело на нет героический порыв.

Некоторые делегаты, озадаченные и напуганные призывом к чистке бюрократов и одновременной охоте на врагов, всячески стремились отстраниться от своих бывших арестованных коллег. Радянский – председатель ЦК Союза рабочих свеклосовхозов сообщил, что секретарь ЦК Союза был арестован за принадлежность к троцкистам. Раньше он был исключен из партии за участие в левой оппозиции, но скрыл свое политическое прошлое от профсоюза. Узнав о его прошлой оппозиционной деятельности. Президиум ЦК Союза рабочих свеклосовхозов уволил его с работы и обратился в ВЦСПС с просьбой подтвердить это решение. После этого секретарь «сбежал в Москву» и обратился в Комиссию партийного контроля с ходатайством о восстановлении. Комиссия удовлетворила его просьбу и приказала ЦК Союза снова принять его на работу. Радянский настаивал на дальнейшем расследовании, но Евреинов ему отказал. В итоге Евреинов принял бывшего секретаря на работу, а затем тот был арестован «в стенах ВЦСПС». Эта история об увольнении, ходатайстве, аннулировании решения, восстановлении на работе и аресте была типичной. Радянский хотел заявить о себе как об обиженном участнике кампании, который многократно пытался обратить внимание ВЦСПС на врага. Его выступление в какой-то степени была попыткой защитить и себя самого, так как, будучи руководителем, он тесно работал с секретарем ЦК Союза. Радянский также озвучил дилемму, с которой пришлось столкнуться профсоюзным руководителям: человек, бывший на прошлой неделе коллегой, вчера стал врагом, сегодня восстановлен в правах как жертва, но завтра снова мог стать врагом. В конечном итоге, в процессе драматических изменений судеб НКВД являлся последним арбитром. Арест, являвшийся бесспорным доказательством вины, показывал, разделят ли в этой драме актеры второго плана судьбу врага. К моменту, когда коллега уже арестован, было слишком поздно продемонстрировать «бдительность», обличая его. Таким образом, Радянский пытался переложить вину на ВЦСПС: «Я был бдительным, товарищи. Теперь это ваша вина».{332} Многие делегаты начали осознавать преимущество упреждающих открытых обвинений. В свою очередь, эта форма самозащиты обеспечивала органов НКВД большим количеством кандидатов для арестов.

В заключительном отчете пленума было сказано, что кооптация является главным недостатком профсоюзов, она подрывает демократию и создает рай для «врагов». В отчете отмечалось: «Сплошь и рядом работники подбирались в профорганы не по политическим и деловым качествам, а по принципу “личных связей”, удобств, сработанности, приятельских отношений». На крупном Московском машиностроительном заводе «Динамо» сменилось без выборов четыре председателя завкома. На Красноуральском медеплавильном заводе за два года

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org

путем кооптации сменилось шесть председателей завкомов. Многие ЦК профсоюзов не имели Президиума. Председатели и секретари единолично решали важные вопросы. Общие собрания членов профсоюзов собирались крайне редко и носили «формально-декларативный характер»: руководители произносили лозунги перед угрюмыми и скучающими членами. Исполнение решений собраний не контролировалось, зачастую эти решения не проводились в жизнь. В отчете был подвергнут критике Президиум ВЦСПС за «бюрократические методы» работы, «отсутствие инициативы» и слабое руководство центральными комитетами союзов, которые в свою очередь неумело руководили заводскими комитетами. Изобилие «бюрократических извращений, нарушение финансовой дисциплины, бесхозяйственное неправильное расходование государственных и профсоюзных фондов» делало заводские комитеты безучастными к условиям труда и жизни своих членов. Организационная структура нуждалась в серьезном реформировании сверху донизу. В заключение отчет призывал руководителей профсоюзов «разоблачать» бывших сторонников Томского, Шмидта и Угланова в профсоюзах и в более несуществующем Наркомате труда. Он призывал к созданию новых, перестроенных профсоюзов, очищенных от врагов, замене штатных, закостеневших на своих должностях работников. Секретариат и Президиум ВЦСПС были реорганизованы. Из всех секретарей остались только Шверник и Николаева; П. Г. Москатов, Е. Н. Егорова и Брегман заменили Аболина, Вейнберга и Евреинова. {333}

Устав профсоюзной демократии

Резолюции, принятые на VI пленуме, требовали, чтобы в профсоюзах была проведена реорганизация сверху донизу. Новые выборы, основанные на тайном голосовании, должны были быть проведены во всех профсоюзных организациях, начиная с центральных и заканчивая фабричными комитетами. У членов Союзов появилось «неограниченное право отклонять и критиковать» отдельные кандидатуры. Голосование списком было запрещено. Пленум поручал провести выборы в заводских и цеховых комитетах в период с 1 июня по 15 июля, затем провести областные конференции и съезды союзов с выборами руководящих профорганов с 15 июля до 15 сентября. Кульминацией стал Всесоюзный съезд профсоюзов СССР 1 октября, на который были делегированы вновь избранные профсоюзные руководители. Каждый Союз ЦК и заводские комитеты должны были начать «критику и самокритику», активно вносить предложения и отчитываться перед своими членами перед выборами. Копии этих отчетов должны были распространяться для широкого обсуждения. Предложения рабочих должны были служить «приказами для вновь избранных руководителей». Газете «Труд» – центральному печатному органу профсоюзов было дано поручение провести проверку в различных профсоюзах для гарантирования соответствия. Контроль над фондами должен был быть демократизирован. Фабкомы крупных предприятий (300 рабочих и более) должны были организовать советы социального страхования в количестве 15–30 человек для изучения профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве, контроля выплат страховых средств, обеспечения строгого соблюдения хозяйственниками законов о сверхурочной работе, выходных дней и праздниках. Фабричным комитетам и ЦК профсоюзов было приказано прекратить распространяемую среди хозяйственников практику задержания выплат заработной платы рабочих для покрытия необходимых расходов и обеспечить своевременные выплаты зарплат рабочим. Постоянные комитеты, состоявшие из неоплачиваемых профсоюзных работников, должны были быть прикреплены к советам на каждом уровне для участия в решении вопросов жилищного строительства, потребления, условий жизни и труда. {334}

Для того чтобы приблизить рабочих к руководству и покончить с московской бюрократией, которая в значительной степени отстранилась от проблем в регионах, в ВЦСПС было принято решение перевести центральные органы профсоюзов, располагавшиеся в Москве, в соответствующие регионы. Например, головная организация Союза рабочих нефтеперерабатывающей промышленности была переведена в Баку, Союз рабочих стекольной промышленности – в Смоленск. Этот приказ вызвал много жалоб и нареканий со стороны московских руководителей профсоюзных организаций. Их вынудили оставить удобные квартиры в самом обеспеченном продовольствием городе страны и переселиться в сомнительное жилье в местах тотального дефицита, плохого обслуживания и недостатка культурно-бытовых объектов. Руководители профсоюзов отправляли многочисленные телеграммы и письма в ВЦСПС, подробно излагая, почему работники центральных организаций не могут уехать из Москвы. Большинство аргументировало это тем, что для эффективного обслуживания рабочих в своих отраслях им необходимо в любой момент быть готовыми для встречи с высшим руководством. Однако ВЦСПС был неумолим. Поезды сопровождалась пьяными

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org
«прощальными проводами», что свидетельствовало о готовности профбоссов скорее повеситься, чем отправиться в глубинку. Для сытых москвичей это было одно и то же. В результате всеобщего падения морали устройство головных организаций в новых городах профсоюзные руководители затягивали на долгие месяцы. {335}

«Перетряхивание» профсоюзов

В течение последующих двух лет профсоюзы пережили основательную встряску. Профсоюзные работники были не только изгнаны из Москвы, их обязали участвовать в выборах руководящих профорганов путем закрытого тайного голосования. Газета «Труд» и ВЦСПС направили своих инспекторов для проверки отдельных заводов и профсоюзов. Такие проверки были обычным явлением, но после пленума ВЦСПС проверяющие основное внимание уделяли вопросам профсоюзной демократии и условиям труда и жизни рабочих. [43] Инспекторы обнаружили, что многие фабкомы заняты исключительно приемом и регистрацией новых членов. Это процесс был довольно обременительным, и хотя он отличался на разных заводах, но занимал большую часть времени профсоюзных организаций. Рабочий писал заявление о приеме в профсоюз и передавал его в первичную организацию – профгруппу. После беглой проверки прошлой деятельности рабочего профгруппа давала рекомендацию и передавала заявление в цехком, который в свою очередь принимал решение и сообщал его в фабком для окончательного утверждения. В большинстве случаев эти процедуры были формальностью, почти каждого рабочего принимали в профсоюз.

На крупных промышленных предприятиях наряду с высокой текучестью рабочей силы имело место неудовлетворительное ведение учетно-отчетных документов. Это означало, что многие цеховые и фабричные комитеты работали чуть больше, чем просто рассматривали заявления о приеме в профсоюзы. Например, на металлургическом заводе «Пролетарский труд» пленум заводского комитета обсудил на каждом собрании более тридцати заявлений. Количество рабочих, уволившихся с работы в течение нескольких месяцев, превышало число вновь принятых. В течение трех месяцев из цеха металлообработки уволилось тридцать два человека из шестидесяти пяти принятых в профсоюз. Когда в марте 1937 года арестовали директора завода за вредительство и принадлежность к троцкистам, хаос, созданный высокой текучестью рабочей силы, еще более усилился. {336}, [44] В общем фабричные комитеты представляли собой бумажную оболочку некогда полных жизненной энергии организаций, которые завладели заводами в 1917 году. В отличие от 1920 годов, мало делалось для того, чтобы удовлетворить жалобы рабочих. Неорганизованность и недостаток инициативы делали встречи с рабочими редкими, часто этих встреч не проводилось вообще. Проверка на фабрике «Красный текстильщик» в апреле 1937 года показала, что шесть председателей возглавляли фабком из семи человек, выборы не проводились с 1932 года. В полном составе фабричный комитет ни разу не собирался и не вел финансовой отчетности. Он никогда не проводил общефабричных профсоюзных собраний, хотя иногда созывал рабочих для принятия резолюций по случаю годовщины Октябрьской революции или 1 Мая. {337} Профком крупного завода электрического машиностроения («Электрозавод») в Москве также не вел финансовой отчетности и никогда не сообщал рабочим о профсоюзных расходах. С 1933 года тринадцать председателей возглавляли завком, и ни один из них не занял свой пост в результате выборов. Завком получал ежемесячный план работы от парткома завода, который заранее расписывал каждый его шаг. {338} Немногим лучше была ситуация на льняной фабрике № 6, где работало 2 тыс. 600 рабочих. Заводской комитет избирался в 1933 году. Одни председатели были избраны, другие назначены. Завком проводил общие собрания, но их плохо посещали, и на них никогда не обсуждались вопросы охраны труда и несчастные случаи на производстве. {339} Аналогичным образом обстояли дела и на ситценабивной фабрике в Москве. Фабком был избран в 1932 году и не вел никакого учета. {340} Двое рабочих газоперерабатывающего завода подвели итог деятельности работников профсоюза: «просиживают в завкомах, никогда не ходят в цеха и не работают с политически активными рабочими». {341}

Проверки и выборы способствовали усилению напряженности на предприятиях. В течение 1937 года органы НКВД арестовали многих профсоюзных руководителей, директоров и технических специалистов, обвиняя их во вредительстве, которое было причиной проблем на производстве, трудностей с выдачей зарплат, плохой вентиляции и несчастных случаев. ЦК Союза металлургов Восточных районов привлекли к ответственности за вредительство на Челябинском заводе. НКВД приостановил строительство цеха по производству ферромолибдена, обвиняя руководителей и профсоюзных работников во вредительстве из-за того, что они

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org израсходовали 400 тыс. рублей из бюджета на оборудование и не соблюдали правила техники безопасности.{342} Некоторые профсоюзные руководители, боясь арестов, пытались защититься, перекладывая вину на других. В Брянске ЦК Союза рабочих цементной промышленности в спешном порядке отправил инспектора по труду на цементный завод в Амбросьевке Донбасской области после того, как директор и главный инженер были обвинены во вредительстве после ряда несчастных случаев. Инспектор доложил, что имеют место «массовые аварии, жилищные объекты доведены до разрушения. Как на заводе, так и в рабочем поселке перебои в снабжении питьевой водой». В некоторых цехах рабочие работают при шестидесятиградусной жаре. На заводе и на прилегающих к нему территориях постоянно вспыхивают пожары. Завком не предпринял никаких мер для исправления ситуации. Союз рабочих цементной промышленности переслал отчет инспектора в прокуратуру с просьбой вынести постановление о привлечении к судебной ответственности директора, если тот не устранил проблемы в течение месяца.{343} Поспешное решение обратиться в прокуратуру было продиктовано менее всего заботой о рабочих, а скорее опасением быть вовлеченными в омут обвинений.

Боязнь обвинений, расследования и ареста подтолкнула самодовольных руководителей к действиям. ЦК металлургов Юга разработал правила техники безопасности для всей промышленности.{344} ЦК Союза станкоинструментальной промышленности, обсудив рост числа несчастных случаев и проблему засорения глаз на заводе «Станколит», приказал директору снабдить рабочих защитными очками, спецовку, одеждой и другими средствами защиты. С этого времени каждый несчастный случай на заводе должен был быть расследован.{345} ЦК Союза электростанций заявил, что несчастные случаи на Ленинградской электростанции участились из-за «преступно-пренебрежительного» отношения директора к вопросам охраны труда и игнорирования техники безопасности. Он рекомендовал уволить инспектора по труду.{346} По всей стране заводские комитеты начали посылать отчеты о проведенных собраниях в головные организации ВЦСПС. ЦК Союза мукомольной промышленности и элеваторов Центра и Юга рассмотрели вопрос о жилищно-бытовых условиях в пунктах сбора зерна.{347} Казалось, что дни вялого посещения собраний и пустяковых занятий вроде рассмотрения заявлений о приеме в члены профсоюза закончились.

Выборы руководящих профорганов: альтернативные кандидаты, тайное голосование

Выборы, в результате которых были смещены старые руководители – что вызвало сильное возбуждение в среде рабочих, – расшевелили рядовых членов профсоюзов. Например, ЦК Союза рабочих шерстяной промышленности провел на каждом предприятии «отчетные» собрания, на которых рабочие высказывали свои жалобы. Впервые за долгие годы рабочие активно участвовали в больших шумных собраниях, на которых выбирали кандидатов для предстоящих выборов в фабкомы. Из более чем 1 тыс. 300 избранных в 195 фабкомов предприятий шерстяной промышленности 65% были вновь избранными, а 43% никогда до этого не участвовали в профсоюзной деятельности. Почти половина председателей фабричных комитетов была обновлена. Рабочие этой отрасли избрали более тысячи членов цеховых комитетов и тысячу профоргов. На фабрике «Красный ткач» около 1/6 части рабочих из 4 тыс. 400 была выбрана в цехкомы. Беспрецедентный пример политической активности. Штатные профработники в цехах, не пользовавшиеся авторитетом у рабочих, были заменены активом, работавшим на общественных началах. Штат освобожденных работников фабкомов сократился на 15%. Новый фабричный комитет избрал пленум, который регулярно собирался для обсуждения жилищных условий.{348} В августе ЦК Союза рабочих шерстяной промышленности провел свой первый съезд, на котором присутствовало 245 делегатов. Они резко критиковали ЦК за плохое руководство, «грубые нарушения профсоюзной демократии», отрыв от низовых организаций и дутые показатели. Делегаты проголосовали против старых членов и заменили почти половину из них стахановцами, работавшими в цехах. Новый ЦК быстро создал комиссии по охране труда для улучшения состояния вентиляции, ведения учета несчастных случаев, обеспечения рабочих спецодеждой и установления контроля над сверхурочной работой.{349}, [45]

В течение осени и зимы 1937 года 116 профсоюзов провели съезды, на которых присутствовало более 23 тыс. делегатов. Поиски виновных, впервые начатые на пленуме ВЦСПС, теперь шли во всех профсоюзных организациях. В отчете отмечалось, что делегаты «разоблачили целый ряд лиц на руководящих должностях». Опять на каждом уровне руководящего состава критиковали вышестоящее руководство. Делегаты Союза рабочих железнодорожного

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org

строительства и метрополитена критиковали свой ЦК. Центральный комитет профсоюза потребительской кооперации критиковал свой президиум. Сотни рабочих электростанций, торфоразработок, школ и столовых резко осудили свои профсоюзы за факты «бюрократизма, отрыва от масс и пренебрежение к культурно-бытовым нуждам членов союза». Рабочие воспользовались кампанией за профсоюзную демократию, но они не управляли ею. Независимо от речей, произносимых с трибуны, рабочие составляли всего лишь четверть делегатов профсоюзного съезда; остальные три четверти – профсоюзные руководители, освобожденные профработники, инженерно-технические работники и более 600 директоров предприятий, трестов и их заместителей. Около двух третей делегатов были членами партии. На съездах, целью которых являлась реорганизация снизу, все еще доминировали штатные работники профсоюзного аппарата и руководители. {350} В то время как рабочие искренне старались реформировать свои профсоюзы, на этих съездах, так же как ранее на пленуме ВЦСПС, «бюрократы» трубили против бюрократии, а самодовольные руководители сетовали на самоуспокоенность членов профсоюзов.

К концу 1937 года было переизбрано 146 Центральных комитетов профсоюзов. Партийные и профсоюзные руководители объявили об успешном проведении кампании. Около 1 млн. 230 тыс. или 6% из 22 млн. членов было избрано на различные посты в профсоюзах, в том числе: 31 тыс. – в региональные (краевые и областные) и республиканские комитеты, 830 тыс. – в фабкомы, 160 тыс. – в цехкомы и 163 тыс. группоргов. ВЦСПС аннулировал результаты выборы на сотнях предприятий, где были допущены нарушения «принципов профдемократии»: не проводилось тайное голосование и выдвигался лишь один кандидат. Как сообщалось в одном из отчетов, это «произвело глубокое впечатление на рабочих». В низовых профорганизациях рабочие голосовали за реорганизацию сотен тысяч профгрупп и цехкомов, почти 100 тыс. фабкомов и 1 тыс. 645 обкомов. Итоги выборов показали, что произошла серьезная перетряска состава профсоюзов. В фабричных комитетах были заменены более 70% членов, 66% – из 94 тыс. председателей фабкомов и 92% из 30 тыс. 723 – членов обкомов. Многие из вновь избранных профсоюзных руководителей работали непосредственно на производстве, были людьми «от станка»: 65% избранных в профгруппы являлись стахановцами или ударниками труда; 62% были выбраны в цехкомы, 45% – в завкомы и 25% – в обкомы. Эти цифры демонстрировали сильное представительство рабочих, но свидетельствовали также и о другой тенденции. Чем выше уровень профсоюзной организации, тем ниже процентное соотношение рабочих, в ней представленных. Например, количество рабочих, из профгрупп, при выборе в областные комитеты уменьшалось на 40%. {351} Люди, не работавшие в промышленности, которую они представляли в профсоюзах, все еще занимали большинство должностей на высшем уровне. Волна перестройки ослабевала по мере движения в направлении верхушки профсоюзов. [46]

Члены профсоюзов вынесли серьезный вотум недоверия высшему профсоюзному руководству и ЦК. Результаты выборов в 116 ЦК Союзов показали, что более 96% из 5 тыс. 54 членов пленума, 87% членов президиума, 92% секретарей и 68% председателей были заменены. И здесь руководители, занимавшие высшие ступеньки в профсоюзной иерархии, сохраняли большее количество должностей, чем те, кто стоял на ступень ниже: со своих постов было смещено 96% членов ЦК и только 68% председателей. Кроме того, новые председатели и секретари часто переводились с других важных партийных, руководящих или профсоюзных должностей. Почти одну треть Центральных комитетов представляли главы фабкомов. {352} Новые выборы дали большие преимущества этой группе работников, мгновенно превратив их из председателей профкомов предприятия в руководителей государственного значения.

Руководители ВКП(б) и ВЦСПС с гордостью отмечали, что многие вновь избранные руководители не являлись членами партии. Это служило доказательством тому, что «новые люди», «лучшие стахановцы» стали проявлять активность в профсоюзной работе. На низших должностях профсоюзного руководства было гораздо больше беспартийных, чем наверху. В партии не состояли 93% профгруппоргов, 84% представителей цехкомов, 80% членов завкомов, 66% председателей завкомов, 47% работников обкомов, 34% членов президиумов областных комитетов, 33% членов ЦК Союзов и 19% членов президиума ЦК. {353} При организационном укреплении профсоюзных рядов, процентный состав членов партии в руководстве профсоюзов увеличивался по мере того, как уменьшался процентный состав рабочих. Поддержка беспартийных кандидатов руководителями партии резко контрастировала с их обычной политикой продвижения однопартийное. В сентябре 1937 года Брегман, вновь избранный секретарь ВЦСПС, сделал резкое замечание председателям ЦК Союзов

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
за то, что они направили большое количество членов партии на Всесоюзный съезд профсоюзов. «ВЦСПС считает такое положение неправильным, – писал он. – Необходимо обеспечить <...> не менее 35-40% беспартийных делегатов».{354}

Чем руководствовался ВЦСПС при выдвижении беспартийных? Цели соответствовали программе, предложенной Сталиным и Ждановым для партии: восстановить демократию снизу и устранить бывших оппозиционеров. В кампании за профсоюзную демократию беспартийность означала для рабочих то же, что и принадлежность к партии, особенно среди высших руководящих работников: большую вероятность оппозиционной активности. Принижая роль партии в выборах, партийное руководство давало рабочим ощущение большей власти.[47] Партийные руководители считали профсоюзных руководителей среднего и высшего звена такими же областными «князьками», которых они осуждали на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б). У этих профсоюзных руководителей были более сложные политические биографии и карьеры, чем у рабочих. Кроме того, рабочих возмущало то, что они не смогли решить проблемы на заводах. Настраивая рабочих против них, высшие партийные руководители могли заручиться поддержкой рабочего класса и нацелить рабочих на бывших оппозиционеров так же, как они стремились использовать рядовые партийные кадры против областных партийных начальников.{355}, [48] В руководстве ВКП(б) и ВЦСПС считали, что устраняя профсоюзное руководство, они выполнят обе задачи.

Рабочие провалили на выборах подавляющее большинство старых руководителей. Но удалось ли им заменить их рабочими? Данные по зарплатам проливают свет на данный вопрос. В 1938 году председателей, секретарей и членов президиума были избрано в центральные и областные комитеты профсоюзов в количестве 5 тыс. 484 чел. Данные по зарплатам этого высшего уровня руководства показывают, что почти у 60% новых избранных руководителей была уменьшена зарплата, или она оставалась на прежнем уровне. Иными словами, они не продвигались вверх с нижних позиций и, конечно же, не являлись рабочими цехов. Зарплата была увеличена 40% профсоюзных работников, однако заработки подавляющего большинства из них выросли незначительно: они зарабатывали меньше 200 рублей в месяц.{356} Например, вновь избранный председатель ЦК Союза рабочих нефтеперерабатывающей промышленности до этого был директором магазина. Как глава профсоюзной организации он получал 1000 рублей в месяц, т. е. на 100 рублей меньше, чем когда он работал директором магазина. Новый председатель Союза угольщиков Востока до этого работал начальником отдела кадров Восточного угольного транспортного треста. У него также снизилась зарплата с 1200 до 800 рублей. Председатель ЦК Союза рабочих строительства тяжелой промышленности Дальнего Востока раньше работал начальником участка по энергомотажу г. Комсомольска и зарабатывал там 1540 рублей, но только 800 рублей на новой должности. Новый председатель ЦК Союза работников Медсантруда был директором обувной мастерской. Председатель ЦК Союза рабочих рыбаков Севера в прошлом был заместителем председателя Мурманского горсовета, а председатель ЦК Союза рабочих железорудной промышленности до этого работал начальником шахты им. К. Либкнехта.{357} Другими словами, новые председатели ЦК не являлись рабочими. Они были руководящими работниками, занимавшими высокие должности на местном и региональном уровне.

Процесс мобилизации низших чинов против руководителей среднего звена не проходил плавно. В период между пленумами Центрального Комитета ВКП(б) в июне 1936 г. и феврале-марте 1937 г. наблюдались периоды движения вперед и отступления.

В отличие от рабочих эти выборные профсоюзные руководители получали высокие зарплаты. Рабочие, оплачиваемые по самой низкой шкале, зарабатывали 150 рублей в месяц. Например, рабочие текстильных фабрик были в ярости из-за простоев в работе, которые еще больше сокращали их скудные заработки. На свою зарплату они с трудом могли прокормить своих детей. Высококвалифицированные рабочие тяжелой промышленности могли заработать 500 и более рублей в месяц. И все же профсоюзные работники получали больше, чем самые высокооплачиваемые рабочие. Кроме того, они имели доступ к товарам народного потребления, ежемесячным продуктовым пайкам и другим привилегиям. На протяжении 1937 и 1938 годов руководство подвергалось нападкам. Повсеместная игра в чехарду была способом защиты для региональных и местных клик. Руководящие работники упрямо защищали свои привилегии даже посредством непредсказуемых превратностей «реорганизации». Руководители предприятий переходили на работу в профсоюзы, а бывшие профсоюзные работники, наиболее вероятно, назначались на руководящие должности. Если

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org
Эти люди являлись новыми избранными должностными лицами, то, по всей видимости, «обновление» в высших профсоюзных организациях происходило посредством замены одних руководителей на других.

Анализ выборов показывает, что на электоральном поле произошло столкновение различных интересов. Сталин, Шверник и другие партийные руководители стремились заручиться поддержкой рабочих в кампании по искоренению бывших оппозиционеров. Рабочие надеялись, что будут устранены порочные и самодовольные «бюрократы». Региональные и местные руководители пытались сохранить свои позиции путем перемещения членов своих «кланов» с одной руководящей должности на другую. Выборы не принесли безусловной победы ни одной из этих групп. Попытки партийных лидеров разрушить «семейственность» и «вычистить» оппозиционеров провалились. Рабочим не удалось избавиться от «бюрократов». Региональных и местных руководителей продолжали арестовывать даже после назначения на новые должности. Во всяком случае, десять членов нового состава Центральных Комитетов были арестованы как «враги народа» вскоре после выборов. В профсоюзе рабочих железных дорог Центра девятнадцать вновь избранных руководителей были разоблачены и арестованы. {358} На протяжении 1937 и 1938 годов органы НКВД продолжали «отбраковывать» профсоюзных работников. Эти аресты способствовали росту шквала взаимных обличений в руководстве профсоюзов, что в свою очередь вело к дальнейшим арестам.

После выборов

Процесс «реорганизации» профсоюзов после выборов не закончился. Напротив, выборы открыли ящик Пандоры, полный жалоб, недовольства и обвинений. Рабочие успешно использовали выборы для перетряски профсоюзных кадров, но им не удалось изменить установленные в профсоюзах порядки. В одних профсоюзах новые руководители оказались еще более бесчестными и некомпетентными, чем прежние. В других выборы спровоцировали ожесточенную борьбу между отдельными группами, которая отвлекала внимание от нужд рабочих. В течение 1938 года ВЦСПС продолжал свои проверки, что способствовало усилению репрессий, выявлению новых источников коррупции, халатности и оппозиции в профсоюзах.

Например, руководители Союза рабочих стекольной промышленности были полностью поглощены спровоцированным выборами ожесточенным соперничеством внутри Союза, в то время как рабочие продолжали выживать в тех же убогих условиях существования, которые они имели до начала кампании за демократию. Представители старой гвардии в профсоюзах сильно невзлюбили вновь избранного председателя ЦК и тайно встретились, чтобы договориться о его смещении. Центральный комитет был полностью погружен во внутренние склоки, игнорировал нижестоящую профсоюзную организацию, не обращал внимания на высокий уровень производственного травматизма и нужды своих членов. ЦК профсоюза продолжал пренебрегать вопросами жилищных условий, детских комбинатов, состоянием столовых, безопасности труда, культурно-бытовых условий и международными связями. Альтернативные выборы на основе тайного голосования провалились. Например, в 1937 году в завкоме завода «Хрусталь» в Дятьково Брянской области сменилось три председателя.

Демократические выборы в цеховые комитеты не проводилось. Представители профсоюзов чаще назначались на должности, чем избирались. Финансы и учет членов профсоюзов были «в беспорядке». Что еще более важно, в жизни рабочих мало что изменилось. В покосившихся бараках проживало большинство из 3 тыс. 865 рабочих завода. Полы провалились, не хватало шкафов и стульев, повсюду кишело тараканами и клопами. Рабочие производили стекло, но у них самих окна были разбиты. Не было газет, шахмат или шашек. Людям было нечем себя занять, поэтому они «пили, дрались и дебоширили». Несмотря на постоянные несчастные случаи на производстве, профсоюз не уделял достаточного внимания соблюдению правил техники безопасности и своевременному оказанию медицинской помощи. Стекольный завод «Красный факел» в Ивановской области находился в пяти километрах от больницы, но не было транспорта для доставки больных и даже медпункта при заводе, где было занято 800 рабочих. В детском комбинате при заводе на тридцать шесть детей было всего двенадцать тарелок и три стакана. 787 тыс. рублей, выделенные государством Союзу рабочих стекольной промышленности на культурно-бытовые нужды в 1937 году, так и не были использованы. С другой стороны, профсоюзные руководители перерасходовали фонд собственных зарплат на 201 тыс. рублей. В этом профсоюзе кампания за профсоюзную демократию увязла в бюрократических расправах. Несмотря на то, что старые руководители были смещены, новое

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
руководство так же как и их предшественники, не обращало внимания на нужды рабочих. На деле вышло, что ЦК профсоюза использовал в борьбе за власть даже тот небольшой всплеск рабочей активности, которая должна была быть направлена на службу своим членам. {359}

Выборы в ЦК Союза рабочих каменноугольной и сланцевой промышленности Центральных районов также не смогли дать отрасли ответственных профруководителей. Вновь избранные также были тесно связаны «семейственностью» с районными парткомами, что являлось отличным примером всеобщей чехарды, которая отличала выборы. С 1930 по 1937 годы, до избрания председателем ЦК профсоюза Федин работал секретарем партии на шахтах. Выборы в профсоюзах предоставили ему возможность подняться с должности в парткоме на более высокий пост – председателя ЦК профсоюза. В 1938 году его бывший начальник секретарь райкома партии Плоткин был арестован как «враг народа». Связи Плоткина в профсоюзе простирались глубоко. {360} Из-за его ареста парторганизация профсоюза и ВЦСПС занялись тщательной проверкой Федина и ЦК Союза. В знак протеста Федин написал заявление в партгруппу ВЦСПС: «Я не отклонялся и никогда не был в оппозиции». Отчаявшись доказать отсутствие связи с Плоткиным, он показал себя человеком, успешно осуждавшим и разоблачавшим других, с помощью этой тактики он старался подчеркнуть собственную преданность и честность. «Меня избирали и переизбирали, – заявил он. – Я разоблачал вредителей и предателей.. Я обнаруживал, критиковал и разоблачал тех, кто не выполнял генеральную линию партии». Скорее всего именно с помощью Плоткина Федин легко перешел с партийной должности на профсоюзную. После ареста Плоткина Федин сразу же от него отрекся: «У меня нет отношений с Плоткиным, за исключением относящихся к моей работе. Я никогда не пил с ним. Плоткин никогда не пытался свернуть меня с генеральной линии». Он возлагал вину за плохой учет в профсоюзах на вышестоящих руководителей, которые часто отсутствовали на рабочем месте: «Они никогда не давали мне четких указаний». Проведенная ВЦСПС проверка других руководителей Союза не нашла компрометирующих их данных об оппозиционной деятельности, но выявила их безделье, алчность и моральное разложение. Члену президиума ЦК профсоюза Савину был объявлен выговор «за пьянство и халатность». Ранее он уже получал несколько партийных выговоров за пьянство и хулиганство, но продолжал пить. Заведующий массово-производственным отделом Болдин проявил моральную нечистоплотность, получил строгий выговор за многоженство. Он платил двум женам алименты, брал путевки в дома отдыха для своей семьи вместо того, чтобы раздавать их рабочим. Член президиума ЦК профсоюза И. А. Пророк самовольно перевез семью в Москву из провинции, перерасходовал 500 тыс. рублей по временной нетрудоспособности и на диетпитание и не использовал предназначенные для рабочих туристские путевки. Двое других членов ЦК были недавно исключены из партии, один из них – за «пьянство и дебошество». Инспектор ВЦСПС не нашел подтверждения «компрометирующих данных» о Федине, однако подверг его критике за проявление «политической слепоты в разоблачении Плоткина». Он также предложил уволить Савина и Болдина. {361} Новый Центральный комитет Союза рабочих угольной и сланцевой промышленности Центральных районов, избранный во время кампании за профсоюзную демократию, представлял собой не более чем собрание пекущихся только о собственных интересах карьеристов, пьяниц и мелких воришек.

Новое руководство ЦК Союза рабочих нефтеперегонной промышленности производило ненамного лучшее впечатление. После выборов в 1938 году члены нового ЦК не тратили время на обогащение и пьянство. В 1928 году вновь избранный молодой председатель Макурин работал охранником на Бакинском нефтеперегонном заводе, а затем кочегаром. Став секретарем фабкома, а затем помощником начальника цеха, он стал членом клана бюрократов-аппаратчиков. Он был членом ВКП(б), имел всего лишь начальное образование. Другие вновь избранные члены ЦК также были малограмотными. Член ЦК Иконникова была вообще неграмотна. Регулярно посещая собрания, она никогда на них не выступала. После выборов между членами ЦК началась ожесточенная борьба. Толмаджев – заведующий культотделом ЦК профсоюза обвинил Макурина и новое руководство в разбазаривании профсоюзных фондов и невнимании к насущным проблемам трудящихся. Он заявил, что профсоюз все еще «засорен семейственностью», выдвиженцами не по деловым качествам, а на основе личных симпатий, а также коррупционерами. Внутренняя борьба вытаскала на свет и постыдные поступки. Когда в октябре 1938 года ЦК Союза переехал из Москвы в Баку, члены ЦК организовали проводы и так напились, что опоздали на поезд. В течение месяца после переезда никто не работал. Они потратили на шесть тысяч рублей больше из бюджетных 11 тыс. 500 рублей, предназначенных «для организации помощи работникам аппарата ЦК», и незаконно выдали сами себе

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org

премии. Они взяли деньги, выделенные на издание правил техники безопасности и эксплуатации при сооружении нефтеперерабатывающих заводов, организовали «комитет по разработке правил безопасности» и выплатили себе полторы тысячи рублей за срочную работу. Инспектор из ВЦСПС сделал вывод: «Правила разработаны, но они не принимали участия в их составлении и редактировании». Он предложил уволить большую часть вновь избранного руководства, запланировать новые выборы, провести проверку ЦК профсоюза и ревизию финансов. {362} Союз рабочих нефтеперегонной промышленности провел демократические выборы, но те, кого члены профсоюза выбрали на руководящие должности, оказались бесчестными, неорганизованными людьми и пьяницами.

Вскоре после выборов, в результате неприглядной борьбы за власть между вновь избранными и старыми руководителями в Союзе рабочих хлопчатобумажной промышленности также произошел раскол. В 1938 году в Союзе насчитывалось 300 тыс. членов, треть которых проживала в Московской области. Легкая промышленность в целом была недостаточно финансируемой отраслью. Устаревшее, часто вышедшее из строя оборудование, низкие зарплаты, – все это подрывало моральный дух. Рабочие постоянно не выполняли производственные планы. В 1937 году народный комиссар легкой промышленности И. Е. Любимов был арестован вместе со многими другими работниками. Однако проблемы в текстильной промышленности продолжали существовать даже после ареста предполагаемых «вредителей». В сентябре Совет Народных Комиссаров издал декрет о «ликвидации последствий вредительской деятельности в текстильной промышленности». Профсоюз работников хлопчатобумажной промышленности провел съезд и выборы нового ЦК. Проблемы заработной платы и норм выработки не были решены как старым, так и новым Центральным Комитетом. В январе 1938 года профсоюз обратился в СНК с просьбой помочь разрешить эти проблемы, но правительство также не смогло найти выхода. В мае 1938 года в результате проведенной ВЦСПС проверки в текстильной промышленности, обнаружилось нарушения в системе заработной платы, которые происходили с ведома руководства Народного комиссариата легкой промышленности. {363}

Во время встречи в мае руководители ВЦСПС резко критиковали представителей президиума ЦК в связи с заработной платой. Секретарь ВЦСПС П. Г. Москатов обвинял их в «извращениях в системе зарплаты, которая разлагала рабочих». Согласно сложной формуле сдельной оплаты труда «рабочие получали зарплату по прогрессивке, и получалось, чем больше простоя, тем больше зарплата». М. П. Степанов – член президиума ВЦСПС объяснил, что текстильщики выполнили только 60–75% производственной нормы. Руководители ВЦСПС знали, что рабочие имели право получать 66% сдельной зарплаты во время простоев. Если устанавливались высокие нормы, а рабочие постоянно выполняли менее 66% нормы, они, вероятно, могли получать более высокую зарплату во время простоя. Москатов отметил: «Вопрос учета норм стоит так, что невыполнение их, кажется, приносит выгоду текстильщикам». Также Москатов заявил, что руководство отрасли пронизано обманщиками, бывшими белогвардейцами и прочими мерзкими элементами, и что Центральный Комитет «также не без греха». {364} Председатель ЦК Союза рабочих хлопчатобумажной промышленности Москвы и Ленинграда А. В. Артюхина подверглась резким нападкам. Дочь ткачихи Артюхина с двенадцати лет работала на текстильных фабриках. Она вступила в Союз рабочих текстильной промышленности в 1909 году, несколько раз ее арестовывали и ссылали. В 1927 году она возглавила женотдел и упорно боролась за права работниц. Расспрашивая Артюхину о ставках заработной платы, Москатов был настроен агрессивен. Она призналась, что не совсем понимает, как они рассчитываются. Степанов спросил: «Как можно так поставить вопрос, что тов. Артюхина – старая текстильщица, довольно опытная в руководстве, не разобралась в этом деле?» Степанов утверждал, что проблема заработной платы была прямым результатом упущения профсоюза: руководители никогда не посещали фабрики и не содействовали наладке оборудования. «Почему ЦК не берет на себя задачу ремонта?» – спросил он. Однако и Степанов признавал, что он сам тоже не понимает систему ставок заработной платы. Оказалось, что никто не понимает сложную мешанину прогрессивной системы оплаты сдельного труда, твердых ставок и коэффициентов простоя. Степанов добивался разъяснения формулы начисления заработной платы, а затем, сбившись с темы своего выступления, прибегнул к общеизвестному объяснению: «Чувствуется, что враги народа стремятся помешать этому делу». {365}

Руководители ВЦСПС подстрекали вновь избранных профсоюзных руководителей обвинить Артюхину в проблемах заработной платы. Но не все приняли эту игру Рясин – начальник организационного отдела ЦК Союза возражал, говоря, что

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org

нереально ожидать от профсоюзных работников решения сложных вопросов оплаты труда, ставок и жилищных условий на каждом заводе. Однако по мнению других, Артюхина была удобным «козлом отпущения». Ширяев – вновь избранный секретарь Союза чувствовал, что Артюхину вот-вот арестуют, и пытался себя защитить. Ссылаясь на незнание обстоятельств дела, он обвинил ее в том, что она не дала указаний новым членам президиума и игнорировала их идеи. «Я проработал два с половиной месяца с тов. Артюхиной, – пожаловался он, – и за это время не было ни малейшей попытки помочь нам встать на правильный путь, правильно поставить работу. Наоборот, в практической работе на каждом шагу старалась подмять инициативу нового работника. У нас по существу <...> твердое единоначалие, пикнуть не смей». Также Ширяев сознался, что испытывает личную неприязнь к Артюхиной за то, что она не дала ему возможности записаться на учебу на курсы – желанная привилегия, которая давала возможность продвижения по службе. {366}

Москатов безоговорочно поддержал новых членов ЦК. По его мнению, Ширяев был прав. За последние шесть лет «старое руководство» укоренилось в профсоюзе, и было трудно избавиться от него. Он был враждебно настроен по отношению к Артюхиной, но считал, что трудно ее критиковать, поскольку в отличие от других профсоюзных руководителей Артюхина постоянно посещала заводы и разговаривала с рабочими. Москатов насмехался над ее частыми контактами. «Артюхина куда ни поедет, наобещает полный короб, а мало делает», – едко заметил он. Он обвинил Артюхину в произволе, неспособности обнаружить врагов в профсоюзе и «умалчивании» острых вопросов. Подводя итог ее стилю работы, он произнес старинную поговорку: «Сор из избы не выносить». И далее продолжил: «Эта гнилая, небольшевистская позиция, если хотите, враждебная нашей партии позиция». «Почему у нас такая зловонная атмосфера? – неприязненно спросил он. – Во-первых, я считаю, что руководство ЦК Союза оказалось явно несостоятельным. Оно политически дискредитировало себя в смысле того, что многие серьезные острые политические вопросы упущены». Москатов предложил уволить Артюхину, собрать новый пленум профсоюза для обсуждения взаимоотношений ЦК и заводских комитетов, развить план по устранению «последствий вредительства» и сообщить в отдел заработной платы ВЦСПС о необходимости исправить ситуацию с тарификацией зарплаты. {367}

Артюхина, расстроенная и взвинченная высказанной в ее адрес критикой, сохранила самообладание. Она спокойно объяснила, что смена руководства в профсоюзе, произошедшая после выборов в 1937 году, создала новые трудности. Новый коллектив, имевший мало опыта, нужно было обучать. Трудно было решить вопросы производственных норм и ставок заработной платы. СНК рассмотрел эти вопросы, и сам Молотов потребовал пересмотра норм. Она скромно заметила: «Я согласна со всем, что было здесь сказано о беспорядке. Может быть, я нехорошо говорю, чем следовало, хотя волноваться обязательно и необходимо. Я заверяю, т. Москатов...». Москатов резко прервал ее: «Что заверять?» Артюхина невозмутимо продолжала: «Вы меня тоже в первый раз слушаете. Я писала в ВЦСПС и просила помочь ликвидировать последствия вредительства. Меня не вызвали, не послушали». Точно так же, как Ширяев и Москатов переложили вину с вновь избранных руководителей на Артюхину, она умело переложила вину на вышестоящих руководителей ВЦСПС. Артюхина умело решала политические задачи. Она признала, что ей не удалось решить вопрос заработной платы, но категорически отрицала обвинения во вредительстве. «Говорят, что я не помогала ликвидировать последствия вредительства. Это неправда», – решительно заявила она. Она просила президиум дать ей шанс исправить свои ошибки с их помощью. {368}

Аресты в Народном комиссариате легкой промышленности, соперничество на выборах и страх способствовали тому, что профсоюзные руководители стали обвинять друг друга. Но они не называли главную проблему. Провал производственных заданий текстильщиками не был результатом «вредительства» или путаницы в тарифах заработной платы, он был следствием недофинансирования отрасли и технологической отсталости. Текстильная промышленность не входила в число приоритетных. Хозяйственники манипулировали ставками зарплаты в попытке снизить текучесть рабочей силы, обеспечивая минимальный заработок при поломке машин. Профсоюз закрывал на это глаза. Рабочие и начальники цехов также участвовали в заговоре, касающемся заработной платы. Обвинения в адрес Артюхиной во вредительстве, не помогли руководителям Народного комиссариата легкой промышленности и хозяйственникам решить проблемы недостаточно финансируемой отрасли с устаревшим оборудованием и плохо оплачиваемой рабочей силой. Более того, ВЦСПС настаивал на том, чтобы профсоюзы согласились со снижением заработной платы. Рабочие выбрали новый Центральный комитет, но никто из новых

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
руководителей не сказал правду: матери-одиночки в текстильной промышленности с трудом могли обеспечить своих детей. Только Артюхина признала, что преобразования, связанные со снижением заработной платы будут невыносимо болезненными. В ответ на утверждение Москатова, что профсоюз не снизил ставки заработной платы, она просто ответила: «Мы боялись сказать рабочим правду». {369}

Ограничения профсоюзной демократии

Партийное руководство страны и ВЦСПС открыто признавали, что кампания за профсоюзную демократию преследует две цели: «расшевелить» профсоюзы и искоренить окопавшихся там троцкистско-бухаринских агентов фашизма и их сторонников. {370} Руководство никогда не считало эти две цели противоречащими друг другу, напротив, предполагалось, что обновленные профсоюзы поддержат сталинскую индустриализацию, что они не только не станут оспаривать государственную политику накопления, инвестиций или оплаты труда, но и будут играть важную роль в реализации этой политики. Они обеспечат честность и эффективность расходования бюджетных средств на жилищное строительство, социальную защиту детей, дома отдыха, социальное страхование и охрану труда, будут контролировать распределение продуктов и не допустят коррупции и плохого качества строительства. Они сократят количество несчастных случаев на производстве и обеспечат соблюдение правил техники безопасности и сверхурочной работы. Профсоюзные работники станут подлинными представителями рабочих, которые будут избираться в ходе альтернативных выборов тайным голосованием. Партийные руководители понимали, что в условиях апатии и равнодушия членской массы профсоюзные руководители превратятся в бездельников и разложенцев, стремящихся к достижению своих лишь собственных амбиций и материальных интересов. По существу, партия подготовила для профсоюзов новую роль руководителей социального обеспечения. Они могли оказывать давление на хозяйственников и заявлять в суды о нарушениях техники безопасности. Однако они не могли ставить под сомнение политику государства, предлагать альтернативную экономическую программу, опротестовывать производственные нормы или зарплаты. {371}

Наиболее заметного успеха кампания за профсоюзную демократию добилась в сфере охраны труда. В начале 1930-х годов рабочие каждой отрасли промышленности страдали от производственного травматизма, который достиг очень высокого уровня. В 1934 году 25–33% рабочих, занятых в наиболее опасных отраслях промышленности, пострадали от несчастных случаев на производстве и по крайней мере 10% – рабочие в остальных отраслях. В период с 1934 по 1936 годы количество несчастных случаев возросло в более чем 70% отраслей промышленности. Однако в 1937 году более 90% отраслей, за исключением угольной промышленности, добычи кокса, производства химических удобрений, фанеры, ликеро-водочной продукции и дорожного строительства, показали снижение доли несчастных случаев. [49] Боязнь быть обвиненными во вредительстве, несомненно, заставляла руководство предприятий и профсоюзных работников уделять больше внимания охране труда и в том же время стимулировала на ведение теневой бухгалтерии. По крайней мере в двух профсоюзах были обнаружены работники, зачислившие несчастные случаи на производстве в категорию бытовых травм, что означало оплату профсоюзами больничных листов, но не влекло за собой политических последствий. В ряде профсоюзов уровень производственного травматизма снижался по мере того, как росло количество бытовых травм. {372}, [50]

Сталин и его сторонники в ВЦСПС и в ВКП(б) не считали, что кампания за демократию находится в противоречии с политикой репрессий в отношении бывших оппозиционеров. Они представляли рабочую демократию в ограниченных пределах, придавая особое значение контролю рабочих над потребительскими услугами, гражданской активности и широкому народному участию. Рабочим разрешалось – и это даже поощрялось – критиковать хозяйственников и руководителей, открыто выступать против злоупотребления властью, коррупции, плохих условий труда и жизни. От них настоятельно требовали публиковать свои обвинения в заводских стенгазетах, писать письма в газеты, а также руководителям государства и партии. Однако все имело свои пределы, демократия была ограниченной: критика не должна была выходить за четко очерченные границы. Например, на заводе им. Жданова во время обсуждения кампании за профсоюзную демократию четверо рабочих корпусного цеха вышли за дозволенные сверху пределы критики. Рабочий Черностин, упрямо возражая против новой кампании, возмущенно спрашивал: «Зачем нам эти рабочие собрания? Они ничего нам не дают». Его товарищ по цеху Деев заявил, что

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
выборы и собрания фабкомов должны проводиться без участия членов партии. А Куликов и Малов, отмечая призывы к бдительности и считая разговоры об этом чепухой, твердо заявили: «Среди рабочего класса нет врагов народа, искать их здесь – только тратить время и силы». Если коммунисты в правящих кругах хотят перерезать друг другу глотки, говорили между собой рабочие, пусть так и делают. Но они должны оставить рабочих в покое. Подобные разговоры считались «речами врагов». Нельзя было предполагать, что новая кампания является нецелесообразной, что проводить рабочие собрания желательно без участия коммунистов или, что охота на «врагов народа» не имеет смысла. Информаторы аккуратно записывали подобные высказывания и приводили в своих отчетах в ВЦСПС с указанием имен, цехов и предприятий. {373}

Несомненно, рабочие возлагали большие надежды на кампанию и на выборы. Но даже проголосовав против руководителей, которых считали разложившимися и некомпетентными, они не выдвинули на их место более честных и способных лидеров. Вновь избранные руководители Союзов рабочих стекольной, нефтеперегонной, угольной и сланцевой промышленности действовали точно так же, как предыдущие, назначенные руководители. Хотя вероятность того, что они связаны областной или районной семейственностью, была гораздо меньше, они в равной степени были склонны к пьянству, воровству и разложению. Многие из них были малограмотны. Повсеместная нехватка компетентных руководителей была фактически основной причиной широкого распространения кооптации. Партия оказалась связанной по рукам и ногам: в то время как она с конца 1920-х годов стремилась избавиться от окопавшихся в партийных рядах нежелательных элементов, люди, заменившие их, часто были плохо приспособлены к роли, которую им предложило партийное руководство.

Выборы так просто не могли обеспечить замену старых руководителей новыми, они инициировали продолжительную борьбу внутри профсоюзов. Старые руководители упорно боролись за сохранение своих постов и до некоторой степени преуспели в этом, особенно на высшем уровне. Вдобавок профсоюзы были дестабилизированы арестами в местных и областных партийных организациях, а также в своих отраслях промышленности. Чем больше людей попадало в тюрьму, тем сильнее профсоюзные руководители вовлекались в порочную и ужасную грызню. Новое руководство нападало на старое, и каждая из сторон яростно пыталась докопаться до кого-нибудь, чтобы обвинить в производственных трудностях. Все большее число профсоюзов вовлекалось в эту кампанию. В конечном счете, каждая из сторон использовала ее в своих интересах. Несмотря на то, что в результате стали обращать хоть какое-то внимание на условия труда и жизни рабочих, новые руководители не имели ни желания, ни возможности осуществлять реальные демократические реформы.

В конечном счете, с 1927 по 1937 годы роль профсоюзов существенно не изменилась. Рабочие не могли использовать кампанию за демократию для превращения профсоюзов в истинных защитников своих интересов. Альтернативные выборы на основе тайного голосования мало что значили, если избранные представители не имели власти, чтобы добиться реальных преимуществ для своих избирателей. Представители профсоюзов, независимо от того, насколько они были честны и действенны, были неспособны ставить под сомнение ставки заработной платы, инвестиционную политику или производственные нормы. Единственным доступным языком для рабочих, хозяйственников и профсоюзных работников для выражения и защиты своих интересов были, провозглашенные Ждановым на пленуме ЦК ВКП(б) и растиражированные в ВЦСПС с подачи Шверника фразы: «вредительство», «ослабление связей с массами», «нарушение демократии», «самонадеянность», «подхалимство», «отсутствие бдительности» и «подавление критики снизу». Это был язык террора, и поскольку это был единственный официально разрешенный способ выражения, он получил широкое распространение. Этот язык мало помогал в решении реальных проблем, порожденных ускоряющей темпы индустриализацией. Несчастные случаи на производстве, неудовлетворительное распределение продуктов, плохое качество жилья, отставание строительства, задолженности по заработной плате и низкая производительность труда были объявлены результатом умышленного «вредительства». В этом смысле террор и демократия были двумя сторонами одной медали: демократия дала рабочим возможность избирать новых руководителей, террор позволял устранять старых, но не решали базисных, структурных проблем страны.

ГЛАВА 5. ЖЕРТВЫ И ПРЕСТУПНИКИ

Здесь людей буквально выкидывают за борт.

Из выступления Н. В. Ворониной – заведующей Бюро жалоб при ВЦСПС на дискуссии по поводу чистки в Союзе рабочих железных дорог. 1938 г. {374} Разбросанность, безответственность и такая расшатанность создали нам такой расшатанный авторитет. Из-за этого у нас и внутренние взаимоотношения плохие. У нас в системе профсоюзов друг друга обидеть крепким словом – это раз плюнуть....Мы расшатаны вне и не закреплены внутри с точки зрения уважения друг к другу и взаимопонимания. Это продукт собственных отношений, которые мы сами по своей вине создали. {375}

Из речи С. О. Котляр – председателя Союза работников госучреждений. 1937 г. Кампания за профсоюзную демократию была с самого начала связана с репрессиями по отношению к бывшим оппортунистам. Выборы в профсоюзах сопровождались широкомасштабными арестами руководителей профсоюзов и ВЦСПС и превратились в жестокую борьбу, породившую поток предательств и открытых обвинений. ВЦСПС, стремясь доказать свою преданность, начал собственные расследования, которые привлекли внимание партии и органов НКВД, что в результате привело к многочисленным арестам. Рабочие и профсоюзные работники быстро обнаружили, что выражения «враг народа» и «вредитель» имеют магическую силу и гарантируют привлечение внимания к самым запущенным проблемам. В такой атмосфере по мере того как люди, обвиняя друг друга, прибегали к этой лексике надежды рабочих на улучшение условий труда и жизни, преодоление коррупции тонули в пучине надвигающегося хаоса. В череде обвинений и арестов преступники отправляли своих жертв в лагеря только для того, чтобы затем самим стать жертвами новых преступников и испытать ту же участь.

Историки долго пытались распутать клубок событий, в которые было втянуто и затем уничтожено такое большое количество людей. Было ли активное участие ВЦСПС и профсоюзов в репрессиях их самостоятельной позицией, или они просто выполняли приказы сверху? Каковы были взаимоотношения между партией, НКВД, ВЦСПС и профсоюзами? Какую роль сыграли персональные обвинения? В этой главе прослеживается осуществление политики террора по отношению к ВЦСПС и в профсоюзах. Начиная с первой целенаправленной чистки оппозиционеров до всеобщих взаимных обвинений, представлена динамика организационного развития профсоюзов и поведение людей, которое способствовало распространению репрессий в профсоюзном движении.

Первые аресты

Первые аресты в профсоюзах были связаны с нападками на бывших левых оппозиционеров и августовским процессом «объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Профсоюзные руководители, когда-то бывшие активными оппозиционерами, были исключены из партии и арестованы. В Ростове трое членов руководства Союза почтовых работников: Кукуевский, Иванов и Бабуркин были разоблачены как троцкисты, исключены из партии и уволены со своих профсоюзных должностей. Расследование дела Кукуевского затронуло руководителей, рекомендовавших его в партию и назначивших его на должность в профсоюзе. Эти аресты позволили раскрыть «гнездо троцкистов», в которое входили директор Центрального телеграфа Ростова и члены Азово-Черноморского областного комитета партии. Секретарь Союза почтовых работников заменил Кукуевского другим руководителем – Пивановым, которого также быстро «разоблачили» как троцкиста. {376} Впоследствии такая схема «разоблачений» и арестов повторялась по всей стране многократно. Кукуевский сыграл роль ступицы в колесе со спицами. При приеме кандидата в члены партии должен был рекомендовать член партии – благодаря этой практике каждый член партии должен был быть обязанным по крайней мере одному наставнику. Аналогичным образом кооптация означала, что многие назначаемые руководители были связаны узами «семейственности» с каким-либо покровителем, занимавшим видную должность. Соответственно, любое расследование неизбежно выводило на многочисленные «спицы» – покровителей, становившихся следующими жертвами. Например, председатель Союза рабочих консервных заводов в Ростове попал в незавидное положение за то, что выдвигал в члены партии кандидатуру профсоюзного работника, который впоследствии был разоблачен как троцкист. В газете «Труд» – главном печатном органе профсоюзов Центральный комитет профсоюза был всенародно предупрежден о том, что рекомендация или выдвижение лица, которое впоследствии может оказаться троцкистом будет истолковано как «преступное» действие. Таким образом, в категорию «врагов» немедленно попали сотни, если не тысячи членов партии, которые написали рекомендации или способствовали чьему-то продвижению. {377}

Первая большая волна арестов накрыла профсоюзы осенью 1936 года.

Секретариат ВЦСПС регулярно проводил заседания, на которых рассматривались просьбы руководителей профсоюзов и утверждались решения ЦК профсоюзов по сотрудникам. В течение лета они занимались скучной однообразной работой: рассмотрением заявлений профсоюзных руководителей о выдаче больничных листов, средств и путевок в дома отдыха для поправки здоровья жен. В октябре рутинная работа оказалась убийственной. Секретариат начал одобрение и оформление увольнений исключенных из партии профсоюзных руководителей. В. А. Дорохов – председатель ЦК Союза рабочих леса и сплава Центральных и Южных районов был исключен из партии за участие в троцкистской оппозиции в 1923 году. В обвинении говорилось, что в течение тринадцати лет он скрывал свою активность в оппозиционной деятельности, но сейчас «разоблачен». По решению пленума ЦК Союза рабочих леса и сплава Центральных и Южных районов он был выведен из состава пленума и президиума ЦК Союза. Секретариат ВЦСПС одобрил это увольнение. В ноябре и декабре секретариат подтвердил увольнения еще нескольких профсоюзных работников, также исключенных из партии за принадлежность к троцкистам. Среди них были руководители ЦК Союза рабочих нефтеперегонной промышленности Восточных районов, ЦК союза рабочих металлических изделий, ЦК Союза рабочих каменноугольной промышленности Востока. {378} За троцкизм были арестованы председатель ЦК Союза рабочих коксохимической промышленности Гильбург и Жариков – помощник первого секретаря ВЦСПС Шверника, помогавшие партии в проверке ВЦСПС в 1935 году. {379}

В ВЦСПС шли аресты и бывших правых. К декабрю 1936 года органы НКВД обвинили Бухарина и Рыкова в убийстве Кирова и участии в троцкистских «заговорах» с целью убийства других государственных руководителей. Эти обвинения сигнализировали об открытии сезона охоты на их бывших сторонников. Внутри ВЦСПС органы НКВД сосредоточили внимание на Бюро социального страхования, отделе охраны труда и институтах охраны труда. Все эти структурные подразделения когда-то входили в состав Народного комиссариата труда. НКВД арестовал Котова – руководителя Бюро социального страхования и обвинил его в растрате миллионов рублей вместе с руководителем отдела охраны труда Цыбальским, а также многих других работников этой организации. {380} Как бывшие «правые», так и «левые» обвинялись в проблемах, беспокоивших рабочих: высокий уровень несчастных случаев и незаконное расходование компенсационных фондов рабочих. Однако на этой стадии топор репрессий обрушивался на головы весьма избирательно.

Падение Полонского

Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 года положил начало масштабным нападкам на профсоюзы и ВЦСПС. Некоторые руководители партии на пленуме критиковали друг друга за создание на местах «княжеств» и «семейственность». Смысл и цель этих критических замечаний были непонятны. Например, председатель комиссии партийного контроля Я. А. Яковлев критиковал первого секретаря Московского комитета партии и Московского областного комитета ВКП(б) Н. С. Хрущева. Было это личной мстью или его действия были санкционированы на высшем уровне? Или они являлись единственным видимым признаком ожесточенной закулисной борьбы? Один из наиболее драматичных эпизодов связан с бывшим секретарем ВЦСПС В. И. Полонским, курировавшим отделы физической культуры и охраны труда. Полонский начал открыто нападать на председателя ВЦСПС Н. М. Шверника. Оба являлись верными сторонниками Сталина, активно участвовали в чистке правых и отставке Томского. Вежливым их дискуссии никак нельзя назвать: для взаимных обвинений оба использовали одну и ту же фразеологию. Словесный поединок между ними стал предвестником распрей и диких обвинений, которые вскоре охватили ВЦСПС и профсоюзы.

Полонский имел богатое революционное прошлое и опыт активной профсоюзной деятельности. Он вступил в партию большевиков в 1912 году и работал в ЦК Союза металлистов. После революции он помогал организовать профсоюз горнорабочих и стал председателем Южного Бюро ВЦСПС. С 1920 года он был председателем Нижегородского губернского Совета профсоюзов, в 1925 перешел на работу в Москву и стал членом бюро МК ВКП(б), затем в течение двух лет избирался кандидатом в члены ЦК ВКП(б). В 1930 году он недолгое время являлся секретарем ВЦСПС; в 1933 он стал заведующим оргбюро ЦК и заместителем комиссара путей сообщения (НКПС), а в 1935-м снова стал секретарем ВЦСПС. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) Полонский находился уже «под колпаком» и прекратил работать после серьезного, но не очень понятного конфликта со Шверником из-за организационных вопросов.

На пленуме Полонский остро критиковал Шверника и других руководителей ВЦСПС. Остроумный оратор, он с самого начала имел поддержку среди членов пленума. Вызывая смех и колкие замечания аудитории, он начал с нападок на ВЦСПС, его руководителей и даже здания, в котором они работали. Полонский назвал профсоюзы «провинциальным захолустьем», обвинил их в «политической затхлости». Руководители профсоюзов, заявил он, «давным-давно засиделись, ко всему привыкли, притерпелись, даже к дворцу труда – средневековому зданию с его темными коридорами, где люди бродят, как мрачные тени, даже в этом дворце люди находят большое удовольствие годами сидеть». Я. В. Гамарник – начальник Политуправления РККА и первый заместитель наркома по военным и морским делам возразил, вызвав смех делегатов: «Здание очень хорошее». Полонский отметил, что более двух лет ни один из руководителей партии ни разу не посетил правление ВЦСПС. Среди всеобщего смеха он подчеркнуто медленно произнес: «По деловой подготовке, по элементарному порядку по культуре элементарной – у нас имеется ряд колхозов, где дело обстоит не только не хуже, а может быть, даже и лучше».^{381} Сравнение с положением в колхозах действительно было серьезным оскорблением.

Полонский обвинил Шверника в том, что тот разрешил правым остаться в рядах профсоюзов, в частности, М. П. Томскому, который подвергся «чистке» в 1929 году, но до сих пор руководит «в рыхлом и громоздком аппарате ВЦСПС, многих ЦК Союза и местных профорганизациях» с целью «сохранить своих явных и скрытых приверженцев». Сохраняя свои «тред-юнионистские привычки» профсоюзы продолжают настраивать рабочих против государства. Полонский заявил, что Томский уничтожил картотеку персонала ВЦСПС, в результате чего оказалось невозможным проследить его связи с другими профработниками. Адресуя свой прозрачный намек органам НКВД, он напомнил о списке из 93 лиц, проголосовавших против решения Сталина назначить своего сторонника Л. М. Кагановича в президиум ВЦСПС в 1929 году. Имелось в виду, что среди подписантов – если их проверить – можно обнаружить затаившихся в рядах ВЦСПС правых. Он отметил, что В. В. Шмидт – «ближайший сподвижник Томского» и Н. А. Угланов контролировали слияние Народного комиссариата труда и ВЦСПС. В результате «не профсоюзы подчинили себе Наркомтруд, а получилось, пожалуй, наоборот. Наркомтруд взял их в плен». Кто-то, стоявший в дверях, ехидно выкрикнул: «И тебя в том числе?» Полонский проигнорировал насмешку и продолжал свои нападки. Вся группа правых оставалась в профсоюзах и занимала руководящие посты. Заведующий отделом охраны труда ВЦСПС Цыбальский был вскоре арестован вместе со многими другими.^{382}

Эти обвинения привели Шверника в ярость, который молча кипел от злости во время выступления Полонского. Наконец, он взорвался: «А ты только на охоту ездешь и ни черта не делаешь. Ты хоть об этом расскажи в порядке самокритики». «Не беспокойтесь, тов. Шверник, – ответил Полонский под продолжительный смех зала, – ни вас, ни меня никогда не обвиняли в семейственности». Полонский продолжил речь. Руководящие работники ВЦСПС и профсоюзов были оторваны от рабочих, «погрузились в текучку и плывут в бумажно-бюрократическом потоке». Они «потеряли вкус к широкой массовой политической работе, забыв о всякой выборности и отчетности перед массами». Полонский предсказывал, что в случае тайного голосования многие профсоюзные руководители лишатся своих постов. Чем больше оскорбительных выпадов звучало со стороны Полонского, тем холоднее становилась аудитория. Было ясно, что у Шверника среди делегатов много сторонников. Наконец, Молотов прервал поток обвинений: «Вы нам скажите, в чем заключались Ваши личные попытки улучшить дело». Не обращая внимания на Молотова, Полонский продолжал: «Массобоязнь стала хронической болезнью многих профсоюзников. Не удивительно, что многие руководители ВЦСПС и ЦК профсоюзов среди широких масс не имеют уважения... Вы возьмите Шверника и Вейнберга – они, как близнецы, ходят по всем представительствам, заседают, или потому, что они неразлучные, или потому, что они друг другу не доверяют». Делегаты пленума снова рассмеялись, но после вмешательства Молотова стало как-то неуютно. Шверник в ярости выкрикнул: «Почему ты два года жалованье получаешь и ничего не делаешь?» Полонский не обратил внимания на эту реплику и вернулся к своему списку нарушений в деятельности ВЦСПС: «нет элементарного порядка в тех вопросах, которые разбираются. Решения по этим вопросам неизменно запаздывают, и в общей каше не дают никакого результата, зачастую будучи политически выхолощенными, и даже дезориентируют местные организации. Вот, допустим, в январе месяце 145 вопросов рассмотрено на всех этих заседаниях...» Каганович прервал его речь: «А Вы были на этих заседаниях?» «Вы меня извините, Лазарь Моисеевич, – ответил Полонский Кагановичу, – но у меня есть порядок, и я по порядку буду говорить». Кто-то из зала выкрикнул: «Ты заранее знал, что тебе зададут этот вопрос». Вейнберг снова прервал

Полонского: «Почему ты два года получаешь жалование и ничего не делаешь?» Усмехаясь, Полонский ответил Вейнбергу: «Вы не волнуйтесь, у нас с вами семейственности никакой быть не может». {383}

Полонский начал свою речь оживленно, остроумно нападая на руководство ВЦСПС. В его речи часто звучали оскорбительные нотки. Вначале это развеселило зал. Но у Шверника, давнишнего сторонника Сталина, были свои собственные защитники в Политбюро. Молотов, Каганович и Вейнберг – все решительно возражали против обвинений, выдвинутых Полонским. Однако тот настаивал, напомнив о растратах средств социального страхования на Украине. Шверник раздраженно выкрикнул: «Это мы – ВЦСПС вместе с ЦК КП(б)У вскрыли эту растрату». Полонский насмешливо раскритиковал ВЦСПС. «Вот, – сказал он, – это постановление ВЦСПС, о чем он говорит? Если его прочитать – это действительно курам на смех». Согласно постановлению, ВЦСПС должен был проводить ежегодную ревизию документов. «Даже это чепуховское, несерьезное постановление, оно совершенно дискредитируется. Чем? Сама-то ревизионная комиссия ВЦСПС пять лет ни разу не собиралась, никаких касс не ревизировала ничего не делала». Вейнберг снова решительно прервал его в попытке положить конец обвинениям: «Что ты за два года сделал в ВЦСПС?». Другой голос из аудитории выкрикнул: «О себе скажите. Говорят, вы много телеграмм рассылаете». Андреев, председательствующий на собрании, резко произнес: «Ответы на вопросы дайте и кончайте». {384}

Полонский попытался начать снова: «В ряде профорганизаций, в первую очередь в ВЦСПС прочное гнездо свила себе круговая порука, семейственность, самый низкопробный подхалимаж...» Другой голос прокричал: «Назовите!» Полонский с готовностью назвал Богоявленского – секретаря парторганизации ВЦСПС, помощника Шверника. Акулинушкин громко выкрикнул: «[Он] хороший работник». «Я думаю, что никуда негодный работник, – резко возразил Полонский. – И вы зря его держите на партийной работе, товарищ Акулинушкин». Полонский назвал Жарикова – другого помощника секретаря ВЦСПС. «При проверке партдокументов Шверник спасал этого Жарикова, а он теперь разоблачен как троцкист и арестован». Помощник секретаря ВЦСПС Аболин – тоже троцкист и арестован. Целый ряд бундовцев и меньшевиков сидел в научно-исследовательском институте ВЦСПС. В ряде секций при ВЦСПС «имелись и до сих пор еще имеются контрреволюционные элементы, которые используют свое положение для контрреволюционной работы». Он обрушился с резкой критикой на аппарат ВЦСПС. Расходы на содержание сотрудников составляли 3 млн. 336 тыс. рублей, которые только на 40% покрывались за счет членских взносов. «И этот платный аппарат будет обеспечивать демократию и внимание к члену профсоюза? Конечно, нет». Наконец, Полонский перешел к своей собственной деятельности. Он заявил, что был направлен на работу в ВЦСПС против воли Шверника и вопреки своему желанию. Когда он начал обсуждать свою собственную работу, сторонники Шверника стали перебивать Полонского и обличать его самого. Они этого ждали довольно долго. {385}

Народный комиссар обороны и член Политбюро ЦК ВКП(б) К. Е. Ворошилов, протянул Полонскому кипу бумаг: «Вот, – приказал он, – Вы прочитайте несколько телеграмм». Сталин тихо сказал: «Очень интересное дело». Кто-то выкрикнул: «Читай, читай!». Полонский медленно стал читать верхнюю строчку первой телеграммы: «Моторный завод им. Молотова...» Тот же голос настойчиво повторил: «Читай! Читай дальше!» Подписано секретарем ВЦСПС Полонским. «Читай подпись!» – закричали снова. «Подпись – Полонский», – повторил Полонский. «Я много рассылал таких телеграмм», – насмешливо сказал он. «Читай дальше», – прокричали из зала. Полонский медленно зачитал короткое приветствие. «А что тут плохого? – озадаченно спросил он. – Я рассылал такие телеграммы товарищам, с которыми я лично был связан <...> – только рабочим, ничего от них не требовал». Сталин вступился за него: «А при чем тут секретарь ВЦСПС, раз это личное дело?» Ворошилов быстро добавил: «Сколько денег потратили на эти телеграммы?» Кто-то еще закричал: «Сколько подарков раздавал за счет ВЦСПС?» Полонский, теперь уже запинаясь, старался защитить себя: посылал телеграммы за свой собственный счет; дарил книги рабочим, которые приходили в ВЦСПС. Но его первоначальная живость стала быстро пропадать. Ворошилов подвел итог короткой фразой: «Это исключительно семейные телеграммы, – произнес он с презрением. Это говорило о том, что Полонский использовал государственные средства для развития своего собственного круга верноподданных, чтобы свить свое собственное «гнездо». {386}

Молотов попал точно в цель своим последним вопросом, прозвучавшим словно удар молота: «Товарищ Полонский, правда ли, что вы уже шесть месяцев не

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org

ходите на работу в ВЦСПС?» Шверник повернулся к Молотову и с неприязнью сказал: «Не ходит шесть месяцев на работу. Не подчиняется никакой дисциплине, и просишь, чтобы тебя освободили». Полонский сломался. Его остроумие и развязность исчезли: «Не могу я, товарищи. Добиваюсь того, чтобы меня освободили, чтобы меня сняли, потому что работать так совершенно бесполезно». Л. П. Берия сурово заявил: «Все же решением ЦК вы не освобождены от этой работы». «Не могу быть формальным человеком, – закричал Полонский, – хочу работать по-настоящему, а этой возможности для меня там нет. Я кончаю». Гамарник и Берия добавили: «Но пока не снят, надо работать». Однако последнее слово принадлежало Сталину. Неизменно умерявший пыл аудитории, он с сочувствием добавил: «Мы его не можем считать недисциплинированным человеком, очевидно, нам очень трудно работать».{387}

Вскоре после этого Полонского перевели на другую должность заместителя Народного комиссара связи.

Ни у Шверника, ни у Полонского не было очевидных политических разногласий, которые могли бы оправдать столь глубокую взаимную враждебность. Оба были верными сторонниками Сталина, оба высмеивали бывших оппозиционеров и никогда не колебались, предъявляя обвинения другим и друг другу. Шверник ожидал, что Полонский будет критиковать его и на пленуме, и подготовил своих сторонников. Используя кипу глупых телеграмм, стоивших не более одного рубля за штуку, он обвинил Полонского в смертном грехе – поощрении «семейственности». Полонский пытался уничтожить Шверника, ставя под сомнение его руководство с политической точки зрения и связывая его с правыми, которые уже были арестованы. Их тяга к взаимным политическим обвинениям стала предвестником истерии, которая вскоре охватила профсоюзы.

Вскоре после пленума ВЦСПС начал проверку отдела охраны труда, который был до этого под началом Полонского, а также девяти институтов, занимавшихся проблемами охраны труда в Москве, Ленинграде и других городах. Эти институты были созданы в начале 1920-х годов при Народном комиссариате труда с целью сокращения количества несчастных случаев на производстве и снижения уровня профессиональных заболеваний. В июле 1937 года проверяющие инспекторы ВЦСПС доложили, что институты наводнены бывшими оппозиционерами и шпионами. Органы НКВД уже арестовали Шмерлинга – директора Ленинградского НИИ, Красновского – директора Московского института, его помощника и группу работников механической мастерской. Проверяющие из ВЦСПС отметили, что по крайней мере десять работников Московского института недавно были арестованы, а сорок три человека получили высшее образование за границей и сохранили там свои связи. Инспекторы язвительно отзывались о работе института, так же как и о его сотрудниках. В четырех исследовательских отделах института: в отделе защитных приспособлений, в отделе техники безопасности, в акустической лаборатории и в санитарно-гигиеническом отделе было выполнено большое количество разработок по индивидуальным средствам защиты, но ни одна из них не была принята заводами. Промышленность игнорировала разработанные институтом стандарты по очистке воздуха и вентиляции. Проводившие проверку работники ВЦСПС требовали «очистить Московский институт от политических ненадежных и чуждых элементов и выдвинуть молодых советских специалистов на ответственную работу».{388}

По результатам проверки осенью 1937 года ВЦСПС уволил директоров институтов в Казани, Харькове и Минске и приказал очистить все институты от «чуждых элементов, врагов народа, шпионов и предателей родины». Сразу же там были обнаружены пятьдесят три генеральских сына, бывших представителей аристократии, офицеров, владельцев заводов и священнослужителей, семнадцать сотрудников, у которых были арестованы родственники, и еще пятьдесят семь человек, поддерживавших переписку с родственниками или коллегами за границей. Все эти люди были немедленно уволены, и органы НКВД, по всей вероятности, начали следствие в отношении их.{389} Полонский, курировавший эти институты, также попал под подозрение. Той же осенью он был арестован и расстрелян 30 октября 1937 года, ему было 44 года.{390}

Падение Полонского, так же как и других высокопоставленных функционеров, повлекло за собой следующие отставки и репрессии. М. Г. Лагодинский и Е. Е. Павлова председатели ЦК Союзов потребкооперации Кавказа и Центральных районов соответственно, потеряли работу только из-за того, что они, якобы, не сообщили о своих встречах с Полонским.{391} Д. Н. Мещеряков – председатель ЦК Союза шоферов Москвы и Ленинграда был также освобожден от своих обязанностей. Он работал под руководством Полонского в Народном комиссариате путей сообщения (НКПС). Полонский при переходе на работу в ВЦСПС перетянул Мещерякова в ВЦСПС, а затем выдвинул его на пост

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
председателя ЦК Союза шоферов Москвы и Ленинграда. Когда Полонский оставил работу в ВЦСПС и перешел в Народный комиссариат связи, он предложил Мещерякову новую должность начальника отдела кадров. Оба еще только обсуждали это назначение, когда Полонского арестовали.^{392} Мещеряков, получивший свою должность в результате кооптации, являлся членом «клана» Полонского. Он пострадал так же, как и его начальник. Круг потенциальных жертв расширился.

Террор в органах власти: репрессии против профсоюзов парработников и государственных служащих

Работники ЦК Союза политпросвещения и ЦК Союза госучреждений были политически восприимчивыми людьми, равно как и сильно уязвимыми для репрессий, поскольку их членами были представители партии и органов власти. Чистка в этих профсоюзах выявила сложные взаимоотношения между ВЦСПС, ВКП(б) и НКВД, их роль в развязывании террора. Репрессии начались не по приказу Сталина или Ежова, а скорее из-за сложности взаимодействия организационных структур в партии (на разных уровнях), в органах НКВД, ЦК профсоюзов и ВЦСПС. В обоих вышеназванных профсоюзах проверяющие органы ВЦСПС инициировали цепь событий, повлекших аресты. Если бы ВЦСПС не проявил такого усердия в демонстрации своей «бдительности», уничтожение работников профсоюзов могло бы не достигнуть таких масштабов.

ЦК профсоюза работников политпросвещения был одним из первых, повергшихся нападкам. ВЦСПС возглавил расследование, приведшее к тому, что партия провела свою собственную проверку, после которой был в свою очередь задействован НКВД. В конечном итоге секретари ВЦСПС были запуганы событиями, которым они сами дали ход. Очень скоро ситуация выглядела так, словно они должны были нести ответственность за «врагов», которых после проверки арестовали органы НКВД. В июне 1937 года ВЦСПС начал свое расследование по делам профсоюзных руководителей – в связи с назначением на должности по знакомству и незаконной тратой средств на отпуска и дома отдыха. Члены профсоюза, постановившие провести свой съезд тем летом, уже выбрали сорок девять делегатов, когда между их руководителями произошел раскол из-за жестокой борьбы за состав Центральных Комитетов профсоюзов. К. И. Николаева – одна из пяти секретарей ВЦСПС с неохотой согласилась быть арбитром в этом споре. Николаева была дочерью прачки и неквалифицированного рабочего. Она помогла организовать первый государственный съезд женщин в 1918 году и возглавляла женотдел вплоть до его упразднения в 1930 году.^{393} Николаева предложила, чтобы руководство оставалось в прежнем составе до начала съезда, на котором делегаты решат вопрос путем голосования. Однако за это разумное решение Николаеву вскоре привлекли к уголовной ответственности.

После месяца взаимных обвинений в руководстве ЦК профсоюзов в это дело вмешалась Комиссия партийного контроля и начала свою собственную проверку. Органы НКВД также вступили в драку, минуя Комиссию партийного контроля и ВЦСПС, и арестовали некоторых профсоюзных руководителей. Ефремов – один из оставшихся на свободе членов ЦК посодействовал, чтобы в состав руководства вошел Н. Колотиллов, который в свою очередь, привел за собой несколько своих знакомых. Ефремова арестовали, и его товарищ Колотиллов также последовал в тюрьму. Колотиллов работал секретарем партии Ивановского областного комитета во время крупных забастовок текстильщиков в апреле 1932 года. В августе он признался, что организовал эти забастовки по приказу Томского, бывшего председателя ВЦСПС. Конечно же, обвинения были абсурдными. Каждый рабочий в Иваново знал, что Колотиллов пытался подавить, а не поддержать забастовки. Несмотря на то, что его действия против забастовщиков не были особенно энергичными и решительными, конечно же, он не проявлял к ним никакого сочувствия.^{394}, [51]

ВЦСПС попал в страшную переделку. Николаева советовала не менять руководство до съезда, но органы НКВД арестовали большинство руководителей как «врагов народа». Теперь она должна была объяснить, почему «защищала» их. Кроме того, в своем отчете Комиссия партийного контроля обвинила все руководство в принадлежности к «клану Шумского». Их критиковали за то, что они не избирали, а назначали руководящих работников, которые не проводили собраний, покрывали друг друга, расходовали государственные средства и морально разлагались. ЦК профсоюза развалился по принципу домино: арест Ефремова ускорил арест его выдвигенца – Колотилова, в результате чего последовали аресты приближенных самого Колотилова. Николаева была следующей в очереди. Когда Я. А. Яковлев – заместитель председателя Комиссии

партийного контроля послал Швернику копию результатов проверки, Николаева запаниковала – ведь аресты уже зачищали ряды ВЦСПС. Она написала срочное сообщение другим секретарям ВЦСПС: «...Защищать это руководство у меня не было никакого желания. <...> Мной <...> было доложено <...> о необходимости смены руководства». Она отреклась от собственного предложения: «Эти слова не мои». С. Л. Брегман – секретарь ВЦСПС быстро ответил: «Считаю необходимым ускорить решение вопроса о снятии нынешнего руководства до съезда». Размашистым почерком поперек собственной записки он написал: «Тов. Шверник, надо нам срочно обсудить». {395} Каждый понимал, что придется отвечать и за методы управления, и за разногласия.

Реакция секретариата ВЦСПС на аресты профсоюзных руководителей показала, что даже простейшее организационное решение могло привести к ужасным последствиям. ВЦСПС стремился продемонстрировать НКВД свою бдительность, поскольку каждый новый арест принуждал его руководителей давать объяснения, почему им не удалось разоблачить предполагаемых врагов. Не-разоблачение быстро становилось преступлением. Из-за невозможности определить, кто станет следующей жертвой, руководителей ВЦСПС постоянно застигали врасплох. Кроме того, они понимали, что никак не защищены от арестов. Секретари, боявшиеся, что их обвинят в «защите врага», торопливо стремились себя выгородить. Их попытки быть на шаг впереди НКВД – типичное поведение руководителей каждого учреждения – способствовали раскручиванию маховика репрессий. В этом заключалось своеобразное сочетание защиты и риска, обусловленное спецификой положения, в которое попало руководство: один обладал властью обвинять других, но, в то же время сам мог легко оказаться обвиненных. Секретариат, стоявший во главе огромной организации, не только провоцировал аресты, но страшно боялся оказаться среди арестованных. Таким образом, секретари ВЦСПС являлись как преступниками, так и потенциальными жертвами; они работали сверхурочно, чтобы дать разрешение на аресты, инициированные НКВД, начинали проверки, которые приводили к новым арестам, и в то же время дрожали от страха, когда исчезала новая жертва. Очень немногие профсоюзные руководители были в состоянии противостоять такому сильному психологическому давлению. Многие просто пытались защитить себя за счет своих коллег. Поступая так, они причиняли смертельный вред другим.

Обвинение, которое почти уничтожило Николаеву, «защищавшую врагов», уничтожило С. О. Котляра – председателя Союза работников госучреждений, в состав которого входило 500 тыс. работников советов и СНК. Котляр был одним из немногих руководителей, которые пытались остановить распространение репрессий и защитить своих работников. Его профсоюз был особенно уязвимым, так как был тесно связан с организациями, которые подвергались тщательной проверке, включая Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству), Советы и Высшие курсы советских строителей при ВЦИК. Котляр, будучи членом президиума Осоавиахима, поддерживал тесные связи с целым рядом недавно арестованных. Например, в 1936 году Котляр пригласил А. С. Киселева – секретаря Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и наиболее выдающегося члена профсоюза выступить с программной речью на пленуме профсоюза. Не прошло и года, как Киселев был арестован. Котляр по просьбе Р. П. Эйдемана, представителя Осоавиахима, выделил средства на строительство дома отдыха для работников этой организации. Эйдеман был арестован как шпион и расстрелян в июне 1937 года. [52] Котляр был тесно связан с Игнатовым и Шляпниковой – руководителями Высших курсов советского строительства при ВЦИК. Игнатов и Шляпникова были арестованы и обвинены в том, что «организовали на курсах целое гнездо троцкистов». Наконец, Котляр имел связи с Гильбургом – бывшим председателем ЦК коксохимической промышленности. Брат Гильбурга – Райтачак в 1937 году был арестован во время второго Московского судебного процесса над «параллельным троцкистским центром». Котляр помог Гильбургу – после расстрела его брата – сохранить свой пост председателя обкома, но через некоторое время Гильбург также был арестован. {396}

Котляр пытался спасти руководителей своего профсоюза, призывая их защищать друг друга. Он быстро понял, что продиктованное страхом стремление спасти себя, демонстрируя «преданность», обвиняя других, только способствует усилению репрессий. Он старался защитить и руководство своего профсоюза. На VI пленуме ВЦСПС в апреле 1937 года он предпринимал осторожные попытки сдержать кампанию по критике и самокритике, заявлял, что она порочит репутацию руководителей в глазах членов профсоюзов. Быстро уловив связь между кампанией за демократию и арестами, он пытался умерить неистовство взаимных обвинений и оскорблений. Шверник решительно противостоял его усилиям, но Котляра это не остановило. Позже, в том же месяце он снова

выступил на конференции Московского областного комитета профсоюза. Однако совершил серьезную ошибку, похвалив главу Ленинградского обкома профсоюза Никитина. Тем летом было арестовано почти все руководство Ленинградского обкома профсоюза. Котляр публично защищал Никитина в попытке не допустить его ареста. Однако через нескольких недель тот также попал в тюрьму. {397} Котляр пытался сдерживать рабочих, которые угрожали руководящим работникам, выдвигая против них открытые обвинения. Аресты на Высших курсах советского строительства начались с обвинения руководителя профсоюзного комитета курсов – пожилой ткачихи, которая требовала уволить директора школы Игнатова. Котляр немедленно вступился за Игнатова, предложил Логиновой оставить курсы и перейти на другую работу. Она отказалась, а Котляра обвинили в «попытке помочь врагу народа избавиться от своих разоблачителей». {398}

В конечном счете, руководители Московского областного комитета профсоюза, стремясь сохранить свою репутацию, сделали из Котляра козла отпущения. Отбиваясь от града нападков за допущение «врагов» в профсоюзах, они обвинили Котляра в том, что он позволил «врагам» процветать в Ленинграде. В сентябре Московское областное руководство провело конференцию, которая окончательно погубила Котляра. Поняв, что его будущее поставлено на карту, Котляр произнес осторожную речь, пронизанную лозунгами о профсоюзной демократии. Он извинился за то, что не обнаружил врагов в Ленинградском руководстве и за то, что защищал Никитина. «Нам не удалось разоблачить его, – смиренно произнес он, – это моя вина». И все же Котляр не стал открыто осуждать других или обвинять в профсоюзных проблемах «врагов». Скорее он осудил недостаточное внимание профсоюза к вопросам охраны тайны в госучреждениях, отмечая, что члены профсоюза в госучреждениях небрежно хранили секретные документы – в коробках вместе со своими завтраками, одеждой и личными письмами, документы были разбросаны по помещениям. «В ряде организаций было обнаружено, что люди выносили телефоны, портфели, ряд секретнейших материалов, и никто на это не реагировал, считали это обычным делом». {399}

Московские руководители профсоюза не были заинтересованы в наведении порядка в хранении документов в учреждениях. Они жаждали крови. Извинения и предложения Котляра мало значили. Председатель Московского областного комитета профсоюза Марголин первым пошел в атаку. Он обвинил Котляра в том, что тот допустил грубейшую политическую ошибку, пытаясь защищать «врагов народа» в Ленинградской организации. Он критиковал Котляра за то, что тот, сосредоточив внимание на халатности, «проглядел обер-шпиона Эйдемана» в Осоавиахиме. «Я считаю, что конференция сама должна сделать для себя из этого практические выводы», – заявил он. {400} После окончания четырехдневной конференции делегаты осудили Котляра за «восхваление Ленинградского обкома профсоюза», в котором работали враги народа, и приняли решение «довести до сведения ВЦСПС об этом выступлении Котляра». {401} Вскоре Шверник получил текст речи с просьбой Марголина «принять соответствующие меры». {402}

Через два дня после окончания конференции Котляр обратился с настоятельной просьбой положить конец обвинениям, которые способствовали распространению террора в профсоюзе. Теперь уже он сражался за свою жизнь. На конференции Московского областного комитета он упрашивал своих товарищей по работе образумиться, прекратить обвинения и осуждения. Он сказал: «Безответственность и разбрасывание обвинений подорвало авторитет среди нас. В результате у нас плохие отношения. В профсоюзе мы обвиняли друг друга крепкими словами и продолжаем плевать друг на друга. Сейчас в каждом учреждении проходят дискуссии, в которых люди обвиняются по каждому вопросу. Там говорят: “Вы формалист, у вас формальный подход”. А у нас нет других слов, кроме “оппортунист”, “тред-юнионист”, “антигосударственный поступок”. Почему?» Осторожно, пытаясь не ставить по сомнению целесообразность охоты на «врагов» или кампании за профсоюзную демократию, он просил пленум прекратить бросаться обвинениями и тем самым подвергать друг друга опасности ареста. «Мы расшатаны все и не закреплены с точки зрения уважения друг к другу и взаимопонимания. Это продукт собственных отношений, которые мы сами по своей вине создали». {403} Котляр понимал, что своими страхами его товарищи подогревают террор. Но его обращение не нашло отклика. Стенограмма его речи была также направлена в ВЦСПС как доказательство его симпатии к «врагам».

В конце сентября председатель Московского областного комитета профсоюзов Марголин и еще один член профсоюзного комитета направили заявление в ВЦСПС, в котором злобно описывали все ошибки, допущенные Котляром. Констатируя,

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org что «его выступление как политически вредное, не является случайной ошибкой», они требовали «серьезной проверки» Центрального Комитета и особенно Котляра. Используя для формулировки своих обвинений фразеологию кампании за профсоюзную демократию, они обвиняли и руководство профсоюза в том, что в аппарате ЦК Союза «царит подхалимство и круговая порука». {404} ВЦСПС проигнорировал это послание, рискуя быть обвиненным в «защите врага». В течение недели руководство ВЦСПС приняло решение снять Котляра. с поста председателя ЦК Союза. Вскоре после этого он был арестован. {405}

Котляр был выведен из строя не по приказу Сталина, НКВД или партии, а руководителями своего профсоюза. Охваченные страхом, члены Московского областного комитета и председательница местного профсоюзного комитета активно добивались его увольнения и ареста. Они писали в ВЦСПС, настаивали на проверке, направили «доказательства преступлений» Котляра и многократно подчеркивали его связи с людьми, которых уже арестовали. Иными словами, эти люди стремились продемонстрировать свою безусловную преданность, усердно стараясь найти кого-нибудь еще, чтобы уничтожить.

Котляр пытался не дать хода критике снизу, поскольку понимал, что это может привести к дальнейшим арестам. Он осознал быстрее других, что каждый арестованный отбрасывает смертельно опасную тень на свой круг друзей, коллег и знакомых, и которые в свою очередь становились подозреваемыми, если арестованный отказывался «разоблачить» их как «врагов». Отказ распознать и изобличить «врага» до ареста становился основанием для подозрений. Коллеги, друзья и родственники жертвы были поставлены перед выбором: скрыть свои связи с жертвой или сообщить о взаимоотношениях. Те, кто хранили молчание, подлежали исключению из партии, увольнению и аресту за «сокрытие вражеских связей». Те, кто сообщали о своих связях с жертвой, подлежали проверке, расследованию и дальнейшему обвинению. Это был зловещий выбор, и ни члены партии, ни кто-либо другой не боролись с этим.

Некоторые, как Котляр, сохранившие подобие чести, пытались договориться между собой, чтобы не попасть в западню. Стратегия Котляра в профсоюзе заключалась в стимулировании «круговой поруки». Он хотел убедить своих коллег, что, если они будут держаться вместе и прекратят бросаться обвинениями во вредительстве, то ограничат распространение репрессий. Однако Центральный Комитет партии и ВЦСПС уже развязали кампанию за демократию с целью искоренения «круговой поруки», которую пытался поддерживать Котляр. В своей попытке добиться человеческой порядочности он стал отличной мишенью в этой кампании: руководитель среднего уровня, пытавшийся защитить свое окружение и подавить критику снизу.

Обезглавливание профсоюзов

В течение 1937 года террор затронул верхний эшелон профсоюзов. Приказы на аресты не всегда исходили от партийных руководителей. В большинстве случаев аресты были результатом сложного взаимодействия между профсоюзом, местным и областным партийными комитетами, ВЦСПС и НКВД. В ряде профсоюзов местные парткомы возглавили репрессии, увольняя профсоюзных деятелей, которые были связаны с областными партийными руководителями, подвергшимися чистке. Профсоюз и партия лишились своих руководителей во многих регионах. Исключение из партии привлекало внимание НКВД, что, в свою очередь, вело к аресту. В иных случаях органы НКВД арестовывали нескольких высокопоставленных руководителей, за этим следовало исключение из партии и снятие с поста в профсоюзе или ВЦСПС. Аресты и исключения из партии давали ВЦСПС основание проводить свои собственные проверки, которые вели к росту числа арестов. А иногда проверки ВЦСПС становились началом смертельной цепочки, привлекая внимание партии и НКВД к профсоюзным руководителям, обвиненным в должностных преступлениях. Не имело значения, какая именно организация запустила процесс. Взаимодействие партии, НКВД, ВЦСПС и профсоюзов неизменно расширяло круг арестованных. Например, председатель ЦК союза рабочих жилищно-коммунального хозяйства В. Н. Кривихин был уволен из ВЦСПС и исключен из партии. В. А. Точин – председатель ЦК Союза рабочих обработки цветных металлов и К. Е. Терентьев – председатель ЦК Союза рабочих фарфоровой промышленности, наоборот, сначала были исключены из партии, а затем сняты с работы. Некоторые руководители были уволены после проверок, в результате которых было обнаружено, что они скрыли свое «социальное происхождение». Было установлено, что К. А. Трушин – председатель президиума ЦК Союза рабочих рыбной промышленности южных районов был сыном кулака. Он давал «контрреволюционные, клеветнические установки против партии, извратив лозунг т. Сталина». Абджаир Цпаев –

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
председатель ЦК Союза рабочих мясомолочных совхозов Казахстана и Средней Азии также потерял работу из-за «скрытия социального происхождения». {406}

Во многих случаях ВЦСПС увольнял тех людей, которые уже были арестованы или расстреляны. Ф. Ф. Кирдянов – председатель ЦК Союза рабочих нефтепромыслов Восточных районов, К. Г. Евдокимов – и. о. председателя ЦК Союза рабочих судостроительной промышленности и А. Н. Рябов – председатель ЦК Союза рабочих строительства тяжелой промышленности Центра и Юга были арестованы и уволены из ВЦСПС. В других случаях ВЦСПС увольнял задним числом людей, которые уже были к тому времени расстреляны органами НКВД, в том числе К. А. Кацарава – председатель ЦК союза работников начальной и средней школы Грузии, Б. Н. Баркан – секретарь ЦК Союза рабочих тракторной промышленности, А. З. Здобнов – председатель ЦК Союза рабочих автомобильной промышленности, В. Г. Саватеев – председатель ЦК союза рабочих лесосплавной промышленности Северных районов, К. К. Стриевский – председатель ЦК Союза рабочих тяжелого машиностроения, М. Г. Шлыков – секретарь ЦК Союза рабочих речного транспорта, Н. А. Басин – председатель ЦК Союза рабочих лесопильной и деревообрабатывающей промышленности Северных районов, Волцит – председатель ЦК Союза рабочих электрослаботочной промышленности и Карклин [53] – председатель ЦК Союза работников хозучреждений. ВЦСПС уволил покойников. {407}

Областные и местные партийные комитеты, а также НКВД внимательно просматривали прошлые протоколы и записи, чтобы найти «врагов» и раскрыть их связи. Людей исключали из партии и снимали с работы из-за речей, которые они когда-то произносили на собраниях, или голосовали за резолюцию Троцкого, за случайную дружбу или связь, давно забытую, покрытую пылью рекомендацию. П. С. Николаев – секретарь ЦК Союза работников электросвязи был уволен со своего поста и исключен из партии за отношения с двумя «врагами народа». Председатель ЦК Союза рабочих молочной промышленности М. М. Питерина была лишена членства в партии и работы за то, что в 1924 году на собрании голосовала за троцкистскую резолюцию. Пять лет назад она развелась с мужем. Ее обвинили в том, что она «скрывала» свои отношения с бывшим супругом, которого недавно расстреляли как «врага народа». В конце августа председатель ЦК Союза работников медико-санитарного труда Грузии М. Н. Мамардашвили был исключен из партии и уволен с работы, потому что оказал помощь «врагу народа». Исполнение его обязанностей было возложено на Акакия Пацулая. Спустя три месяца НКВД арестовал и его. Председатель ЦК Союза работников начальной и средней школы Армении С. А. Макинц была уволена после того, как арестовали ее мужа как «контрреволюционера-националиста». Она пыталась его защитить. Секретариат ВЦСПС написал в поддержку ее увольнения: «Если он таков, значит и она такова». Было принято постановление снять ее с работы. Л. А. Мехоношина – секретарь ЦК Союза работников начальной и средней школы РСФСР была выгнана из партии и уволена с работы после ареста ее брата. Обнаружилось, что когда-то она вела активную деятельность в партии левых эсеров. Ф. Ф. Щербаков – председатель союза рабочих каменноугольной и сланцевой промышленности Центральных районов был уволен за «потерю партийной бдительности». В чем заключалось его преступление? – Он рекомендовал на работу в ЦК Союза угольщиков Центра недавно арестованного троцкиста. Д. Н. Соколов был исключен из партии и снят с поста секретаря ЦК Союза рабочих черной металлургии Юга за то, что дал рекомендацию человеку, которого впоследствии арестовали как «врага народа». М. М. Машкевич был отстранен от должности председателя ЦК Союза рабочих нефтепромыслов Кавказа партгруппой союза «за близкие отношения с ныне разоблаченными врагами народа». Он не довел до сведения парторганизации информацию об аресте своего родственника. ВЦСПС с неодобрением отметил, что он «до последнего дня ареста имел связь с ним». Председатель союза рабочих швейной промышленности Южных районов А. Я. Маргулис была исключена из партии за «скрытие от партии принадлежности ее мужа к рабочей оппозиции после Гражданской войны и за рекомендацию ныне разоблаченного врага народа на должность начальника главного швейного управления». Председатель ЦК союза пожарников был уволен за то, что не сообщил в партийную организацию о том, что жена его брата, проживавшая с ним в одной квартире, была арестована. И. И. Синчук – председатель ЦК Союза рабочих рыбной промышленности Дальнего Востока, М. Н. Стеклов – председатель ЦК Союзов рабочих железных дорог Юга и Соколов П. П. – член президиума ЦК Союза рабочих железных дорог Юга, Ф. И. Фисенко – председатель и Г. А. Раевский – секретарь ЦК Союза рабочих мукомольной промышленности и элеваторов Востока, А. Ф. Купцов – член президиума ЦК Союза железорудной промышленности Востока – все они были исключены из партии и уволены с работы за связь с «врагами народа». Некоторые

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
профсоюзные руководители были обвинены во множестве «преступлений». М. Н. Белаковская – председатель ЦК Союза работников общественного питания имела близкую связь с одним профсоюзным руководителем, который уже был арестован. Кроме того, она рекомендовала и настаивала на том, чтобы в Институт общественного питания был принят на работу в качестве ректора Мирский, который также был арестован. К тому же обнаружилось, что она «дочь помещика». Белаковская была исключена из партии и уволена с должности. {408}

ВЦСПС не просто реагировал на действия, уже предпринятые НКВД или партией. Он снял с постов многих профсоюзных руководителей, потому что они не сумели распознать врагов среди своих коллег. И. А. Халявин – председатель ЦК Союза рабочих тяжелой промышленности Урала и Восточной Сибири был изгнан из партии и уволен с своей должности, поскольку не «разоблачил» профсоюзных работников, которых впоследствии арестовали. ВЦСПС отмечал, что он «не заслуживает политического доверия». Болдак – член президиума ЦК Союза рабочих железных дорог Средней Азии и С. И. Жибров – председатель ЦК Союза рабочих железных дорог Востока и Дальнего Востока потеряли работу «за потерю большевистской бдительности». {409}

Аресты продолжались на протяжении 1937 и 1938 годов. К концу 1937 года ВЦСПС утвердил увольнение пятидесяти двух председателей и секретарей профсоюзов, а также тридцати других руководителей. {410} Эти цифры, по всей вероятности не точные, показывают, что, по крайней мере, треть профсоюзов была обезглавлена. Подавляющее большинство этих руководителей было арестовано. Секретариат ВЦСПС нес ответственность за одобрение увольнений только самых высокопоставленных профсоюзных руководителей: председателей и секретарей, директоров институтов и отделов ВЦСПС. В перечне имен, указанных в этой главе, нет фамилий руководителей низшего уровня или тех, кто был уволен или арестован «группами», как например, весь состав Ленинградского обкома профсоюза работников политпросвещения. Если бы были известны имена всех этих работников, общее количество жертв кровавой расправы было бы, несомненно, существенно больше.

Сколько нужно было арестов, чтобы создать атмосферу «террора» для тех, кто остался на свободе? Несомненно, репрессии такого масштаба внушили сильный страх и изменили культуру поведения работников профсоюзов на службе. Репрессии повлияли на обычное поведение людей, их взаимоотношения с коллегами, с вышестоящими должностными лицами и сотрудниками, изменили дружеские подшучивания, характер их отношений и мысли. Одним словом, все в человеческих взаимоотношениях было трансформировано культурой страха, обвинений и арестов. {411} Все работники профсоюзов знали, что происходит. Следователи закинули широкие сети, в которые попали бывшие оппозиционеры, а также их друзья, наставники, товарищи по работе, родственники и случайные знакомые. Жертвой мог стать любой. В 1937 и 1938 годах секретариат ВЦСПС регулярно проводил заседания, чтобы одобрить истребление профсоюзных руководителей одного за другим. В ноябре делегация иностранных рабочих прибыла в страну для празднования двадцатой годовщины революции. Секретари ВЦСПС на короткое время приостановили свои ежедневные утверждения арестов, расстрелов и увольнений, чтобы спланировать визит делегации. Они разработали прекрасный маршрут. Иностранные рабочие посетили Большой театр, проплыли на теплоходе по Волге, посетили заводы и маршировали по Красной площади в честь празднования годовщины революции. Шверник, Лозовский и Москатов – члены секретариата ВЦСПС сделали передышку, чтобы поприветствовать своих иностранных товарищей в стране социализма. {412} Можно только представить, насколько было раздвоено их мышление во время демонстрации советских достижений. Визит делегации был не более чем паузой в беспощадной работе, которой они руководили. Через несколько дней секретариат вернулся к работе, голосуя за аресты и репрессии профсоюзных работников, имена которых были указаны в кажущемся бесконечным списке, в каждой отрасли промышленности, учреждениях и во всех уголках страны.

Проверки в ВЦСПС

В 1937 и в 1938 годах ВЦСПС решил провести в профсоюзах собственные проверки, которые привели к многочисленным увольнениям и дали органам НКВД основания для еще большего количества арестов. ВЦСПС нанял целый корпус следователей, которые проверяли достоверность финансовой документации, опрашивали работников и составляли отчеты об условиях труда. Результаты этих проверок, инициированных обвинениями в адрес конкретных лиц, статьями в местных газетах или неразрешенными спорами в профсоюзных организациях, часто публиковались в газетах. Следователи обвиняли профсоюзных

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org

руководителей в моральном разложении, в несчастных случаях на производстве, недостатке продуктов питания и жилищных проблемах. Объясняя личностное разложение «вражескими происками», эти отчеты привлекли внимание НКВД и ВКП(б) и способствовали тому, что рабочие в других профсоюзах стали предъявлять своим руководителям аналогичные обвинения. Типичным примером может служить проверка в ЦК Союза рабочих железнодорожного строительства и метрополитена. Первоначальная проверка ВЦСПС установила, что председатель ЦК Союза Антропов и секретарь ЦК Союза Шухман не придавали значения поиску врагов, погрязли в разврате и сквозь пальцы смотрели на опасные условия труда. За счет профсоюзных средств на квартире Антропова устраивались коллективные выпивки работников ЦК. Выражаясь политическим языком того времени, небольшая группа руководителей создала атмосферу «семейственности», скрепляя свои связи постоянными выпивками и подавляя критику снизу. В 1936 году Антропов коллективной выпивкой у себя на квартире отметил свой приход в ЦК Союза, а также прием на работу новых сотрудников. Во время шумной вечеринки нового председателя «крестили» алкоголем. Позже, на очередной выпивке эта же компания, возбужденная алкоголем, составляла бюджет профсоюза. Щедрость Антропова за счет профсоюзных фондов распространилась на сотню работников политического и профессионального просвещения, которых он пригласил в ресторан. Это стоило профсоюзу 4 тыс. 797 рублей, это было больше двухгодичной зарплаты профсоюзного работника среднего звена, к сожалению, усилия профсоюза искоренить безграмотность не шли дальше выпивок с работниками Ликбеза. Что еще важнее, следователи ВЦСПС обвинили профсоюзных руководителей в том, что те не обращали внимания на высокий уровень несчастных случаев на железных дорогах. Только в 1937 году сто шесть рабочих погибли в результате несчастных случаев на работе. Профсоюз не оказал материальной помощи семьям пострадавших. На крупном строительстве, где было занято 12 тыс. рабочих, за шесть месяцев произошло более тысячи несчастных случаев, из которых шесть закончились смертельным исходом. В отчете сообщалось, что бывшие троцкисты были арестованы в разных местах железнодорожных линий по всей Москве, но профсоюзные руководители не обращали внимания на «врагов» в своей среде. Все смешалось: обвинения в причастности к оппозиции, моральной распущенности и пренебрежении правилами техники безопасности. Следователи обвиняли профсоюзных руководителей за опасные условия производства и плохие условия жизни рабочих, тем самым готовя почву для арестов.{413}

Как Аладдин открыл для себя значение волшебной фразы «сезам, откройся!», так и рабочие вскоре осознали власть слов «вражеская деятельность». Партия цинично ссылалась на «безопасность труда», чтобы заручиться поддержкой в рабочей среде арестов бывших оппозиционеров, а рабочие использовали слово «оппозиционеры» как способ добиться улучшения условий труда и повышения его безопасности. На свой страх и риск руководители игнорировали подобные сигналы. Когда около двухсот взрослых и детей в текстильной Ивановской области заболели после того, как съели хлеб из пекарни, товарищ Николаенко сообщил в ВЦСПС, что это отравление является результатом умышленной вражеской деятельности против рабочего класса. Несмотря на то, что в прошлом жалобы рабочих на испорченные продукты, их хроническую нехватку и нерегулярные поставки часто игнорировались, для руководителей ВЦСПС жалоба на «умышленное отравление» была равносильна поражению электрическим током. Они немедленно начали расследование и провели серию оздоровительных мероприятий в рабочих столовых и в пекарнях.{414}

Выражение «враг народа» оказалось полезным для многих. ВЦСПС использовал его для объяснения непрекращающихся, по-видимому, неустраняемых трудностей в снабжении продуктами питания. Например, перекладывая ответственность на «врагов» в системе розничной торговли, они освобождали себя от ответственности. В июле почти все руководство ЦК Союза работников кооперации Украины и Крыма было арестовано вместе с председателем ЦК Союза Барканом. Начало расправам было положено, когда обнаружилось, что секретарь профсоюза Златопольский скрыл арест двух своих братьев. Руководители ВЦСПС быстро освободили его от должности и начали проверку профсоюза. Следователи обнаружили типичные нарушения: «подрыв демократии», «семейственность» в подборе кадров, «подхалимство», «круговая порука», извращение политики оплаты труда, использование средств социального страхования, нарушение трудового законодательства и подавление критики снизу. Профсоюзные руководители не обеспечивали рабочих спецодеждой, не предоставляли медицинской помощи их детям и не обеспечивали пенсией по старости. Кроме того, региональные партийные руководители потворствовали практике попустительства.{415} Следователи неодобрительно относились к жалобам рабочих на «врагов народа» в профсоюзных рядах. Месяц спустя, в августе, на

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
собрании в Киеве оставшиеся партийные и профсоюзные руководители попытались переложить обвинения на директоров кооперативных магазинов, обвиняя «вражеских директоров» в пустых полках. Как высшие, так и низовые профорганы теперь искали «врагов народа», чтобы избежать ответственности за глубоко укоренившиеся организационные и экономические проблемы. {416}

Следователи ВЦСПС часто согласовывали с ВКП(б) и НКВД обвинения против работников обкомов. Хотя инициатива их осуждения, по всей видимости, шла снизу, трудно было распутать цепь событий. Председатель ЦК Союза рабочих зерносовхозов Осипов и другие руководители профсоюза обратили на себя внимание следователей ВЦСПС после того, как один журналист язвительно критиковал их поведение в местной газете рабочих. Было не ясно, действовал ли журналист по собственной инициативе или по совету рабочих, или это партийные организаторы подсказали ему, как спровоцировать чистку профсоюза. Однако следствием статьи, написанной по следам стремительных арестов Одесского обкома партии, стали организованные ВЦСПС проверки связи профсоюзных руководителей с областными и районными партработниками, сидевшими в тюрьме. Профсоюзные руководители обвинялись в «политической слепоте». Рабочим объяснили, что причиной арестов, приведших к устраниению руководства основных учреждений Одессы, были позорные условия труда, несчастные случаи со смертельным исходом и увечья в совхозах. ВЦСПС обвинил Осипова – председателя ЦК профсоюза за создание «затхлой атмосферы подхалимства, круговой поруки и зажима критики». ВЦСПС заявил, что он увольнял каждого, кто его критиковал, и проводил время в пьянках в компании с другими профработниками, поэтому которые давно пора было арестовать руководителей, оскорбивших доверие людей, интересы которых они должны были отстаивать. {417}

Усиление репрессий в профсоюзах

Провокационные заявления, в которых сочетались популизм с призывами к охоте на врагов, разожгли разрушительный пожар, которых вскоре поглотил руководство профсоюзов сверху донизу. Профработники возмущено реагировали на любое обвинение во вредительстве, отвечая встречными обвинениями, направленными на дискредитацию противников. Страх повысил ставки: обвинение могло не только опозорить, но и привести к потере работы, аресту и даже казни. Каждый маскировал свою критику и жалобы демократической фразеологией, используя одни и те же лозунги для достижения различных целей. Лозунги, используемые в жестокой борьбе за должность, привилегии и выживание, не имели никакого отношения к их смыслу. Если бы язык можно было сравнить с конвертируемой валютой, то он все в большей степени девальвировался во время политической гиперинфляции 1937–1938 годов. В Уфе несколько членов ЦК Союза рабочих спичечно-фанерной промышленности обвинили своего председателя Пилиненка и секретаря ЦК Смирнову в пьянстве, «тесной спайке с врагами народа» и «гастролерстве». Предмет разногласий, причиной которых был мотив личной мести, можно было с трудом трактовать однозначно, хотя обвинения, опирающиеся на лозунги профсоюзной демократии, были всем хорошо знакомы. Руководители лесопильной и деревообрабатывающей промышленности в этом споре также встали на сторону профсоюза. Один бывший директор крупного лесопильного завода в Уфе поддерживал обвинения против Пилиненка, но выяснилось, что с ним у директора имелись личные счёты. Когда в 1935 году того уволили, Пилиненко его не поддержал. Пилиненко защищался себя точно таким же способом, тем же языком, которым пользовались его обвинители. Он обвинил членов ЦК, добивавшихся его увольнения, в том, что они были связаны с руководством «фанертреста» – «вражеской» группой, которая «игнорировала сигналы большевистской партии и беспартийных», «не разоблачала врагов народа» на фанерной фабрике и в тресте» и способствовала «вражеской активности». Таким образом, ЦК Союза разделился на две группы, каждая из которых обвиняла друг друга в одних и тех же нарушениях. ВЦСПС, осведомленный об ожесточенных спорах, начал проверку, которая вскоре вышла и за пределы ЦК Союза, затронув по крайней мере шестнадцать работников лесопильной и деревообрабатывающей промышленности. Даже следователи не могли понять смысл неразберихи, порожденной взаимными обвинениями. Было установлено два неопровержимых факта: во-первых, обе стороны неоднократно напивались (часто вдвоем) на протяжении 1936 года. Во-вторых, отдел охраны труда ЦК профсоюза плохо выполнял свою работу. {418} Иными словами, рабочие лишались пальцев, рук и других частей тела при работе с опасными машинами из-за несоблюдения правил техники безопасности, но ни Пилиненко, ни его противники не делали попыток уменьшить количество несчастных случаев. Грязный клубок обвинений лег на стол Шверника, надо было распутать нити клубка и определить виновного. Это было одно из множества дел, которые

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org направлялись руководителям ВЦСПС для разрешения. Не удивительно, что Шверник, которому не хватало пронизательности и уверенности царя Соломона, с отвращением всплеснул руками. Поскольку суть обвинений с обеих сторон сводилась к связям с «врагами», Шверник, по всей вероятности, передал компрометирующие материалы в НКВД.

Борьба, как в ЦК Союза рабочих спичечно-фанерной промышленности, шла во многих профсоюзах. Личные амбиции, внутренняя борьба за власть, вражда между ведомствами – все это подавалось руководством профсоюзов на языке того времени. Высокий уровень производственного травматизма, пьянство, моральная распущенность автоматически приравнивались к «вражеской деятельности». Поскольку проблемы в профсоюзе были представлены как измена, они привлекли внимание органов, проводивших расследование, которые, в свою очередь, раскрыли сомнительное поведение и связи с «врагом». Руководители ВЦСПС и ВКП(б) с готовностью реагировали на любое обвинение, в котором речь шла о «врагах», из страха, что их могут обвинить в укрывательстве. Вал обвинений и проверок не мог не привлечь внимания органов НКВД, которые без колебаний арестовывали любого человека, обмазанного дегтем обвинений.

Таким образом, террор распространялся все шире, охватывая один профсоюз за другим, и спускался с верхнего на более низкий уровень иерархической структуры профсоюзов. В 320 км к востоку от ЦК Союза рабочих спичечно-фанерной промышленности находился обком профсоюза леса и сплава, головная организация которого располагалась в Свердловске; накануне выборов этот профсоюз также был втянут в жестокую борьбу. Руководство обкома буквально умылось слезами в процессе «критики и самокритики». Осенью 1937 года после выборов лишились должности несколько старых руководителей профсоюза; газета «Труд» опубликовала нелестную статью о новом руководстве. Статья подстегнула некоего Нифетова [54] написать в ВЦСПС длинный донос на президиум обкома профсоюза. Нефедьев обвинил вновь избранный президиум в злоупотреблении положением, нерегулярном проведении собраний. По объяснению Нефедьева, в президиум в составе семи человек царит беспорядок. Рубель – новый председатель президиума профсоюза был недавно исключен из партии и уволен со своей прежней должности за «связь с врагом», другой член президиума – за «систематическое пьянство и учиненный скандал», а третий – «за пьянку и нанесение побоев жене стахановца». Четвертого члена президиума направили инспектировать тюрьмы НКВД на лесозаготовках, пятый – уехал в Свердловск. Хотя два остальных члена президиума продолжали проводить собрания, они вряд ли могут заменить собой весь состав. Работники крупнейшего обкома, включая инспекторов по труду и физической культуре, были арестованы. Нефедьев затаил злобу против Пестова – одного из оставшихся членов, которым затем стал председателем. Нефедьев жаловался, что Пестов занимал одновременно три поста, включая должность инструктора и получал 700 рублей в месяц за чтение газет рабочим вслух. {419} (Возможно, Пестов занимался дополнительной работой после ареста платных работников профсоюза.)

По словам Нефедьева, Пестов также был виновен в «нарушении профдемократии». Являясь одним из представителей старого руководства, он пытался фальсифицировать выборы в профсоюзах, созвав делегатов из Свердловска, чтобы заранее подготовить список кандидатов. Будто бы он сказал делегатам: «Надо нам договориться, решить, кого мы будем выставлять кандидатами в состав пленума, и за кого мы будем голосовать». Пестов попытался повернуть ход съезда в свою пользу, поручая рабочему комитету организовать дополнительные выборы, чтобы отменить результаты предыдущего голосования за делегатов. Нефедьев писал с возмущением: «Обком превратился в проходной двор». {420}

Нефедьев был не единственным человеком, бросавшим обвинения. Инспектор по технике безопасности также обвинял Пестова в нарушении процедуры выборов и потребовал, чтобы тот написал честный отчет для съезда профсоюза. Пестов не стал этого делать и вскоре уволил инспектора «за политические ошибки». Тот потребовал объяснения, но Пестов не считал нужным оправдываться. После того как вмешался Нефедьев, чтобы защитить инспектора по технике безопасности, Пестов отказался от своего обвинения, снова принял его на работу и отправил в отпуск. Нефедьев немедленно обвинил Пестова в «зажиме критики». В заключение своих многостраничных обвинений он закончил свое письмо так: «Учитывая неблагоприятное состояние в руководстве обкома, прошу заинтересоваться и вмешаться в это дело ЦК Союза и ВЦСПС и осветить данный материал в газете “Труд”, а также прекратить Пестовское издевательство над работниками обкома и прекратить нарушение профдемократии и посмотреть

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
возможность пребывания Пестова в обкоме Союза в дальнейшем». {421} Таким образом, Нефедьев обличал Пестова, перемежая каждое обвинение удобными лозунгами профсоюзной демократии. Во втором доносе, риторика Нефедьев стала еще более резкой. «Когда, наконец, Пестов – председатель Свердловского обкома профсоюза будет разоблачен? – нетерпеливо потребовал он. – Попирающий профдемократию жулик, двурушник и подхалим, окруживший себя сворой жуликов, чужаков и разложившихся людей вплоть до контрреволюционного инструктора физкультуры». Он продолжал описывать Пестова как «основного подхалима» Рубеля – бывшего председателя обкома профсоюза, который был исключен из партии за контрреволюционные высказывания о Сталине. Пестов знал об этом разговоре! Пестов хотел защитить Рубеля! Пестов дал Рубелю рекомендацию, в которой написал, что подобных разговоров никогда не было! Нефедьев подробно, еще более истерично, изложил, что он все разоблачил и обо всем сообщил. Письмо заканчивалось скрытой угрозой в адрес ВЦСПС: «Не думайте, что изменилась сколько-нибудь, как нас учит тов. Сталин, работа по-новому». {422} Обвинения в адрес Пестова были пронизаны фразеологией, прозвучавшей на пленумах ЦК Союза и ВЦСПС: «нарушения профдемократии», «лизоблюды, подхалимы, разложившиеся дегенераты», «большие политические ошибки и нарушения выборов тайного голосования». Эти письма также объяснялись глубокой личной неприязнью.

А. П. Шолмов, 37-летний председатель ЦК Союза рабочих леса и сплава Восточных районов пытался положить конец этому делу, написав честное письмо С. Л. Брегману, бывшему председателю Союза работников обувной промышленности, который был назначен на пост секретаря ВЦСПС. В письме объяснялось, что вновь избранный состав президиума обкома был сокращен. Осталось четыре человека, двое из которых не находились в Свердловске. Было трудно проводить регулярные собрания, но снова были проведены выборы и Пестова справедливо избрали председателем. Проверка, проведенная местным профсоюзом, сняла с него все обвинения. По словам Шолмова, Пестов был надежным и талантливым руководителем. {423} И все же чьи интересы отстаивал Шолмов? Недавний выпускник лесотехнической Академии в Ленинграде, в 1936 году он стал секретарем профсоюза.

Это была его первая должность в профсоюзе. Он никогда не валил лес и не сплавлял бревна по реке. Его головокругительный взлет на высокий пост являлся прямым результатом устранения и заключения в тюрьму целого слоя руководства профсоюза, {424}

Трудно до конца понять, что побуждало к взаимным обвинениям, но кажется, что причиной была борьба за власть на местном уровне после выборов. [55] Прежние руководители пытались защитить свои позиции, единодушно голосуя и протестуя против неблагоприятных для них результатов выборов. В определенной степени им это удавалось. Органы НКВД, контролировавшие их деятельность, произвели аресты и устранили Рубеля – председателя обкома профсоюза. Пестов – один из немногих руководителей, оставшихся от прежнего руководства, которого снова избрали, занял несколько вакантных должностей. Обвиненный Нефедьевым в различных правонарушениях, он боролся за то, чтобы восстановить свое доброе имя и сохранить свой пост. Обе стороны в этой опасной борьбе утверждали, что своими действиями отстаивают профсоюзную демократию. Однако какая сторона была истинным защитником демократических принципов так и не ясно. Был ли Нефедьев честным человеком, пытавшимся улучшить работу обкома и положить конец превышению полномочий? Был ли он членом клики, борющейся за власть в союзе с инспектором по технике безопасности и другими, жаждавшими лишить Пестова должности, чтобы на его место поставить своих людей? Или он страдал безумием навязчивой идеей о Пестове по личным мотивам? А как насчет Пестова? Мог он цинично получать четыре профсоюзные зарплаты, в то время как рабочие стояли по пояс в ледяных реках, сплавляя бревна на лесопильные заводы за жалкую зарплату в 250 рублей в месяц? Или он старался изо всех сил продолжать деятельность профсоюза, принимая на себя дополнительные обязанности после того, как количество профсоюзных работников уменьшилось после арестов? Был ли Шолмов разумным человеком или карьеристом и «подхалимом», защищавшим Пестова? И каков был результат? Был ли арестован Пестов и его окружение органами НКВД? Удостоился ли Нефедьев похвалы за продвижение «профдемократии» в Свердловске? Или он продолжал бредить идеей о «вражеской клике» в изолированной палате для душевнобольных? Непостоянство, субъективность, свойственные драматическим актерам, скрывают «объективную» правду. Независимо от того, в чем заключается правда, способность Нефедьева сформулировать свои навязчивые идеи языком того времени гарантировала, что он будет услышан. Его обвинения, истинные или вымышленные, не остались без

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
внимания и в конечном счете способствовали проведению серьезной проверки в обкоме профсоюза.

ВКП(б), ВЦСПС и НКВД были завалены доносами, наподобие тех, нефедьевских. На многочисленных сценах от Киева до Хабаровска местные актеры играли в драматических спектаклях, содержанием которых являлись политические обвинения, не имевшие значения подробности, личное недовольство и опасная запутанность положения. Интенсивный поток взаимных обвинений, состоял из мелочей повседневной жизни: кто с кем пил, кто больше зарабатывал, кто сделал неподобающее политическое замечание. Это история не об одном злодее и множестве его жертв, а более глубокая драма, в которой политические репрессии стали удобным формой выражения возмущения руководством, соперничества в организационных структурах и личных амбиций. Обычные сплетни на работе оказывались смертельно опасными, так как создавали путаницу, которую органы НКВД слишком сильно жаждали «расследовать», используя лозунги демократии. Не было недостатка в злодеях или жертвах: в смертельную игру вскоре вовлекли руководство каждого профсоюза. Некоторые руководители действовали по примеру Котляра. Большинство же, напуганные угрозой ареста и казни, ухватились за палку, с одного конца которой был террор, а с другого – демократия, и набросились с ней друг на друга. Собрания превратились коварную и смертельно опасную игру гладиаторов, орудующих лозунгами. Игра за выживание становилась все более сложной.

Прекращение безумства?

В январе 1938 года Центральный комитет собрался для рассмотрения вопроса, связанного с массовыми исключениями из рядов ВКП(б). Сталин, обеспокоенный этим фактом, стал критиковать «ложную» бдительность, ставшую их причиной. Многие парткомы перестали существовать или прекратили свою деятельность, работников организаций, оказавшихся без руководства, раздражала внутренняя борьба. Критика Сталина спровоцировала появление множества уволенных, требующих возмещения морального вреда и восстановления на службе. В последующие месяцы процесс исключения из партии замедлился, многие исключенные были снова приняты в партию и впервые с 1933 года в партии начался прием новых членов.^{425} Но продолжались и аресты. Эти два мощных и противодействующих потока людей – арестованные и оправданные от обвинений – посеяли панику в профсоюзах. По мере того как одни шагали в тюрьму, другие боролись за право вернуться на работу. Функционируя согласно беспощадной логике своих организаций, работники НКВД, ВКП(б), главков и ВЦСПС действовали наперекор друг другу. Парализованные страхом, выходя в своих действиях за рамки закона или процессуальных норм, они ниспровергали, противоречили и не считались друг с другом.

Члены партии, утверждавшие, что их обвинили, объявили выговор или исключили из партии ошибочно, имели право обжаловать решение. Во многих случаях решения об исключении были отменены. ВЦСПС нес ответственность за восстановление пострадавшего на работе или в профсоюзе. Многие директора заводов, должностные лица в главках, заведующие магазинами отказывались подписывать заявления о приеме на работу, написанные «реабилитированными». В создавшемся политическом климате, полном непредсказуемости, невозможно было знать, не будет ли восстановленная сегодня в правах жертва арестована завтра. Никто не хотел оставлять письменных «доказательств» того, что когда-то «помог» врагу или «покрыл» его. В результате ответственные работники отказывались действовать, и работа по найму персонала прекратилась. Тысячи людей, с которых были сняты обвинения, оказались в подвешенном состоянии. Уволенные с работы и исключенные из профсоюза, но восстановленные в партии, они не могли найти новую работу. Они избежали тюрьмы, но оказались на улице. Профсоюзы рассматривали дела сотен людей, которые были несправедливо уволены и обращались с просьбой восстановить их на работе. Люди с волнением обращались к руководству ВЦСПС, в ЦК профсоюзов, главков, чтобы получить направления, которые могли бы помочь им восстановиться на работе. Профсоюзные руководители спорили с партийными работниками и директорами трестов и других учреждений о восстановлении людей на прежней работе. Никто не был уверен в том, каким следовать процедурам, все боялись совершить ошибку

Так же как на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году партия акцентировала внимание на партийной демократии, так и ВЦСПС во время проведения кампании придавал большое значение профдемократии, и еще раз повторил решения партии, принятые январским пленумом ЦК ВКП(б) 1938 года на своем пленуме. Шверник открыл пленум ВЦСПС, кратко изложив речь Сталина.

Концентрация внимания на «ошибках» и «перестраховке» была новшеством для профсоюзных руководителей, которые были сбиты с толку, напуганы и озабочены тем, чтобы покончить с неопределенностью, которая грозила им потерей недавно полученных должностей. {426} Делегаты пленума ВЦСПС обращались к речи Сталина для критики «перестраховки» – условного обозначения беспомощности руководства, которое вело к бездействию. Профсоюзные руководители привели в пример людей, потерявших работу в результате обвинений. Позже, когда и сами обвинители были «разоблачены как враги», никто не захотел принять на себя ответственность за восстановление прежнего положения. Председатель ЦК Союза рабочих тяжелого машиностроения К. К. Стриевский собирал «компрометирующие материалы» на другого руководителя – М. Л. Кагановича [56], основанные на чьем-то доносе, направленном в ЦК Союза. Ходили слухи, что Каганович связан с группой троцкистов и виновен «в целом ряде грехов». В результате профсоюзные руководители решили не приглашать Кагановича на пленум профсоюза. Затем Стриевский был арестован как «враг». Дальнейшее расследование показало, что обвинения против Кагановича были безосновательными, и дело распалось. ВЦСПС принял Кагановича на работу в отдел заработной платы. Было ясно, что он пострадал от слухов. ЦК Союза отказался помочь ему в восстановлении в правах. {427}

Погребной – новый председатель ЦК Союза, вступивший в должность после ареста Стриевского, сказал на пленуме, что случай с Кагановичем является типичным. Профсоюз завален жалобами людей, которых уволили из-за того, что «их родственники оказались врагами народа или они сами были исключены из партии, были за границей или знали кого-то за границей». Профсоюз не имел таких руководителей, которые механически бы всем доверяли, чтобы подписать необходимые бумаги, благодаря которым люди могли вернуться на работу: «...не хотят подписывать, по телефону будут говорить, а писать не будут». Погребной привел ряд примеров, когда людей увольняли по ошибке. Одна женщина, на седьмом месяце беременности, потеряла работу на фабрике из-за того, что ее муж был арестован как «враг народа». «Они выгнали ее с фабрики, – объяснил Погребной, – и исключили из комсомола». Когда Погребной обратился в по данному вопросу в ВЦСПС, Москатов – один из секретарей сказал ему: «Возьмите ее снова на работу и забудьте о необходимых подписях». Вмешался партком фабрики и пригрозил наказать любого, кто будет принимать рабочих на работу без оформления соответствующих документов. Они заявили, что снова принимают на работу «троцкистов». Таким образом, профсоюз поступил наперекор главку и парткому, так как никто из них не хотел нести ответственность за принятие на работу потенциального «врага». {428}

Еще больше вопрос осложнялся тем, что начальство увольняло людей, которые впоследствии были «разоблачены» или арестованы. Были ли решения по тем людям, которых и позднее все еще считали «врагами», действительными? Например, на машиностроительном заводе «Уралмаш» некто Карпелевич был исключен из райкома партии за шпионаж в начале 1937 года, когда начались «разоблачения». Профком завода быстро последовал его примеру Карпелевич был снят с работы и лишен членства в профсоюзе. Несмотря на это, позже арестованные секретарь райкома партии и директор завода, ставили под сомнение правильность его увольнения. Карпелевич подал заявление в ЦК профсоюза с просьбой пересмотреть решение профкома завода. ЦК подтвердил решение нижестоящей организации, и тогда Карпелевич обратился в секретариат ВЦСПС. Погребной сказал: «Сейчас ситуация становится совершенно непоследовательной». Секретариат подтвердил решение профсоюзной организации, но в то же время предложил восстановить Карпелевича в качестве члена профсоюза, что было крайне противоречивым решением. Погребной пожаловался: «Человека исключили за шпионаж, за участие в диверсионной деятельности. Прошло девять месяцев, и вдруг он становится честным. Понятно, что доказательство его вины было абсурдным». Шверник прервал Погребного и прекратил дальнейшее обсуждение этого дела вопросом: «Он на свободе?» Шверник понимал, что арбитрами последней инстанции для определения виновности или невиновности человека являются органы НКВД. Если бы Карпелевич сидел в тюрьме, у ВЦСПС были бы серьезные проблемы. Секретариату пришлось бы ответить за рекомендацию по восстановлению врага. Погребной пожал плечами: «Его восстановили на работе, он ходит на свободе». Опасения Шверника рассеялись. Но правила игры все равно были не ясны. {429}

Кроме того, ВЦСПС утратил свой авторитет среди профсоюзов. Руководители профсоюзов не следовали рекомендациям ВЦСПС и отказывались восстанавливать людей. Воронина, предложившая менее года назад на пленуме ВЦСПС активно защищать права рабочих, теперь возглавляла Бюро жалоб при ВЦСПС. Занимаясь

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org сотнями дел по восстановлению, она утверждала, что профсоюзы потеряли ориентацию под давлением террора. Выборы и аресты способствовали обновлению кадров большинства ЦК Союзов. Воронина заметила: «Со многими мы не знакомы». Когда Бюро жалоб отдало распоряжение профсоюзным руководителям восстановить людей на работе, они не послушались. Например, профсоюз печатников ответил Ворониной: «Вы к нам не лезьте. У нас такой ЦК Союза, что к нам нельзя. Мы разоблачаем, мы очищаемся». ЦК Союза рабочих военно-металлической промышленности ответил также, предупредив ее не вмешиваться в дела военной организации «Еще тяжелее дело обстоит в авиационной промышленности, – сказала она, – страшные вещи произошли там. Они нам сказали: «Вы, наверное, политически не разбираетесь в этом деле. Просим не вмешиваться в это дело»». Шверник спросил: «А вы вмешались?» Воронина ответила, что Бюро пыталось, но в ЦК Союза рабочих авиационной промышленности ей сообщили: «Мы сами восстановим людей». Воронина была в ярости. Она сослалась на слова Сталина: «О чем это говорит? Это говорит о том, что люди невнимательно относятся к живому человеку».{430}

Профсоюзы, наркоматы и тресты отказывались исполнять приказы ВЦСПС. Профкомы заводов находились в состоянии войны с Центральными комитетами. Решения вышестоящей партийной инстанции о восстановлении людей еще больше усложняли ситуацию. Воронина жаловалась, что наркоматы не имеют права «издеваться над членами союза» или «запугивать наших членов». Если профсоюз восстановил какого-то человека, народный комиссариат не мог отказаться принять его на работу. Разве могли профсоюзы приказывать хозяйственникам восстановить кого-либо на работе? Разве ВЦСПС мог приказывать профсоюзам? Могли ли и те и другие отдавать приказы местным парткомам? Никто не мог ответить на эти вопросы. Редактор Ярославской газеты «Северный рабочий» после ареста признался, что участвовал в контрреволюционной группе, в которую входил секретарь парткома и другие работники. Вся группа была немедленно арестована по распоряжению прокурора. Сам прокурор оказался впоследствии шпионом. Секретарь парткома подал апелляцию по данному делу, но она была отклонена, а его самого выселили из квартиры. В конце концов, всех, за исключением прокурора, реабилитировали и восстановили в партии. Профсоюз предъявил иск о выплате компенсации за период потерянного рабочего времени. Овсянникова – председатель ЦК Союза печатников спросила: «Каким образом сейчас поставить работу, чтобы целиком и полностью исправить те недочеты, недостатки и ошибки, которые были в области нарушения трудового законодательства?» Газеты инструктировали, как «разоблачать врагов», но никто не знал, как восстановить людей в правах. Кроме того, беспартийные получали компенсацию за ошибочное увольнение, а члены партии не получали ничего. Шверник вставил замечание: «Закон должен быть одинаков для всех».{431}

Обличения больше не использовались для «разоблачения врагов» или демонстрации бдительности, они стали обычной реакцией на любое проявление равнодушия или пренебрежительного отношения. Когда ВЦСПС отказался восстановить работника ЦК Союза лесопильной промышленности, обвиненного в растрате, он немедленно написал в ЦК ВКП(б), обвиняя Воронину в том, что она принадлежит к «троцкистам, бухаринцам и зиновьевцам». Люди бросались обвинениями, не понимая их смысла. Фамилии людей, которые некогда представляли альтернативные политические программы, стали использоваться как бранные слова. На Харьковской фабрике «Октябрь» цеховой мастер и кассир начали перепалку из-за того, что кассир отказался разменять деньги. «Пошел к черту», – выругался мастер. «Пошел сам к черту», – ответил кассир. Разгорелся конфликт. Мужчины обзывали друг друга словом «черт», но после того, как в ход пошло другое ругательство – «троцкист», спор приобрел политическую окраску. В конечном счете кассира уволили как врага народа. Овсянникова призналась, что февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 года предоставил свободу рук множеству клеветников и «разоблачителей»: «Дело в том, что честные, действующие из самых лучших побуждений, абсолютно невинные люди оказались долгое время без работы».{432}

Многочисленность увольнений с работы подчеркивала абсурдность царящего сумасшествия. На некоторых предприятиях людей увольняли и исключали из профсоюза целыми группами. Женщины часто теряли работу после ареста мужей. Людей увольняли из-за того, что они были за границей на лечении или имели там родственников. Был один случай, когда мужчина послал личную телеграмму за счет учреждения. Его сняли с работы и привлекли к уголовной ответственности за растрату. Его жену также выгнали со службы. Соответствующие характеристики, выданные бывшими работодателями, являлись «волчьими паспортами», по которым людей нигде не брали на работу. Козьмин,

председатель ЦК Союза работников Севморпути заметил: «Конечно, нам очень трудно». Его беспокоила атмосфера бесконечных сплетен и клеветы, которая «создает такое положение, чтобы настраивать этих работников против партии советской власти». Он предложил по-новому квалифицировать «вредительскую деятельность», придав новый аспект охоте на врагов. В своей заключительной речи на совещании, накануне ареста самого Ежова, Козьмин заявил, что враги провоцируют репрессии против честных людей. «Мы должны с корнем вырвать этих людей», – сказал он, намекая, что настало время наказать тех, кто был занят обвинениями других. Другой делегат смело заметил, что по результатам проверок профсоюзных руководителей ВЦСПС давал разрешения на множество арестов и увольнений и «допустил много ошибок». Он сказал: «в ВЦСПС забывают о том, что за каждым увольнением стоит живой человек». Другой критиковал профсоюзное руководство за бюрократическое, бездумное отношение к людям, за перестраховки и увольнение и честных людей безо всякой причины. Заявляя, что деятельность ВЦСПС способствовала усугублению ситуации, усилению людских страданий, делегаты признали его роль в разрушении профсоюзов. {433}

Делегаты боялись открыто критиковать политику террора. Никто не осмелился сказать, что «враги народа» могли быть честными людьми. Но рассказывая истории простых рабочих, в отношении которых должностные лица допустили ошибки, они использовали уловку, которую применил Сталин в своей речи на январском пленуме ЦК ВКП(б) 1938 года. Воронина привела в качестве примера случай с железнодорожным рабочим Рыжковым, который шестнадцать лет проработал на производстве в паро-котельном цехе. Издавна железнодорожников традиционно отличала высокая политическая активность. Из-за арестов в их профсоюзах уменьшилось количество рабочих и профработников. Рыжков, никогда не имевший отношения к оппозиции, вызвал гнев начальников за то, что критиковал плохие швы на паровых котлах. Его обвинили в пьянстве и уволили с работы. Он написал заявление, где указал на «много безобразий» в цехе. Комиссия все расследовала, нашла его замечания правильными и предложила восстановить Рыжкова. Но начальство вместо этого предъявило ему десяток новых обвинений. Воронина сослалась на этот случай, потому что Рыжков, бесспорно, образу «честного рабочего», который старался хорошо работать, но был обвинен «извращенными руководителями». С ее точки зрения, история Рыжкова является иллюстрацией того, как преданных людей превратили в жертвы, вынужденные бороться за свое восстановление на работе. Она умело повернула тему: вместо разговоров о том, как привлечь больше рабочих к поддержке репрессий против коррумпированных профработников, совещание перешло к обсуждению другой задачи – не обвинять должностных лиц, а привлечь внимание к тем, кто был ошибочно обвинен.

Воронина привела много подобных примеров историй рабочих, имевших долгий трудовой стаж и политически совершенно безупречных. В одной истории говорилось о текстильщице Лукьяновой – члене пленума ВЦСПС, проработавшей тридцать лет на текстильной фабрике в Иваново. В 1929 году Лукьянова навестила родственника и произнесла тост за гостя из Польши, который в то время у него находился. Через восемь лет поляка арестовали как троцкиста, а Лукьянову выгнали с работы, исключили из профсоюза за общение с «врагом народа» [57], ее дочь исключили из комсомола. Вернувшись домой, Лукьянова накинула себе петлю на шею. Хорошо, что увидели соседи, спасли, вытащили из петли. Сын Лукьяновой обратился с ходатайством в ЦК Союза. Она была восстановлена в профсоюзе, но завком предприятия был против ее восстановления на работе. Наконец, вмешался ВЦСПС. Воронина назвала так много людей, уволенных из-за клеветы, что в стенограмме совещания появилась запись: «Если не будем устраивать на работу честных людей, то будут вытаскивать людей, отдавать под суд». {434} Многие рабочие, не имевшие никакого отношения к деятельности оппозиции, пострадали из-за необдуманного замечания, случайного контакта или неуместной критики. Делегаты обратились к этим историям не только для того, чтобы восстановить справедливость: это была завуалированная критика политики террора. Не имея возможности высказываться прямо, они использовали сакрализованную фигуру рабочего, пострадавшего от несправедливости, чтобы попытаться предотвратить сумасшествие. Стратегически верно выбранные примеры также показали, что можно критиковать, а что нельзя. Было возможно защищать рабочего, непричастного к оппозиции, но категорически нельзя было допустить, что «враги» являются лишь плодом воображения или что бывшие оппозиционеры не были «врагами». Делегаты восприняли речь Сталина как сигнал к возврату к нормальному состоянию. Не осмеливаясь открыто критиковать охоту на «врагов», они дали многочисленные примеры клеветы и пытались найти реально возможные пути исправления ошибок. Но восприняли они этот сигнал неверно.

Несмотря на допустимость критики, делегаты не могли остановить или даже замедлить темпа репрессий. Фактически, они продолжали участвовать в заговоре, целью которого было расширение масштаба репрессий. В 1938 году ВЦСПС продолжал проверки многочисленных профсоюзов – точно так, как эти проверки описывали делегаты. Профсоюз текстильных рабочих был втянут в полемику, в профсоюзе рабочих железных дорог Востока и Дальнего Востока аресты значительно сократили штат профработников. В одном только этом профсоюзе общее число уволенных, арестованных или исключенных из партии профработников составило 239 человек. В одной докладной записке было указано, что в прилагаемом списке указаны имена репрессированных и снятых с работы руководящих профработников от линейных комитетов до Центрального комитета. {435} НКВД не упустил возможности нанести удар. С января по декабрь 1938 года еще пятнадцать профсоюзных руководителей были арестованы и исключены из пленума ВЦСПС – органа, в состав которого входили председатели ЦК профсоюзов. Новые руководители, заменившие арестованных в 1937, теперь сами были арестованы. {436}

4 января 1938 года ВЦСПС начал чистку в профсоюзной печати, в ходе расследования состояния работы было признано «неудовлетворительным». Согласно докладу проверяющего, «аппарат редакции» газеты «Труд» – центрального печатного органа ВЦСПС – был «засорен чуждыми и сомнительными людьми». Тираж газеты в 100 тыс. экземпляров был слишком невелик, чтобы газета доходила до всех заводских комитетов, не говоря уже обо всех членах профсоюза.

Профсоюзные журналы не могли удовлетворить потребностей активистов, а 10 газет, издававшихся отдельными профсоюзами, были «совершенно неудовлетворительны, аполитичны и беззубы», их нужно было закрывать. В отчете по результатам проверки Профиздат обвинялся в том, что практически перестал издавать книги и допустил «грубейшие политические ошибки» в нескольких брошюрах. В аппарате редакции засело много «врагов». Выяснилось, что более шестидесяти сотрудников некогда были членами других партий, принадлежали к антипартийным группам или к бывшим привилегированным кругам, включая дворянство и духовенство. Многие имели связи с заграницей. В отчетном докладе настоятельно требовалось немедленно всех расстрелять. Из поименного списка сорок один человек подлежал дальнейшей проверке. Краткий обзор их биографий обнаружил «преступления», которые поставили их под угрозу: кратковременное пребывание за границей или на территории, занятой белыми во время Гражданской войны, наличие родственников за границей, высшее образование, полученное при старом режиме. Несколько евреев, работавших в Профиздате, некогда были членами Бунда, другие входили в партию эсеров. Среди партийных работников почти четверть вступила в партию во время Гражданской войны. Так что не удивительно, что ВЦСПС обнаружил среди работников Профиздата высокообразованных представителей бывшей элиты и искушенных в политике старых революционеров. Эта была группа бывших белогвардейцев и красноармейцев, работавших бок о бок, коротко говоря, именно та группа, которую следовало подозревать в оппозиционности. {437}, [58]

ЦК ВКП(б) – сверхчувствительный к «врагам» в любом учреждении, занимавшемся средствами массовой информации, немедленно занялся этим делом. Руководитель Профиздата Е. О. Лернер был уволен [59], оставшимся работникам пригрозили, что, если они не будут соответствовать «большевистским требованиям», то их также уволят через двадцать дней. ЦК партии сообщил в ВЦСПС, что профсоюзная печать пребывает в «неудовлетворительном состоянии», и работников печати необходимо заменить. Профсоюзным газетам было дано задание организовать группу рабочих корреспондентов (рабкоров) из рядов стахановцев и ударников труда, было высказано неодобрение в адрес профсоюзных журналов за отсутствие в них практических материалов, нужных для цеховых активистов. ВКП(б) закрыл несколько профсоюзных газет, увеличил тираж «Труда» до 250 тыс. экземпляров и переименовал ряд журналов. {438} Таким образом, было покончено с самостоятельностью газет, которые издавались небольшими профсоюзами, в профсоюзной печати доминировала газета «Труд».

Начиная чистку в собственных органах печати, ВЦСПС продемонстрировал шизофрению, свойственную многим организациям и людям во время террора. Во время работы пленума, когда руководители с трудом скрывали свое возмущение бесконечным потоком увольнений, исключений и арестов, в профсоюзных газетах был опубликован доклад, который гарантированно обеспечил новое кровопускание в штабе профсоюзов при содействии печати. Как можно объяснить

Заключение

Руководители ВЦСПС и профсоюзов не были беспомощными жертвами репрессий. Они не жили не в изолированной среде, не были наивными подростками или обиженными судьбой простаками, старавшимися изо всех сил понять необъяснимое социальное явление. На самом деле они представляли собой институты власти и были глубоко вовлечены в проведение политики террора, будучи одновременно и мучителями, и жертвами. Если бы не их желание и активная помощь, то количество жертв могло быть гораздо меньше. Фактически можно утверждать, что если бы руководители ВЦСПС или профсоюзов действовали не так активно, репрессий в профсоюзном движении могло не быть. Ни одно общественное явление не может существовать без участия человека, и репрессии в ВЦСПС и профсоюзах осуществляли должностные лица этих организаций. Не было четкой границы между обвинителями и обвиняемыми, теми, кто руководил чистками и сам подвергался чистке; виновными и невиновными. При том, что кто-то более рьяно, чем другие, преследовал своих коллег, внешне все поддерживали лозунги и практику террора. Что говорит эта глава об отношении организаций и отдельных людей к политике репрессий? Что она может рассказать нам о ходе террора в профсоюзах?

Чистки в профсоюзах начались в 1936 году в связи с арестами бывших троцкистов. Осенью 1936 года масштаб репрессий расширился, они затронули те профсоюзные и партийные организации, в которых работники, руководители, родственники и друзья были тесно связаны между собой. Многие люди попали под маховик репрессий, причем каждая новая жертва служила ступицей для новых спиц. Репрессии против высшего руководства сломили многих «кандидатов», а репрессии в рядах местных и областных руководителей представляли опасность для вышестоящих должностных лиц. Аресты все еще ограничивались кругом бывших оппозиционеров и лицами, к ним близких. Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 года и кампания за профсоюзную демократию, начатая VI пленумом ВЦСПС, представляли собой качественно изменили характер репрессий. Кампания за профдемократию спровоцировала борьбу за власть среди профсоюзных руководителей, которые с легкостью согласились на то, чтобы их осуждали и обвиняли. Широко распространены призывы к рабочим – видоизмененные обвинения, выраженные языком демократии, ссылки на вредительство с целью объяснить недостаток пищи и жилья, обвинение врагов в большей части несчастных случаев, – все эти причины привели к жестокой охоте на «врагов» на местах. Поиски виновных приняли новые и сложные формы, поскольку обвинения вызывали встречные действия. ВЦСПС подбросил дров в костер, начал свои собственные расследования, которые привлекли внимание ВКП(б) и органов НКВД. Газетные статьи, публично разоблачавшие должностных лиц, или содержавшие открытые обвинения, провоцировали новые проверки, которые вызывали очередной вал обличений. Руководство ВЦСПС агрессивно преследовало своих сотрудников и работников профсоюзов из боязни быть обвиненными в «попустительстве» врагам. Профсоюзные руководители писали доносы на ВЦСПС, должностные лица и рабочие без колебаний бросались опасными политическими обвинениями друг против друга. Подобные обвинения не оставались без последствий.

Процесс чисток был хаотичным и неравномерным. В то время как репрессии разрушали профсоюзные организации, длинные бюрократические лабиринты НКВД, партии, ВЦСПС и профсоюзов вели в тюрьмы. Органы НКВД арестовывали людей за контрреволюционную деятельность или за другие политические преступления, что влекло исключение из партии и увольнение с работы. Партийные комитеты, профсоюзы в ВЦСПС только утверждали решения, которые уже были приняты НКВД. В иных случаях профработников, являвшихся членами партии, исключали из рядов партии, а затем их отстраняли от работы в профсоюзах. Эти дела также часто отправлялись в НКВД. Другие стали жертвами ВЦСПС, который затем передавал компрометирующие материалы в НКВД. Для одних репрессия была длительным процессом, проходящим через болезненные и неопределенные этапы. Других сразу же сажали в тюрьму, а профсоюзы, партия и ВЦСПС поспешно старались от них избавиться. Профсоюзы увольняли людей, которые уже исчезли с их поля зрения или были расстреляны. Это было жуткое сюрреалистическое зрелище: руководящие органы партии, ВЦСПС и профсоюзов регулярно проводили собрания в повестке дня которых стоял единственный пункт: исключение из партии или профсоюзов или увольнение с работы людей, которые давно уже прекратили свое земное существование.

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org

В январе 1938 года профработникам в какой-то момент показалось, что ЦК ВКП(б) решил остановить безудержный вал репрессий – увольнений, обвинений и клеветы, которые нанесли тяжелый удар по профсоюзам и партии. Они осторожно критиковали наиболее вопиющие эксцессы террора, используя фигуру «пострадавшего честного рабочего», чтобы поддержать отказ от политики террора. Но январский пленум ЦК в 1938 году только осложнил ситуацию. Начались восстановления на работе, в партии и в профсоюзах, параллельно продолжались аресты. Это породило неразбериху и еще больше парализовало деятельность напуганных профработников. Теперь совершенно невозможно было отделить «врагов» от невиновных. Воцарился хаос.

фото 8. А.В. Артюхина – председатель ЦК Союза рабочих текстильной промышленности Москвы и Ленинграда. Фотография взята с сайта www.cultinfo.ru

фото 9. Председатель ВЦСПС Н. М. Шверник. Фотография взята из журнала «Вопросы профдвижения» № 9-10. Май 1937 г.

ГЛАВА 6. РИТУАЛЫ МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ

Враги (партии) знают, как маскироваться. Наша задача – как бы они не маскировались, сорвать маску с их лица.

Буданов – член парткома ликероводочного завода, 1938 г. {439}, [60]

Умных расстреливают, а дураков оставляют.

Марголин – арестованный член парткома завода «Динамо» {440}

«Нужно было собрать актив комсомола, да так набить Марголину зубы, чтобы он в другой раз помнил».

Старичков – секретарь парткома завода «Динамо» {441}

В 1937 году с прежней терпимостью в заводских парткоммах было покончено. Как заметил секретарь парткома крупного машиностроительного завода «Динамо» Старичков: «Мы должны быть <...> твердыми.. Мы должны вооружиться бдительностью». {442} Всю осень 1936 года партийное руководство настойчиво подталкивало парткомы к поиску врагов в своих собственных рядах. Судебные процессы в Кемерово и по делу Пятакова, февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 года и кампания за демократизацию профсоюзов – все эти мероприятия служили популяризации репрессий. Партийные руководители настаивали на участии рядовых членов партии в «разоблачении врагов», призывали находить скрытых врагов до того, как тех арестуют органы НКВД, а также разоблачать бесчестных и недобросовестных руководителей. Вскоре парткомы были поглощены психологически и организационно сложным процессом поиска и «разоблачения» скрытых врагов в рядах партии. Коммунисты, настроенные друг против друга, становились активными участниками репрессий. Чрезмерно занятые проверками, допросами и исключениями из партии, они писали доносы в первичные парторганизации, цехкомы, завкомы, райкомы и горкомы партии, а также в различные инстанции НКВД. Многие дела, которые были переданы на рассмотрение парткомов, начинались с открытых обвинений или писем, которые публиковались в заводских газетах. Процесс развивался неравномерно. Некоторые парткомы значительно быстрее и полностью втянулись в него, другие запаздывали. Так, партком завода «Серп и молот», где работало более 700 членов партии, был целиком охвачен взаимными обвинениями, несмотря на то, что директор завода П. Ф. Степанов неоднократно пытался их придержать, призывая сохранять некое подобие здравого рассудка и сосредоточить внимание на производстве. На текстильной фабрике «Трехгорная мануфактура» кампания по «разоблачению» шла медленнее, несмотря на арест директора фабрики в начале 1937 года. {443}

Причины, по которым члены партии могли подвергнуться преследованию, можно было разделить на четыре категории: социальное происхождение или политическая деятельность в прошлом; связи с арестованными членами семьи, друзьями или наставниками; идеологические ошибки; несчастные случаи на производстве, нарушения правил техники безопасности и проблемы, связанные с производством. Все заводские парткомы соблюдали определенную процедуру, которая предполагала соответствующие действия. Например, от членов партии требовали написать заявление, если они подозревали кого-то во «вражеской» деятельности или вредительстве, если услышали подозрительный разговор, узнали об аресте родственника, друга или наставника, а также, если получили компрометирующую информацию на кого-либо. Заявитель мог написать о себе самом или о других, такое заявление имело форму личного признания,

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org
обвинения, слуха или даже подозрения, не подкрепленного фактами. Не предполагалось никаких негативных последствий, если сведения, изложенные в заявлении, не будут подтверждены доказательствами, но если заявление не было написано, то последствия были неизбежны. Например, недонесение об аресте родственника являлось основанием для исключения из партии и даже для ареста. Это был мощный стимул для доносительства, главное – защититься от последствий недонесения. В течение 1937 и 1938 годов во все инстанции НКВД и партии посыпался шквал подобных заявлений. Их рассмотрению заводские парторганизации посвящали уйму времени.

На заводах структура членства в партии представляла собой пирамиду, вершиной которой была первичная парторганизация, а основанием – цеховые комитеты. Партком являлся выборным органом из 10-15 человек, и был верхушкой пирамиды, представлявшей всех заводских членов партии. Члены партии имелись во всех структурах завода: среди рабочих, мастеров, начальников цехов, в дирекции. На заседаниях парткомов и общезаводских собраниях, где присутствовало от десяти до сотен человек, были представлены разные, даже противоположные, интересы. На крупных и значимых заводах было несколько сотен членов партии; на более мелких предприятиях – ни одного. На машиностроительном заводе «Динамо», где было занято около 7 тыс. рабочих в 18 цехах, насчитывалось 700 коммунистов и кандидатов в члены партии. На фабрике «Трехгорная мануфактура» работало более 500 членов партии.

Цехкомы и парткомы обсуждали заявления на собраниях, которые напоминали судебные процессы.^{444} Члены цеховых комитетов первыми знакомились с обвинениями и решали, что надо предпринять. Затем партком рассматривал их решение и представлял дополнительные свидетельские показания и «доказательства». Секретарь парткома предъявлял обвинения. Обвиняемый или обвиняемая сами себя защищали, другие члены парткома задавали им вопросы. Партийный секретарь высказывал свое мнение, и в конце собрания члены партии голосованием принимали решение. Однако не существовало правил, которые бы регулировали процедуру представления доказательств. При рассмотрении дел опирались на слухи. Очень часто вопросы были откровенно предвзятыми, а члены парткома агрессивны настроены. И поскольку один «процесс» следовал за другим, отношения между самими членами парткома были очень сложными: они сами оказывались то в роли присяжного заседателя, то обвинителя, обвиняемого; соседствовали чувства враждебности и союзничества, переплетение которых создавало атмосферу напряженности. Арест органами НКВД каждой новой жертвы вынуждал парткомы снова и снова устраивать проверки среди коллег арестованного его подчиненных и начальников. Таким образом, с 1937 года процесс запускался изнутри; «террор» на предприятиях стал самообразующимся и самовоспроизводящимся процессом.

Эта глава написана на основе стенографических отчетов заседаний парткомов за период с 1937 по 1939 годы на пяти московских промышленных предприятиях, это: машиностроительный завод «Динамо», металлургический завод «Серп и молот», станкостроительный завод «Красный пролетарий», ликероводочный завод и текстильная фабрика «Трехгорная мануфактура». Показана практика деятельности организаций как своего рода движущей, силы, переносящей целые коллективы в фантазмагорический мир населенный врагами и вредителями.^[61] Стенографические отчеты, дословно фиксируя каждое слово, позволили услышать выступления давно ушедших людей, понаблюдать, как менялись их взаимоотношения, проследить их судьбы. Происходившее на этих заседаниях дает представление о конфликтах, дружеских связях и обидах, из которых складывалась повседневная жизнь и политическая культура на заводах. Они показывают, как члены партии переходили от стадии обвинений к встречным обвинениям со стороны обвиняемых, от исключения из партии отдельных ее членов к коллективному хаосу и истерии. Иными словами, как сами люди активно организовывали действие и реагировали на события, которые были одновременно их коллективным творением, но в то же время выходили из-под их контроля.

Отклонения от «героической» биографии

Весной 1937 года члены партии на заводах начали проверять старые документы и протоколы собраний, чтобы «разоблачить врагов» в своей среде. Еще в конце осени 1936 года даже прежняя оппозиционная деятельность не являлась достаточным основанием для исключения из партии. Многие члены партии некогда были активными участниками оппозиции, некоторые из них даже были исключены, а затем снова восстановлены. Теперь доказательство прошлой оппозиционной деятельности, которое раньше являлось лишь поводом для

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org

сомнений, стало решающим критерием для исключения. Члены партии оценивали друг друга по степени «героизма» биографии, что подразумевало принадлежность к рабочему классу или бедному крестьянству полную непричастность к политической оппозиции и «прозрачность» родственников, которых могли похвастаться тем же происхождением и политическими взглядами. Любая, чьи биографические данные не соответствовали жестко установленным критериям, мог подлежать исключению из партии и увольнению с работы, независимо от того, насколько он был преданным, работающим и самоотверженным человеком. Однако чем дольше человек состоял в партии, тем было труднее сочинить «незапятнанную биографию». Парткомы начали проверять деятельность людей во время Гражданской войны, а также их возможную принадлежность к другим политическим партиям, таким как Бунд (еврейский рабочий союз) или эсеры (социалисты-революционеры). Несмотря на то, что партийные евреи раньше состояли в Бунде, который официально слился с партией большевиков в 1920 году, принадлежность к этой партии в прошлом теперь была основанием для подозрений. Фактически любое из нижеприведенных событий биографии бросало подозрения на члена партии:

- проживание за границей или на территории, занятой белыми во время Гражданской войны;
- родственники за границей;
- переписка с людьми за границей, включая родственников;
- родственники из кулаков, представителей духовенства, купцов, коммерсантов или помещиков;
- оказание материальной поддержки арестованным членам партии, родственникам, друзьям, руководителям или случайным знакомым;
- принадлежность к оппозиции в прошлом или связи (даже случайного характера) с теми, кто участвовал в оппозиционной деятельности.

От членов партии требовали представить заявление о том, имеет ли к ним отношение какое-либо из перечисленных «компрометирующих обстоятельств». Например, если им становилось известно, что чей-то родственник или друг был арестован, они должны были немедленно доложить об этом в партком. Заседания парткома были полностью посвящены зачитыванию заявлений, рассмотрение которых давало «пищу» для последующих «разборок». В 1938 году партком ликероводочного завода признал, что начиная с 1937 года, был всецело занят обвинениями и «разоблачениями». На старого члена партии Гульбиса[62] обрушился град нападок, после того как партком обнаружил, что во время Гражданской войны он недолгое время находился в плену у белогвардейцев. По всей видимости, белые нашли его партийный билет, но не расстреляли. Почему? Буль-бис объяснил, что его пожалел один доброжелательно настроенный белогвардеец и помог ему сбежать. Партком посчитал эту историю подозрительной и засыпал его вопросами. Может быть, Бульбис оказал какую-то услугу белым, и за это они его отпустили? Возможно, он был «двойным агентом»? Бульбис не смог правдоподобно объяснить свое освобождение, и теперь, спустя почти двадцать лет, его исключили из партии за «темные пятна в биографии», а затем арестовали. В конце 1930-х годов бурная история революции и Гражданской войны была сведена к механистическому описанию надуманных образов злодеев и героев. Не было места для отклонений от «типажа» – ни для белогвардейца, который мог так поступить из жалости, ни, конечно же, для красноармейца, который мог совершить сомнительный поступок ради спасения своей жизни. Этим история Бульбиса не ограничилась, этот случай испортил отношения между членами партии, поскольку обнаружились факты, затронувшие его друзей и коллег.

Член парткома Гече был близок к Бульбису до его ареста. Его товарищи по работе, ожидавшие, что его вскоре отправят в тюрьму вслед за Бульбисом, относились к нему как к изгою. Гече жаловался: «Я считаю неправильным отношение отдельных коммунистов ко мне. Я – член парторганизации, со мною не садятся рядом, потому что я работал с Бульбисом. Я пошел в клуб, сидевшие около меня поднялись и ушли». Когда Гече зашел в партком, двое находившихся там людей приветствовали его молча. Гече, пытаясь начать разговор, сказал: «Здравствуйте». Ответом было молчание. Он повторил приветствие. Ему ответили: «А, здравствуйте!», – «Это показывает, что как будто я в стороне, я незнаком». Когда он вышел во двор завода, люди интересовались с убийственным юмором: «Ты еще жив?» Наконец, не выдержав

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
отстраненности своих товарищей, Гече пришел к секретарю парткома. Ссылаясь на свою прошлую жизнь в Латвии, он сказал в отчаянии: «Если есть подозрение, – заберите, если я латышский фашист[63], – заберите. Если есть плохое – скажите. А вот люди как-то стараются держаться от меня подальше». {446}

В июле 1937 года Политбюро подписало ряд приказов[64], за которыми последовали сотни тысяч арестов. Так, приказом № 00447 о «массовых операциях»[65] устанавливалось, какое количество преступников, представителей духовенства, религиозных активистов, бывших кулаков и других «вражеских элементов» подлежало аресту и ликвидации. За ним следовал приказ № 00485 о начале массовой операции против лиц польской национальности[66] и приказ № 0486 об аресте жен «врагов народа». {447} В городах на тех, кто не имел паспортов, устраивали облавы и арестовывали. Тысячи крестьян, вернувшихся из ссылки, арестовали в сельской местности. Целью «массовых операций» были «маргинальные элементы», но эти аресты отразились на рабочих и коммунистах. Многие имели родственников, которые были раскулачены или бежали из деревень. Независимо от степени «чистоты» биографии члена партии, не всегда факты из прошлой жизни его родственников были безупречными. К осени 1937 года негативные последствия массовых операций затронули и заводы. Члены партии начали сообщать о своих арестованных родственниках. В ноябре П. М. Ларкин – член парткома завода «Серп и Молот» написал в заявлении, что его 63-летний отец, колхозник, арестован. Ларкин узнал об аресте отца от своего старого деревенского друга. «Как ты думаешь, за что его могли арестовать?» – спросил товарищ по партии. Ларкин печально ответил: «За что арестован отец – не знаю. Он никаким налогом не облагался. Я был у него последний раз проездом в 1933 году. <...> Нигде ни в чем не был замешан. <...> Судили руководителей колхоза за то, что пропили хлеб и погубили сад. Отец к этому делу не причастен». Партком проголосовал за продолжение расследования этого дела. {448}

На фабрике «Трехгорная мануфактура» члены партии также сообщали об арестах своих деревенских родственников. Яркин, член партии с 1919 года, написал заявление, в котором сообщалось, что его двоюродный брат работал в совхозе в Башкирии. Когда начался падеж крупного рогатого скота, брата обвинили во вредительстве. Яркин не видел своего родственника с 1921 года. Один член партии спросил его предвзято: «Как ты думаешь помочь парторганизации выявить твою связь с братом?» Одна работница неприязненно добавила: «Я работала с т. Яркиным и никогда от него слышала ни о брате, ни о совхозе, в котором работал брат». После многочисленных вопросов конец дискуссиям положил Павлов, работавший в заводском гараже, он сказал сочувственно: «...Выяснить отношения братьями, конечно, очень трудно. Я думаю, что заявление т. Яркина об аресте его брата, с которым он связи не имел, принять к сведению». {449} Возможно, своевременное вмешательство Павлова объясняется тем, что и в его биографии были свои секреты. Спустя месяц он написал заявление, что муж его сестры арестован в колхозе под Рязанью. В ходе строгих расспросов Павлов рассказал, что семья его шурина, высланная в период коллективизации за принадлежность к «кулакам», вернулась домой после окончания срока ссылки. Павлов поклялся, что, несмотря на то, что провел своей отпуск в колхозе, он ничего не знал о своем зяте. Вопросы стали более жесткими:

- Почему ты раньше никогда не говорил, что у тебя есть раскулаченные родственники?
- Я как-то этому делу не придавал никакого значения.
- Какое настроение было у арестованного? – Я ничего за ним не замечал.
- какое у тебя было хозяйство в деревне?
- До призыва в армию крестьянствовал с дедом, потом работал сезонником. С 1925 года работаю на «Трехгорке».
- Как это ты до сих пор не интересовался твоими раскулаченными родственниками в деревне?

Вопросы продолжались. Наконец, партком согласился на дальнейшую проверку родственников Яркина. {450}

Политически скомпрометированные родственники был одним из многих факторов,
Страница 105

портивших «чистые» биографии других. Ряду членов партии пришлось отвечать на неудобные вопросы об их отношении к левой оппозиции в 1920-е годы. Я, И. Сокол, 28-летний коммунист завода «Серп и молот» являлся представителем поколения, которое воспользовалось предоставленными советской властью возможностями «социального лифта». Он был слишком молод, чтобы участвовать в революции, достиг совершеннолетия в конце 1920-х – в период острых политических дебатов. Он вступил в комсомол, когда работал на заводе в Киеве, а в 1930 году стал членом партии. Партия сразу направила его в технический ВУЗ для получения образования, а затем направила молодого инженера на работу на завод «Серп и молот». В 1937 году он стал начальником отдела технического контроля калибровочного цеха. Когда слухи о том, что Сокол в юности был членом троцкистской группы в Киеве, дошли до парткома, одного из членов парткома Петрова послали разузнать правду. Основываясь на полученной информации, партком обвинил Сокола в троцкизме. Сокол, представ перед парткомом, постарался опровергнуть обвинения. Он объяснил, что в то время троцкистская группа в Киеве состояла из молодых рабочих-комсомольцев. Они распространяли листовки на заводе и в здании райкома комсомола. Когда Сокол стал секретарем комсомольской ячейки, он порвал с группой. «Я громил эту группу, – сказал он. – Это можно проверить. Я там вступал в партию, проходил чистку ВКП(б) 1929 г. Ребята эти были из рабочих. Организовывали их троцкисты не на заводе, а на квартирах. Раньше мы все были товарищи. После исключения их из ВЛКСМ ни я, ни они у меня не были». Сокола попросили назвать имена молодых рабочих – активистов группы, он немедленно выполнил просьбу. Один из них работал на заводе «Электросталь» на юго-востоке Москвы [67]. Список лиц, названных Соколом, расширил это дело и вызвал поток новых вопросов: «Ты никому не заявлял о том, что оппозиционер работал на Электростали?», «Кто еще из этих оппозиционеров арестован?», «Откуда ты знаешь Клинкова?» – «Он был секретарем РК потом секретарем окружка», – «Когда ты встречался с Клинковым?» Клинков, выдвинутый на более высокий пост в ЦК ВЛКСМ Украины, к тому времени был уже арестован. Сокол доказывал, что он встречался с молодыми рабочими-троцкистами исключительно для того, чтобы разубедить их в своих взглядах. Секретарь парткома завода «Серп и молот» извлек протокол партсобрания 1927 года. «Там ты выступал», – настаивал секретарь. «О чем вы говорите? – напуганный Сокол начал заикаться. – Я не такой грамотный уж был. Мог и ошибиться». Из протокола следовало, что

Соколов защищал оппозицию. Он умолял партком принять во внимание политический контекст: «Выступлений ведь раньше много было. В 1927 году много было споров. Шел вопрос о том, доверять ЦК или не доверять». Наконец, Петров подвел итог своей поездки в Киев: «По поручению парткома завода я расследовал дело Сокол. В 1927 году часть ребят-троцкистов действовали открыто. Вторая же часть оставалась скрытой. Основой оппозиционеров были Ернышев и Розенберг. Розенберг был самым близким другом Сокола. Партийная организация все дело просмотрела. Среди рабочих был целый ряд собраний, о которых Сокол не заявляет. Клинков выступал против этой группы и двурушничал, потому что впоследствии собирал их всех у себя на квартире. Все дело вел Розенберг... Скорее всего, в этом ему помогал Сокол. Клинков рекомендовал Сокола в партию. Я говорил со многими, которые заявляли, что Сокол был очень дружен с Розенбергом... Розенберга выгнали из партии в 1933 году... Комитет комсомола тогда был весь троцкистский». Вначале Сокол пришел в замешательство, был напуган обвинениями в свой адрес, но вскоре понял, что произошло. Клинков – второй секретарь ЦК комсомола Украины, Розенберг и несколько рабочих киевского завода были недавно арестованы. По всей стране парткомы собирали сведения о разветвленных дружеских, рабочих и партийных связях между молодыми членами этой группы, сложившиеся в 1920-е годы. {451}

Ларкин, сообщивший об аресте своего отца за месяц до описываемого события, стремился продемонстрировать свою бдительность. «Вы поддерживали связь с троцкистом», – сказал он Соколу. «Сокол участвовал вместе с этими людьми на троцкистских собраниях. Мое предложение: за скрытие участия в троцкистской оппозиции Сокола из партии исключить». Заседание становилось все более неорганизованным по мере того, как члены партии начали выкрикивать: «Его надо исключить из партии и снять с работы уполномоченного по избирательным участкам!» «В 1930 году он произнес контрреволюционную речь!» «В 1926 и в 1927 году я был в Украине. Там много орудовало троцкистов... В Польше был убит Войков, несомненно, с участием троцкистов. В Украине были восстания кулаков... В партии Сокола оставлять нельзя». Среди всеобщего шума Петров, повысив голос, потребовал, чтобы свидетельские показания Сокола были направлены обратно в парторганизацию Киева, чтобы там могли выявить всех настоящих оппозиционеров. Наконец, Петров поставил точку в данном вопросе:

«Многие из рабочих говорили, что Сокол – карьерист. Ничего общего у него с заводом не было, и ему нужно было только пролезть в партию и в институт». Партком проголосовал за его исключение из партии за то, что он скрыл свою связь с известными троцкистами и произнес «контрреволюционную речь» на партийном собрании в 1930 году{452} Случай Сокола был похож на многие другие. Несмотря на то, что Сокол был добросовестным инженером, молодым рабочим, получившим образование благодаря партии, его биография оказалась значительно более сложной.

Тысячи людей были обмазаны дегтем обвинений в «троцкизме» из-за личного участия в деятельности оппозиции или контакта с родственником, руководителем или другом, имевшим отношение к оппозиции. А. С. Фомин – начальник четвертого механического цеха пришел на завод «Динамо» в 1923 году, начинал механиком цеха, сочувствовал левой оппозиции. Некоторое время он работал в отделе технического контроля, а со временем стал начальником цеха. Когда начальник отдела контроля и несколько старых товарищей по цеху были арестованы за троцкизм, Фомин оказался в сложном положении. Разин – один из членов парткома заявлял, что заводом «Динамо» в 1926-1927 годах «управляли троцкисты»: «Они распространяли троцкистские прокламации, и в каждом рабочем ящике, на верстаке можно было найти листовки». В самое «напряженное время», когда нужно было бороться, Фомин прекратил платить членские взносы и вышел из партии. В 1929 году у Разина состоялся долгий разговор с Фоминым касательно его отношения к партии. Фомин ответил: «Теперь я смотрю уже по-другому, чем это было в 1927 году». Разин посоветовал ему вновь вступить в партию. Фомина беспокоило не то, что он что-то сказал или сделал. В основном он был расстроен из-за того, что был близок с некоторыми работниками завода, которых позже арестовали как троцкистов. Как начальник цеха он также когда-то восстановил на работе Уткина, которого уволили за то, что «итальянил»[68] при пересмотре норм. Отношение Фомина к «троцкизму» отличалось от отношения Сокола. Фомин никогда не был членом левой оппозиционной группы и никогда активно не обсуждал идеи троцкизма. Защищаясь, Фомин подчеркивал свою преданность, предлагая список фамилий людей, которых он заранее обвинял. Но все-таки партком его исключил, заявив: «Фомин имел тесную связь с троцкистами, ныне арестованными. Эта связь выражалась в том, что эта группа троцкистов собиралась систематически, и в этих собраниях принимал участие Фомин... Он не помогал парторганизации. Фомин ни разу не написал на них заявление».{453} Таким образом, основная ошибка Фомина заключалась в том, что он не разоблачил своих друзей, которые впоследствии были арестованы. Случаи, подобные истории, происшедшей с Фоминым, способствовали нагнетанию атмосферы страха и обличений. Если человека могли исключить или арестовать только за то, что он не донес на кого-то, кто еще не был выявлен как враг, единственным поступком, гарантировавшим защиту, было заявить на каждого.

Общим сюжетом большей части заявлений была информация о членах партии, занимавших руководящие должности. Весной 1937 года партком завода «Серп и молот» получил более тридцати заявлений на П. Ф. Степанова – директора завода; его обвиняли в «связях с врагами», растрате, вредительстве и прочих преступлениях и правонарушениях. Почти все лето партком занимался расследованием этого дела и расспросами Степанова, почти не оставляя ему времени для руководства заводом. На первый взгляд у Степанова была безупречная биография. Сын бедного рабочего, он возглавлял завод в горячую пору революции, вступил в партию в 1918 году и вырос до руководящей должности. Во время подробного допроса обнаружилась, что у Степанова, проверенного директора крупнейшего московского металлургического завода гораздо более неоднозначная и сложная история.{454}

Отец Степанова – сын крепостных был алкоголиком, который время от времени работал рабочим или мелким торговцем. Он ушел из семьи, когда Степанову было восемь лет. Его юность была омрачена ужасающей бедностью, алкоголизмом и политическим заблуждением. Во время мучительных допросов партком подробно обсуждал отношение Степанова к рабочему движению после революции 1905 года. «Расскажи о своих политических взглядах до 1917 года, – потребовал секретарь парткома Бубнов. «А я разложился и других разлагал», – признался Степанов. «[Это] не политический ответ», – язвительно ответил Бубнов. Другой член парткома добавил: «Может быть, ты хочешь сказать, что политически разложился и других политически разлагал?» Степанов нехотя повторил: «Сам разложился и способствовал разложению пролетариата». Под сильным нажимом Степанов признался, что пел в церковном хоре. С надеждой он добавил, что они пели песню о крестьянском мятежнике – Степане Разине. «Здесь разговор идет не о Стеньке Разине, а о политической организации,

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org

которая тебя использовала, – резко сказал другой член парткома. – [Ты] достаточно политически грамотный человек, чтобы партийному комитету дать ясный ответ. Какая же организация использовала тебя?». Степанов молчал. Партком снова спросил его об организации, которая финансировала хор. Было две организации: «черная сотня» (черносотенцы) – общеизвестная антисемитская организация и организованный полицией союз «зубатовцев». После долгого неловкого молчания Степанов стыдливо прошептал: «Я сказал, что церковники-черносотенцы использовали меня». С сарказмом Бубнов сказал: «Цель черносотенцев, привлекая люмпен-пролетариат, была не только для участия в пении в хоре. А какая основная цель была? Что ты делал?» – «Пел...» «Были люди, которые участвовали в погромах?» – спросил Бубнов. – «Были...». Степанов признался, что к 1909 году он был отупевшим от пьянства алкоголиком, уже не мог петь, и даже черносотенцы потеряли к нему интерес. «Стыдно было самого себя», – пояснил он. «Со мной перестали здороваться все товарищи». Однажды вечером он попал в театр и посмотрел «Бедность – не порок». «На меня эта пьеса произвела сильное впечатление, – подробно рассказывал Степанов. – Я сразу же кончил пить». Трудовую деятельность он начал на заводе Бромлея, позже переименованном в «Красный пролетарий», который был зачинщиком волнений среди рабочих, – и стал участником рабочего движения. На этом заводе меньшевики и большевики действовали заодно. Как и многие рабочие в то время, Степанов не чувствовал различий между ними. Это разозлило некоторых членов парткома, захотевших узнать, к какой фракции он присоединился.

«Мне непонятно, как вы не знали, к какому течению примыкали, то ли к большевикам, то ли к меньшевикам, – сказал один из них. «Путаница была», – ответил Степанов. «А как знали тебя рабочие?» – спросил другой. Партком попал в затруднительное положение, запрашивая показания рабочих завода Бромлея. Бубнов сказал: «Богданович пишет, что знает Степанова как активного меньшевика. Есть докладная записка Богдановича».{455}

В биографии Степанова обнаружилось темные пятна, история его жизни была полна запутанными и непредвиденными обстоятельствами. Степанов – «верный сын народа» когда-то был безнадежным морально разложившимся алкоголиком, участником антисемитской организации и революционным рабочим, который не был ни большевиком, ни меньшевиком. Его социальное происхождение также не подлежало четкой категоризации. Его отец был крестьянином, рабочим, торговцем и пьяницей, бросившим семью. По большому счету, Степанов был бедным рабочим, который активно участвовал в революции, и победа принесла ему огромную пользу. Но в 1937 году партком оценивал Степанова по меркам, которые никоим образом не могли соответствовать реальной истории революции с человеческим лицом.

Необходимость иметь безупречные биографические данные требовала жертвовать не только отдельными личностями, но также лишала партком возможности работать. Немногие члены партии могли выдержать безжалостные допросы, предшествовавшие назначению на высокий пост. Например, в 1938 году партком ликероводочного завода не мог предложить в достаточной степени «чистых» кандидатов для работы в райкоме партии. На фабрике было 114 членов партии, 27 кандидатов и 47 «сочувствующих».{456} Кандидаты, предлагавшиеся на высокие партийные посты, подвергались изматывающим проверкам со стороны своих же товарищей по партии. Проверка парткомом Куликовой, вступившей в партию в 1929 году, была типичным примером такой тщательной разборки. Куликова происходила из рабочей семьи, в тринадцатилетнем возрасте начала работать. Во время Гражданской войны она и ее отец потеряли работу. В то время из-за нехватки топлива и материалов закрывались многие заводы. Как и многие другие отчаявшиеся горожане, ее отец начал торговать на рынке, чтобы его семья не умерла от голода. В 1920-е, годы высокой безработицы пожилой человек не смог снова найти работу и он продолжал торговать. Пересказывая основные факты своей биографии, Кулакова не скрывала, чем занимался ее отец. Товарищи по партии быстро переключились на ее социальное происхождение. Была она дочерью рабочего или торговца? Голос с места прозвучал жестко и твердо:

- Говорят, что Куликова сама торговала.
- Все знают, что я никакой торговли не имела и не могла ее иметь...
- А какую отец торговлю имел?
- На рынке торговал конфетами. Ему было 65 лет, как раз безработица.

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
Домовладелец наш – фабрикант говорит: «Берите конфеты». Нужно было ему пенсию хлопотать, он сам не догадался, а я не натолкнула его на это, Я как раз разошлась с мужем, – было тяжело.

– Говорят, что он раскулаченный.

– Раскулаченным он не мог быть. У нас никакого хозяйства не было. Я живу в этом доме с 1914 года, Он был лишен избирательных прав в 1929 году по склоке и восстановлен.

– Торговал на рынке с корзины или была палатка?

– Был лоток.

– Где ваш муж?

– Живет со мной.

– У меня есть сведения, что какие-то Куликовы торговали.

– Куликовы в Рогожской были торговцами, но по отцу я – Егорова.

– Ваш муж был связан с врагом народа, который был арестован. Я говорю об Эйдемане [должностное лицо в Осоавиахиме. – В. Г.]. Был он у Вас в гостях или нет?

– Какая глупость! Мой муж работал в Бауманском Совете Осоавиахима простым работником... Мой муж лично с Эйдеманом не был знаком... Он знал Эйдемана только как начальника, не больше.{457}

Партком ликероводочного завода тщательно проверял всех своих членов, но немногие выдержали эту проверку. Заместитель директора завода Викулов был тесно связан с недавно арестованным «врагом народа» из транспортного отдела, Борисовой: дочь бедных крестьян она в детстве работала на торфоразработках, и чтобы зарабатывать на жизнь училась рукоделию в монастыре. Какая-то работница произнесла: «Я слышала, она была монашкой». Перебранка между членами парткома была мелочной и недоброжелательной. Борисова развелась с мужем в 1923 году и почти четырнадцать лет жила отдельно от него. Узнав, что он был арестован за пьянство, одна партийная работница воскликнула: «Мой муж пьет, а его не арестовывают!». Другая злобно отметила: «Все говорят, что с мужем живет плохо, он пьянствует. Последнее время он запил и месяца три не работал. Может быть, за это его арестовали». Борисова устало повторила: «Я не живу с ним с 1923 года».{458}

В 1937–1938 годах парткомы копались в событиях далекого прошлого. Испуганные члены партии один за другим подавали заявления, после чего шли на заседания, где их допрашивали товарищи, жаждавшие их «разоблачения». Очень немногие не имели недостатков. Эти «слабости» не вызывали сочувствия. Потребность в демонстрации «бдительности» провоцировала углубление расследования, в результате росло количество жертв. В конечном счете, подобная тактика самозащиты была обречена на провал. На короткое время она обеспечивала «прикрытие» для отдельно взятого человека, но в целом подвергала риску всех.

«Семейственность»: число арестованных растет в геометрической прогрессии

Многих членов партии исключали или арестовали за связи с арестованным родственником, должностным лицом, другом или коллегой. По мере того как атмосфера все сильнее накалялась, и истерия охватывала все больше народа, связи с так называемыми врагами становились основанием для исключения из партии. Из-за этих связей члены партии подвергались долгим и неприятным допросам о характере контактов с жертвой и их частоте. Когда начались аресты управленцев, и парткомы принимались изучать их «окружение», одна жертва выводила на множество других людей, в контакт с которыми вступал арестованный. По мере обнаружения все большего количества компрометирующих материалов расширялись масштабы расследования. Таким образом, в процесс обвинения кого-то в связи с кем-либо стремительно вовлекалось все больше людей.

История инженера завода «Динамо» члена ВКП(б) Быстрицкого служит этому

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org

отличным примером. Вначале Быстрицкого проверял партком, поскольку было арестовано несколько человек, с которыми он работал. В ходе расспросов обнаружилось дополнительные, губительные для него детали. Члены партии показали, что Быстрицкий получил денежный перевод от своих родителей, живших после революции за границей. Быстрицкий клялся, что его отец был рабочим, но член парткома резко ему возразил: «Трудящимся выезжать было незачем... Мы знаем, что за границей заработок очень мал, а здесь получается, что капиталисты платят хорошо. Я считаю, что решение партийного комитета об исключении Быстрицкого из рядов ВКП(б) правильно». Затем секретарь парткома сообщил ошеломляющую новость. Он объявил, что только что получил информацию об аресте брата Быстрицкого. Быстрицкий был в шоке. «Здесь люди говорят вещи надуманные, – мягко сказал он. – Относительно заявления <...>, что брат мой <...> арестован, мне стало известно только сейчас. Здесь хотят меня убедить, что мой отец – капиталист, а я убежден, что он труженик, знаю я это, с тринадцати лет я помогал ему в работе». Но о Быстрицком имелось много компрометирующих сведений: «семейственность», тесные связи с арестованными членами руководства завода и инженерами, недавно арестованный брат и живущие за границей родители, пытавшиеся его материально поддержать. Партком проголосовал за его исключение. Спустя два месяца Быстрицкого арестовали. {459}

На каждом заводе людей исключали из партии и арестовывали целыми группами накануне ареста их общего знакомого или коллеги. Например, на заводе «Динамо» аресты некоторых должностных лиц повлекли за собой аресты множества других людей. Начальник экспериментального участка завода Прохоров, начальник второго механического цеха Крейцберг, технический директор Толчинский и начальник бюро опытных образцов электровозов Хайлов – все они работали над производством экспериментальных электровозов. Когда этих четверых арестовали за троцкизм, партком начал проверку их выдвиженцев, друзей и наставников. После ареста Хайлова партком начал проверять биографии Мениса, Хведченя и Корнеева, также работавших над локомотивами. Когда сестра работница Корнеева – комсомолка начала защищать своего брата перед знакомым, этот человек заявил о высказываниях Корнеевой. В результате ее исключили из комсомола. Таким образом, последствия после первых арестов распространились по вертикали вниз, на рабочих, а также и по вертикали вверх. Жертвами стали начальники цехов и руководители, имевшие тесные связи с директором завода М. Е. Жуковым. Жуков – член партии с 1918 года обвинялся в том, что «окружил себя <...> врагами народа». {460} После исключения из партии, он был уволен со службы. После пожара на заводе за вредительство арестовали протеже Жукова – заместителя директора по финансам Шейнина, а также начальника цеха металлолома Клюпова и Романова – начальника исследовательского бюро. {461} Заявления лились потоком, назывались имена их друзей и коллег, включая руководителя по фамилии Агуреев, который был связан с Фоминым – начальником четвертого механического цеха и техником цеха Марекон. {462} После проверки в парткоме и исключения из партии, эта группа оказалась в руках НКВД. {463} Совместные действия цехкомов, парткомов и НКВД, а также анонимные заявления способствовали экспоненциально быстрому увеличению количества арестов. Арестом Жукова репрессии на заводе «Динамо» не закончились. На его место назначили нового директора по фамилии Ясвоин. Но его также скоро арестовали и заменили другим человеком.

Члены партии постоянно говорили об «абсолютной честности перед партией», о том, что «ничего не скрывают от партии», об «искреннем отношении к партии». Многие члены партии, занимавшиеся по настоянию руководства всеобщим разоблачением, попали в страшный переплет. Если они сообщали о вызывающих сомнение фактах биографии или связях, их подвергали строгим допросам и дальнейшему следствию. С другой стороны, если они своевременно не писали подробное заявление, их исключали из партии за бесчестность и утаивание правды. Но предоставление подробной информации вряд ли являлось гарантией безопасности. Когда Марголина – член партии, работавшая на фабрике «Трехгорная мануфактура, тайно получила от своего брата почтовую открытку в которой сообщалось, что ее замужняя сводная сестра осталась одна, она немедленно сообщила об этом секретарю парткома. Он строго предупредил ее не отвечать сестре. Спустя несколько месяцев брат снова написал ей, сообщил, что муж ее сводной сестры арестован. Затем за дело принялся партком. «Почему такая предосторожность к полученной открытке?», – лицемерно спросил член парткома. После долгого допроса партком проголосовал за то, чтобы написать во все соответствующие инстанции, включая органы НКВД и парторганизации, о ее сводной сестре, зяте, родственниках и друзьях, помогавших ей устроиться на фабрику, информировать их об аресте и

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org

затребовать дальнейшую информацию. {464} Наблюдая подобные истории, многие честные люди становились лжецами. Страхась предстоящих допросов, которые могли разрушить их собственные жизни и испортить жизнь других людей, они решали не признаваться в том, что знали об арестах. Они скрывали, что имеют родственников с «сомнительным» прошлым, перестали писать письма, разработали метод связи при помощи условных знаков и тщательно продумывали свою защиту с близкими друзьями и членами семьи, усугубляя атмосферу «виновности» и подозрений. В таком положении не было возможности быть честными.

От членов партии требовали разорвать отношения с семьями арестованных. Аресты разрушили тысячи семей, оставив детей, жен и престарелых родителей без материальной поддержки. Неужели было возможно отвернуться от голодного, истощенного ребенка, от преследуемой страхами страдающей матери, от запуганного старшего по возрасту ближнего? Многие члены партии были пойманы в эту ловушку и металась в ней, разрываясь между желанием помочь друзьям и родственникам к стремлением доказать свою «верность» партии. Член партии Грингауз, работавший в сборочном цехе на заводе «Красный пролетарий», прожил вместе со своей сестрой и ее мужем – Денисовым. После того как Денисова исключили из партии и уволили с работы, Грингауз помог ему устроиться на завод «Красный пролетарий». Денисова арестовали как шпиона. На заседании парткома Грингауза подвергли жесткому допросу: «Ты устроил Денисова завод после его исключения и не поинтересовался его политическим лицом. По существу, ты устроил шпиона на завод». Члены парткома спросили: «Кто бывал у тебя на квартире?» Грингауз назвал четыре фамилии. Члены парткома расспрашивали, какие велись разговоры, что говорили о политике. Грингауз утверждал, что ничего не знает, но ему никто не поверил. Один из членов партии заявил: «Грингауз путает и не говорит правду вместо того, чтобы помочь здесь выявить врагов до конца, он ведет себя как обыватель, говоря, что он встречался и говорил только о бытовых вопросах (с Денисовым), только обыденные пустяки. Конечно, говорились между ними и обсуждались вопросы, касающиеся международного характера». Его обвинили в том, что он «не разоблачил своевременно», за тесные связи с врагом, за то, что помог врагу попасть на завод, и не был честен. Грингауза исключили из партии. {465} В его истории не было ничего необычного. Связь с зятем наложила отпечаток на его собственную судьбу. Сообщение о других людях, провоцировало новые расследования и допросы.

Истерия нарастала по мере увеличения количества арестов и исключений из партии. Террор превратился в самогенерирующий процесс, производивший десятки новых «грешников» и «разоблачавший» их. На некоторых заводах, круг лиц, охваченных террором, ограничивался только этим предприятием, но в большинстве случаев выходил за его пределы. Террор в отношении людей, не работавших на заводе, распространялся и на заводчан, в том числе членов партии, которые вовлекали в процесс расследования представителей других «ячеек» и групп извне. Возможно, каждый гражданин являлся представителем взаимосвязанных кругов, покрывавших всю страну. Эти круги, сложившиеся в процессе разрушительных событий последних двух десятилетий, связывали руководителей с родственниками рабочих, самих рабочих с бывшими оппозиционерами, оппозиционеров – с родственниками крестьянского происхождения, крестьян с кулаками, а отцов-кулаков – с сыновьями, занимавшими руководящие должности.

Идеология и политический катехизис

Становившиеся все более жесткими требования лояльности и соответствующих биографических данных сопровождалась все меньшей терпимостью к идеологическим ошибкам. «Неправильная» формулировка или объяснение могли стать губительными для парторга или инструктора. Товарищи по партии, подслушавшие нежелательное высказывание в столовой, учебном кружке или общежитии, немедленно писали заявления, представляя оплошность как вражескую пропаганду. Известное высказывание Сталина о «социализме в отдельно взятой стране» обосновывало уничтожение не только одного отдельно взятого человека. Сталин придумал эту фразу в 1924 году во время дебатов с левой оппозицией после краха революции в Германии. Троцкий утверждал, что нельзя добиться окончательной победы социализма в отсталой крестьянской стране, находящейся во враждебном окружении. Сталин, неизменно искусный в полемике, извратил слова Троцкого и обвинил его в «пораженчестве». Сталин заявил, что можно построить социализм и в условиях капиталистического окружения. {466} В дебатах, которые изначально были «политическими» в самом узком смысле этого слова, каждая из сторон ссылаясь на выдержки из ранних

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org сочинений Ленина с целью дискредитировать друг друга. Хотя дискуссии и были связаны с разногласиями относительно темпов индустриализации и роли крестьянства, они не повлияли на приверженность каждого лидера своим собственным взглядам на построение социализма в Советском Союзе. Однако постоянное окарикатуривание Сталиным позиции Троцкого приобрело сакральный характер после ликвидации левой оппозиции. На этом «погорели» впоследствии многие партийцы.

Казалось, рабочие получали удовольствие, застигая парторганизаторов врасплох. Скучая в обязательных учебных кружках, они могли наивно спросить: «Отомрет ли государство? Можно ли построить социализм в одной стране?» На ошибках было поймано так много людей, что многие из партийцев заявляли, что они слишком невежественны, чтобы быть инструкторами. Лучше прослыть дураком, чем врагом. Катышев – партийный пропагандист на заводе «Динамо» предстал перед парткомом за то, что предложил обсудить «троцкизм». По словам Катышева, беспартийный рабочий подошел к нему во время обеденного перерыва и спросил, можно ли построить коммунизм в Советском Союзе. Катышев ответил «Нет». Позже он сказал: «В этом я допустил грубую ошибку, и эта ошибка по существу скатывается к теории троцкизма. Я хорошо этот вопрос не продумал». Затем, еще раз пытаясь выйти из затруднительного положения из-за теоретической ошибки, он объяснил: «Я считал, что коммунизм можно построить тогда, когда не будет государства, армии и других органов насилия. И эта ошибка у меня была потому, что я был не подготовлен». После того как Катышев клятвенно заверил партком, что внимательно проштудировал полное собрание сочинений Сталина, он отделался строгим выговором.{467} Но Катышев не был единственным, кто разбился об опасные камни. Двое других членов партии завода «Динамо» также были призваны парткомом к ответу: один из них настаивал на невозможности построить социализм в одной стране, другой утверждал, что при коммунизме диктатура пролетариата не «отомрет».{468}

Для членов партии оказалось особенно трудным преодолеть противоречия между ранней большевистской идеологией и сталинизмом. Нельзя было прямо отказаться от первоначальных революционных идей и лозунгов, таких как обещание «отмирания государства», но в обстановке того времени они предъявлялись в качестве обвинения. Например, в работе «Государство и революция» Ленин утверждал, что при социализме произойдет «отмирание государства». В начале 1920-х эта книга являлась ориентиром при выработке гражданского, семейного и уголовного кодексов. Однако к 1937 году направление развития законодательства, так же как идеологии, изменилось: был взят курс на построение сильного государства с властью, наделенной самыми широкими полномочиями. Сталин объяснил изменение курса в терминах «диалектики»: поскольку враги государства готовятся к нападению, они становятся более опасными и тем самым вынуждают государство укреплять свою власть. Однако после того как враги будут побеждены, в государстве не будет необходимости. Таким образом, усиление власти государства было частью самого процесса, ведущего к его «отмиранию».{469} Подобная софистика приводила в замешательство и заставляла многих рабочих и партработников почесывать затылки. Становилось государство сильнее или слабее? Прав был Ленин или нет? Что происходило на самом деле, и как можно было это объяснить другим?

Начальник цеха холодного проката на заводе «Серп и молот» член партии Д. Сагайдак был исключен из партии, а затем арестован за вредительство и отравление рабочих. Впервые он привлек внимание из-за одной «теоретической ошибки». В 1936 году он руководил заводским кружком по изучению новой, сталинской, Конституции; отвечая на кажущийся простым вопрос одной из работниц, он сказал: «Как вы думаете, государство сейчас “отмирает”?» Сагайдак, опираясь на выдержки из работы Ленина «Государство и революция», ответил утвердительно. Этот ответ был подробно изложен в заявлении товарища по партии, занимавшегося в кружке, что явилось причиной преследования Сагайдака. Его заставили отказаться от своих слов дважды: в первый раз перед членами кружка, и еще раз в длинном письменном «признании» в фабричной газете «Мартеновка». На заседании парткома, где принималось решение об его исключении из партии, один из членов парткома обратился к Сагайдаку: «Как вы могли сослаться на “отмирание государства” в момент жестокого натиска врагов на диктатуру пролетариата, на рабочий момент, в то время, когда все эти негодяи – банды троцкистов пытаются проникнуть на территорию Советского Союза?» Подобное утверждение является считать «вылазкой классового врага», «попыткой проводить контрреволюционную работу».{470}

В атмосфере того времени особому риску при служебных контактах с рабочими подвергались пропагандисты, руководители кружков и агитаторы. Многие из них произносили фразы, вырванные из контекста. Я. И. Менис, начальник исследовательского бюро завода «Динамо» также проводил групповые занятия с рабочими. Сам он был из рабочей семьи, в 1917 году восемнадцатилетним юношей вступил в партию. Был исключен из партии за пропаганду троцкистской идеологии. Какие были на этот счет доказательства? Менис сказал рабочим: «Жаль, что вам не приходится читать, что пишет Троцкий. Вы убедились бы в его предательстве». Партком утверждал, что Менис подстрекал рабочих читать работы Троцкого! В начале 1937 года он был арестован по нескольким обвинениям.^{471} К апрелю 1937 года большинство руководителей учебных кружков на заводе «Динамо» были арестованы. Секретарь парткома Старичков заметил: «Самые настоящие троцкисты были на пропагандистской работе».^{472} На заводе «Серп и молот» инструктора по политпросвещению также подвергли жесткой критике. В. Г. Счетчикова, женщина из семьи с революционными традициями, вступила в партию во время Гражданской войны. Она работала заведующей заводской библиотекой. В результате проверки партком завода обнаружил, что два сотрудника библиотеки имели подозрительное социальное происхождение. Оба были хорошими, грамотными работниками, получившими образование до революции. Когда Счетчикова уволила из библиотеки дочь рабочего, поскольку та «неразвита и совершенно не работает над собой», и ей нельзя доверить даже выдачу книг, партком сделал заведующей строгий выговор за «засоренность аппарата библиотеки» антисоветскими элементами. Счетчикова пояснила: «Я пыталась подобрать в аппарат квалифицированных людей, но к нам никто не пошел, так как у нас очень маленькие ставки». После долгих и болезненных дискуссий партком снял со Счетчиковой выговор, но приказал ей «подобрать в штат библиотеки проверенных сотрудников».^{473} Точно так же было арестовано большинство лиц, ответственных за образование и обучение, включая персонал института по подготовке кадров, на заводе «Серп и молот». Заведующей институтской библиотекой обвинили в «распространении контрреволюционной литературы», а директора и завуча – в «троцкизме». Все они принадлежали к «семейственному кружку» некоего Зайцева, который уже был арестован.^{474}

Партийные инструкторы были не единственными жертвами политического катехизиса, догматы которого становились все более жесткими и малопонятными. Многие рабочие, высказывавшиеся об условиях или выражавшие свое мнение, которое расходилось с «линией партии» оказались под следствием. Старичков – парторг завода «Динамо» заметил, что рабочие делали «всякого рода клеветнические заявления о колхозах». Вопреки усиленной пропаганде успехов, которых добились колхозы, рабочие, имевшие родственников в деревне, утверждали, что колхозники живут бедно.^{475} Губительными для многих оказывались и честные ответы на вопросы. Когда инженера, члена партии рабочий спросил: «Почему физически не уничтожили Троцкого в 1929 году?» Инженер ответил: «Троцкий тогда имел авторитет». Это незначительное признание, что Троцкий был влиятельным лидером, доставило инженеру серьезные неприятности.^{476} Члены партии, которым любая обмолвка в разговоре внушала ужас, сразу бросались признаваться в «ошибках». Среди многочисленных заявлений, которые зачитывали на партийных собраниях, было много глупых признаний в незначительных провинностях. Один из членов партии завода «Красный пролетарий» признался, что считал недавно арестованного «врага» «замечательным оратором». «Я признаю свою ошибку», – смиренно сказал он.^{477} Мелочная придирчивость к вопросам теории, отказ признать очевидные противоречия между революционными идеалами более раннего периода и реальной действительностью, толкование каждой ошибки как намеренную контрреволюционную пропаганду – все это заставляло членов партии ясно осознать, что независимо от того, как долго они преданно служили партии, малейшая оговорка могла разрушить их жизни.

Вредительство

В конце 1930-х, менее чем за десятилетие Советский Союз добился беспрецедентного промышленного роста. Несмотря на большой успех, такие темпы индустриализации способствовали организационной и экономической напряженности, которая влияла на атмосферу, которая складывалась на промышленных предприятиях. Каждый завод и цех, выполнявший свою часть общепромышленных и региональных планов, имел собственные плановые задания. На руководителей предприятий и начальников цехов оказывалось сильное давление – надо было выполнять намеченные Москвой цели. Неисправное, изношенное оборудование на таких текстильных фабриках как «Трехгорная мануфактура» часто ломалось, равно препятствуя работе рабочих и их начальников. На

заводах тяжелой промышленности, таких как «Динамо», «Серп и молот», «Красный пролетарий» и руководство, и простые рабочие боролись за внедрение новых дорогих технологий, закупленных за границей. В цехах было много неоправданных потерь времени и средств, заказы не выполнялись. Неправильная эксплуатация станков с целью увеличения их производительности приводила к тому, что моторы сгорали, новое дорогое оборудование приходило в негодность. Работа в цехах была то «авральной», то останавливалась. Хронически не хватало запасных частей, топлива и сырья. Экономика развивалась неравномерно, была разбалансирована, дезинтегрирована. Цеха были завалены мусором и отходами производства. Отсутствовала вентиляция, безопасность труда приносилась в жертву производству. Недостаток жилья был причиной неизменно высокой текучести рабочей силы. Оказываемое сверху давление, требование выполнять план любой ценой вело к цеховому шовинизму, или «цеховщине», начальники цехов стремились поставить собственные рекорды, а в своих трудностях обвиняли другие цеха. Директора заводов выступали посредниками между цехами, пытаясь заставить их работать в интересах всего завода в целом,

В феврале 1937 года партийные руководители Москвы организовали грандиозные открытые собрания на заводах без заранее объявленной повестки дня. На заводе «Динамо» на собрании присутствовало по крайней мере 700 членов партии и кандидатов; на фабрике «Трехгорная мануфактура» – не менее 500. Руководство горкома партии Москвы поощряло рядовых членов партии высказывать свое недовольство партийным руководством и заводской администрацией. Собрание на заводе «Динамо» расшевелило «осиное гнездо». Коммунисты приводили примеры многочисленных проступков. После собрания десятки людей немедленно написали заявления, полные обвинений, клеветнических измышлений и слухов. Для рассмотрения заявлений была создана специальная комиссия. {478} Смертельно опасный туман политических обвинений накрыл заводы: соперничество между цехами, производственные проблемы, несчастные случаи и даже личная вражда – все это парткомы квалифицировали как «вражескую деятельность». Недовольство тяжелыми условиями труда и жизни способствовало тому, что и рядовые рабочие, и члены партии выдвигали обвинения в надежде решить производственные проблемы. Например, на ткацкой фабрике «Трехгорная мануфактура» пожилой рабочий член партии Федулов сердито высказался от имени рабочих. Бракованные бобины разбросаны на полу, рабочие не могут дотянуться до водопроводных кранов, в цехах полно ядовитого угарного газа. Работницы, постоянно согнувшись, поднимали бобины. Федулов заметил, что он уже написал несколько заявлений об этой проблеме, но ответа не получил. {479} Чувство неудовлетворенности порождало обвинения во «вредительстве». На ликероводочном заводе повсюду громоздились ящики с бутылками вина. Рабочие протестовали, но бригадир приказал им продолжать их складывать штабелями друг на друга. Когда, наконец, ящики с грохотом упали, одна работница – член партии заметила: «Хорошо, что у нас благополучно кончилось: разбились только вина, а человека не убили». Затем она угрожающе добавила: «А что если бы человека убили, кто бы отвечал? Можно приписать это дело вредительству». {480}

Причины несчастных случаев на производстве были общими: незнакомое оборудование, отсутствие квалифицированных кадров, давление сверху и требование выполнения плановых заданий, нехватка лесоматериалов для опор в шахтах, для железнодорожных шпал и установки строительных лесов. На заводе «Динамо» неудовлетворительное техническое обслуживание и нехватка шпал и рельсов привели к ряду несчастных случаев на железнодорожных ветках, ведущих к заводу. Погрузочные платформы разрушались, а в транспортном отделе работали неквалифицированные рабочие. {481} Однако политическая обстановка требовала поиска «козлов отпущения». Некоторые члены партии утверждали, фрейдистски играя словами, что несчастных случаев нет вообще. То, что одни называли проявлением бессознательных желаний, другие воспринимали как результат сознательных политических действий. На фабрике «Трехгорная мануфактура» один член партии заявил: «Всякий травматизм прежде всего связан с вредительскими актами и затем с нашей политической близорукостью», {482}

Серьезный пожар на заводе «Динамо» в середине зимы 1937 года стал причиной исключений из партии и арестов ведущих инженеров и начальников цехов завода. Огонь, охвативший деревянные перекрытия склада, быстро распространился на хранившиеся там изделия ширпотреба и спецзаказы, а также на инструментальный цех. В результате сгорело товаров, спецзаказов и запасов на 300 тыс. рублей. В ходе следствия было установлено, что ни электропроводка, ни небрежно брошенная сигарета не являлись причиной

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
пожара. Как отметил директор завода, пожар не мог начаться «сам по себе». Кроме того, склад был завален товарами, по доставке которых кто-то не выполнил обязательств. Директор завода категорически заявил парткому: «Причина пожара связана с поджогом. Это – вылазка классового врага». Все признаки указывали на намеренное вредительство.{483}

Однако проведя расследование, партком посчитал наиболее вероятной причиной пожара полнейший беспорядок на заводе. Товары, включая потребительские товары, предназначенные для рабочих, хранились на складе, так как не хватало транспорта для их перевозки.

Инструментальный цех размещался в полуразвалившемся помещении, где отсутствовали запасные выходы. Строительных материалов для нового здания не было. Охраны на заводе не хватало, так как не было общежития, где можно было бы разместить ее работников. Бедные, бездомные, рабочие с семьями жили в самодельных хибарках на территории завода. Однако вместо того, чтобы заняться решением основных проблем, партком начал искать виноватых. Один член партии заявил: «Есть факты вредительства. Группа вредителей у нас есть. Есть заказы оборонного значения – магниты». Он добавил, что обнаружены стружки в подшипниках колес, резина, которой обертывались магниты, была изрезана, а литейный цех производил бракованную продукцию. Партком немедленно сообщил органам НКВД о пожаре. Несколько ведущих руководителей, включая начальника электровозного цеха, были арестованы и обвинены в поджоге и троцкизме. Большая группа связанных с ними людей вскоре последовала за ними в тюрьму.{484}

Члены партии легко приписывали вредительству крупные пожары и серьезные несчастные случаи, но начальники цехов начали обвинять «вредителей» также и в ежедневных производственных проблемах. Находясь под прессом необходимости выполнять производственные задания, начальники цехов часто сталкивались с неподконтрольными им обстоятельствами: текучесть рабочей силы, поломка оборудования, нехватка сырья. Они, как правило, учитывали брак и даже отходы производства – этот метод помогал выполнить план, но создавал очередную головную боль для цехов, у которых был собственный учет производимой ими продукции. Старичков – парторг завода «Динамо» отметил, что у завода была серьезная проблема, связанная с «очковтирательством». Цеха регулярно сдавали необработанные изделия плохого качества другим цехам, провоцируя страшные ссоры между членами партии, защищавшими интересы своих «собственных» цехов. Некоторые цеха настолько преуспели в «очковтирательстве», что это стало системой. В инструментальном цехе бракованный инструмент выдавался за доброкачественный. «На сегодняшний день существуют ненормальные взаимоотношения среди коммунистов», – заметил Старичков. Начальники цехов и члены партии были заняты сбором информации и взаимным информированием, чтобы защитить свою систему учета продукции. Вместо того чтобы навести порядок в своих цехах, они обвиняли друг друга.{485} После того как уволили и исключили из партии первого директора завода «Динамо» Ясвина, новый директор обратился за помощью в партком. «Начальники цехов думают только о своих цехах, – сказал он, – несмотря на то, что все цеха взаимосвязаны друге другом».{486}

Конфликты, возникавшие по вопросам технологии и конструирования, приобретали политическую окраску. Например, на заводе «Динамо» конструкторское бюро, электрический цех, аппаратный цех, литейный и кузовной цех были заняты развитием и испытанием опытных образцов электровозов, которые могли работать также и в шахтах. Инженеры, техники и партийные руководители горячо спорили о том, который образец пустить в производство. Об этом споре было подробно доложено Г. К. Орджоникидзе – наркому тяжелой промышленности. Когда локомотив, заказанный в Италии, оказался бесполезным, разразился скандал, инженеры начали обвинять друг друга во вредительстве.{487} Начальники нескольких цехов были арестованы. Среди них был один, написавший донос на своего коллегу, которого впоследствии арестовали как троцкиста.{488}

Атмосфера хаоса, высокие темпы индустриализации – все это требовало особого типа руководителей. В большинстве своем члены партии, они были по большей части энергичными, требовательными людьми с высоким интеллектом, но недостаточным уровнем образования или культуры. Они практически жили на заводах, управляя громадными строительными объектами, в число которых входили жилые дома, больницы, ясли и детсады, занимались распределением продуктов питания, а также производством. Они работали целыми днями, устанавливали дорогостоящее оборудование, решали проблемы поставок и узких

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org
мест производства, добывали необходимые материалы. Они грозились, давали взятки, упрасивали и совершали сделки на «сером рынке», чтобы найти необходимые средства. Они вели себя грубо, даже жестоко со своими подчиненными. Находясь под сильным давлением, они предлагали не обращать внимания на факторы, не влиявшие на производственный процесс, включая опасные условия труда, потребности рабочих и необходимость регулярного технического обслуживания оборудования. Многие из них откровенно ненавидели, но они выполняли поставленные задачи.

Д. Сагайдак – член партии, начальник цеха холодного проката на заводе «Серп и молот» был типичным представителем руководителей среднего звена, ставших жертвой политизации производственных проблем. Сын железнодорожного рабочего, Сагайдак вырос в многодетной семье, где было восемь детей, все они получили огромные преимущества от советской власти. Один из братьев стал инженером, другой работал в органах НКВД, вступил в партию и стал летчиком. Жена Сагайдака также была членом ВКП(б) и работала инженером. Многие ее родственники являлись членами партии и занимали руководящие посты. Сагайдак начал работать на заводе «Серп и молот» в 1929 году через два года директор завода отправил его в Германию для знакомства с методикой совершенствования процессов горячей и холодной прокатки стали. В 1933 году он стал начальником нового цеха холодного проката, производящего нержавеющую сталь для авиационной промышленности. Цех холодного проката являлся типичным для новых промышленных предприятий. Он был построен на основе зарубежной технологии в годы первой пятилетки, директор гордо называл его «детищем завода». Шесть инженеров, начальники производства и рабочие начали запуск. Работая по шестнадцать часов в день и оставаясь на заводе на ночь, они приобретали навыки работы по новой технологии. На начальном этапе производительность была низкой, и завод не выполнял план. Производство постепенно увеличивалось, и Сагайдака назначили ответственным за выполнение плана по выпуску стали. Как и многие другие руководители, он не щадил себя на работе и требовал того же от своих подчиненных. Когда молодой инженер, проработавший на закаливании стали двадцать четыре часа, пошел, еле держась на ногах, домой, Сагайдак сделал ему строгий выговор за уход с работы без разрешения. Сагайдак решал огромное количество проблем, включая нехватку сырья, неисправность валков и неопытность рабочих. Тем не менее, он достиг успеха и даже получил положительный отзыв о выполнении первого заказа завода на производство специальной нержавеющей стали. {489}

Как уже было отмечено ранее, Сагайдак совершил свою первую политическую ошибку, когда дал «губительный» для себя ответ на вопрос рабочего об «отмирании» государства при социализме. Он публично признал свою «теоретическую ошибку», и небольшой шум по этому поводу казался, утих. Но эта обмолвка стала началом нового раунда обвинений. Позже, в том же месяце, рабочий написал анонимную статью в заводскую газету, обвиняя Сагайдака и его помощника в несчастных случаях, неработающих валках, простоях и выпуске бракованной продукции в стане холодного проката. Рабочий заявлял, что Сагайдак «запускал» машины на полную мощность до тех пор, пока моторы не сгорали, пренебрегал графиком химической обработки стали, не ремонтировал оборудование и давил на рабочих, критиковавших его руководство. {490}

На следующий день появилась вторая статья анонимного автора, написанная в еще более зловещем тоне: «Машины сами по себе не ломаются, а бойлеры не взрываются сами по себе. В каждом случае это дело рук человека. Является ли эта рука рукой врага?» В статье подробно излагались все проблемы холодного проката, в которых обвинялся «враг Сагайдак». Рабочие отравлялись кислотными парами из травильных ванн и обжигались каплюющей из ведер кислотой, которую они пронесли по скользкому полу цеха. Одному рабочему кислота попала в глаза. «Огорчило ли это Сагайдака? – спрашивалось в статье – Вовсе нет». Сагайдак отчитывался дутыми производственными показателями и производил некачественную сталь. Когда его на этом поймали, он, якобы, заявил: «Все врут. Обман является одним из принципов технического производства». Статья заканчивалась призывом к партийной организации: «Враг, прикрывающийся партийным билетом, должен быть разоблачен». {491} Днем позже появилась третья статья, в которой Сагайдака резко критиковали за производство бракованной стали, которую он выдавал за качественную. {492}

На многочасовом собрании партгруппы прокатного цеха, лица, обвинявшие Сагайдака, предъявили ему длинный список совершенных им «проступков» – и по политической линии, и связанных с производством. Перечислялись и те нарушения, о которых говорилось в заводской газете. Сагайдака обвиняли также в намеренном сокрытии правды о производственной мощности прокатного

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org
стана, грубом обращении с рабочими и поощрении «подхалимов». {493} Обвинения были противоречивыми. Рабочие критиковали его за произвол, руководители – за неспособность наладить дисциплину. Но последовательностью такие разборки никогда не отличались. {494} В ходе собрания всплыло новое «доказательство» того, что он травил рабочих при помощи ванны с химраствором – травилки. После долгих обсуждений, парторганизация проголосовала за его исключение из партии. {495}

На парткоме дело слушали на следующий день. Секретарь парткома Сомов кратко изложил обвинения. В свою защиту Сагайдак выдвинул разумное, технически обоснованное опровержение обвинений. Согласно данным статистики, цех не выполнил план в 1936 году, потому что «не было получено 500 тонн металла, который мы должны были получить в том году». «Это известно не только рабочим в цеху, – заявил Сагайдак, – но и всему заводу». Общий объем производства неуклонно рос, и цех выполнял большие заказы. Фактически в 1936 году производительность цеха почти удвоилась. «Я отдал все силы и все свое время заводу, – сказал Сагайдак. – Я пытался освоить новые марки стали, чтобы улучшить качество и повысить количество продукции. У нас в цеху только одна машина для производства нержавеющей стали. Цех не отставал, а набирал обороты». Он упрашивал партком признать, что без затрат на производство невозможно было выполнить план. «Товарищи, – произнес он, – «Я производил продукцию, исходя из реальных возможностей». {496}, [69]

Также Сагайдака обвинили в «отравлении рабочих». Четырнадцать бутылок азотной кислоты – вместо требуемой соляной – было вылито в травилку. От ее испарений заболело несколько рабочих. Сагайдак не смог объяснить, что случилось, но он решительно протестовал против обвинений в намеренном отравлении; «Сказать, что я сознательно отравил рабочих, было бы тяжелым и несправедливым обвинением. Можно сказать, что я не уделял достаточно внимания этой части работы, или что я сам не полностью занимался этим делом». Он просил партком признать то, что всем было совершенно ясно: «Недостатки, имеющиеся в цехе, не должны быть основанием того, что я сознательно занимался вредительством». Сагайдак закончил свою защиту, заявлениями о своей преданности заводу, рабочему классу и партии. Он признал свои личные недостатки и молил о пощаде: «Я не знаю ничего, кроме моего цеха и моей семьи. Работа для меня значит все. Проблемы, которые имеются у нас в цеху, не являются результатом вредительства, а рядом личных недостатков, результатом моей самонадеянности и того, что я слушал, что говорят рабочие, инженеры и технические специалисты». Наконец, он напомнил о своем классовом происхождении: «С моей стороны никогда не было и никогда не будет вредительства. Я никогда не был и не буду врагом рабочего класса... Я сам из семьи рабочих». {497}

Сагайдак защищал себя разумно и аргументированно. Когда собрание подошло к концу, стало ясно, что логичные объяснения в данных обстоятельствах были неуместны. Один член партии прямо заявил: «Согласно учению марксистской диалектики мы знаем, что несчастные случаи не возникают без причины». Члены партии враждебно и с недоверием восприняли объяснения Сагайдака, на него напали с вопросами: «Может быть, вы помните задержку производства стали для авиации?» «Вы говорили о выполнении плана в 1936 году, а не о неудачах; вы не сказали, что вас просили произвести, а сообщили только о том, что произвели». «Вы говорите, что не виновны в отравлении рабочих. А как вы рассматриваете тот факт, что они систематически отравлялись?» «Какие меры вы предприняли для улучшения безопасности в “травилке”?» «Как могло случиться, что четырнадцать бутылок азотной кислоты попали в “травилку”?» Вопросы следовали вереницей один за другим. {498}

В ответ на подозрительность и враждебность Сагайдак старался сохранить самообладание. Он подробно, с техническими деталями, отвечал на каждый вопрос, независимо от его предвзятости. Некоторые товарищи по партии выразили ему свое сочувствие. Другие использовали собрание, чтобы привлечь к себе внимание и показать собственное отношение к происходящему. Один член партии ханжески произнес: «Мы гордимся нашей авиацией. Почему он задерживал поставки, если знал, что наша страна нуждается в каждом килограмме авиационной стали?» Работница цеха холодного проката Степанова произнесла длинную речь, полную оскорбительных намеков и мелких обид. Она заявила, что у инженерно-технических работников в цехе сложились «нездоровые отношения с рабочими». После несчастного случая Сагайдак отругал рабочего, виновного в происшествии. «Разве так должен разговаривать советский инженер с рабочим? – спрашивала она. – С рабочим, который каждую неудачу принимает близко к сердцу?» Ее речь становилась все более оскорбительной, ее обвинения были

абсурдными: Сагайдак сравнивал производительность в Советском Союзе и в капиталистических странах. Сагайдак ругал рабочих за производство некачественной стали. Сагайдак «валил всю вину на плечи рабочих», он заявлял, что контрреволюционные троцкисты-зиновьевцы были когда-то большевиками. Она обвинила Сагайдака даже в том, что тот слишком заботится о производстве. «У нас было партсобрание в цеху. Собрались все члены партии, а Сагайдак вернулся в цех». Она отметила, что неоднократно сообщала в партком о своих подозрениях. В завершение она сказала: «Сагайдак не является одним из нас». {499} Некоторые другие члены партии также заметили, что Сагайдак относился к рабочим слишком жестоко. Начальник электрического цеха Михайлов рассказал длинную историю о потопе в цехах: «После того как Смирнов сообщил Сагайдаку, что рабочие вынуждены вплавь пробираться по залитому водой цеху, последний ответил: “Пусть рабочие плывут”. Когда они попросили Сагайдака организовать встречу с директором, он, как лиса, начал изворачиваться. Вот его отношение к рабочим, оборудованию и сохранению своего собственного положения». В заключение Михайлов сказал, что Сагайдак не принадлежит к членам партии: «Он не считает тех, кто с ним работает, за людей». Однако обвинения в адрес Сагайдака не были вызваны исключительно его самонадеянностью. Например, Михайлов негодил по поводу того, что рабочие цеха холодного проката цеха сами не выключали моторы, а Сагайдак запрещал электрикам входить в цех. Наконец, Михайлов сообщил директору завода, что не будет нести ответственность за оборудование, если электрикам не разрешат входить в цех. {500} Это был типичный случай цехового соперничества: объем продукции в цехе Сагайдака превышал возможности оборудования, за которое отвечал Михайлов.

Широкое обсуждение Сагайдака привело к тому, что начали выдвигаться обвинения против других людей. Кто-то спросил: «Почему партком позволяет ему продолжать вести учебный кружок?» – «Это сильное отклонение от большевистской бдительности». Брун – секретарь комсомольской организации заявил, что некоторые члены партии в прокатном цехе были «слишком либеральны по отношению к Сагайдаку». Например, Карманян выступал только за «строгий выговор» вместо исключения из партии. Парторганизация цеха холодного проката должна была проверить, почему Карманян так сказал. Сагайдак был не единственным врагом, занимавшим руководящую должность. Необходимо было также проверить другие цеха. Брун спросил: «Случайно ли товарищ Боголюбский перепутал авиационные провода?» «Прозвучало много обвинений со стороны рабочих и начальников смен, но партком на это не реагировал». Он сердито заявил, что каждое обвинение и обращение рабочих должно быть как следует проверено. Заместитель секретаря парткома Полукаров подвел итог: «Он отравлял людей? – Он их отравлял. Он ломал оборудование? – Он его ломал. Из-за него сгорели машины? – Да он их сжег. Почему все это произошло? – спросил Полукаров. – Потому что Сагайдак троцкист и враг». Полукаров прекрасно уловил предвзятый характер разбирательства, о чем свидетельствуют его завершающие слова: «Сагайдак защищал себя. Но что он должен был сказать? Он должен признаться в том, что он, очевидно, троцкист, враг, и больше не о чем говорить». {501}

Окончательное решение по данному вопросу принял директор завода Степанов. В отличие от многих других членов партии Степанов пытался обуздать пламя яростных обвинений, которое грозило охватить весь завод. Он категорически отказался считать вредительством каждую ошибку или несчастный случай в цехах и даже похвалил Сагайдака за его старания в цехе: «В свое время Сагайдак отдал кровь за цех». Он отвергал мысль о том, что Сагайдак виновен в намеренном вредительстве. «Молодые инженеры совершают ошибки», – сказал он. Однако Степанов с готовностью пожертвовал Сагайдаком. Осознав, что спасти его было слишком поздно, Степанов попытался снять с него часть инвектив, обвиняя Сагайдака лишь в политической ошибке. «Невозможно приписать вредительству ошибки и несчастные случаи в каждом цехе, – твердо произнес он. – Но если есть политический угол зрения, тогда возможно сказать: да, есть проблема». Он спросил: «Где Сагайдак узнал об идее исчезновения государства, когда мы тратим двадцать миллиардов рублей на оборону нашей страны? Все мы делали ошибки. Я работаю директором завода двенадцать лет и ошибаюсь. Но нет прощения директору, если он делает политическую ошибку». Затем он проголосовал за исключение Сагайдака из партии. Сагайдаку дали последнее слово: «Товарищи, тем, кто будет принимать решения, я хочу еще раз сказать, что я не вредитель. Я не вредил, никогда не имел, и не буду иметь связи с троцкистами. За всю свою жизнь я ни разу не предал рабочий класс, никогда в мыслях не имел навредить, где бы то ни было». Сагайдак стал козлом отпущения, на него взвалили вину за все недостатки в цехе холодного проката и других цехах, имевших к нему

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org
отношение: плохие условия безопасности, задержка выполнения заказов, невыполнение плана. Рабочие возмущались по поводу опасных условий труда; инженеры – его бестактностью; коммунисты – тем, что он весь был поглощен заботами о производстве; электрики – его небрежным отношением к моторам. Партком исключил Сагайдака из партии, и вскоре он был арестован. {502}

В течение последующих месяцев многие члены партии, обвинявшие Сагайдака, также были арестованы. Главный инженер завода Л. В. Марморштейн написал злобную статью о Сагайдаке. {503} Он был арестован вместе с многими другими, связанными с ним инженерами и начальниками. Жидкова, посещавшая политучебу, на которой Сагайдак произнес губительную для него политическую оговорку, была исключена из партии в 1938 году. Одна из многих рьяных членов партии, Жидкова написала большое количество доносов в течение 1937 года в фабком и райком партии, а также в органы НКВД. Вполне вероятно, что именно она первой обратила внимание парторганизации на «ошибку» Сагайдака. Ее обвинительные выступления привели к исключению из партии секретаря парткома Сомова в 1938 году, а также к аресту ее подруги, польской коммунистки, в 1937 году. Ее саму допрашивали после того, как был арестован ее брат – старый большевик. Настаивая на том, что НКВД совершил ошибку в отношении ее брата, Жидкова утверждала, что он невиновен. Его арест ускорил психологический кризис. Непоколебимо верившая в свою правоту, она осуждала и обвиняла других до тех пор, пока ее вера в честность горячо любимого ею брата не разрушила ее слепое доверие к органам НКВД. {504}

Попытка Степанова разграничить добросовестные заблуждения и вредительство провалилась. Спустя четыре месяца на карту была поставлена и его судьба... На долгом и тягостном заседании партком задавал Степанову вопросы о его биографии, но главное обвинение заключалось в том, что он пытался защитить Сагайдака и других руководящих работников завода. Члены партии забросали своего директора неприязненными вопросами: «Чем объяснить такую засоренность аппарата на “Серпе и молоте”?»; «Ты знаешь список из тринадцати человек тех, кто работает на заводе, и замешаны во вредительской работе?» «Почему защищал Сагайдака?» Степанов находчиво уклонялся от ответов: «Защиты не организовывал. Все сведения о нем передавались непрерывно, куда нужно». Таким образом, Степанов признался в том, что он отправил в НКВД заявление с обвинениями в адрес Сагайдака. Бубнов продолжил допрос: «Есть вредительство на заводе?» – «Есть», – ответил Степанов. Бубнов хитро спросил: «К кому вы имеете недоверие?» Этот вопрос был ловушкой. Если бы Степанов ответил: «Никому», его бы стали обвинять в отсутствии бдительности. С другой стороны, если бы он назвал имена, то расследование стало бы более масштабным. Однако Степанов имел большой опыт в пикировке. «К каждому человеку невольно относишься настороженно», – ответил он, не отводя взгляда от Бубнова. Даже под градом нападок Степанов отказывался приравнивать производственные проблемы к вредительству. Он, несомненно, понял, что если каждую проблему приписывать вредительству, то все работники завода окажутся в тюрьме, а завод придет в упадок. Он сказал членам парткома: «Упала труба в фасонке, <...> рабочие нефть в канаву выливают»; «цеховой работник набедокурит, а цеховое начальство начинает замазывать». Он честно признался: «Трудно тогда решать, кто прав, кто виноват». Другой член партии сформулировал вопрос иначе: «Были ли заявления о вредительствах, были ли сигналы о работниках завода, которые сейчас работают на заводе?» Но Степанов снова не клюнул на наживку. «Сигналов было много <...>, что, наверное, здесь вредительство», – ответил он. Член партии упорствовал: «О ком были сигналы?» – «О многих, – спокойно ответил Степанов, – но не было фактов». {505}

Сопrotивление Степанова попыткам его запугать или поймать в ловушку было необычным явлением. В то время как очень немногие члены партии могли сохранить свою неприкосновенность, он не сдавался. Следующая выдержка из его допроса членами парткома дает представление о том, как искусно ему удавалось уклоняться от настойчивых требований обвинить других людей:

– Ты сказал, что тебя не втащили и не могут втащить, но положение на заводе таково, что мы должны характеризовать эту работу как действия врага.

– Засилья врага на заводе нет.

– Как же вокруг оброс такими людьми? Порядочное количество [врагов] мы уже выявили?

– У нас – тысяча командиров и какой-то процент оказались сволочами. Если

– Почему на всех ответственных участках вредители оказались?

– Много хороших командиров подобрано, в том числе и ты, и много таких людей. А вы сейчас так говорите, что раз хорошее – не мое, то плохое – мое.

– Я спрашиваю, почему вредители на завод попадали? ...Ты как большевик, как руководитель, должен был ориентироваться на разоблачение врага. А ты – «петушки да гребешки». Чем объяснить недостаточно острую постановку с бдительностью?{506}

Степанов являлся одним из немногих, кому удалось противостоять такого рода допросам. Частично его привилегированное положение директора завода позволяло ему парировать назойливые вопросы, спокойно давая понять тем, кто их задавал, что у него имелась информация также и на них. В конечном счете, партком не исключил Степанова из партии. К сожалению, немногие могли проявить подобную принципиальность.

Управленцы и рабочие

Охота на «врагов» и «вредителей» сильно подорвала авторитет хозяйственников на заводах.{507} Директора теряли бесконечно долгое время на собраниях, защищая себя самих и своих подчиненных от обвинений в политических, биографических и технических вопросах. Степанову удалось удержаться на своей должности, а на заводе «Динамо» немногим более чем за год сменилось три директора. Первый директор, Жуков, был исключен из партии; его сменил Ясвоин, который незамедлительно подвергся нападкам за плохую организацию цехов, нарушения финансовой дисциплины, отмену премиальных и неспособность восстановить порядок. Он оказался в невыносимой ситуации. Если бы он «восстановил» порядок, как этого требовали руководящие работники завода, то его обвинили бы в «подавлении критики». Если бы он снова ввел оплату премиальных – как того требовали рабочие, он был бы вынужден перерасходовать фонд заработной платы. Секретарь парткома признал, что наблюдается резкое падение трудовой дисциплины среди рабочих и руководящего состава завода. Частично в этом был виноват партком. Члены парткома систематически подрывали авторитет Ясвоина, к примеру, запрещая ему принимать новых работников. Его заставили извиниться за то, что он принял на работу заместителя директора: «Я не знал, кто должен был отбирать кадры, я или партком». Не обладая достаточной властью, но принимая на себя всю вину, Ясвоин был парализован страхом и депрессией. Партком осудил его поведение: «Прежде всего он должен ликвидировать свое пессимистическое отношение к работе». Тем не менее, Ясвоин имел основания для пессимизма: он также был вскоре исключен из партии и арестован.{508}

Не пользовались авторитетом и начальники цехов. Начальник смены или цеха не мог критиковать или уволить рабочего, иначе бы его объявили «врагом народа». Когда член партии по фамилии Коростелин, работавший на ликероводочном заводе, был обвинен начальником цеха Тынковым в растрате государственных средств, он тотчас принялся нападать на своего начальника, предъявляя ему политические обвинения. Он развернул против Тынкова настоящую кампанию, требуя его ареста как «троцкистского врага». В докладной записке директору завода он обвинял Тынкова в том, что тот пытался уволить коммунистов из цеха, «пожирал» людей, вынуждал старейших рабочих уйти с завода и платил рабочим большие премиальные, чтобы заручиться их поддержкой. На свой страх и риск директор не реагировал на подобные обвинения. Он создал комитет по расследованию, который защитил начальника цеха Тынкова от нападков Коростелина. Партком в это дело вообще не вмешивался, «умыл руки». Коростелин, обвиняемый в плохом управлении, предстал перед судом. Несмотря на это, он продолжал писать доносы в партком и райком партии, заявляя, что Тынков – «враг народа». Суд признал Коростелина виновным, но помогли действия НКВД. Ему удалось избежать наказания благодаря своевременным арестам Тынкова и инженера, который принимал участие в работе комитета по расследованию.{509}

Но Коростелин все еще не был удовлетворен. Арест Тынкова и инженера помешал ему представить себя жертвой. Он возмущенно выговаривал членам парткома: «Я пятнадцать лет состою в партии и работаю на этом заводе двадцать пять лет. Мой партбилет был поставлен под угрозу Меня предали суду Кто в этом виновен? – Враг народа». Но в парткоме ему ответили: «Вы виновны. Вы должны за это ответить». – «Если бы я не был так возбужден этим, я бы попал в

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org
тюрьму на длительный срок». Коростелин ругал секретаря парткома: «Я Вам неоднократно писал, что Тынков – враг народа. Вы что хотите, чтобы он пришел и сказал, что он враг народа?» Он был в ярости, что его обвинения не привели к немедленным действиям, и что он был вынужден предстать перед судом. Несколько членов парткома пытались объяснить Коростелину, что невозможно арестовывать людей без доказательств, на основе заявлений одного человека, но все было напрасно. Коростелин пошел в атаку против всех членов парткома. Он написал заявление в райком партии, что партком завода не помогал ему в разоблачении врагов. Члены райкома, испугавшись, что и им самим могут предъявить подобное, начали новое расследование. Члены партии были настроены друг против друга. Секретарь парткома призналась в недостатке бдительности, но поддержать Коростелина отказалась: «Не ты тут герой, – предупредила она его, – а органы НКВД работали, и нельзя приписывать, Коростелин, тебе лавры».

Случай Коростелина свидетельствует о том, насколько легко было превратить потерю времени и средств, плохое управление или растрату в «политическое» дело. Когда начальник цеха Тынков уличил Коростелина в обмане, тот ринулся в бой, используя любое средство, имеющееся в политическом арсенале. Он обвинял Тынкова в препятствовании проведению партсобраний, подкупе рабочих и «троцкизме». Его обвинения, ставшие прямым ответом на угрозу его собственной безопасности, в конечном счете, привели к аресту его начальника. К тому времени, как дело закончилось, Тынков оказался в тюрьме, а члены парткома – под следствием за «отказ разоблачать». Этот случай ясно показал: любой руководитель, пытавшийся наказывать за вредительство, должен быть готов самоотверженно противостоять встречным обвинениям.

Викулов – заместитель директора ликероводочного завода столкнулся с многочисленными обвинениями в свой адрес, после того как Монгерт, назначенный им требовательный бригадир, был арестован. Рабочие, недовольные установленной бригадиром строгой дисциплиной, праздновали победу: органы НКВД арестовали Монгерта за то, что он уволил «старых, хороших рабочих». У Викулова было другое мнение. Он защищал Монгерта за то, что тот боролся с пьянством рабочих и мелким воровством. Безоговорочно приверженный правде или опасаясь, что обвинений в пособничестве, Викулов отказался осуждать Монгерта. Представитель райкома партии Ефтеев сердито упрекал Викулова:

Ефтеев: «Вы говорили, Монгерт требовал, нажимал, боролся с воровством».

Викулов: «Может быть, он перестраховывал себя».

Ефтеев: «Именно он перестраховывал, нажимал на рабочих, пытался показаться активным советским человеком».

Викулов: «Возможно».

Ефтеев: «А он был враг, а ты его проглядел и воспеваешь его».

Викулов: «Я рассказал все, как было».

Ефтеев: «Я бы не сказал, что он боролся, нажимал. Нужно было сказать: “Извините. Я – член партии проглядел эту сволочь”, – а не воспеваешь».

Викулов: «Я не воспеваю».

Несколько членов партии воспользовались арестом Монгерта для нападков на Викулова. Всплыли старые обиды между транспортным отделом и другими цехами. Начальники цехов жаловались, что транспортный отдел отказывался отгружать плохо упакованные материалы. Викулов, не желавший занимать маловажными предметами дорогое место в попутной машине, отправлявшейся с завода, отказался погрузить в машину корзины с подарками в честь празднования Октябрьской революции и отвезти их на склад. Он резко сказал парторгу: «Найми такси!». Другие обвиняли Викулова в том, что он и Монгерт настраивали рабочих и членов партии друг против друга и увольняли старых рабочих. Викулов защищался. Он сердито объяснил, что один из тех рабочих был хроническим алкоголиком. «Сколько раз он пьянствовал на заводе, – заявил Викулов. – Вчера он тут выступал [на собрании] и был выпивши». После ареста Монгерта на Викулова посыпалось множество жалоб. Политика и производство стали настолько тесно взаимосвязаны, что больше невозможно было всерьез осуждать пьянство, отказывать в отгрузке или обсуждать дела завода.

Крикуны и организационный хаос

В 1938 году парткомы были всецело заняты рассмотрением заявлений и расследованиями. Вряд ли кто-то, кто бы не был «виновен» в чем-нибудь: в связи с «врагом», наличии темных пятен в биографии, в несчастном случае, в технической или политической ошибке. Репрессии вышли далеко за пределы целевой группы бывших оппозиционеров. Партсобрания превратились в войну, где каждый воевал с каждым, войну, в которой невозможно было отделить правду от грязных обвинений, злобы и мести. Оставшиеся на свободе научились охотиться на врагов, были скоры отражать любые нападки встречными обвинениями. Стремясь защитить себя, они – в качестве упреждающего удара – обвиняли других. Выражаясь партийным языком, они стали «крикунами». Парткомы больше не мучились угрызениями совести, когда «крикунов» арестовывали за то, что те «кричали во всю глотку».

Парткомы находились под сильным давлением; они должны были «разоблачать» врагов до того, как тех арестовывали сотрудники НКВД. Однако невозможно было предугадать желания НКВД. Часто члены парткома не имели представления, почему кого-то арестовывают. После ареста они пытались компенсировать свое бездействие тем, что находили человека, которому предъявляли обвинение в том, что он «проглядел врага». Эта практика неизменно приводила к новым жертвам. Например, арест директора фабрики «Трехгорная мануфактура» Полозкова сначала был для членов парткома потрясением. Но шок сменился необходимостью срочно свалить на кого-нибудь вину. «Вредители засели среди нас, и никто их не заметил, – заявил один из членов парткома. – Где был наш треугольник [директор, секретарь парткома, профорг], который не разглядел, что делают эти вредители?» Вскоре партком переключился на своего секретаря Северьянову, обвиняя ее в том, что она окружила себя «подхалимами» и «лизоблюдами». «Как еще можем мы объяснить наличие таких врагов как Полозков в парткоме?»^{513} На смену ей пришел другой секретарь, но снова мало что изменилось. Тогда партком сосредоточил внимание на оставшихся сторонниках Северьяновой. К тому времени в процессе поиска врагов сформировалась движущая сила самоуничтожения: каждая последующая новая жертва обвинялась за «неразоблачение» предыдущей группы. Спустя месяцы после исключения из партии Северьяновой партком все еще испытывал негативные последствия случившегося и разделился на две непримиримых фракции после появления в заводской газете клеветнических обвинений. Один из членов партии опротестовал оскорбление. Редактор газеты отказался взять обратно свои слова. Все это было бы не более чем, пустяковой ссорой, как если бы она происходила на школьном дворе: кто был прав, когда называл кого-то «лизоблюдом». В итоге партком не смог преодолеть разногласия и предоставил райкому партии разбираться в отвратительной неразберихе взаимных обвинений.^{514} Условия на фабрике «Трехгорная мануфактура» не изменились, а райком партии занялся выяснением того, кто на самом деле являлся «лизоблюдом». Партком завода «Серп и молот» рассмотрел такое количество дел, связанных с исключением из партии и арестами, что все остальные члены партии в той или иной степени не могли не быть связаны с жертвами. В списке людей с трагическими судьбами значились: заместитель директора Зайцев, начальник цеха холодного проката Сагайдак, начальник участка подъемных механизмов электрического цеха Малышев, начальник отдела капитального строительства Пигузов, секретарь парткома Сомов, токарь литейного цеха Перверзев и его жена Перверзева, ее брат Качурин, инженер-исследователь прокатного цеха Дятловицкий, начальник отдела ОТК Сокол, заместитель Сокола Миронов и многие другие. В 1938 году группы людей, имеющие отношение друг к другу, были настолько тесно связаны между собой, что обвинения против нового назначенного начальника ОТК повергли в уныние всех членов парткома. Процесс чистки на заводе «Серп и молот» был доведен до абсурда: было произведено так много арестов, что те, кто еще оставался, были каким-то образом связаны с «врагами».

Миронов – сорокасемилетний бывший революционер, с шестнадцати лет работал на заводах, сидел в царских тюрьмах. В 1917 году примкнул к большевикам. В 1923 году поступил на работу на завод «Серп и молот». После того как его предшественник Сокол был арестован, его выдвинули на должность начальника отдела ОТК. Миронов также попал в беду, поскольку связи, благодаря которым он так стремительно поднялся по служебной лестнице, стали причиной его гибели. В январе 1938 года Миронова обвинили в тесной связи с бывшим секретарем парткома Филатовым. До этого последний был исключен из партии и уволен с завода за связь с правой оппозицией. Когда партком принялся рассматривать дело Миронова, очень скоро стало очевидно, что все,

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org

присутствовавшие на собрании, были тем или иным образом связаны с «врагом Филатовым»! Бывший партсекретарь Филатов имел широкие связи с начальниками цехов, управленцами и даже с директором. «Я был не единственным, – сказал Миронов. Возможно, здесь находятся члены партии, которые имеют достаточно мужества признать, что они также были не менее, а может быть, и более дружелюбно расположены к Филатову, чем я». Раздался выкрик с места: «Кто точно?» Миронов без колебаний назвал имена руководителей, и этот перечень давал четкое представление о том, «кто кем является». Более ста человек присутствовало на прощальной вечеринке в честь проводов Филатова на военную службу. В том числе директор завода Степанов, начальник листопрокатного цеха, Погонченков, Коротин, Романов и другие начальники, жившие в то время в Доме ударников. Филатов после вечеринки вернулся домой, а руководители завода снова встретились на квартире Миронова, чтобы продолжить празднование. «Я не вижу ничего плохого в том, что я, будучи членом партии, дал возможность нашим руководителям собраться в моей квартире», – заявил Миронов. {515}

Однако Миронова обвинили не в том, что он устроил вечеринку, а в том, что он участвовал в «контрреволюционных разговорах». Хорошо обученный тактике защиты, он лукаво сказал членам парткома: «Многие из вас знали Филатова. Возможно, один из вас может сказать, что вы слышали контрреволюционные разговоры». Миронов знал, что каждый, кто признался бы в том, что слышал подобные разговоры, должен был объяснить, почему об этом своевременно не доложил. Естественно, никто не хотел быть свидетелем. Воодушевленный молчанием присутствующих, Миронов добавил: «Степанов был к нему более расположен, чем я. Означает ли это, что член парткома Степанов проголосовал за то, чтобы исключить меня из партии за дружбу с кем-либо, кто был также и его другом?» Затем и другие коммунисты рассказали о своих визитах, участии в вечеринках и выпивках в компании Миронова и Филатова. Никто не мог вспомнить о «контрреволюционных разговорах». Один спросил: «Почему Миронова обвиняют в связи с Филатовым, когда Степанов пил с Филатовым больше, чем с Мироновым?» Все рассмеялись. Другой, раздраженный фривольностью, сердито вмешался: «Мы послушали группу легкомысленных товарищей, которые не воспринимают серьезно этот вопрос, и не только пьянки.. а как насчет количества несчастных случаев?» Никто не хотел говорить о проблеме травматизма. Товарищи вернулись к веселому обсуждению прошлых кутежей. Партсекретарь попытался призвать их к порядку: «Я считаю неправильным, когда партсобрание начинает вести себя несерьезно. Невозможно принять решение по вопросу среди смеха и валяния дурака». Присмирив, некоторые члены партии возобновили нападки: «Миронова устроил своего брата-священника на завод. Рабочие не хотели, чтобы он возглавлял ОТК. Он позволял начальникам цехов отгружать продукцию низкого качества». Факты против Миронова, являвшиеся смесью сплетен и клеветы, накапливались. Наконец, кто-то предложил, чтобы все, кто когда-либо пили с Мироновым, дали показания и сообщили, вели ли они «контрреволюционные беседы». Выполнение этого нелепого предложения заняло бы не только долгие часы, но и дни, а к даче дополнительных свидетельских показаний привлекли бы почти всех членов партии, начальников цехов и руководителей завода. На этом кто-то нетерпеливо призвал к голосованию. Голоса членов парткома разделились пополам: 157 человек проголосовало за исключение из партии, 154 человека воздержалось. Кто-то потребовал повторного подсчета голосов, за исключение – 154, 157 воздержались. Миронова оставили в партии. {516}

История Миронова продемонстрировала, насколько абсурдной стала охота на «врагов». Члены партии признавали, что каждый был связан с арестованными. Кто из них не чокался с Мироновым, не пил со Степановым или не присутствовал на прощальной вечеринке Филатова? Рьяное выявление связей и дружеских отношений в 1937 году привело к безнадежной неразберихе. Охота на «врагов», наконец, достигла своего логического завершения: те, за кем охотились, и те, кто охотился, были одними и теми же людьми.

В январе 1938 года Центральный Комитет ВКП(б) попытался затормозить процесс исключений из партии. Политбюро и в особенности Сталин были обеспокоены саморазрушением партии. Но из ЦК шли противоречивые сигналы: критиковалось групповое исключение из партии, но в то же время не прекращались призывы к охоте на врагов. Признание того, что некоторые «честные» люди были незаслуженно обвинены, не означало прекращения репрессий. {517}, [70] Один кандидат в члены партии работник завода «Динамо» выразил общее настроение после январского пленума: «Много по нашей парторганизации разоблачено врагов народа и их пособников, но думать, что все они разоблачены – неверно, Еще есть жалкие остатки неразоблаченных людей». Активно участвуя в выпуске стенной газеты, он успешно разоблачал других. {518}

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org
1938 года еще более усложнил положение в парторганизациях: члены партии, которых обвинили, а затем реабилитировали, жаждали справедливости и хотели отомстить тем, кто их обвинял. По существу ненависть оправданных стала еще одним, серьезным фактором нестабильности.

На заводе «Динамо» процесс разоблачений скрытых врагов привел к полному хаосу. Большая группа людей была исключена из партии и арестована. Третий директор завода Хориков, отмечая «полное обновление» руководящего состава, намекал на то, что почти ни один из прежних руководителей не остался на своей должности. Чувство обиды за прежние обвинения выплескивалось во время собраний, на которых обсуждали других. На общем партсобрании в январе 1938 года один член партии пожаловался, что, когда он пошел к партсекретарю Старичкову и сообщил ему об аресте брата, Старичков спросил его: «За что?» Тот ответил, что не знает. Старичков возразил: «Ты не мальчик, который не знает, за что, ясно, что он враг народа». В конечном итоге брат был оправдан, но человек все еще был полон чувства обиды на слова Старичкова. Он горько произнес: «Благодаря этому я много времени ходил в партком и даже попал в санаторий нервнобольных». Другие члены партии были в ярости из-за того, что их когда-то обвинили врагами. Член партии по фамилии Крук выступил с нападками на Старичкова за то, что тот направил заявление с обвинениями на него в райком партии. Другой член партии возразил: «Не выйдет, тов. Крук! Нельзя сказать, что ты чист. За Круком мы должны еще посмотреть. Его выступление было сведено к выгораживанию себя и сваливанию вины на других. А он, мол, безвинная овечка, попал под удар бывшего секретаря тов. Старичкова». Взбешенный Крук покинул собрание, которое превратилось во всеобщую свалку. Хромогин кричал, что он тоже был оклеветан, называл «крикунами» тех, кто пытались обвинить его, тогда как они и были фактическими врагами, которых потом арестовали. Люди называли друг друга «крикунами». Один член партии заявил, что заводская газета «занимается лишь клеветой на коммунистов». {519}

Спустя три месяца представитель Московского городского комитета ВКП(б) приехал на завод «Динамо», чтобы навести порядок. Он сделал выговор членам парткома за заикливание на вредителях. «Нельзя все время бить только на это», – сказал он. Обвинения зашли слишком далеко. Даже Каганович – член Политбюро ВКП(б) и ближайший сторонник Сталина заметил, что «поступил сегодня на работу, а через двадцать четыре часа неси за нее ответственность». Он потребовал, чтобы партком направил свое внимание на проблемы завода. Но его указания были противоречивыми: в то же самое время он приказал парткому проверять всех, кто работал вместе с арестованными. Он разъяснял: «[Ваша] главная ошибка состоит в том, что партийный комитет наряду с тем, что он разоблачил врагов народа, восемнадцать врагов народа пропустил. Партийный комитет и те коммунисты, которые работали с этими врагами народа, должны были сказать, почему эти враги народа оказались неразоблаченными». Эта проверка заняла бы у парткома многие месяцы, в течение которых они должны были бы проверять окружение этих восемнадцати человек, в которое входили товарищи по работе, друзья и руководители. Почему партком не признал этих людей врагами? Совет, данный должностным лицом, был из области психологического абсурда: «Если каждый из вас вспомнит о них... Если проанализировать действия каждого из этих людей, то вы увидите, что были основания к взятию этих людей». {520}

Заключение

В 1937 году заводские коммунисты играли важную роль в реализации сталинской репрессивной политики. Под сильным нажимом сверху они искали скрытых врагов, исключали из партии и терроризировали своих товарищей; вместе с органами НКВД они вели охоту на врагов. Партийное руководство призывало рабочих и членов партии не только к «разоблачению» врагов, партийные массы и простые рабочие должны были обличать злоупотребления своих руководителей и партработников, воспринимать несчастные случаи и производственные трудности как фактор политической борьбы. Подчиненные были вынуждены обличать своих начальников. Организованные по указке сверху многолюдные собрания на предприятиях в феврале 1937 года запустили этот процесс. Такие собрания намеренно не имели заранее объявленной повестки дня и заканчивались потоком заявлений.

Партийная верхушка втянула в этот процесс рядовых членов партии, но вскоре потеряла над ним контроль. В течение года парткомы уничтожали сами себя. Невозможно знать, сколько людей было исключено из партии или арестовано на других предприятиях, но данные по заводу «Динамо» кажутся нам типичными. В

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoffo.org

апреле 1937 года на заводе «Динамо» из 6 тыс. 991 работников было членов партии – 561 человек и кандидатов – 178. Из партийцев 163 были рабочими. Спустя год в парторганизации было 532 коммуниста и 229 кандидатов. 64 коммуниста были исключены как враги, из них 44 человека было арестовано, и 11 человек восстановлено высшей партийной инстанцией. Кроме того, 18 членов партии было арестовано и затем исключено из партии. Таким образом, из 561 члена партии всего было арестовано 62 человека, или 11%.^{521} Хотя данные статистики свидетельствуют о более значительных потерях, эти цифры дают нам представление о царившей в то время атмосфере. В 1937–1938 годах на заводе «Динамо» один за другим сменились три директора: двое были исключены из партии, один арестован. Стенограммы заседаний парткомов показывают, что коммунисты были заняты почти исключительно рассмотрением заявлений, обвинений, предъявлением встречных обвинений и исключением из партии.^{522}, [71]

Несмотря на то, что парторганизация постоянно проводила чистки, то, что происходило в 1937–1939 годах, было существенно другим по масштабу, цели, атмосфере и последствиям. Процесс «разоблачения» отличался от прежних чисток тем, что это не было обычным средством борьбы с правонарушителями, пьянством или пассивностью. Также он не был нацелен на коммунистов, выражавших несогласие с политикой партии. Это была охота на «замаскировавшихся» или скрытых врагов, которая велась в постоянно нагнетаемой атмосфере саморазрушения. Раньше исключение из партии не приводило к аресту, если не было совершено уголовное правонарушение. Начиная с 1937 года, аресты и исключения из партии стали неразрывными. Например, было арестовано 69% исключенных из партии на заводе «Динамо». Не всех членов ВКП(б) арестовывали сразу после исключения, некоторым из них удавалось подать апелляцию и восстановиться в партии. Но для большинства исключение из партии предвещало арест или являлось его следствием, сигналом к уничтожению семьи, друзей и товарищей по работе.

Кто подвергался наибольшему риску на заводах? Затронули ли репрессии верхушку пирамиды? Несомненно, больше всех рисковали управленцы и начальники. Распространенность «семейственности» и устройство на работу через личные связи – все это только увеличивало число арестов. Многие люди из высших кругов имели сложное политическое прошлое, уходившее в 1920–е годы, и пересекались в иерархической системе. Проверки руководителей обнаруживали их связи с рабочими и управленцами в других городах. Наиболее вероятно, что ответственность за несчастные случаи и производственные трудности несли хозяйственники, начальники цехов и инженеры, однако рабочие также не были ограждены от обвинений. Работница Шарова фабрики «Трехгорная мануфактура», являвшаяся членом партии, объясняла членам парткома, что ее муж, работавший стрелочником на железной дороге, был арестован после крушения поезда во время густого тумана. Сотрудники НКВД обыскали их квартиру и конфисковали его письма и книги. В парткоме спросили, какие это были книги. Шарова призналась: «Я не знаю. Я малограмотна».^{523} Для этой эпохи была характерна стремительная восходящая мобильность, продвижение по служебной лестнице приводило к тому, что большинство управленцев имело родственников среди рабочих или крестьян. Даже если допустить, что непосредственной целью репрессий рабочие или колхозники не являлись, арест руководителя приводил к разрушению их семей. Кроме того, вполне вероятно, что у рабочего, так же как и у руководителя имелся арестованный родственник – крестьянин, в прошлом бывший «кулаком» или имевший связи с троцкистской рабочей группой в 1920-х годах. К 1938 году границы нападков стали совершенно неразличимыми. Каждый называл себя защитником «интересов рабочих» – советский эквивалент современного патриотизма. Собрания превратились в «войну каждого против всех». никто не мог остаться незапятнанным – от директора завода до мастера цеха и токаря в калибровочном цеху. Набравший такую силу процесс поиска врагов вдохновлял «маленьких людей», которые выступали против своих руководителей, сделал явными разделение на «маленьких» и «больших», простой народ и начальников.

В 1938 году процесс «срывания масок» на предприятиях стал самоорганизующейся силой. Члены партии, немедленно не сообщавшие парторганизации о «сомнительных» фактах своей биографии, об арестах близких друзей и родственников или о своих подозрениях во «вражеской» деятельности, могли быть наказаны за сокрытие информации. Страх перед наказанием подталкивал многих членов партии писать заявления, после чего следовали проверки, после которых обнаруживалось еще большее количество врагов. Ответственные лица были вынуждены проверять эти заявления, независимо от того, насколько они были абсурдны и необоснованны. Отказ от проверок

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org

расценивался как «неразоблачение врагов», «преуменьшение вражеской деятельности» или нежелание «разоблачать врагов среди нас» – все это являлось основанием для исключения из партии или ареста. Многие здравомыслящие руководители, действующие из лучших побуждений таким образом лишались последней возможности защиты против сумасшествия: они предпочитали не обращать на это внимания. Партийное руководство, неспособное оставить без внимания даже самые нелепые жалобы, поддерживало ускоряющуюся динамику чисток, независимо от сигналов сверху или от арестов, производимых органами НКВД. Члены партии быстро научились защищаться от обвинений ответными нападениями. Некоторые стремились скрыть какие-то сведения о себе, громогласно и агрессивно обвиняя других. Каждой парторганизации пришлось пережить этот болезненный процесс, в котором его члены с энтузиазмом нападали, мучили и, в конечном счете, уничтожали друг друга. Стратегии защиты, применявшиеся отдельными людьми, послужили лишь усилению и распространению террора в пределах конкретной группы лиц. В конечном счете, каждый был виновен в каком-либо прегрешении: запятнанная биография, родственник или друг, считавшийся «врагом», или неразоблачение товарища по работе, которого впоследствии признали «врагом». Почти религиозное требование абсолютной честности и расследования, следовавшие даже после самых невинных признаний, превратили всех в тайных «грешников». Процесс зашел в тупик, после того как превратил всех его участников в потенциальных «врагов».

фото 11. П.Ф. Степанов – директор завода «Серп и молот». Напечатано с разрешения РГАКФД

фото 12. Работницы ликероводочного завода разливают водку в бутылки. 1937 г.

фото 13. Рабочие завода «Красный пролетарий» слушают речь парторга. 1939 г. Напечатано с разрешения РГАКФД

фото 14. Собрание рабочих на заводе «Серп и молот». 1939 г. Напечатано с разрешения РГАКФД

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История репрессий чисток в профсоюзах и на промышленных предприятиях свидетельствует, что политику террора нельзя трактовать лишь как ряд приказов Сталина и Ежова против беззащитного народа. Также его нельзя рассматривать и как стихийную вспышку недовольства рабочего класса против хозяйственников и должностных лиц. Напротив, события в профсоюзах и на заводах демонстрируют динамичную, усиливающуюся со временем взаимозависимость между политической деятельностью центрального руководства партии и действиями руководства предприятий и рабочих. Террор осуществлялся согласно приказам и распоряжениям, а приводили его в действие миллионы активных участников. И, что еще более важно, люди преследовали свои собственные интересы, что обусловило принятие ими языка террора: «разоблачать врагов», обвинять «вредителей» и обличать своих коллег, руководителей и товарищей по партии. Со временем террор стал самостоятельной силой, которая воздействовала как на людей, так и на организации. Определенные ритуалы вызвали реакцию самозащиты, которая проявлялась как «преданность», выдвижение упреждающих обвинений и ответных нападков. Руководство предприятий проводило чистки в своих подразделениях; члены партии и профсоюзов уничтожали друг друга. По мере того как процесс замедлялся и замирал, доходя до вершины иерархической структуры, он также сходил на нет в профкомах и парткомах. Змея, пожиравшая свой хвост, достигла крайней точки и проглотила собственную голову. Эта воображаемая точка, которую почти невозможно было визуализировать, по сути, была реальным моментом, когда «крикуны» или лица, выдвигавшие обвинения, сами становились обвиняемыми или были арестованы за то, что «кричали во всю глотку».

Понимание атмосферы напряженности и недовольства, которая царил на промышленных предприятиях, является обязательным для осмысления того, как развивался террор. Быстрый темп индустриализации и непредвиденные последствия коллективизации привели к кризису в снабжении продовольствием.

Миллионы крестьян стали рабочими. Дефицит продовольствия, нехватка жилья, потребительских товаров и услуг были повсеместными. Реальная заработная плата уменьшилась наполовину. Хозяйственники находились под сильным давлением Москвы, от них требовали выполнять планы выпуска продукции. Начальники цехов старались изо всех сил овладеть новыми, прежде не известными им технологиями. Стремительно росло количество несчастных случаев. В 1929 году профсоюзы очистились от «правых» и повернулись «лицом к производству». Официальных каналов, через которые рабочие могли бы выражать свои претензии и жалобы, не существовало. Рабочие, некогда являвшиеся оплотом партии, все больше обособлялись, не желая жертвовать собой во имя индустриализации. Коммунистам из рабочих и профсоюзным активистам трудно было найти поддержку политике партии. Бывшие оппозиционеры, рассредоточившиеся на заводах, в профсоюзах и хозяйственных управлениях, были полны сомнений, но не предлагали альтернативы сталинской индустриализации. Некоторые из них, все еще активные политически, были потрясены антисоветскими настроениями недавних крестьян, переселившихся в города, и не решались действовать с ними сообща. В ЦК ВКП(б) понимали, что коллективизация и снижение уровня жизни вредили их репутации в глазах рабочих и крестьян. В 1934 году партийная верхушка поверила, что удалось справиться с бурей: организованная оппозиция была успешно подавлена, руководители партии были достаточно уверены в том, что их стратегия создаст устойчивую основу для дальнейшего экономического развития.

После убийства Кирова это иллюзорное ощущение безопасности рассеялось. Вначале партийные работники не были уверены в том, как интерпретировать это убийство. Мнение Ежова о том, что партия ослаблена скрытыми врагами, постепенно стало преобладающим, и поиск убийц Кирова превратился в нападки на бывших сторонников Зиновьева и Троцкого. Каждая новая жертва ареста – после принудительных допросов – добавляла сопричастных к убийству, что подтверждало слова Ежова о повсеместном тайном заговоре против государства и партии. Процесс достиг кульминации в августе 1936 года, когда начался судебный процесс против «объединенного троцкистско-зиновьевского центра»; его целью было уничтожение бывших членов левой оппозиции, но он затронул и бывших правых. Однако на местном уровне люди были относительно равнодушны к набирающей силу истерии со стороны партийных руководителей.

Рабочие и члены партии выполняли траурные ритуалы в связи со смертью Кирова, внимательно следили за судебным процессом и участвовали в массовых митингах, целью которых было настроить общественное мнение против обвиняемых. Но они игнорировали призывы партии повысить бдительность. Процесс оказался спектаклем, который не имел никакого отношения к их повседневной жизни и проблемам. Они не были лично связаны с обвиняемыми – выдающимися бывшими революционерами или с намеченными ими жертвами – Сталиным и другими руководителями партии. Они не спорили с настойчивым требованием партии распознавать скрытых врагов, но и не были настроены искать их. В кругу семьи рабочие старшего поколения положительно высказывались о Троцком; они, недавно покинувшие деревню, ругали всех большевиков, не делая большой разницы между Сталиным и его противниками. На заводах были арестованы некоторые бывшие оппозиционеры, но рабочие и члены партии не были слишком этим обеспокоены.

Осенью 1936 года руководители партии были сильно разочарованы бездеятельностью парткомов. Местные парткомы занимались проверкой и обменом партбилетов, чтобы исключить из партии за «пассивность», а не за политические убеждения. На этой стадии партийные руководители прилагали совместные усилия для расширения масштабов кампании охоты на врагов. Они оказывали давление на парткомы и райкомы, требуя, чтобы те привели в соответствие учетные документы и проверили своих членов на предмет принадлежности к оппозиции в прошлом. Они устроили открытый судебный процесс над руководством шахт и бывшими оппозиционерами, которых обвинили во взрыве на Кемеровских шахтах: по окончании процесса заговорили о вредительстве на каждом заводе. Второй, более крупный процесс состоялся в январе 1937 года. В одном деле объединили хозяйственников и бывших троцкистов, а вредительство в Кемерово связали с действиями вредителей в химической промышленности и на железных дорогах. Новая кампания быстро охватила заводы. Рабочие использовали обвинения во вредительстве с целью привлечь внимание к вопросам безопасности труда, отсутствия вентиляции и плохих условий труда. Начальники цехов воспользовались кампанией, чтобы продемонстрировать свое превосходство над другими цехами. Руководители предприятий и профсоюзные работники прибегли к обвинениям, чтобы снять с себя ответственность за проблемы, которые вышли из-под их контроля.

Беспрецедентная польза и универсальность поиска виноватых способствовали расширению масштаба репрессий. Заводы превратились в очаги обвинений и судилищ. Наконец, февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 года добавил еще один элемент в эту взрывоопасную смесь. После объявления курса на демократизацию, была демократизирована избирательная система: альтернативные выборы, тайное голосование при выборе руководящих органов в Верховный Совет СССР, ВКП(б) и ЦК профсоюзов. Партийное руководство призывало «простой народ» выступать против злоупотреблений со стороны должностных лиц и бюрократов, вернуться в свои профсоюзы и призвать к ответу своих руководителей за проблемы предприятия. Для партийного руководства террор и демократия были дополнительным средством устранения бывших оппозиционеров и восстановления связей с партийными массами. Что лучше, чем поощрение нападков на «семейные кружки», защищавшие бывших оппозиционеров, могло помочь в осуществлении этой цели?

Кампания за профсоюзную демократию способствовала усилению репрессий в профсоюзах. На короткое время рабочие приобрели некоторую власть на своих предприятиях: благодаря выборам они избавились от старых руководителей и вынудили профсоюзы заняться вопросами безопасности труда. Однако на других фронтах успехи рабочих были не столь существенны. Во многих профсоюзах вновь избранное руководство оказалось еще более бездейственным, чем прежнее, погрязло в злоупотреблениях и не отличалось склонностью к трезвости. Высшее руководство устроило «чехарду» руководящих постов и должностей в профсоюзах, опережая НКВД на один шаг. Что еще более важно, выборы не изменили роли профсоюзов как организатора производства. После выборов профсоюзные работники начали беспощадную борьбу. Используя язык репрессий: «вредители», «подхалимы», «лизоблюды», «враги» и лица, связанные «семейственностью», – они решали свои личные, узко политические задачи и своей активностью быстро привлекали внимание органов НКВД.

Ущерб, нанесенный профсоюзам, был огромен. Отрывочные свидетельства показывают, что как минимум треть профсоюзных руководителей была арестована. Однако аресты были не просто следствием приказов, поступавших сверху, из ЦК ВКП(б), но и результатом тесного взаимодействия между партией (на всех уровнях), профсоюзами, НКВД и ВЦСПС. Профсоюзы и ВЦСПС были активными участниками саморазрушения. В тюрьмы вело много путей. Профлидеров исключали из местных парторганизаций, а затем арестовывали. Представители ВЦСПС, проводившие расследования, находили доказательства преступной деятельности, которые привлекали внимание партии и НКВД, профсоюзные работники писали доносы друг друга, служили мишенью для обвинений со стороны рядовых членов профсоюзов. У НКВД имелись свои собственные соображения относительно количества руководителей, подлежащих аресту. Некоторые принципиальные профсоюзные руководители пытались защитить свои кадры, призывая должностных лиц прекратить взаимные обвинения. Но их немедленно обвиняли в той практике, которую при помощи террора стремились искоренить: «подавление критики снизу», создание системы «круговой поруки и семейственности». Их усилия оказались напрасными. Подавляющее большинство профсоюзных руководителей ничего не делали для того, чтобы остановить сумасшествие. Пытаясь защитить самих себя, они опровергали одно обвинение другим – такая стратегия приводила только к росту числа жертв. В итоге руководители ВЦСПС и профсоюзов стали орудием собственного уничтожения.

Ситуация в заводских парткомах была почти такой же. Местные партийные руководители требовали от парторганизаций из отдаленных районов присылать копии учетных документов и протоколов, копаться в прошлом каждого из своих членов, чтобы находить компрометирующие сведения. Немногие были в состоянии выдержать столь придирчивую проверку биографии. Рост количества арестов вовлекал в процесс репрессий все более широкие круги людей, связанных с «врагами народа». Тесно переплетенные между собой круги друзей, руководителей и товарищей по работе втягивались в водоворот террора по мере того, как все большее и большее количество людей было арестовано и допрошено. Практика кооптации, популярная при назначении на должность, оказалась пагубной для всех руководителей. Обвинения в их адрес, которые рабочие озвучивали с помощью заводских газет, приводили к увольнениям директоров, начальников цехов, отношение к производственным проблемам и несчастным случаям становилось все более политизированным. Процесс «разоблачения» дошел до абсурда. Но и уцелевшие, оставшиеся среди руин, сотворенных их собственными руками, – все они были связаны с «врагами», которых они, как им казалось, справедливо отправили на гибель. Согласно железной логике террора каждый был в чем-то виновен.

Рабочие так же не были защищены от арестов. Массовые операции, проведенные летом 1937 года, были нацелены против иностранных граждан, бывших кулаков, священников, бездомных и других представителей маргинальных групп. Рабочие и их родственники также стали жертвой этих массовых зачисток.^{524} [72] Если даже наиболее вероятной целью арестов являлись лица, занимавшие руководящие должности, но ведь и они были выходцами из семей рабочих и крестьян. Членам их семей также грозило тюремное заключение, их увольняли со службы, они не имели возможности получить образование и пострадали из-за связи с «врагом народа». В период высокой социальной мобильности анализ классового состава жертв мало говорит о влиянии террора на семьи или на все население.

Первым сигналом того, что террор пошел на спад, было признание партийных руководителей на пленуме ЦК ВКП(б) в январе 1938 года в том, что многие члены партии были исключены ошибочно. Работники ВЦСПС воспользовались прозвучавшими на пленуме заявлениями, чтобы осторожно попытаться остановить сумасшествие, но их возможности были ограниченными. На деле восстановления на работе и продолжавшиеся репрессии создавали невероятные по масштабам организационные беспорядки, которые мешали профработникам, хозяйственникам и членам партии. Организации работали в режиме полной неопределенности: никто не знал, кто за что отвечает, каким правилам нужно следовать. В марте 1938 года был оглашен приговор Бухарину, Рыкову и девятнадцати другим обвиняемым на судебном процессе по делу «антисоветского блока правых и троцкистов» – последнем из трех московских показательных процессов. Как и на предыдущих двух процессах приговор содержал обвинения в убийстве Кирова, вредительстве, саботаже и пособничестве фашистам. В апреле Ежов получил второе назначение – на должность наркома водного транспорта СССР, а в августе Л. П. Берия был назначен первым заместителем наркома внутренних дел. Оба назначения были сигналом того, что террор пошел на спад. Осенью ЦК ВКП(б) принял ряд мер по ограничению могущества НКВД. В ноябре Сталин издал указ о прекращении массовых операций и передал судам функции НКВД по контролю над назначением наказания. Ежов был снят со своего поста, и его заменил Берия. В последний раз в качестве официального лица Ежов появился в феврале 1939 года. Вскоре после этого он был арестован, обвинен в «левом уклоне», признан виновным и в 1940 году расстрелян.^{525} С точки зрения высокой политики, террор официально закончился.

Однако на заводы и в профсоюзы определенного сигнала о завершении террора еще не поступало. Сталин никогда не давал понять о прекращении того или иного действия. Ни на одном заводе пронзительный гудок не отметил окончания этой «ночной смены». В сентябре 1938 года, в то же время, когда партия начала контролировать НКВД, ВЦСПС дал указание ЦК Союза работников торговли «искоренить врагов» в торговых организациях, что привело к новым арестам за вредительство.^{526} Аресты замедлились, но не прекратились. Однако по мере обострения международной ситуации партийные руководители пытались стабилизировать деятельность профсоюзов и парткомов, восстановить трудовую дисциплину и начать подготовку к войне. К 1938 году фашизм победоносно шествовал по Италии, Германии и Испании. Гитлеровская армия была на марше. Великобритания и Франция неоднократно отвергали предложения Советского Союза о коллективной безопасности. В декабре 1938 года государство приняло новое жесткое законодательство, целью которого было сокращение прогулов, опозданий и простоев на работе.^[73] Партийное руководство перешло к перестройке работы профсоюзного аппарата с целью восстановления его авторитета. Кампания за профсоюзную демократию поощряла критику рабочими должностных лиц и способствовала устранению «бюрократов» с их должностей. К 1939 году профсоюзы были до такой степени дискредитированы, что одна газета назвала недавно уволенных по сокращению штата профработников «целой армией дармоедов и бездельников». После выхода этой статьи один бывший профработник написал письмо Сталину, в котором сообщал, что члены профсоюза были уволены не за то, что плохо работали, а потому что их должности были ликвидированы. Он отметил, что у профсоюзных работников мало авторитета, и их регулярно называют «лодырями». Люди клеветают «не только в шутку но и всерьез».^{527} Если профработники должны способствовать росту производительности труда, то партийные руководители должны подавлять гнев низов.

Весной 1939 года руководители партии и профсоюзов негласно дали обратный ход профдемократии. Московский горком партии провел совместное совещание руководителей парткомов и завкомов. Шверник, глава ВЦСПС сообщил, что Московский горком партии будет осуществлять контроль над предстоящими выборами в профсоюзы. Новые правила отменяли прямые выборы. Вместо этого

рабочие должны были избирать выборщиков, которые затем будут отбирать кандидатов – после консультации с парткомом и завкомом. Рабочим не разрешалось дополнять список независимыми кандидатами. У профсоюзов теперь было две задачи: выборы и «выполнение и перевыполнение» плана. Каждый профсоюз должен был заняться укреплением трудовой дисциплины и повышением производительности. Пробные выборы в фабкомы должны были быть проведены на двух или трех предприятиях. Другие предприятия должны были провести выборы у себя с учетом этого опыта. Райкомы партии подробно инструктировали: выборы должны были быть тесно связаны с кампаниями за рост производственных показателей. Члены фабкомов должны были отчитываться о своей деятельности перед рабочими. Шверник четко назвал темы отчетов и объяснил, как члены фабкомов должны были отвечать на вопросы рабочих.

Об изменениях в политике рабочих напрямую не информировали. Прошедшие накануне выборов отчетные собрания привлекли тысячи рабочих, которые до сих пор были воодушевлены кампанией за профсоюзную демократию, проводившуюся в 1937 году. На огромном автомобилестроительном заводе им. Сталина почти 26 тыс. (из 40 тыс.) рабочих активно участвовали в многочасовых собраниях. Они задавали резкие вопросы членам фабкома относительно жилья и снабжения, недоброкачественной продукции, отсутствия защитных перчаток. На некоторых предприятиях рабочие обвиняли профработников во вредительстве и задавали им вопросы, на которые те не могли ответить. Рабочие железнодорожного депо дороги Москва-Свердловск, протестовали против новых норм, простоев и уменьшения заработной платы. Требуя, чтобы линейный профсоюзный комитет решил проблему, они лукаво спрашивали: «Может быть, было какое-нибудь вредительство?» Но дни разнузданной критики со стороны рядовых членов закончились. {528} Выборы 1939 года в профсоюзах, которые от начала до конца проходили под непосредственным присмотром партии, не преподнесли сюрпризов со стороны рабочих. Шверник приложил много усилий, чтобы замаскировать новую роль парткомов и избирателей, связанную с контролем выборов. Он подслушал разговор группы рабочих после выборного собрания: «Все было нормально, но когда они начали обсуждать кандидатов, то предложили самих себя». «Да, – ответил один из них, – у них уже был список. Это значит, что они решили все заранее». Шверник посоветовал профработникам подготовить список кандидатов заранее, а затем дать указание избирателям представить их списки отдельно. {529} Иными словами, профработники получили указание скрыть тот факт, что голосование списком, – практика, запрещенная в 1937 году, была возобновлена. Кампания за профсоюзную демократию была связана с началом демократических выборов в Верховный Совет СССР. Неудачные эксперименты с демократией закончились. Шверник отметил, что руководители Московского городского комитета партии решили отменить прямые профсоюзные выборы, основанные на опыте выборов в Верховный Совет. Профсоюзная демократия – боевой клич 1937 года – не состоялась.

Ситуация ухудшилась, когда партийное руководство страны начало подготовку к войне. По всей стране не хватало топлива и еды. ВЦСПС был завален письмами от профсоюзных руководителей с просьбами о помощи. Председатель Союза рабочих железнодорожной промышленности Криворожского бассейна просил Шверника прислать уголь для обогрева промерзших общежитий и общественных бань. Председатель ЦК Союза работников парикмахерских, бань и прачечных сообщил, что общественные бани в Омске закрыты из-за отсутствия топлива. Только десять рабочих могли рубить лес на выделенных делянках, так как у остальных не было теплой одежды. Температура в банях упала до минус сорока, и трубы лопнули. Общественные бани в Горьком и в Москве также были на грани закрытия. Повсюду люди стояли в очередях за хлебом. Не имея возможности решить кажущихся неустраняемыми проблем, профсоюзные активисты обратились с просьбой в ВЦСПС и к руководству ЦК профсоюзов прислать продукты или топливо, приехать и посетить магазины и сказать им, что делать. {530}

С устранением Ежова репрессии не закончились. В июне 1940 года вышел новый декрет, согласно которому прекращение работы или отсутствие на работе считалось противозаконным действием. Уход с работы без разрешения директора карался заключением в тюрьму на срок от двух до четырех месяцев; отсутствие или опоздание без уважительной причины – на срок до шести месяцев исправительных работ на рабочем месте с вычетом 25% заработка. Рабочий день увеличился на два часа, при этом ставка заработной платы и сама зарплата оставались на прежнем уровне. В результате декрета было осуждено более двух миллионов человек. {531} Местные судьи, используя политический опыт террора, организовали показательные судебные процессы над рабочими, не выполнявшими установленные правила. На текстильной фабрике «Красная роза» районный судья устроил показательный процесс над работницей, опоздавшей на работу женщина

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
жила в 30 километрах от Москвы. Каждый день она со своими двумя маленькими детьми больше километра шла пешком до железнодорожной станции, садилась на электричку в Москву и оставляла детей в яслях, расположенных далеко от работы. Она пришла на суд вместе с детьми, судья занялся рассмотрением ее дела только в 11 часов вечера. Дети и мать рыдали, пока длилось разбирательство. Ее приговорили к четырем месяцам принудительных работ с вычетом 15% из зарплаты. Она вернулась домой далеко за полночь и на следующий день снова опоздала на работу. Другую работницу текстильной фабрики в Ярославле осудили за то, что она без разрешения ушла с работы после того, как получила письмо, в котором сообщалось, что ее пожилая мать заболела. Шестьсот рабочих следили за ходом судебного разбирательства. Она плакала во время суда. Ее приговорили к трем месяцам лишения свободы, взяли под стражу и отправили в тюрьму Огромная толпа рабочих, громко возмущаясь несправедливым приговором, проводила ее до ворот тюрьмы. Шверник написал гневное письмо наркому юстиции, требуя положить конец судебным разбирательствам в связи с нехваткой рабочих рук.^{532} Но вынесение обвинительных приговоров не прекращалось. С 1940 по 1952 годы 17 млн. человек были признаны виновными в нарушении закона – с целью укрепления трудовой дисциплины. Из этого количества 3,9 млн. человек были арестованы. Эти рабочие, совершившие ошибку, теперь составляли большинство осужденных.^{533}

Репрессии, начавшиеся с устранения «террористов», распространились на бывших оппозиционеров, на преданных членов партии, на крупные социальные и этнические группы, которых подозревали в политической измене. Отражая угрозу «террористов», Сталинское руководство отменило гражданские свободы, наделило властными полномочиями полицию, нарушило нормы закона. Со временем репрессии затронули и рабочих – ту самую социальную группу, права которой защищала революция. Простые люди активно участвовали в охоте на затаившихся «врагов» и «террористов», и эти же простые люди заполняли тюрьмы и лагеря.

Эта книга начинается словами горняка, и было бы уместным закончить ее словами шахтера. В 1930 году молодой рабочий угольной шахты написал письмо Сталину, протестуя против судов над рабочими за нарушения трудовой дисциплины. Он поднял вопрос о том, являются ли репрессии эффективным средством для построения свободного и справедливого государства. Он написал: «Суд, как говорил Вышинский, – это мера перевоспитания для тех людей, которые трудно поддаются убеждению или разъяснению. Значит, из всего этого можно сделать один общий вывод, который покажет следующее: для того, чтобы массы были сознательными и имели свою воинскую дисциплину (закон), должны были ввести суд. Теперь посмотрим у нас: население – 193 миллиона. И в будущем у нас окажется такая картина: пройдет этот страшный суд, и все будут подсудимыми... И что может получиться, Иосиф Виссарионович, если окажется 100 миллионов подсудимых? К чему может привести эта масса?»^{534} , [74] Сталин не ответил на вопрос молодого шахтера, хотя на него ответили профсоюз и райком партии. Они начали собирать сведения против него.

Примечания

1

Эти строки написаны ленинградской коммунисткой Е. Л. Владимировой, высланной в лагеря в конце 1930-х гг. Полностью стихотворение воспроизведено в книге Р. А. Медведева. См.: Medvedev R. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. New York: Columbia University Press, 1989. P. 634.

2

Термины «ежовщина» и «террор» обозначают ссылки, репрессии и общую атмосферу страха. Понятие «чистка» относится к процессу проверки членов коммунистической партии, в результате которой некоторые коммунисты были исключены из партии за коррупцию, пассивность, халатность, безнравственность, за принадлежность к политической оппозиции или по каким-либо другим причинам. В конце 1930-х гг. эти чистки были беспощадными. Исключение из рядов партии часто, хотя и не всегда, являлось прелюдией к аресту, заключению в тюрьму или смертной казни. Слово «чистка» также иногда используется для описания увольнений из учреждений. Термин

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
«репрессия» относится к более широкому явлению, когда аресты, лишение свободы и смертная казнь влияли не только на членов партии, но и беспартийных.

3

2,5 млн. человек были обвинены по политическим и неполитическим мотивам, в числе этих людей были 1 млн. 575 тыс. человек, арестованных службой безопасности. См.: Getty J. A., Rittersporn G., Zemskov V. *Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years*. P. 1022-1023.

4

Л. Виола, У. Чейз, Дж. Арч Гетти – все, в свое время называвшиеся «ревизионистами», внесли большой вклад в наше понимание политических репрессий.

5

Роберта Маннинг приводит доводы в пользу того, что экономический кризис 1936 года явился причиной чисток. См.: Manning R. *The Soviet Economic Crisis of 1936-1940 and the Great Purges* // *Stalinist Terror: New Perspectives* / eds. J. A. Getty, R. Manning. New York: Cambridge University Press, 1993. P. 116-141. Однако Р. У. Дэвис утверждает, что к 1936 году советская экономика добилась «ошеломляющих успехов». См.: Davies K W. *The Soviet Economy and the Launching of the Great Terror* // *Stalin's Terror Revisited* / ed. M. Ilia Basingstoke: Palgrave, 2006. P. 12, 29.

6

Конфликт между «продуктивизмом» и «воркеризмом» относится к периоду гражданской войны. Однако «продуктивизм» достиг своего апогея в 1930-х, в годы индустриализации. См.: Koenker D. *Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism, 1918-1930*. Ithaca: Cornell University Press, 2005. P. 45-76, 260.

7

Фильтцер отмечает, что нехватка рабочей силы привела к стремительному росту текучести рабочей силы.

8

Нормы, основанные на хронометраже процесса труда, устанавливали нормы выработки для различных видов работ. В 1924 году нормирование было распространено во всех отраслях промышленности и стало ключевым средством повышения производительности труда.

9

Комиссия планировала повысить производительность труда на 14%, заработную плату – на 9% и уменьшить цены на 3,9%.

10

Цифры, официально заявленные 79 профсоюзными организациями, включали производственные травмы, полученные в 1934-1937 годы, что привело к большим потерям времени. В статистических отчетах за 1934 и 1936 годы указывалось, что уровень травматизма вырос в пятидесяти профсоюзных организациях из шестидесяти. Из сорока восьми профсоюзов, сообщивших о случаях травматизма в 1937 году, сорок четыре заявили о снижении уровня травматизма. См.: Таблица. Производственный и бытовой травматизм в 1934-1937 гг. // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 74. л. 1-3.

11

Рабочие стекольной фабрики в западном регионе также отказались подписаться и сорвали лозунги со стен. Об отрицательных настроениях, выявленных в кампании по займу // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 12. Л. 114.

12

В заблаговременно систематизированных описях ВЦСПС имелись только единичные отчеты о забастовках (ГА РФ. Ф. 5452. Оп. 43). Возможно, что серьезные общественные волнения в Иваново, которые документально подтвердил Россман, также происходили и в других местах. См.: Davies R. W. *Crisis and Progress in the Soviet Economy*. P. 188-192.

13

Очевидно, речь идет о бывших эсерах, поскольку с арестом в 1925 последнего состава ЦБ эсеровской партии, она практически прекратила свое существование на территории СССР (прим. ред.).

14

ВКП(б), Народный комиссариат труда, профсоюзы и ВЦСПС получали сообщения от информаторов, рабочих активистов, следственных бригад и местных представителей власти.

15

Например, собирались сведения о рабочих, высказывавшихся против кампании коллективных договоров в 1933 году. См.: В ЦК ВКП(б). Докладная записка об итогах проведения колдоговорной кампании и пересмотра норм выработки // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 153-154; В секретную часть ВЦСПС. Выступления отдельных рабочих во время колдоговорной кампании // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 131-131 об.

16

Выговор или строгий выговор были официальной формой порицания, записывались в личное дело члена партии. Выговор также мог быть снят.

17

На фабрике «Красный богатырь» преобладал тот же принцип.

18

Гетти отмечает, что согласно первой версии стенографического отчета пленума Центрального Комитета партии, голоса по Енукидзе разделились. В более поздних версиях документа говорится, что голосование было единодушным. Гетти приводит убедительные доказательства колебаний в «верхах».

19

Гетти и Наумов приводят дополнительные данные по проверке 1935 года, отмечая, что к февралю 1937 года 263 тыс. 885 человек, т. е. 13,6% членов партии были исключены, из них 2, 8%, т. е. 7 тыс. 504 человек были исключены за принадлежность к троцкистам или зиновьевцам. Из общего количества населения (партийных и беспартийных) 30 тыс. 174 «контрреволюционера» были приговорены к тюремному заключению. См.: Getty J. A., Ritterspom G., Zemskov V. *Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence* //

20

В феврале-марте 1937 года Я. С. Агранов – заместитель главы Московского областного НКВД заявил на пленуме Центрального Комитета, что Ягода и Молчанов пытались ограничить следствие и не верили полученным признаниям. Агранов отметил: «Таковы были настроения» в НКВД, что означало, что их поддерживали другие руководители НКВД. См.: О так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 85; см. также: свидетельские показания Агранова на Пленуме в феврале-марте 1937 года // Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P. 249.

21

Чейз отмечает, что Управление кадров ЦК ВКП(б) уведомило Генерального секретаря Коминтерна Георгия Димитрова о том, что отправило материалы в НКВД по 3000 иностранным коммунистам и эмигрантам, проживавшим в СССР, которые подозревались в шпионаже, провокациях и вредительстве.

22

В список заговорщиков Сталин добавил следующие имена: Е. С. Хольцман, Фриц Дэвид (И. И. Круглянский), К. Б. Берман-Юрин и Н. Л. Лурье. См.: Судебный отчет. С. 9-39.

23

Обвиняемыми были Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов, И. Н. Смирнов, И. П. Бакаев, В. А. Тер-Ваганян, С. В. Мрачковский, Е. А. Дрейцер, Е. С. Хольцман, И. И. Рейнгольд, Р. В. Пикель, В. П. Ольберг, К. Б. Берман-Юрин, Фриц Дэвид (И. И. Круглянский), М. Лурье, Н. Лурье.

24

«Новый курс» – название оппозиционной платформы Троцкого, представленной в 1923 году. См.: Trotsky L. The New Course: The Challenge of the Left Opposition, 1923-1925. New York: Pathfinder, 1975.

25

Информаторы записывали комментарии и передавали их в местные партийные организации и в Московский партийный комитет, а также сообщали имена высказывавшихся, название цеха и завода, в котором они работали.

26

Призыв рабочего основан на популярном советском лозунге: «Ленин жил! Ленин жив! Ленин будет жить!»

27

ЦАОПИМ не дал мне разрешения ознакомиться с письмом Московского городского комитета партии, несмотря на то, что о нем упоминается, и оно цитируется в других документах. – Авт.

28

Во фрунзенском районе только 57 человек были исключены из партии. В Молотовском районе партийное руководство изучило личные дела 2225 членов партии, исключило из своих рядов 38 «врагов» и собрало сведения на 85

29

Шубин, бывший троцкист, участвовал в подпольных собраниях, проводимых Троцким в 1927 г. до изгнания из СССР. Только однажды, указывая должность Курова в газетах, было упомянуто: «Он работал на производстве». См.: Процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы на кемеровском руднике. Ч. 1 // Труд. 20 ноября 1936 г. С. 3.

30

Отличительной чертой судебного процесса была второстепенная сюжетная линия. Она отразилась эхом в августовском процессе в 1936 г. Арнольд, Богуславский и Муралов, осужденные в январе 1937 года, были обвинены в заговоре о покушении на жизнь Р. И. Эйхе, секретаря крайкома, и В. М. Молотова, Председателя Совета Народных Комиссаров, в 1934 году в автомобильной катастрофе. См.: Процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы на кемеровском руднике. Ч. 3 // Труд. 22 ноября 1936 г. С. 3.

31

В конце 1936 года 43 из 823 ведущих руководителей НКТП были исключены из партии и арестованы. См.: Khlevniuk O. V. In Stalin's Shadow: The Career of «Sergo» Ordzhonikidze. New York: Armonk, 1995. P. 112-114, 116.

32

Обвиняемыми были: Г. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников, Л. П. Серебряков, Н. И. Муралов, Я. Б. Лившиц, Я. Н. Дробнис, М. С. Богуславский, И. А. Князев, С. А. Ратайчак, Б. О. Норкин, А. А. Шестов, М. С. Строилов, И. Д. Турок, И. И. Граше, Г. Е. Пушин и В. В. Арнольд. Например, Муралов, бывший член левой оппозиции, высланный в Новосибирск в конце 1920-х, был арестован весной 1936 года. Он отрицал свою причастность к вредительству и продержался до декабря.

33

В тексте неточность. С ноября 1928 по август 1930 гг. Угланов занимал пост наркома труда СССР; в 1930-1932 гг. – председатель Астраханского горсбыттреста, с марта 1932 до октября 1932 гг. – начальник сектора по производству товаров широкого потребления Наркомата тяжелой промышленности СССР (прим. ред.).

34

Так в тексте документа (прим. пер.).

35

Расширенная группа членов Политбюро и Центрального Комитета встретила до начала пленума, чтобы составить проект и утвердить резолюции, основанные на основных выступлениях. В состав группы входили: Сталин И. В., Андреев А. А., Ворошилов К. Е., Каганович Л. М., Калинин М. И., Микоян А. И., Молотов В. М., Орджоникидзе Г. К. и Чубарь В. Я., кандидаты в члены ЦК Жданов А. А., и Петровский Г. И.; члены ЦК Антипов Н. К., Бауман К. Я., Бубнов А. С., Варейкис И. М., Гамарник Я. Б., Крупская Н. К., Литвинов М. М., Межлаук В. И., Пятницкий И. А., Хрущев Н. С. и Шверник Н. М., члены комиссии партийного контроля, комиссии советского контроля и др.

36

О. В. Хлевнюк утверждает, что речь Орджоникидзе могла быть более

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org сдержанной, чем речь Молотова (In Stalin's Shadow. P. 164-165). Молотов также сомневался, каким образом в общих чертах определить понятие «вредительство».

37

Более 10% членов областных пленумов партии и пленумов ЦК были скорее назначены на должности, чем выбраны. В районных и городских комитетах назначенных было еще больше и достигало 60%. Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 6-8, 9-10.

38

Сталин получил эти цифры следующим образом: в 1927 году состоялось открытое обсуждение, «настоящий референдум» по вопросам, поднятым объединенной оппозицией. За него проголосовали 730 тыс. из 854 тыс. членов партии. Из этого количества людей, по подсчетам Сталина, 4 тыс. голосовали за троцкистов и 2 тыс. 600 воздержались. В итоге 6 тыс. 600 человек одобрили программу троцкистов. Прибавив 11 тыс. человек из числа тех, кто не участвовал в выборах, он подсчитал, что максимальное количество троцкистов составляло 18 тыс. человек. Затем Сталин добавил еще 10 тыс., поддерживавших Зиновьева, и еще 2 тыс. «шептунов» – людей, сеявших сомнения, и правых уклонистов, что, в сумме составило 30 тыс. «антипартийных кадров».

39

См. рассказ Сталина о Ломинадзе, секретаре Магнитогорского горкома ВКП(б). Хотя Орджоникидзе выслушал сомнения Ломинадзе о проводимой партией политике, он отказался сообщить о нем в Центральный Комитет. Позже Орджоникидзе перешел в другую крайность и хотел застрелить его. Сталин считал, что его не надо расстреливать, арестовывать или даже исключать из партии, достаточно освободить Ломинадзе от обязанностей члена ЦК. Об этом см.: Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1995. № 11-12. С. 16-17; Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P. 218. Ломинадзе покончил жизнь самоубийством в 1935 году.

40

Лозунги массового участия предшествовали чистке «правых» и в 1928 году, когда партия начала аналогичную кампанию против коррупции, забюрократизированных, недемократичных профсоюзных руководителей. В то время, рабочие не проявляли большого энтузиазма ни в критике, ни защите своих руководителей. См.: Koenker D. Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism, 1918-1930. Ithaca: Cornell University Press, 2005. P. 248-259.

41

Каждый профсоюз возглавлялся центральным комитетом с подчиненными ему областными комитетами на среднем уровне, а также заводскими и цеховыми комитетами и профгруппами – на низовом уровне. Некоторые профсоюзы также имели районные комитеты.

42

В марте 1937 года Президиум ВЦСПС состоял из тринадцати членов. Позже был арестован Полонский, затем последовали аресты других членов.

43

Эти отчеты, как и отчеты трудовых инспекторов в XIX веке, служили отличным источником информации об условиях труда и жизни рабочих.

44

Прием в профсоюз иногда откладывался из-за того, что рабочий оскорблял женщин, ввязывался в драки или имел «туманное прошлое». Выборы в завком (приблизительно 25 человек) проводились в 1931 и в 1936 гг.

45

Из 41 вновь избранного члена ЦК только 4 оставались прежними. Постановление секретариата ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 72. Л. 59, 60. Выборная вставка в ЦК Союза рабочих шерстяной промышленности повторилась и в других профсоюзах, включая ЦК Союза рабочих железорудной промышленности Юга и ЦК Союза рабочих молочной промышленности.

46

Нечто похожее наблюдалось на выборах в партийные органы в мае 1937 года: первые секретари обкомов и крайкомов сохраняли свои должности, в то время как работники райкомов и первичных партийных организаций переизбирались. См.: Getty J.A. Pragmatists and Puritans: The Rise and Fall of the Party Control Commission // Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1997. № 1208. P. 28.

47

В 1925 г. Союз работников печатной промышленности пытался преодолеть апатию и дать больше власти рабочим, при этом уменьшив роль партии. Чистка правых в 1929 году также сопровождалась поощрением критики снизу. См.: Koenker D. P. Republic of Labor. P. 169, 254.

48

Гетти утверждает, что Сталин и его окружение намеревались устранить областных руководителей партии посредством мобилизации руководителей низшего звена против партийных руководителей среднего звена. По мнению Гетти, руководители обкомов представляли угрозу центральной власти, так же как и объединение вероятных оппозиционеров.

49

Наибольшее сокращение числа несчастных случаев было отмечено в тракторостроении (26%), сельскохозяйственном машиностроении (23%), производстве цветных металлов (22%), в лесопильной и деревообрабатывающей промышленности (22%), кожевенном производстве (21%), в строительстве железнодорожных машин (20%), полиграфии (19%), в жилищно-коммунальном обслуживании и строительстве (18%). Эти цифры были представлены 79 профсоюзами за 1934-1937 гг. и включают травмы в быту и на производстве, приведшие к нетрудоспособности. Количество травм увеличилось в 50 из 69 профсоюзов, которые представили статистику за 1934 и 1936 гг. Из 48 профсоюзов, которые сообщили о несчастных случаях в 1937 году, 44 профсоюза отметили сокращение их количества. См.: Таблица. Производственный и бытовой травматизм в 1934-1937 гг. // ГА РФ, Ф. 5451, Оп. 43. Д. 74. Л. 1-3,

50

Дональд Филтцер отмечает, что профсоюзы вступили в сговор с руководством предприятий, преуменьшая значение травматизма в послевоенный период. См.: Soviet Workers and Late Stalinism. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 203-213.

51

Росман отмечает, что Каганович начал чистку в Ивановском партийном

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org комитете в августе 1937 года после признания Колотилова в получении приказов от Томского подстрекать к выражению недовольства и забастовкам. См.: Там же. С. 235.

52

Так же как и Р. П. Эйдеман, в июне 1937 года по приказу Военного Совета Наркомата обороны были расстреляны М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. Л. Корк, Б. М. Фельдман, В. М. Примаков и В. К. Путьна за принадлежность к военно-фашистской организации, разоблаченной органами НКВД.

53

Инициалы Волцита и Карклина в документах не указаны (прим. пер.).

54

У автора ошибка в написании фамилии: правильно – Нефедьев (прим. ред.),

55

Профсоюз лихорадило больше года. Первый секретарь ЦК Союза В. В. Чернышев был уволен в июне 1936 года за политические ошибки, самомнение, грубость и бюрократизм. Рубель, способствовавший его увольнению, позже был арестован. См.: Постановление секретариата ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 71. Л. 123.

56

Не очень понятно, кто такой М.Л. Каганович, вряд ли это Л.М. Каганович, занимавший с августа 1937 по январь 1939 гг. пост наркома тяжелой промышленности (прим. ред.).

57

У автора ошибка. В 1929 году к Лукьяновой пришла в гости невестка с подругой по имени Поля, с которой впоследствии Лукьянова больше никогда не встречалась, но Полю действительно спустя некоторое время признали троцкистской. И хотя Лукьянова была бессменным членом пленума профкома, активисткой, ее исключили из пленума, и вообще из профсоюза. А дочь ее уволили с работы (см.: Носач В. И., Зверева Н.Д. Расстрельные 30-е годы и профсоюзы. СПб: Изд-во СПбГУП, 2007) (прим. ред.).

58

Названия профсоюзных журналов: «Вопросы профдвижения», «Вопросы страхования», «Клуб», «Гигиена труда», «Техника безопасности», «Жизнь глухонемых».

59

У автора ошибка. Речь идет об О. Е. Лернер, члене ВКП(б) с 1904 года. Ей было поставлено в вину недонесение о контрреволюционном разговоре, который состоялся в ее присутствии (прим. ред.).

60

Нет уверенности, что эти слова принадлежат именно Буданову, поскольку в тексте стенограммы собрания не указана фамилия выступавшего (прим. пер.).

К сожалению, невозможно было получить полную информацию о том, как проводились собрания на каждом заводе. События, описанные в этой главе, охватывают следующие периоды: 1937-1938 гг. – завод «Динамо»; 1935-1936 гг., 1938-1939 гг. – завод «Красный пролетарий»; 1935-1938 гг. – завод «Серп и Молот»; 1937-1938 гг. – ликероводочный завод; 1935 г., 1937 г. – фабрика «Трехгорная мануфактура». Об истории завода «Серп и молот» см.: Murthy K. *Revolution and Counterrevolution: Class Struggle in a Moscow Metal Factory*. Oxford, New York: Berghahn Books, 2005; Straus K. *Factory and Community in Stalin's Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1997; Соколов А. К., Маркевич А. М. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на московском заводе «Серп и молот», 1883-2001 гг. М.: РОССПЭН, 2005.

62

У автора ошибка, правильно – Бульбис (прим. ред.).

63

У автора ошибка, в документе не «латышский фашист», а «латышской нации» (прим. ред.).

64

Речь идет об оперативных приказах НКВД, утвержденных Политбюро (прим. ред.).

65

Приказ «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», т. н. «кулацкая» операция (прим. ред.).

66

Приказ Ежова о массовой операции, направленной на полную ликвидацию местных организаций «Польской организации войсковой» (прим. ред.).

67

У автора неточность, завод находится на юго-востоке Московской области (прим. ред.).

68

Работал строго по правилам, как это бывает во время т. н. «итальянской» забастовки (прим. ред.).

69

Цех холодного проката произвел 158 тонн нержавеющей стали в 1936 году и 257 тонн в 1937 году.

70

После пленума в 1938 году репрессии продолжались. Было арестовано более 638 тыс. человек, в 1937 году было арестовано 936 тыс., большинство – за контрреволюционные преступления // Там же. С. 496-497.

71

В 1937–1938 гг. партком заслушал более пяти десяти дел, связанных с исключениями из партии, арестами и обвинениями.

72

Хлевнюк отмечает, что часто жертвами массовых операций становились не «пауперизированные элементы», а обычные граждане, не имевшие при себе удостоверения личности; Vasiliev V. *The Great Terror in the Ukraine, 1936–1938 // Stalin's Terror Revisited* /ed. M. Iliá Basingstoke: Palgrave, 2006. P. 158. Васильев отмечает, что в Донецкой области почти половина репрессированных была работниками физического труда.

73

О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины // Правда. 29 декабря 1938 г. С. 1. В постановлении говорилось, что рабочие, отсутствовавшие на работе больше одного раза в месяц или опоздавшие на работу более, чем на двадцать минут без уважительной причины, подлежат увольнению и выселению из заводского общежития. См.: Filtzer D. *Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941*. NY: Armonk, M. E. Sharpe, 1986. P. 233–234.

74

Письму молодого шахтера Сталину было уделено огромное внимание: его перенаправили в ВЦСПС, оттуда – в ЦК Союза рабочих угольной промышленности. Руководитель профсоюза передал это письмо профсоюзному инструктору, который провел тщательное расследование личности автора, а затем направил письмо в райком партии с просьбой организовать для шахтеров лекцию о невыходе на работу без уважительной причины.

Ссылки

1

Getty J. A., Rittersporn G., Zemskov V. *Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach in the Basis of Archival Evidence* // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. № 4 (October). P. 1022–1024.

2

Khlevniuk O. *The History of the Gulag: From Collectivization to the Great Terror*. New Haven: Yale University Press, 2004. P. 177–181, 306, 309.

3

Conquest R. *The Great Terror: A Reassessment*. New York: Oxford University Press, 1996; Courtois S., Werth N., Pann J.-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J.-L. *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999; Solzhenitsyn A. *The Gulag Archipelago: An Experiment in Literary Investigation, 1918–1956*. New York: Harper and Row, 1914; Jansen M., Petrov N. *Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov* Stanford: Hoover Institution Press, 2002. Аналогичный взгляд на государство, где автор, главным образом, фокусирует внимание на «ежовщине», представлен в кн.: Khlevniuk O. *In Stalin's Shadow: The Career of «Sergo» Ordzhonikidze*. New York: M. E. Sharpe, 1995; Хлевнюк О. В. 1937–й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992.

4

Getty J.A. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. New York: Cambridge University Press, 1985; Getty J. A. *State and Society Under Stalin: Constitutions and Elections in the*

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
1930s // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. № 1. P. 18-35; Getty J. A. Pragmatists and Puritans: The Rise and Fall of the Party Control Commission // *Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 1997. № 1208; Getty J. A., Naumov O. *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks*. New Haven: Yale University Press, 1999; Harris J. *The Great Urals: Regional Interests and the Evolution of the Soviet System, 1934-1939*. Ithaca: Cornell University Press, 1999; Manning R. *Government in the Soviet Countryside in the Stalinist Thirties: The Case in Belyi Raion in 1937* // *Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 1984. № 301; *Centre-Local Relations in the Stalinist State, 1928-1941* / ed. E. A. Rees. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2002; Rittersporn G. *Stalinist Simplifications and Soviet Complications: Social Tensions and Political Conflicts in the USSR, 1933-1953*. Chur: Harwood Academic Publishers, 1991; Solomon P. *Soviet Criminal Justice Under Stalin*. New York; Cambridge, 1996.

5

О рабочих и промышленности см.: Fitzpatrick S. *Workers Against Bosses: The Impact of the Great Purges on Labor-Management Relations* // *Making Workers Soviet: Power, Class, Identity* / eds. L. H. Siegelbaum, R. G. Suny. Ithaca: Cornell University Press, 1994. P. 311-340; *Stalinist Terror: New Perspectives* / eds. J. A. Getty, R. Manning. New York: Cambridge University Press, 1993. Основополагающие статьи о репрессиях на заводах, в колхозах, в военных частях и других местах см.: Manning R. *The Soviet Economic Crisis of 1936-1940 and the Great Purges* // *Stalinist Terror*. P. 116-141; Thurston R. *The Stakhanovite Movement: The Background to the Great Terror in the Factories, 1935-1938* // *ibid.* P. 142-160; Hoffman D. *The Great Terror on the Local level: Purges in Moscow Factories, 1936-1938* // *ibid.* P. 163-167; Goldman W. *Stalinist Terror and Democracy: The 1937 Union Campaign* // *American Historical Review*. 2005. Vol. 110. №5. P. 1427-1453; Siegelbaum L. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935-1941*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988; Thurston R. *Reassessing the History of Soviet Workers: Opportunities to Criticize and Participate in Decision-Making* // *New Directions in the Soviet History* / eds. S. White. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 160-190. Роберт Тэрстон – единственный, кто развил эти первоначальные идеи в монографии: Thurston R. *Life and Terror in Stalin's Russia, 1934-1941*. New Haven: Yale University Press, 1996. См. также: Zhuravlev S. *Terror Against Foreign Workers in the Moscow Elektrozavod Plant, 1937-1938* // *Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union* / eds. B. McLoughlin, K. McDermott. Basingstoke: Palgrave, 2003. P. 225-240. О динамике репрессий в учреждениях см. также: Chase W. *Enemies Within the Gates? The Comintern and the Stalinist Repression, 1934-1939*. New Haven: Yale University Press 2001; Siddiqi A. *The Rockets' Red Glare: Technology, Conflict, and Terror in the Soviet Union* // *Technology and Culture*. 2003. Vol. 44. № 3. P. 470-500. О реакции крестьянства см.: Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization*. New York: Oxford University Press, 1994. P. 286-312.

6

Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russian in the 1930s*. New York: Oxford University Press, 1999; Garros V., Komevskaya N., Lahusen T. *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s*. New York: New Press, 1994; Half in I. *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003; Hellbeck J. *Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stephan Podlubnyi, 1931-1939* // *Stalinism: New Directions* / ed. S. Fitzpatrick. New York; London: Routledge, 2000. P. 77-116. В этот перечень не включены авторы мемуаров и писатели, подробно исследовавшие реакцию и психологию личности человека.

7

Getty J. A. *Excesses are not permitted: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s* // *Russian Review*. 2003. №61. P. 113-138; Hagenloh P. *Socially Harmful Elements and the Great Terror* // Fitzpatrick

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
S. Stalinism: New Directions. P. 286-308; Khlevniuk O. The Objectives of the Great Terror, 1937-1938 // Soviet History, 1917-1935: Essays in Honor of R. W. Davies / eds. J. Cooper, M. Perrie, E. A. Rees. New York: St. Martin's Press, 1995. P. 83-104; McLoughlin B. Mass Operations of the NKVD, 1937-1938: A Survey // Stalin's Terror. P. 118-152; Petrov N., Roginsky A. The Polish Operation of the NKVD, 1937-1938 // ibid. P. 153-170; Shearer D. Social Disorder, Mass Repression and the NKVD During the 1930s // ibid. P. 85-117; Stalin's Terror Revisited / eds. M. Ilic. Basingstoke: Palgrave, 2006. P. 5-6.

8

Shearer D. Social Disorder and the NKVD in the 1930s. P. 103; McLoughlin B., McDermott K. Rethinking Stalinist Terror // Stalin's Terror. P. 3. См. также: Stalin's Terror Revisited.

9

Khlevniuk O. The History of the Gulag. P. 140, 331. См: рецензию О. В. Хлевнюка на книгу: Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner, а также ответ в ст.: Getty]. A. To the Editors // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. vol. 4. № 3. P. 760-767. vol. 5. № 1. P. 233-235.

10

Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbass: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870-1990s. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner. P. 79 -111; McLoughlin B. Mass Operations of the NKVD, 1937-1938. P. 123-124.

11

Getty J. A. Excesses Are Not Permitted; McLoughlin B. Mass Operations of the NKVD, 1937-1938; Vatlin A., Musienko N. Stalinist Terror in the Moscow District of Kuntsevo // Stalin's Terror. P. 127.

12

См.: Getty]. A., Naumov O. The Road to Terror.

13

McLoughlin B. Mass operations of the NKVD, 1937-1938. P. 142.

14

Fitzpatrick S. How the Mice Buried the Cat. Stalin's Peasants; Manning R. Government in the Soviet Countryside in the Stalinist Thirties; Ellman M. The Soviet 1937 Provincial Show Trials: Carnival or Terror. Europe-Asia Studies, 2001. vol. 53. № 8 (December). P. 1221-1233.

15

О сравнительных подходах к вопросу о терроре см.: Bartov O. Review Forum. Rewriting the Twentieth Century: Extreme Opinions // Kritika. 2002. Vol. 3. № 2. P. 281-302; Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives. New York: Knopf, 1992; Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789-1989 / eds. S. Fitzpatrick, R. Gellately. Chicago: University of Chicago Press, 1997; Gellately R., Kiernan B. The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective. New York: Cambridge University Press, 2005; Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison / eds. I. Kershaw, M. Lewin. Cambridge: Cambridge University Press, 1977; Mazower M. Dark

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
Continent: Europe's Twentieth Century. New York: Knopf, 1999; Weitz E. A Century of Genocide: Utopias of Race and Nation. Princeton: Princeton University Press, 2003. Об аналогиях в полемике между немецкой и советской историографией о нацизме и сталинизме см.: Mason T. Intention and Explanation: A Current Controversy About the Interpretation of National Socialism // Mason T. Nazism, Fascism and the Working Class. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 212; Malta M. To the Editors // Kritika. 2001. Vol. 2. № 4. P. 707-711. См. также: Kershaw I. The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation. New York: Oxford University Press, 2000; From the Editors. Really-Existing Revisionism? // Kritika. 2002. Vol. 3. № 3 P. 569-571; Browning C. Beyond «Intentionalism» and «Functionalism»: A Reassessment of Nazi Jewish Policy from 1939 to 1941 // Reevaluation the Third Reich / eds. T. Childers, J. Caplan. New York: Holmes and Meier, 1993. P. 211-233. О советских дебатах см.: Russian Review 1986. Vol. 45. № 4. P. 357-413. См. также: Russian Review, 1987. Vol. 46. № 4. P. 379-431. См. более позднюю ст.: Media M. Judging Nazism and Communism // Fall: National Interest, 2002. Vol. 69. P. 63-78; David-Fox M. On the Primacy of Ideology: Soviet Revisionists and Holocaust Deniers (In Response to Martin Malia) // Kritika. 2004. Vol. 5. № 1 (Winter). P. 81-105.

16

О массовой реакции на нацистский террор см.: Browning C. Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland. New York: Harper, 1998; Finkelstein N.; Birn R. A Nation on Trial: The Goldhagen Thesis and Historical Truth. New York: Metropolitan Books, 1998; Gellately R. Backing Hitler: Consent and Coercion in Nazi Germany. Oxford: Oxford University Press, 2001; Resistance Against the Third Reich / eds. M. Geyer, J. Boyer. Chicago: University of Chicago Press, 1994; Goldhagen D. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. New York: Vintage Books, 1997; Hilberg R. Perpetrators, Victims, Bystanders: The Jewish Catastrophe, 1933-1945. New York: Aaron Asher Books, 1992; Johnson E. Nazi Terror: The Gestapo, Jews, and Ordinary Germans. New York: Basic Books, 1999; Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. Oxford: Oxford University Press, 1983; Koonz C. Mothers in the Fatherland: Women, Family Life, and Nazi Politics. New York: St. Martin's Press, 1987; Peukert D. Inside Nazi Germany: Conformity, Opposition and Racism in Everyday Life. New Haven: Yale University Press, 1987; Steinert M. G. Hitler's War and the Germans: Public Mood and Attitude During the Second World War. Athens: Ohio University Press, 1977.

17

Сектор информации отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС Сводка № 5 // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 114 об.

18

ЦК Союза рабочих добычи цветных металлов. IV Пленум. Отчет // ГА РФ. Ф. 7679. Оп. 3. Д. 86. Л. 3-8, 66-67.

19

Труд в СССР. Статистический справочник. М: ЦУНХУ Госплана, 1936. С. 25.

20

Об истории и политике нормирования см. Осокина Е. Иерархия потребления: о жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928-1935 гг. М: Издательство МГУ, 1993. О розничной торговле см.: Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931-1933. Basingstoke, London: Macmillan, 1996. P. 58-64. О падении заработной платы см.: Goldman W. Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia. New York: Cambridge University Press, 2002. P. 76-82.

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
21

Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928-1941. NY: Armonk, M. E. Sharpe, 1986. P. 51-53.

22

Материал для ЦК партии. Материалы к докладу «Заработная плата за 3 года, 1930-1933» // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 31. Л. 19-21; Davies K.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy. P. 22-24, 54, 131-132, 194-195, 207-209.

23

Сводка № 2. О повышении цен // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13. Л. 89, 89 об. О реакции рабочих на призыв к ускоренной ударной работе см.: Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization. P. 76-81.

24

Информационная справка № 10 о настроениях рабочих в связи с повышением цен // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13. Л. 9, 10.

25

Filtzer D. Soviet workers and Stalinist Industrialization. P. 51-53.

26

Постановление экспертной комиссии по вопросу о перерасходе фондов зарплаты в 1932 г. Наркому труда тов. Цихону А.Т. // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 2, 150-150 об.

27

Политбюро ЦК ВКП(б) // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 96-97.

28

Председателям ЦК Союзов, республиканских, краевых, областных совпрофов // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 27. Л. 1-2.

29

Сектор информации отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС. Сводка № 5 // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 9.

30

Об ударной работе и стахановском движении см.: Davies R. W., Khlevnyuk O. Stakhanovism and the Soviet Economy // Europe-Asia Studies. 2002. Vol 54. № 6. P. 867-903; Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization; Kuromiya H. Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928-1932. New York: Cambridge University Press, 1988; Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935-1941 // New-York: Cambridge University Press, 1988; Straus K. Factory and Community in Stalin's Russian. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 1997; Thurston R. The Stakhanovite Movement: The Background of the Great Terror in the Factories, 1935-1938 // Getty J. A., Manning R, Stalinist Terror. P. 142-160.

31

Goldman W. Women at the Gates. P. 244-251. Об отношении к сдельщине см.:
Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy. P. 55-58.

32

Материал для ЦК партии // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 31. Л. 21-24.

33

Сводка № 2 «О повышении цен» // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13. Л. 84;
Filtzer D. Soviet workers and Stalinist Industrialization. P. 11-15.

34

Сводка писем рабочих, сигнальщиков ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 27.
Л. 18, 18 об.

35

Davies R. W., Khlevniuk O. Stakhanovism and the Soviet Economy. P. 887-896;
Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR,
1935-1941. P. 247-293.

36

Об уступках рабочим со стороны руководства см.: Filtzer D. Soviet workers
and Stalinist Industrialization. P. 222-229.

37

Материал для ЦК партии // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 31. Л. 11-12,17. В ЦК
ВКП(б). Докладная записка об итогах проведения колдоговорной кампании и
пересмотра норм выработки // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 159. В этом
номере дела, как и в некоторых других, нумерация листов идет в обратном
порядке.

38

В ЦК ВКП(б) тов. Сталину в СНК СССР тов. Молотову, в ВЦСПС тов. Швернику //
ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 210; Материал для ЦК партии // ГА РФ. Ф.
5451. Оп. 43. Д. 31. Л. 28-32.

39

В ЦК ВКП(б). Докладная записка об итогах проведения колдоговорной кампании
и пересмотра норм выработки // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 159-157.

40

В ЦК ВКП(б) тов. Андрееву А. А. // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 83. Л.
140-139.

41

Davies R. W., Khlevniuk O. Stakhanovism and the Soviet Economy. P. 872-875,
876, 896, 897.

Schwarz S. Labor in the Soviet Union. New York: Praeger, 1951. P. 139-164; Chapman J. Real Wages in Soviet Russia Since 1928. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1963; Davies R. W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929-1930. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. P. 304-309; Zaleski E. Planning for Economic Growth in the Soviet Union, 1918-1932. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1971. P. 392; Goldman W. Women at the Gates. P. 76-82; Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy. P. 459.

43

Спец. справка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 12. Л. 355.

44

Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870-1990s. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 151-200; Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy. P. 176-182, 234-243.

45

Областной совет профессиональных союзов Ивановской промышленной области // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 12, л. 185, 182, 181. См. так же: Worker Resistance Under Stalin: Class and Revolution on the Shop Floor. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005.

46

Сигнальная сводка № 1. Вопросы рабочего снабжения // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 12. Л. 127, 126. О продуктовом кризисе см. также: Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy. P. 195-196.

47

Спец. справка о проведении XV годовщины Октября на предприятиях ИПО // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 12. Л. 355.

48

Информсектор ВЦСПС. № 28 // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13. Л. 35.

49

Наркомтруд СССР // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 33. Л. 79; Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy. P. 177-182, 185.

50

О неблагоприятном положении на заводе им. Сталина. Информсектор ВЦСПС. № 19 // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 33. Л. 217, 218-218 об.

51

Секретарю ВЦСПС тов. Швернику. ЦК Союза с/х машиностроения тов. Волкову; Секретарю ВЦСПС тов. Швернику. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 67. Л. 216, 212-209.

52

Секретарям ВЦСПС. Тт. Швернику и Вейнбергу; Бюро Соцстраха, тов. Котову; ЦК ВКП(б), ВЦСПС тов. Швернику, НКЛП, тов. Любимову // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 67. Л. 134, 128.

53

Секретариат ВЦСПС. Тов. Рыкову. // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 67. Л. 254.

54

В секретную часть ВЦСПС. Выступления отдельных рабочих во время колдоговорной кампании // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 131 об.

55

Постановление секретариата ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 72. Л. 47, 48; Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy. P. 368-369. P. 380-381.

56

Председателю Совнаркома и СТО тов. Молотову // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 67. Л. 4.

57

Одесский областной горсовет // ГА РФ. Ф, 5451. Оп. 43. Д. 67, л. 7, 6.

58

ЦК ВКП(б) тов. Андрееву А. А. // ГА РФ. Оп. 43. Д. 83. Л. 131.

59

Об условиях в Магнитогорске см.: Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 106-197.

60

Сигнальная сводка № 3 от 26 мая 1932 года // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13. Л. 21 об.

61

ВЦСПС. Н. М. Швернику. Письмо № 2 // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 118-113, 114.

62

Страх, пункт завода им. Петровского // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 112-108.

63

Больница завода им. Петровского, Днепропетровск. Сообщения товарищей, обследовавших квартиры рабочих, значащихся в списках опухших от голода // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 107-103, 101-99.

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
64

Сигнальная сводка № 1. Вопросы рабочего снабжения //ГА РФ. Ф. 5451.
Оп.43.д. 12. л. 122.

65

Сектор информации Отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС. Сводка № 4
// ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. д. 50. л. 116-116 об.

66

Число смертельных случаев за 9 месяцев 1936 г. // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43.
д. 74. л. 8.

67

Президиуму ВЦСПС. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. д. 73. л.
166.

68

Вопросы охраны труда, зарплаты и массовой работы профсоюзов на производстве
// ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. д. 70. л. 2-13.

69

Секретарю ВЦСПС Тов. Швернику. Докладная записка. Президиуму ВЦСПС.
Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. д. 73. л. 156-158, 164-167.

70

Koenker D. P. Republic of Labor. P. 45-76, 260.

71

Сигнальная сводка № 28 // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. д. 13. л. 35.

72

Сводка № 2 «О повышении цен» // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. д. 13. л. 4.

73

Сектор информации Отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС. Сводка № 5
// ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. д. 50. л. 9.

74

Секретарю ВЦСПС тов. Швернику // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. д. 67. л. 252.

75

Сектор информации Отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС. Сводка № 5
// ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. д. 50. л. 115 об.

76

Сектор информации отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС // ГА РФ. Ф.
Страница 148

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 906.

77

Сектор информации отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС. Сводка № 5
// ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 11-114.

78

Сектор информации отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС. Сводка № 5
// ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 115.

79

Сигнальная сводка № 3 от 26 мая 1932 года // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13.
Л. 21.

80

Выступления отдельных рабочих во время колдоговорной кампании // ГА РФ. Ф.
5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 131.

81

Сводка о положении на отдельных предприятиях и участках профсоюзной работы
// ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 27. Л. 11.

82

В секретную часть ВЦСПС. Выступления отдельных рабочих во время
колдоговорной кампании // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 131.

83

Stalin J. V. The New Russian Policy. New York: Stratford Press, 1931;
Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization. P. 102-107;
Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy. P. 65-76.

84

В секретную часть ВЦСПС. Выступления отдельных рабочих во время
колдоговорной кампании // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 131.

85

Сводка № 2 «О повышении цен» // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13. Л. 16.

86

Сектор информации отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС. Сводка № 5
// ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 9 об.

87

Постановление 1068; Постановление Президиума ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп.
43. Д. 71, л. 471, 472; Председателю экономического совета при СНК Союза
ССР тов. Микояну // ГА РФ. Ф. 5452. Оп. 43. Д. 84. Л. 54.

88

Сектор информации отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС Сводка № 5
// ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 114.

89

Спец. справка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 12. Л. 354, 355.

90

Сигнальная сводка № 3 от 26 мая 1932 года // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13.
Л. 21.

91

Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York: Oxford University Press. P. 89-114.

92

Davies R. W. *Crisis and Progress in the Soviet Economy*. P. 3, 112.

93

Гор. Москва // ГА РФ. Ф. 5452. Оп. 43. Д. 12. Л. 104-108.

94

Спец. справка № 2 // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 12. Л. 157.

95

Гор. Москва// ГА РФ. Ф. 5452. Оп. 43. Д. 12. Л. 108-105.

96

Там же. Л. 105.

97

Спец. справка № 2 // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 12. Л. 157.

98

Гор. Москва// ГА РФ. Ф. 5452. Оп. 43. Д. 12. Л. 108.

99

Об отрицательных настроениях, выявленных в кампании по займу // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 12. Л. 114.

100

Filtzer D, *Soviet Workers and Stalinist Industrialization*. P. 22-24; Carr E, Davies R. W. *Foundations of a Planned Economy, 1926-1929*. Vol. 1. Part 2. New York: Macmillan, 1969. P. 563-564; 549. Murphy K. *Strikes During the Early Soviet Period: From Working-Class Militancy to Working-Class Passivity* // Filtzer D., Goldman W.f Kessler G, Pirani S. A. *Dream Deferred: New Studies in Russian Labor History*. Peter Lang Publisher, 2009.

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org P. 171-191; Murphy K, Revolution and Counterrevolution: Class Struggle in a Moscow Metal Factory. Oxford, New York: Berghahn Books, 2005. О профсоюзе печатников см.: Koenker D. P. Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism, 1918-1930. P. 109-173.

101

Carr E. H., Davies R. W. Foundations of a Planned Economy, 1926-1929. Vol. 1. Part 2. P. 547-548, 549, 552, 560, 563; Kuromiya H. Stalin's Industrial Revolution. P. 40-49, 196-197.

102

Koenker D. P. Republic of Labor. P. 247, 252-259.

103

Труд в СССР. С. 56-62; XVII Съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы, 1939. С. 157.

104

Сокращение профсоюзного аппарата. Вопросы профдвижения. 3 февраля и 5-6 марта 1937 г. С. 56, 58; В ЦК ВКП(б) тов. Андрееву А. А. // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 76. Л. 314.

105

Секретарю ВЦСПС тов. Швернику Список сотрудников ВЦСПС на получение пособий. Список сотрудников ВЦСПС на получение путевок // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 2-9, 16-19, 21-25.

106

Резолюция Бюро фракции ВЦСПС по докладу тов. Шверника «О выполнении профсоюзами решений январского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 200.

107

Информационная справка № 10 о настроениях рабочих в связи с повышением цен // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13. Л. 5.

108

Сводка № 2 «О повышении цен» // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13. Л. 14.

109

Сводка № 2 «О повышении цен» // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13. Л. 12, 13, 15.

110

В МК ВКП(б). краткий отчет о собрании актива партийных, профессиональных и хозрасчетных организаций // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 308-309.

111

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
В ЦК ВКП(б). Докладная записка об итогах проведения колдоговорной кампании
и пересмотра норм выработки // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 160-162.
Существовал сговор между рабочими, их начальством и профсоюзными
активистами. См.: Filtzer D. Soviet workers and Stalinist
Industrialization. P. 208 -232.

112

Сектор информации Отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС. Сводка № 4
// ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 117 об.

113

Из выступлений на собраниях рабочих по обсуждению колдоговора Сталгрэс //
ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 58. Л. 146.

114

Вопросы охраны труда, зарплаты и массовой работы профсоюзов на
производстве// ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 70. Л. 13-18.

115

Например, см.: Секретарям ВЦСПС. Т.т. Швернику и Вейнбергу; Бюро Соцстраха,
тов. Котову; ЦК ВКП(б), ВЦСПС тов. Швернику, НКЛП, тов. Любимову // ГА РФ.
Ф. 5451. Оп. 43. Д. 67. Л. 128, 134.

116

Rossman J. The Teikovo Cotton workers' Strike of April 1932: Class, Gender
and Identity Politics in Stalin's Russia// Russian Review. № 56. 1997
(January). P. 44-69.

117

Обком ВКП(б) председателю ЦК Союза Тов. Евреинову // ГА РФ. Ф.5451.
Оп.43.Д. 13. Л. 17.

118

Д. Филтцер был первым, кто представил обзор срывов работы в своей книге.
См.: Soviet workers and Stalinist Industrialization. P. 81-90.

119

Сигнальная сводка № 3 от 26 мая 1932 года // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13.
Л. 21, 21 об.; о настроениях молодых рабочих см.: Filtzer D. Soviet Workers
and Stalinist Industrialization. P. 87.

120

Сводка №2 «О повышении цен» // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13. Л. 3-4.

121

Информсектору ВЦСПС. Протокол заседания сигнального поста ВЦСПС на Виш.
комбинате // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 14. Л. 69, 71.

122

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
Сводка о положении на отдельных предприятиях и участках профсоюзной работы
// ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 27. Л. 11.

123

Сектор информации // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 27. Л. 9.

124

Сводка № 4 // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 27. Л. 12-12 об.

125

ВЦСПС. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 12. Л. 67-66.

126

Страх, пункт завода им. Петровского // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 112.

127

Сигнальная сводка № 3 от 26 мая 1932 года // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 13. Л. 21.

128

Сектор информации отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 9.

129

Сектор информации отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС. Сводка № 4 // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 117-117 об.

130

Спец. справка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 12. Л. 153.

131

Об отрицательных настроениях, выявленных в кампании по займу // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 12. Л. 112.

132

Сектор информации отдела оргработы и проверки исполнения ВЦСПС. Сводка № 5 // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 50. Л. 113.

133

Сигнальное сообщение № 1 // ГА РФ. Ф. 545. Оп. 43. Д. 14. Л. 1.

134

В ЦК ВКП(б). Докладная записка об итогах проведения колдоговорной кампании и пересмотра норм выработки // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 30. Л. 153-154.

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
135

См., например: Goldman W. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936*. New York: Cambridge University Press, 1993; Mally L. *Culture of the Future: The Proletkult Movement in Revolutionary Russia*. Berkeley: University of California Press, 1990; Stites R. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York: Oxford University Press, 1991.

136

Trotsky L. *The New Course: The Challenge of the Left Opposition (1923-1925)*. New York: Pathfinder Press, 1975; Deutscher I. *The Prophet Unarmed: 1921-1929*. New York: Random House, 1977.

137

Сталин и кризис пролетарской диктатуры. Платформа «союза марксистов-ленинцев» (группа Рютина). Реабилитация политических процессов 30-50-х годов. М.: Издательство политической литературы, 1991; Getty J. A., Naumov O. *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932-1939*. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 52-54; Davies R. W. *Crisis and Progress in the Soviet Economy*. P. 245-246.

138

Gusev A. *The Bolshevik Leninist Opposition and the working Class, 1928-1929* // Filtzer D. et al. *A Dream Deferred*.

139

Бюро жалоб при Наркомтруде // ГА РФ. Ф. 5515. Оп. 33. Д. 58. л.155-156.

140

Дело троцкистско-зиновьевского террористического центра. Судебный отчет Народного комиссариата юстиции СССР. Москва, 1936. С. 117. (В дальнейшем будет упоминаться как Судебный отчет.)

141

О так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» // Известия ЦК КПСС 1989. № 8. С. 88.

142

Conquest R. *Stalin and the Kirov Murder*. New York: Oxford University Press, 1989; Knight A. *Who killed Kirov? The Kremlin's Greatest Mystery*. New York: Hill and Wang, 1999; Getty J. A. *The Politics of Repression Revisited* // *Stalinist Terror: New Perspectives Revisited* / eds. J. A. Getty, R. Manning. New York: Cambridge University Press, 1993. P. 40-62; Rittersporn G. *Stalinist Simplifications and Soviet Complications: Social Tensions and Political Conflicts in the USSR, 1933-1953*. Chur: Harwood Academic Publishers, 1991. P. 5-6.

143

Knight A. *Who killed Kirov?* P. 19.

144

Solomon P. *Soviet Criminal Justice Under Stalin*. Cambridge: Cambridge

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
University Press, 1996. P. 236.

145

См.: Глава 6 данной книги о заводских комитетах партии, а также см.:
Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times.
Oxford, New York: Oxford University Press, 1999. P. 190-217.

146

Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction
of the Bolsheviks, 1932-1939. New Haven: Yale University Press, 1999. P.
144-147.

147

О так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском
центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 78-81.

148

Закрытое письмо ЦК ВКП(б). Уроки событий, связанных со злодейским убийством
тов. Кирова // Известия ЦК КПСС. № 8. 1989. С. 95-100.

149

О так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском
центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 81.

150

О так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском
центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 81-82.

151

Стенограммы совещаний секретарей парткомов РК ВКП(б) // ЦАОДМ. Ф. 80. Оп.
1. Д. 528, л. 1-8 (приказом начальника Главархива Москвы от 2 февраля 2005
г. во исполнение Постановления Правительства Москвы от 18 января 2005 г.
Центральный архив общественных движений Москвы – ЦАОДМ был переименован в
ЦАОПИМ – Центральный архив общественно-политической истории Москвы. В
дальнейшем будет указываться последнее название архива) (прим. пер.).

152

Протокол № 3 пленума парткома Трехгорной мануфактуры, 31 января 1935 г. //
ЦАОПИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 154. л. 10-10 об.

153

Протокол № 3 пленума парткома Трехгорной мануфактуры, 31 января 1935 г. //
ЦАОПИМ Ф. 369. Оп. 1. Д. 154. л. 10-10 об.

154

Там же. л. 11.

155

Протокол № 3 пленума парткома Трехгорной мануфактуры, 31 января 1935 г. //
Страница 155

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
ЦАОПИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 154. Л. 3-10.

156

Протокол № 6 пленума парткома Трехгорной мануфактуры. В комиссию партийного контроля при МК ВКП(б). Протокол № 10, Протокол № 11 // ЦАОПИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 154. Л. 18-34.

157

Протокол № 6 пленума парткома Трехгорной мануфактуры. В комиссию партийного контроля при МК ВКП(б). Протокол № 10. Протокол № 11 // ЦАОПИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 154. Л. 18-34.

158

Getty J. A, Naumov O. The Road to Terror. P. 170-171.

159

Getty J. A, Naumov O. The Road to Terror. P. 172, 176-179.

160

Там же. P 176-178.

161

Getty J.A, Naumov O. The Road to Terror. P. 197-198. См. также: Getty J.A. The Origin of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933-1938. New York: Cambridge University Press, 1985. P. 58-91; Rittersporn G. Stalinist Simplifications and Soviet Complications. P. 73-74.

162

Стенограмма прений закрытого партийного собрания завода «Серп и молот» // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 126. Л. 6.

163

Протокол закрытого партсобрания от 6 апреля 1935 г., «О»; Протокол партийного закрытого собрания от 6 апреля 1935 г., «Б»; Протокол общего собрания членов партии ВКП(б) от 1 декабря 1935 г.; Протокол закрытого партсобрания ячейки ВКП(б) от 30 марта 1935 г.; Протокол общего закрытого партсобрания Мехстрой транспортного отдела // ЦАОПИМ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-12.

164

Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P 198.

165

Chase W. Enemies within the Gates? The Comintern and the Stalinist Repression, 1934-1939. New Haven, London: Yale University Press, 2001. P. 134-135.

166

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
О так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 82.

167

О так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 83-84.

168

Chase W. Enemies within the Gates? P. 102-145.

169

Протоколы общих заводских партсобраний. Протокол партийного собрания. Протокол общезаводского партийного собрания совместно с комсомолом и сочувствующими. Протокол общезаводской теоретической партийной конференции по уставу ВКП(б). Протокол общезаводского партийного собрания. Протокол закрытого собрания // ЦАОПМ Ф. 462. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-51.

170

О так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 82-84.

171

Chase W. Enemies within the Gates? P. 146-177. 96

172

Закрытое письмо ЦК ВКП(б). О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока // Известия ЦК КПСС, 1989. № 8. С. 100-115; Chase W. Enemies within the Gates. P. 162-163.

173

Закрытое письмо ЦК ВКП(б). О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока. С. 100-115.

174

О так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 78-81.

175

Стенограмма закрытого партийного совещания завода «Серп и молот» по вопросу о невыполнении заводом производственной программы // ЦАОПМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 145. Л. 30-31.

176

Стенограмма закрытого партийного совещания завода «Серп и молот» по вопросу о невыполнении заводом производственной программы // ЦАОПМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 145. Л. 1-2, 4 об.

177

Там же. Л. 18-18 об.

178

Стенограмма закрытого партийного совещания завода «Серп и молот» по вопросу о невыполнении заводом производственной программы // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 145. л. 3-6 об.

179

Там же. л.26-27.

180

Стенограмма закрытого партийного совещания завода «Серп и молот» по вопросу о невыполнении заводом производственной программы // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 145. л. 30-31.

181

Там же. л. 17.

182

Стенограмма закрытого партийного совещания завода «Серп и молот» по вопросу о невыполнении заводом производственной программы // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 145. л. 7, 13-13 об.

183

Там же. л. 1,2,17.

184

Стенограмма закрытого партийного совещания завода «Серп и молот» по вопросу о невыполнении заводом производственной программы // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 145. л. 20.

185

Там же. л.30-31.

186

О так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. л. 78.

187

Судебный отчет. С. 119.

188

Larina A. This I Cannot Forget: The Memories of Nikolai Bukharin's Widow. New York, London: W. W. Norton, 1933. P. 332.

189

Судебный отчет. С 14,131,113,116,118,121,123,32,128. Мнение Смирнова и Троцкого о Сталине см.: Medvedev R. Let History Judge: The Origin and

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
Consequences of Stalinism. New York: Columbia University Press, 1989. P.
88.

190

Судебный отчет. С 41,167, 166, 123-125.

191

Судебный отчет. С. 55-56, 65, 68, 71-72, 178-180, 117; о так называемом
«антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» // Известия ЦК
КПСС. 1989. № 8. С 78-81.

192

Враги народа пойманы с поличным // Правда. 15 августа 1936 г. С. 1.

193

В ОРПО МК ВКП(б) // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. Л. 64.

194

МК ВКП(б). ОРПО информационное сообщение // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129.
Л. 8.

195

Информационное сообщение об откликах рабочих г. Москвы на сообщение ТАСС о
предании суду Центра троцкистско-зиновьевского блока // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп.
49. Д. 129. Л. 2.

196

В МК ВКП(б). информация // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. Л. 85.

197

Информационное сообщение об откликах рабочих г. Москвы//ЦАОПИМ. Ф.3.
Оп.49.Д. 129. Л. 1.

198

Там же. Л. 2.

199

Информационное сообщение об откликах рабочих г. Москвы // ЦАОПИМ. Ф.3. Оп.
49. Д. 129. Л. 2.

200

МК ВКП(б). ОРПО информационное сообщение // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп.49.Д. 129. Л.
12.

201

Информационное сообщение об откликах рабочих г. Москвы // ЦАОПИМ. Ф.3.
Оп.49. Д. 129.Л.2.

202

МК ВКП(б). ОРПО информационное сообщение // ЦАОПИМ. Ф.3. Оп. 49. д. 129. л. 7-8.

203

Рабочие собрания и беседы по Егорьевскому району о террористической деятельности Троцкого, Зиновьева, Каменева и др. См.: В Информационный сектор ОРПО МК ВКП(б). От Щелковского РК ВКП(б) // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. д. 129. л. 5, 39.

204

Отклики на сообщение Прокуратуры СССР о предании суду троцкистско-зиновьевского контрреволюционной террористической группы // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. д. 129. л. 18, 19.

205

В ОРПО МК ВКП(б). Информационная сводка // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. д. 129. л. 79.

206

Информационное сообщение об откликах рабочих г. Москвы// ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. д. 129. л. 4.

207

В ОРПО МК ВКП(б). Информационная сводка // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. д. 129. л. 79-80.

208

Информационное сообщение об откликах рабочих г. Москвы//ЦАОПИМ. Ф.3. Оп.49.д. 129.л.3.

209

Там же. л. 4.

210

В ОРПО МК ВКП(б). Информационная сводка // ЦАОПИМ. Ф.3. Оп. 49. д. 129. л. 79-80.

211

Информационная сводка // ЦАОПИМ. Ф. 3 Оп. 49. д. 129. л. 16.

212

Информационное сообщение об откликах рабочих г. Москвы // ЦАОПИМ. Ф.3. Оп.49. д. 129.л.4.

213

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
Рабочие собрания и беседы по Егорьевскому району о террористической деятельности Троцкого, Зиновьева, Каменева и др. См.: В Информационный сектор ОРПО МК ВКП(б). От Щелковского РК ВКП(б) // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. Л. 6.

214

МК ВКП(б) ОРПО информационное сообщение // ЦАОПИМ. Ф.3. Оп. 49. Д. 129. Л. 13.

215

Информационное сообщение об откликах рабочих г. Москвы // ЦАОПИМ. Ф.3. Оп.49. Д. 129.Л. 1.

216

В Информационный сектор ОРПО МК ВКП(б). От Щелковского РК ВКП(б) // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. Л. 76-77.

217

В отдел руководящих парторганов МК ВКП(б) ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. Л. 87.

218

В ОРПО МК ВКП(б). Информационная сводка // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. Л. 85.

219

Рабочие собрания и беседы по Егорьевскому району о террористической деятельности Троцкого, Зиновьева, Каменева и др. См.: В Информационный сектор ОРПО МК ВКП(б). От Щелковского РК ВКП(б) // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. Л. 5, 6.

220

Информационное сообщение об откликах рабочих г. Москвы // ЦАОПИМ. Ф.3. Оп.49. Д. 129.Л.3.

221

В московский комитет ВКП(б). Отдел руководящих парторганов (ОРПО). Информация // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. Л. 60.

222

Информационное сообщение об откликах рабочих г. Москвы// ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. Л. 4; МК ВКП(б) ОРПО информационное сообщение // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. Л. 9; Рабочие собрания и беседы по Егорьевскому району о террористической деятельности Троцкого, Зиновьева, Каменева и др. См.: В Информационный сектор ОРПО МК ВКП(б). От Щелковского РК ВКП(б) // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. Л. 39.

223

Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P. 269, 263-268.

Стенограммы совещаний секретарей РК ВКП(б) по итогам проверки партдокументов по парторганизациям г. Москвы // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 119. л. 4,11,24,92.

225

Стенограммы совещаний секретарей РК ВКП(б) по итогам проверки партдокументов по парторганизациям г. Москвы // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 119. л. 100,7,94,44-45,50.

226

Там же. л. 126-127.

227

Стенограммы совещаний секретарей РК ВКП(б) по итогам проверки партдокументов по парторганизациям г. Москвы // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 119. л. 5-7.

228

Стенограммы совещаний секретарей РК ВКП(б) по итогам проверки партдокументов по парторганизациям г. Москвы // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 119. л. 58-59,13.

229

Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P. 275.

230

Стенограммы совещаний секретарей РК ВКП(б) по итогам проверки партдокументов по парторганизациям г. Москвы // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 119. л. 168, 170-171, 12, 36, 37, 102, 76-77, 87, 63, 1.

231

Стенограммы совещаний секретарей РК ВКП(б) по итогам проверки партдокументов по парторганизациям г. Москвы // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 119. л. 112.45-48,54.

232

Там же. л. 172-173, 87.

233

См.: Стенограммы совещаний секретарей РК ВКП(б) по итогам проверки партдокументов по парторганизациям г. Москвы // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп.49. Д. 119. л. 63, 17-18, 129, 161-162.

234

Стенограммы совещаний секретарей РК ВКП(б) по итогам проверки партдокументов по парторганизациям г. Москвы // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 119. л. 161.

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
235

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11, 12. С. 20.

236

Koestler A. *Darkness at Noon*. New York: Bantam Books, 1966. P. 68.

237

Getty J.A., Naumov O. *The Road to Terror: Stalin and Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932-1939*. New Haven, London: Yale University Press, 1999. P281.

238

Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика. 1992. С. 116-117.

239

Getty J. A., Naumov O. *The Road to Terror*. P. 282; Khlevniuk O. *Economic Officials in the Great Terror, 1936-1938 // Stalin's Terror Revisited /ed. M. Ilic. Basingstoke: Palgrave, 2006. P. 38-67.*

240

Getty J. A., Naumov O. *The Road to Terror*. P. 283, 286.

241

Larina A. *This I Cannot Forget: The Memoirs of Nikolai Bukharin's widow*. New York: W. W. Norton, 1993. P. 312.

242

Balzak S. S., Vasyutin V. F., Feigin Y. G. *Economic Geography of the USSR*. New York: Macmillan Co., 1949. P. 192,193, 250.

243

Getty J.A., Naumov O. *The Road to Terror*. P. 280.

244

Стенограмма доклада тов. Вышинского об итогах пленума ЦК ВКП(б) на собрании партактива Прокуратуры Союза РСФСР г. Москвы и правовой Академии// ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 84. Л. 108.

245

Solomon P. *Soviet Criminal Justice Under Stalin*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1996. P. 139-140; Davies R. W., *Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931-1933*. London: Macmillan, 1996. P. 38-40, 46, 82-83, 336-339, 351,452.

246

Davies R. W., Khlevniuk O. *Stakhanovism and the Soviet Economy //*

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
Europe-Asia Studies. 2002. Vol. 54. № 6. P. 882-887; Filtzer D. Soviet
Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet
Production Relations, New York: Armonk, 1986. P 199-200.

247

Процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы на кемеровском руднике. Ч. 3 // Труд. 22 ноября 1936 г. С. 3.

248

Процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы на кемеровском руднике. Ч. 2 // Труд. 21 ноября 1936 г. С. 3; Содержание приговора // Труд. 23 ноября 1936 г. С. 2; Процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы на кемеровском руднике. Ч. 3 // Труд. 22 ноября 1936 г.

249

Процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы на кемеровском руднике. Ч. 1 // Труд. 20 ноября 1936 г.

250

Процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы на кемеровском руднике. Ч. 2 // Труд. 21 ноября 1936 г.; Процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы на кемеровском руднике. Ч. 3 // Труд. 22 ноября 1936 г.

251

До конца искоренить троцкистских мерзавцев! //Труд. 20 ноября 1936 г. С. 1.

252

Приговор озверелым врагам народа // Труд. 23 ноября 1936 г. С. 1.

253

Процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы на кемеровском руднике. Ч. 2 // Труд. 21 ноября 1936 г.

254

Там же.

255

Процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы на кемеровском руднике. Ч. 2 // Труд. 21 ноября 1936 г.

256

Содержание приговора // Труд. 23 ноября 1936 г. С. 2.

257

Речь государственного обвинителя – зам. Прокурора Союза ССР тов. Рогинского. Ч. 2 // Труд. 23 ноября 1936 г.

258

Секретарю МК и МГК ВКП(б) тов. Хрущеву Н. С, секретарю МГК ВКП(б) тов. Кулькову М. М, секретарю МГК ВКП(б) тов. Корытному С. З. // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. С. 119-120.

259

Цитата приведена Молотовым в его отчете о вредительстве. См.: Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 20, 18-19.

260

Протокол заседания суда по делу об «антисоветском троцкистском центре». Москва: Народный Комиссариат юстиции, 1937 г.

261

Протокол заседания суда по делу об «антисоветском троцкистском центре». С. 6-18, 372, 574-575.

262

Свидетельские показания В. Ф. Логинова, директора коксового треста в Харькове и последнее заявление К. Б. Радека // Протокол заседания суда по делу об «антисоветском троцкистском центре». С. 176-179, 541-551.

263

Протокол заседания суда по делу об «антисоветском троцкистском центре». С. 176-179, 541-551.

264

Там же. С. 32, 85-87, 216-233.

265

Протокол заседания суда по делу об «антисоветском троцкистском центре». С. 46, 205-215, 168-175, 211-214, 51.

266

Протокол заседания суда по делу об «антисоветском троцкистском центре». С. 23, 34, 99, 66; Merridale C. The Reluctant Opposition: The Right «Deviation» in Moscow, 1928 // Soviet Studies. 1989. № 41. Vol. 3. P. 385-386.

267

Oppenheim S. Between Left and Right: G. Ia. Sokolnikov and the Development of the Soviet State, 1921-1921 // Slavic Review 1989. № 48. Vol. 4. P. 613.

268

Протокол заседания суда по делу об «антисоветском троцкистском центре». С. 444-445, 451, 543.

269

Стенограмма общемосковского митинга трудящихся // ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 5. л. 1-13.

270

Rittersporn G. Stalinist Simplifications and Soviet Complications: Social Tensions and Political Conflicts in the USSR, 1933-1953.; Chur: Harwood Academic Publishers, 1991. P. 114-139; Getty J. A. The Politics of Repression Revisited // Stalinist Terror: New Perspectives / eds. J. A. Getty, R. Manning. New York: Cambridge University Press, 1993. P. 55-59; Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. С. 72-153. Medvedev R. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. New York: Columbia University Press, 1989. P. 364-368. В книге содержатся точные описания дел Бухарина и Рыкова; Chase W. Enemies Within the Gates?: The Comintern and the Stalinist Repression, 1924-1939. New Haven, London: Yale University Press, 2001. P. 221-228. В книге описывается воздействия пленума на Коминтерн. Полный стенографический отчет был опубликован в «Вопросах истории» в отдельных выпусках с 1992 по 1995 гг. Гетти и Наумов приводят длинные выдержки, которые относятся, в основном, к делам Бухарина и Рыкова. См.: The Road to Terror. P. 364-419.

271

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории, 1992. №2-3. С.3.

272

Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P. 358-359.

273

Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P. 364-419. О третьем Московском показательном процессе см.: Hedeler W. Ezhov's Scenario for the Great Terror and the Falsified Record of the Third Moscow Show Trial // McLaughlin B., McDermott K. Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union. New York: Basingstoke, 2003. P. 34-55.

274

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории, 1995. № 11-12. С. 20, 14-15.

275

Khlevniuk O. In Stalin's Shadow. P. 143-146.

276

Larina A. This I Cannot Forget. P. 113.

277

Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P. 358-359.

278

Khlevniuk O. In Stalin's Shadow. P. 144; Solomon P. Soviet Criminal Justice Under Stalin. P. 240.

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
279

Гельперин Я. Я. Директивы наркома // За индустриализацию. 1937. 21 февраля.
С. 8. О последних часах жизни Орджоникидзе перед самоубийством см.:

Khlevniuk O. In Stalin's Shadow. P. 143-149.

280

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1993. №8. С.
7-8, 10,11.

281

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1993. №8. С.
21, 20, 18, 19.

282

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1995. № 8. С.
3-10.

283

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1995. №3.
С.11-14,9.

284

Там же. 1995. № 11,12. С. 12-15.

285

Там же. 1993. №7. С. 21.

286

Там же. №5. С.3-4.

287

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1993. №6. С.
27.

288

Там же. № 5. С. 4-5.

289

Там же. № 6. С. 5-6.

290

Там же, №6. С. 27.

291

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1993. №7. С.
3-5.

292

Там же. №6. С. 6-9.

293

Getty J. A. State and Society Under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s // Slavic Review. 1991. № 50. Vol. 1. P. 18-35; Hagenloh P. Socially Harmful Elements and the Great Terror // Stalinism: New Directions / ed. S. Fitzpatrick. London: Routledge, 1999. P. 286-308; McLaughlin B. Mass Operations of the NKVD, 1937-1939: A Survey // McLaughlin B., McDermott K. Stalin's Terror. P. 118-152; Shearer D. Social Disorder, Mass Repression and the NKVD During 1930s // McLaughlin B., McDermott K., Stalin's Terror. P. 85-117.

294

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1993. №5. С. 9-11.

295

Там же. С. 6-8.

296

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 3.

297

Там же. №5. С. 10.

298

Там же. 1995. № 10. С. 22-24.

299

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1993. №5. С. 12-14; №7. С. 23.

300

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 5-6.

301

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1995. № 5, 6. С. 16-20.

302

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1995. № 11-12. С. 21-22. Цифры, представленные Ежовым и Сталиным на июньском пленуме 1936 года, см.: Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P. 236.

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
303

Там же. №11-12. С. 22.

304

Там же. №3. С. 6-10.

305

Там же. С. 3-6.

306

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1995. №3. С. 7-14.

307

Там же. С. 12.

308

Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P. 357-359, 364-419; Сталин и кризис пролетарской диктатуры. Платформа союза меньшевиков-ленинцев (группа Рютина) // Реабилитация политических процессов 30-50-х гг. М: Издательство политической литературы, 1991. С. 334-459.

309

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1992. № 8-9. С. 3-8.

310

Там же. 1995. №8. С. 12; Junbae J. Soviet Trade Unions and the Great Terror // Stalin's Terror Revisited / eds. M. Ilia P. 69-70.

311

Meridale C. The Reluctant Opposition. P. 387.

312

Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории 1995. №10. С. 18-21.

313

Там же. №10. С. 18-21.

314

Стенограмма доклада тов. Вышинского об итогах пленума ЦК ВКП(б) на собрании партактива Прокуратуры Союза ССР // ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 84. Л. 90, 91, 100, 104-105, 106, 111.

315

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Goldman filosoff.org
Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1995. №11-12.
С. 20, 14-15.

316

Getty J.A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933-1938. New York: Cambridge University Press, 1985; Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P. 493-499; Getty J. A. Pragmatists and Puritans: The Rise and Fall of the Party Control Commission // Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, 1997. № 1208; Rittersporn G. Stalinist Simplifications and Soviet Complications; Harris J. The Great Urals: Regional Interests and the Evolution of the Soviet System, 1934-1939. Ithaca: Cornell University Press, 1999.

317

Стенограмма доклада тов. Вышинского об итогах пленума ЦК ВКП(б) на собрании партактива Прокуратуры Союза РСФСР // ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 84. Л. 88.

318

Стенографический отчет IV пленума ЦК Союза рабочих добычи цветных металлов // ГА РФ. Ф. 7679. Оп. 3. Д. 86. Л. 16, 71-72.

319

Президиум ВЦСПС. ЦК ВКП(б) тов. Андрееву А. А. // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 239.

320

Итоги пленума ЦК ВКП(б) и задачи профсоюзов // Вопросы профдвижения. 1937. № 5-6 (март). С. 4-8.

321

Там же. С. 8-9.

322

Jo J. Trade Unions and the Great Terror // Stalin's Terror Revisited /ed. M. Iliá Basingstoke: Palgrave, 206. P. 71-75.

323

Об отчетах профсоюзных органов в связи с выборами последних // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 1. Л. 68.

324

Резолюция VI Пленума ВЦСПС. Об отчетах профорганов в связи с выборами последних по докладу тов. Шверника // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 1. Л. 126-129.

325

Резолюция VI Пленума ВЦСПС. Об отчетах профорганов в связи с выборами последних по докладу тов. Шверника // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 1. Л. 58-59.

- Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
326
- Стенограмма VI Пленума ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 1. Л. 187-192.
- 327
- Там же.
- 328
- Стенограмма VI Пленума ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 1. Л. 187-192.
- 329
- Комментарии Дьяченко – председателя завкома завода «Серп и молот» на Украине. См.: Стенограмма VI Пленума ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 1. Л. 224.
- 330
- Стенограмма VI Пленума ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 1. Л. 209-216.
- 331
- ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 1. Л. 203-206.
- 332
- Стенограмма VI Пленума ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 1. Л. 218-219.
- 333
- Резолюция VI Пленума ВЦСПС. Об отчетах профорганов в связи с выборами последних по докладу тов. Шверника // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 1. Л. 56-58, 62, 60; Jo J. Trade Unions and the Great Terror. P. 74.
- 334
- Резолюция VI пленума ВЦСПС. Об отчетах профорганов в связи с выборами последних по докладу тов. Шверника. Л. 130-137; Об отчетах профсоюзных органов в связи с выборами последних. Л. 62-64. Также см.: Решения VI пленума ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 114. Л. 69-82.
- 335
- Беседа тов. Москатова с секретарями президиумов ЦК Союзов и отделов ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. И; В секретариат ВЦСПС. Докладная записка о результатах проверки работы ЦК Союза рабочих стекольной промышленности // ГА РФ. Ф. 5451, Оп. 22. Д. 64. Л. 145-146, 192-193.
- 336
- Завод «Пролетарский труд» // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 103. Л. 48-51.
- 337
- Секретарю ВЦСПС тов. Евреинову. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 103. Л. 43-44.

Состояние оргмассовой работы на Электrozаводе // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. Д. 103. Л. 58. О состоянии дел на Электrozаводе см.: Журавлев С. Маленькие люди и большая история: иностранцы московского Электrozавода в советском обществе 1920-1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000.

339

В учстатсектор ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 103. Л. 45-46.

340

Докладная записка по вопросу о состоянии профчленства и о профдемократии на ситценабивной фабрике // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 103. Л. 55-55 об.

341

О перестройке работы профсоюзных организаций в связи с сокращением платного аппарата // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. 11. Л. 12.

342

В ЦК Союзов металлургов Восточных районов // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 114. Л. 1.

343

ЦК рабочих цементной промышленности // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 114. Л. 1-3.

344

ЦК металлургов Юга // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 114. Л. 3.

345

Президиум ЦК Союза станкоинструментальной промышленности // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 114. Л. 9.

346

ЦК Союза электростанций // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 114. Л. 10.

347

Сводка о практике работы профсоюзов // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 114. Л. 22.

348

ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. 64. Л. 22.

349

См.: Сводка о практике работы профсоюзов // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. 64. Л. 22.

350

Докладная записка о ходе выборов центральных комитетов профсоюзов и выдвижении беспартийных на руководящую профсоюзную работу // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. 64. Л. 12-13.

351

Докладная записка о ходе выборов центральных комитетов профсоюзов и выдвижении беспартийных на руководящую профсоюзную работу // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. 64. Л. 10-14.

352

Докладная записка о ходе выборов центральных комитетов профсоюзов и выдвижении беспартийных на руководящую профсоюзную работу // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. 64. Л. 10-14.

353

Там же.

354

Всем председателям ЦК Союзов // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 147.

355

Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. Stalin and Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932-1939. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 263-268, 331-333, 442-443.

356

О заработной плате штатных выборных работников в центральных комитетах и областных комитетах профсоюзов // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. 75. Л. 2-4. При изучении данного вопроса рассматривались 1349 штатных работников.

357

Там же. Л.3-4.

358

Докладная записка о ходе выборов центральных комитетов профсоюзов и выдвижении беспартийных на руководящую профсоюзную работу // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. 64. Л. 23.

359

Докладная записка о ходе выборов центральных комитетов профсоюзов и выдвижении беспартийных на руководящую профсоюзную работу // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. 64. Л. 187-193.

360

В секретариат ВЦСПС. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. 64. Л. 93-94.

361

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
Секретарю ВЦСПС тов. Брегману. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22.
д. 64. л. 110-113.

362

В секретариат ВЦСПС тов. Швернику, тов. Николаевой и тов. Брегману.
Докладная записка. Секретно // ГА РФ. Ф. 5461. Оп. 22. д. 64. л. 145- 148.
Записка была подготовлена начальником оргинструкторского отдела ВЦСПС.

363

Материал к протоколу президиума ВЦСПС от 10.05.38. О положении дел в ЦК
Союза хлопчатобумажной промышленности // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. д. 11. л.
241-247.

364

Материал к протоколу президиума ВЦСПС от 10.05.38. О положении дел в ЦК
Союза хлопчатобумажной промышленности // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. д. 11. л.
241-247.

365

ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. д. 11. л. 241-248.

366

Там же. л. 258-266 об.

367

Материал к протоколу президиума ВЦСПС от 10.05.38. О положении дел в ЦК
Союза хлопчатобумажной промышленности // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. д. 11. л.
267-276.

368

Там же. Оп. 22. д. и. л. 276-277.

369

Материал к протоколу президиума ВЦСПС от 10.05.38. О положении дел в ЦК
Союза хлопчатобумажной промышленности // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. д. 11. л.
249-253.

370

Докладная записка о ходе выборов центральных комитетов профсоюзов и
выдвижении беспартийных на руководящую профсоюзную работу // ГА РФ. Ф.
5451. Оп. 22. д. 64. л. 12-13.

371

Об ограничении прав см.: Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia,
1934-1941. New Haven: Yale University Press, 1996. P. 164-198.

372

Краткие пояснения к таблице о производственном и бытовом травматизме за
1937 г. // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43.д. 74. л. 5.

373

Решения VI пленума ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 21. Д. 114. Л. 86.

374

Стенограмма совещания членов президиумов ЦК Союзов и ответственных работников ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 275.

375

Выписка из стенограммы пятого пленума областного комитета Союза работников госучреждений // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73. Л. 36.

376

Троцкистские последыши в ростовском Дворце труда // Труд. 1936. № 22. С. 4.

377

Пособники троцкистов заматают следы // Труд. 27 августа 1936. С. 2.

378

Выписка из протокола заседания секретариата. Постановление секретариата ВЦСПС. Выписка из протокола // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 71. Л. 355, 386, 401, 409.

379

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 18-21, 25-28.

380

Там же.

381

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 25-26.

382

Там же.

383

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 26-27.

384

Там же. С. 27.

385

Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. Венди З. Голдман filosoff.org
Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 27-28.

386

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года// Вопросы истории. 1995. № 10. С. 28.

387

Там же.

388

В президиум ВЦСПС тов. Москатову. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 150-157. Официальное название института в Москве: Московский научно-исследовательский институт охраны труда.

389

Постановление секретариата ВЦСПС о работе научно-исследовательских институтов охраны труда ВЦСПС. Докладная записка о работе институтов охраны труда ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 158-159, 160-168.

390

Biographical Dictionary of European Labor Leaders / ed. A. T. Lane. Westport, CT: Greenwood Press, 1995. P. 768-769.

391

Постановление секретариата ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 148.

392

ВЦСПС. Выписка из протокола заседания секретариата // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 72. Л. 68.

393

Goldman W. Women at Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia. New York: Cambridge University Press, 2002. С 37, 38, 55, 56.

394

О роли Колотилова в забастовках см.: Rossman J. Worker Resistance Under Stalin: Class and Revolution on the Shop Floor. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. P. 54, 56-58, 235-236.

395

Товарищам Швернику, Москатову и Брегману. Товарищам Швернику, Москатову и Николаевой // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 183-184, 182.

396

В прокуратуре Союза ССР // Труд. 20 января 1937 г. С. 2.; Секретарю ВЦСПС тов. Швернику Н. М. Заявление // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73. Л. 31-33.

Секретарю ВЦСПС тов. Швернику Н. М. Заявление//ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73. Л. 30-31.

398

Там же. Л.32.

399

Выписка из стенограммы московской областной конференции // ГА РФ. Ф. 5451. Он, 43. Д. 73. Л 51.

400

Там же. Л. 41.

401

Выписка из протокола 1-й Московской областной конференции Союза работников госучреждений // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73. Л. 40.

402

Секретарю ВЦСПС тов. Швернику // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73. Л. 39.

403

Выписка из стенограммы пятого пленума областного комитета Союза работников госучреждений // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73. Л. 36.

404

Секретарю ВЦСПС тов. Швернику Н. М. Заявление//ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73. Л. 30-34.

405

Выписка из протокола заседания секретариата ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73. Л. 29.

406

Списки лиц, утвержденных секретариатом ВЦСПС для увольнений, исключения из партии и арестов, представлены в кратких документах с перечислением их должностей. См.: Выписка из протокола. Постановление секретариата ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 72. Л. 64, 86, 39, 74, 225.

407

ГА РФ. Ф. 5451. Он. 43. Д. 72. Л. 55,65,73,82,87,89,90. Также см.: ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73. Л. 162, 176, 182, 185, 190, 162, 176, 182, 185, 190.

408

Те же имена см.: ГА РФ. Ф.5451. Оп. 43. Д. 72. Л. 75, 76, 83, 84, 88; Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73. Л. 161,183,138, 186,187, 209, 214, 230, 229.

409

Те же имена см.: ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73 л. 138; Ф. 5451. Оп. 43. Д. 72. Л. 35, 32.

410

Об арестах и увольнениях членов Президиума ВЦСПС см.: ВЦСПС. Выписка из протокола заседания Президиума // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69.

411

Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934-1941. New Haven: Yale University Press, 1996. P. 137-163. В этой книге автор утверждает, что в годы террора страх не коснулся многих людей.

412

ВЦСПС. Выписка из протокола заседания секретариата // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 72. Л. 217.

413

Президиуму ВЦСПС. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73. Л. 164-167.

414

Постановление секретариата ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73. Л. 186-187.

415

Членам президиума ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 197-198.

416

Постановление совещания работников ЦК Союза работникам обкомов // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69.

417

Секретарю ВЦСПС тов. Швернику. Докладная записка // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73. Л. 156-158.

418

Секретарю ВЦСПС тов. Швернику Н. М, тов. Брегману С. Л. // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. 64. Л. 204-204 об.

419

Ответственному редактору газеты «Труд» тов. Попову // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. 64 л. 122-126.

420

Там же. 123-124.

421

Там же. 122-126.

422

Редакции газеты «Труд» тов. Попову // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. 64. Л. 121-129.

423

Секретарю ВЦСПС тов. Брегману // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22 д. 64. Л. 120.

424

Постановление секретариата ВЦСПС// ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 73. Л.160.

425

О резолюции пленума Центрального Комитета см.: Правда. 19 января 1938 г.; Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror: Stalin and Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932-1939. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 491-499.

426

Стенограмма совещания членов президиумов ЦК Союзов и ответственных работников ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 262-352.

427

Стенограмма совещания членов президиумов ЦК Союзов и ответственных работников ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 264.

428

Там же. Л. 264-265.

429

Стенограмма совещания членов президиумов ЦК Союзов и ответственных работников ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 265-266.

430

Стенограмма совещания членов президиумов ЦК Союзов и ответственных работников ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 271-273.

431

Там же. Л. 279, 280-284, 300.

432

Стенограмма совещания членов президиумов ЦК Союзов и ответственных работников ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 296-298.

433

Стенограмма совещания членов президиумов ЦК Союзов и ответственных работников ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 265-266, 269-270, 288-289, 291, 293,

434

Стенограмма совещания членов президиумов ЦК Союзов и ответственных работников ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 275-276, 278.

435

Секретарям ВЦСПС. Докладная записка. Список разоблаченных врагов народа и снятых с профработы по другим причинам по ЦК, ЛК и МК ж. д. Востока и Дальнего Востока // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 376-378.

436

Постановление секретариата ВЦСПС. Постановление президиума ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69, л. 405-470.

437

О работе Профиздата и Профсоюзной печати. Работники Профиздата, журналов и газет, требующие проверки и замены // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 421-427, 429.

438

Постановление президиума ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 69. Л. 414-418.

439

Стенограмма общего отчетно-выборного закрытого партсобрании московского ликероводочного завода, 19-21 апреля 1938 // ЦАОПИМ. Ф. 428. Оп. 1. Д. 1. Л. 67.

440

Протокол заседания пленума парткома завода «Динамо» им. Кирова, 18 июня 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 145. О последующем аресте и исключении Марголина см.: Стенограмма отчетно-выборного за крытого партийного собрания парторганизации завода «Динамо» им. Кирова, 8 апреля 1938 г. // ЦАОПИМ Ф. 432. Оп. 1. Д. 188. Л. 26-27.

441

Протокол заседания пленума парткома завода «Динамо» им. Кирова, 18 июня 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 145.

442

Стенограмма отчетного партийного собрания, 8-10 апреля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 176. Л. 8-9.

443

Стенограмма отчетно-перевыборного партийного собрания, 30-31 марта 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 171. Л. 155.

444

О захватывающей истории инсценированных процессов, проводившихся в качестве политического образования см.: Wood E. *Performing Justice: Agitational Trials in Early Soviet Russia*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005.

445

Стенограмма общего отчетно-выборного закрытого партсобрания московского ликеро-водочного завода, 19-21 апреля 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф. 428. Оп. 1. Д. л. 12 об., 15, 11 об.

446

Стенограмма общего отчетно-выборного закрытого партсобрания московского ликеро-водочного завода, 19-21 апреля 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф.428. Оп. 1.Д.л. 12 об. 76.

447

Getty J. A. *Excesses Are Not Permitted: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s* // *Russian Review*. 2002. Vol. 61 (January). P. 113-138; Hagenloh P. *Socially Harmful Elements and the Great Terror* // *Stalinism: New Directions* / eds. S. Fitzpatrick. London, New York: Routledge, 2000. P. 286-308; McLoughlin B. *Mass Operations of the NKVD, 1937-1938: A Survey*. P. 118- 152, Petrov K, Roginskii A. *The Polish Operation of the NKVD, 1937-1938*. P. 153-170; Shearer D. *Social Disorder, Mass Repression and the NKVD During the 1930s*. P. 85-17 // *Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union* / eds. B. McLoughlin, K. McDermott. Basingstoke, New York: Palgrave, 2003.

448

Протокол № 38 заседания партийного комитета завода «Серп и молот», 11 ноября 1937 г. // ЦАОПИМ Ф. 429. Оп. 1. Д. 223. л. 91.

449

Протокол №31 заседания пленума парткома, 22 ноября 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 173. л. 50-51.

450

Протокол № 32 заседания пленума парткома, 9 декабря 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 173. л. 55-56.

451

Протокол № 40 заседания парткома завода «Серп и молот», 8 декабря 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф.429, Оп. 1. Д.223. л. 111-115.

452

Протокол № 40 заседания парткома завода «Серп и молот», 8 декабря 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 223. л. 115-116.

453

Протокол заседания пленума парткома завода «Динамо» им. Кирова, 18 марта 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. л. 75-80.

454

Стенограмма заседания партийного комитета завода «Серп и молот», 22 июля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 224. Л. 69-109. Стенограмма заседания партийного комитета завода «Серп и молот», 25 июля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 224. Л. 111-136.

455

Стенограмма заседания партийного комитета завода «Серп и молот», 22 июля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 224. Л. 69, 81-94.

456

Стенограмма общего отчетно-выборного закрытого партсобрания московского ликероводочного завода, 19-21 апреля 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф. 428. Оп. 1. Д. Л. 15.

457

Стенограмма общего отчетно-выборного закрытого партсобрания московского ликероводочного завода, 19-21 апреля 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф. 428. Оп. 1. Д. Л. 116-117.

458

Стенограмма общего отчетно-выборного закрытого партсобрания московского ликероводочного завода, 19-21 апреля 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф. 428. Оп. 1. Д. Л. 153-154.

459

Информация в Пролетарский райком ВКП(б) о прошедшем открытом партийном собрании, 1 февраля 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 194. Л. 22-24. Стенограмма отчетно-выборного закрытого партийного собрания парторганизации завода «Динамо» им. Кирова, 8 апреля 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 188. Л. 11.

460

Протокол заседания парткома завода «Динамо» им. Кирова, 12 мая 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 114-117.

461

Там же. Л. 117.

462

О взаимосвязанных кругах см.: Протокол заседания пленума парткома завода «Динамо» им. Кирова, 16 февраля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 39-56.

463

Протокол заседания пленума парткома завода «Динамо» им. Кирова, 21 мая 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 123-131.

464

Протокол №3, 17 ноября 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 173. Л. 41-44.

465

Протокол закрытого заседания партийного комитета завода «Красный пролетарий», 16 августа 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф. 412. Оп. 1. Д. 87. Л. 36-39.

466

Trotsky L. The Challenge of the Left Opposition, 1923-1925 // New York: Pathfinder Press, 1975; о левой оппозиции см.: Stalin J. On the opposition. Peking: Foreign Languages Press, 1974. P. 476-492.

467

Протокол заседания парткома завода «Динамо» им. Кирова, 16 февраля 1937 г, // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 52.

468

Стенограмма отчетного партийного собрания, 8-10 апреля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 176. Л. 11.

469

Ленин В. И. Государство и революция. Избранные сочинения, том 2. М., Прогресс, 1970. С. 352, 353, 317. Об «отмирании» государства и законов см.: Goldman W. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936. New York: Cambridge University Press, 1933. P. 1-58, 185-213.

470

По следам выступлений Мартеновки. Ошибки пропагандиста Сагайдака. Мартеновка, 2 февраля 1937 г. С. 2; Стенограмма совещания партийного комитета завода «Серп и молот», 4 марта 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 269. Л. 6-8, 18-19, 20.

471

Протокол заседания пленума парткома завода «Динамо им. Кирова», 16 февраля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 55-56.

472

Стенограмма отчетного партийного собрания, 8-10 апреля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 176. Л. 31-32.

473

Протокол № 38 заседания парткома завода «Серп и молот», 11 ноября 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 223. Л. 87-88.

474

Секретарю парткома завода «Серп и молот», 21 декабря 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 223. Л. 144-147.

475

Стенограмма отчетного партийного собрания, 8-10 апреля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 176. Л. 7, 8.

476

Там же. л. 10-11.

477

Протокол закрытого заседания партийного комитета завода «Красный пролетарий», 13 октября 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф.412. Оп. 1. Д. 87. Л. 77-78.

478

Протокол заседания пленума парткома завода «Динамо» им. Кирова, 16 февраля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 48-51.

479

Стенограмма отчетно-перевыборного партийного собрания, 30-31 марта 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 171. Л. 67.

480

Стенограмма общего отчетно-выборного закрытого партсобрания московского ликероводочного завода, 19-21 апреля 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф. 428. Оп. 1. Д. л. 62 об.

481

Протокол заседания пленума парткома завода «Динамо» им. Кирова, 2 апреля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 90-92. несчастные случаи на железнодорожных ветках были типичными. Также см.: протокол заседаний партийного комитета завода «Красный пролетарий», 17 апреля 1935 г. // ЦАОПИМ. Ф. 412. Оп. 1. Д. 72. Л. 13-15.

482

Стенограмма отчетно-перевыборного партийного собрания, 30-31 марта 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 171. Л. 63.

483

Протокол заседания пленума парткома завода «Динамо» им. Кирова, 24 января 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 20.

484

Протокол заседания пленума парткома завода «Динамо» им. Кирова, 24 января 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 21-22.

485

Протокол заседания пленума парткома завода «Динамо» им. Кирова, 31 января 1937 г. // Там же. л. 27-31.

486

Там же. л. 122-126.

487

Протокол заседания парткома завода «Динамо» им. Кирова, 12 мая 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 114-117.

488

Там же. Л. 123-130.

489

Стенограмма совещания партийного комитета завода «Серп и молот», 4 марта 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 8-9, 13-14, 54, 15-16, 50-51.

490

Вальцовщик. Как происходят аварии в холодном прокате // Мартеновка. 27 февраля 1937 г. С. 2. Практика использования палки для отключения мотора после перегрева была обычным явлением.

491

На руку врагу // Мартеновка. 28 февраля 1937 г. С. 3.

492

Левашев С. Под видом опытной продукции // Мартеновка. 1 марта 1937 г. С. 1.

493

Сегодня партийное собрание в цехе холодного проката // Мартеновка. 3 марта 1937 г. С. 1.

494

Стенограмма совещания партийного комитета завода «Серп и молот», 4 марта 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 1-68.

495

Марморгитейн Л. Факты и выводы // Мартеновка. 5 марта 1937 г. С. 2; С партийного собрания в цехе холодного проката // Мартеновка. 6 марта 1937 г. С. 1; Стенограмма заседания партийного комитета завода «Серп и молот», 4 марта 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 269. Л. 1, 2, 5.

496

Стенограмма совещания партийного комитета завода «Серп и молот», 4 марта 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 2, 4, 3, 8, 5.

497

Стенограмма совещания партийного комитета завода «Серп и молот», 4 марта 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 5, 9, 8.

498

Стенограмма совещания партийного комитета завода «Серп и молот», 4 марта

499

Там же. л.21, 17.

500

Стенограмма совещания партийного комитета завода «Серп и молот», 4 марта 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 26-28.

501

Стенограмма совещания партийного комитета завода «Серп и молот», 4 марта 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 22-23, 43, 37.

502

Там же. л. 54, 55, 56-58, 67.

503

Марморштейн Л. Факты и выводы // Мартеновка. 5 марта 1937 г. С. 2.

504

Дело Сомова. Протокол № 40 заседания парткома завода «Серп и молот», 8 декабря 1937 г. Стенограмма совещания партийного комитета завода «Серп и молот», 4 марта 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 117-118; Стенограмма общего закрытого партийного собрания, 11 января 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 261. Л. 24-42. Сомов упомянул о роли Жидко в «разоблачении Сагайдака» // Там же. л. 39. О деле Жидковой см.: Протокол № 40 заседания парткома завода «Серп и молот», 8 декабря 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 223. Л. 138-141.

505

Стенограмма заседания партийного комитета завода «Серп и молот», 22 июля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 224. Л. 99-102. О допросе Степанова см.: Там же. л. 69-108; Стенограмма заседания партийного комитета завода «Серп и молот», 25 июля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 224. Л. 111-136.

506

Стенограмма заседания партийного комитета завода «Серп и молот», 22 июля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 224. Л. 106-108.

507

Одни и те же аргументы приводят Ш. Фитцпатрик и Р. Терстон См.: Fitzpatrick S. Workers against Bosses: The Impact of the Great Purges on Labor-Management Relations // Making Workers Soviet: Power, Class and Identity / eds. L. Siegelbaum, R. Suny. Ithaca: Cornell University Press, 1990. P. 311-340; Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934-1941. New Haven: Yale University Press, 1996.

508

Протокол заседания партийного комитета завода «Динамо» им. Кирова, 18 июня 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 179. Л. 150-151.

509

Стенограмма общего отчетно-выборного закрытого партсобрании московского ликероводочного завода, 19-21 апреля 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф. 428. Оп. 1. Д. л. 48-50 об.

510

Там же. л. 163-164.

511

Там же. л. 160 об. – 162,163-164.

512

Стенограмма общего отчетно-выборного закрытого партсобрании московского ликероводочного завода, 19-21 апреля 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф.428. Оп. 1. Д.л. 149-152.

513

Стенограмма отчетно-перевыборного партийного собрания, 30-31 марта 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. л. 171.л. 22,30,34, 82-83.

514

Протокол № 31 заседания пленума парткома, 22 ноября 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. л. 173. л. 51.

515

Стенограмма общего закрытого партийного собрания, 11 января 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. л. 261. л. 42-44.

516

Стенограмма общего закрытого партийного собрания, 11 января 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. л. 261. л. 44-64.

517

О резолюции см.: Правда, 7 августа 1938 г.; Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror: Stalin and the SELF-Destruction of the Bolsheviks, 1932-1939. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 491-498.

518

Информация в Пролетарский РК ВКП(б) о прошедшем общем закрытом партсобрании от 6 и 7 января 1938 г. на заводе «Динамо» им. Кирова // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. л. 194. л. 1-8.

519

Информация в пролетарский РК ВКП(б) о прошедшем 26 января 1938 г. общем закрытом партсобрании на заводе «Динамо» им. Кирова // ЦАОПИМ Ф. 432. Оп. 1. Д. л. 194. л. 16-18, 20.

Стенограмма отчетно-выборного закрытого партийного собрания, 9 апреля 1938 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 189. Л. 40-42.

521

Стенограмма отчетного партийного собрания, 8-10 апреля 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 176. Л. 6-9; Стенограмма отчетно-выборного за крытого партийного собрания парторганизации завода «Динамо» им. Кирова, 8 апреля 1938 г. // ЦАОПИМ Ф. 432. Оп. 1. Д. 188. Л. 1-9.

522

Стенограмма отчетно-выборного закрытого партийного собрания парт организации завода «Динамо» им. Кирова, 8 апреля 1938 г. // ЦАОПИМ Ф. 432. Оп. 1. Д. 188. Л. 6, 9, 14.

523

Протокол №32 заседания пленума парткома, 9 декабря 1937 г. // ЦАОПИМ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 173 л. 54-55.

524

Khlevniuk O. The history of the Gulag: From Collectivization to the Great Terror. New Haven: Yale University Press, 2004. P. 306.

525

Hedeler W. Ezhov's Scenario for the Great Terror and the Falsified Record of the Third Moscow Show Trial. P. 49,50-52, McLoughlin B. Mass Operations of the NKVD, 1937-1938: A Survey. P. 132, 138-140 // Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union / eds. B. McLoughlin, K. McDermott. Basingstoke: Palgrave, 2003; Starkov B. Narkom Ezhov // Stalinist Terror: New Perspectives / eds. J. A. Getty, R. Manning. New York: Cambridge University Press, 1993. P. 38-40; Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932-1939. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 527-529.

526

Стенограмма собрания профактива г. Москвы по вопросу о решениях VII пленума ВЦСПС // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 22. Д. 72. Л. 37.

527

Дорогой товарищ Сталин! // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Д. 91. Л. 62.

528

Стенограмма партийного и профсоюзного актива г. Москвы о ходе вы боров профсоюзных органов // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 23, Д. 22. Л. 37, 1-92.

529

Стенограмма совещания председателей московских областных комитетов союзов по вопросу о выборах фабрично-заводских и местных комитетов // ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 23. Д. 23. Л. 63-64.

530

Секретарю ВЦСПС тов. Швернику Н.М. // ГА РФ ф. 5451. Оп. 43. Д. 101. Л. 393.
Стенограмма собрания профактива г. Москвы по вопросу о решениях VII пленума
ВЦСПС // ГА РФ. ф. 5451. Оп. 22. Д. 72. Л. 1-37. Докладная записка.
Народному комиссару путей сообщения тов. Кагановичу. В Президиум ВЦСПС.
Лично тов. Швернику // ГА РФ. ф. 5451. Оп. 22. Д. 82. Л. 2, 15, 29-30.

531

Filtzer D. Soviet workers and Stalinist Industrialization. P. 233-236;
Khlevniuk O. The History of the Gulag. P. 205.

532

Народному комиссару юстиции СССР тов. Рычкову Н. М. Прокурору СССР тов.
Панкратьеву М. И. // ГА РФ, ф. 5451. Оп. 43. Д. 83. Л. 216- 216 об.

533

Getty J.A., Rittersporn G., Zemskov V. Victims of the Soviet Penal System
in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence //
American Historical Review. 1993. Vol. 98. №4 (October). P. 1033-1034;
Filtzer D. Soviet workers and Stalinist Industrialization. P. 234-236. О
после военном периоде см.: Filtzer D. Soviet workers and Late Stalinism.
Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

534

Г. Б. Антрацит. Шахта № 15. Общежитие № 10, комн. № 2. И. М. Секарковский.
Председателю ЦК профсоюзов рабочих каменноугольной промышленности Донбасса
// ГА РФ. ф. 5451. Оп. 43. Д. 91. Л. 96-98, 103-102.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!